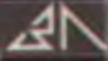
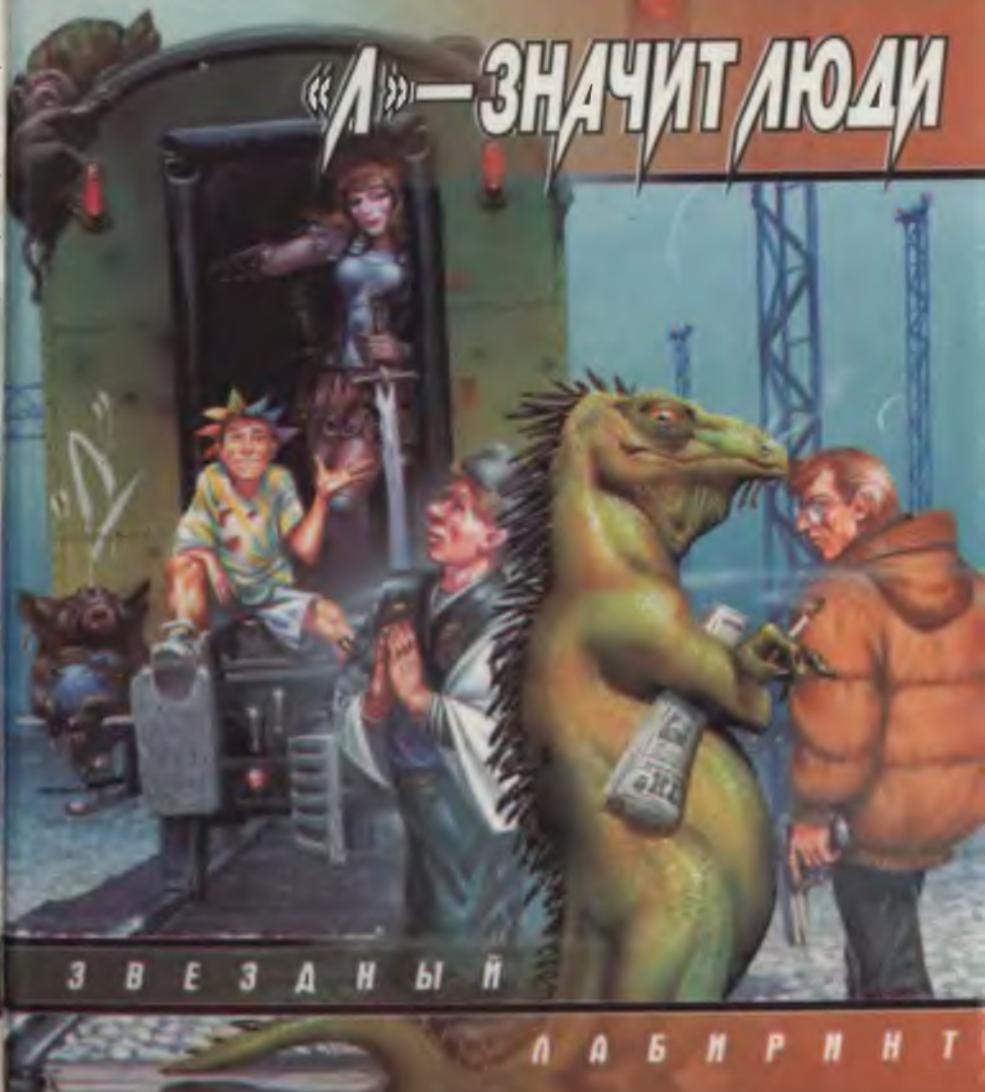

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

М—ЗНАЧИТ ЛЮДИ

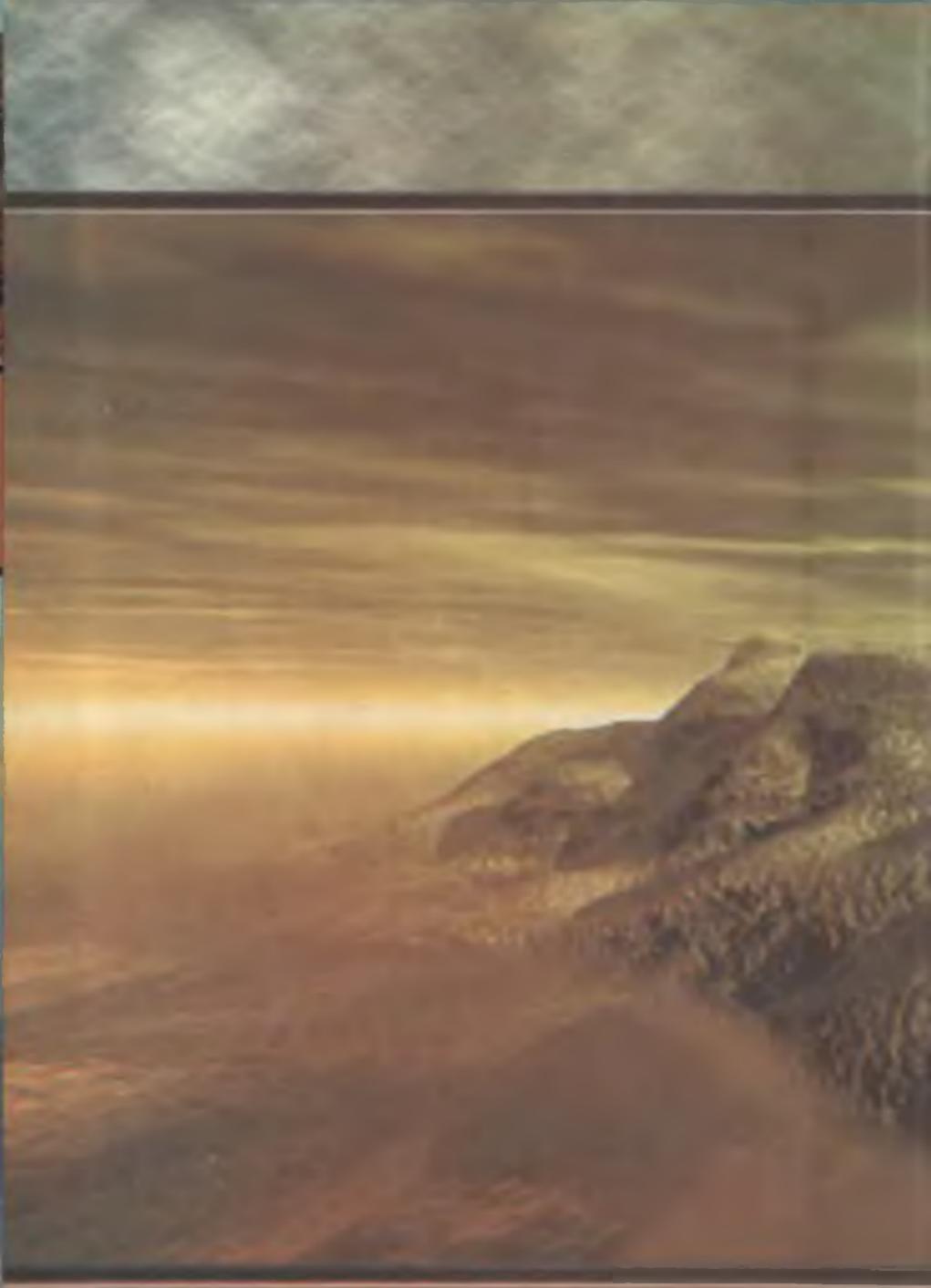
СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

«М»—ЗНАЧИТ ЛЮДИ

ЗВЕЗДНЫЙ

ЛАБИРИНТ

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

«Л»—ЗНАЧИТ ЛЮДИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МОСКВА

1999

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

Л84

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник А. Дубовик

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Лукьяненко С.

Л84 “Л”— значит люди: Повести и рассказы. — М.: ООО
“Фирма “Издательство АСТ”, 1999. — 464 с. — (Звезд-
ный лабиринт).

ISBN 5-237-02803-9

Сергей Лукьяненко — имя, которое для всех истинных ценителей российской фантастики не нуждается ни в комментариях, ни в представлениях. Имя, которое говорит само за себя.

Эта книга — сборник рассказов и повестей, которые сам автор считает лучшими в своем творчестве. Каждое из произведений сборника оригинально и своеобразно. Меняются сюжеты и персонажи, меняется манера повествования, однако неизменным остается одно — фирменный, неподражаемый стиль Сергея Лукьяненко.

© С. Лукьяненко, 1999

© Обложка. А. Дубовик, 1999

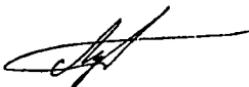
© ООО “Фирма “Издательство АСТ”, 1999

*Писателю нечасто доводится говорить с читателем
без посредства своих героев.*

*Можно придумать любого персонажа. Человека или
инопланетянина, мужчину или женщину, взрослого или
ребенка, убийцу или святого. И каждому из них — вот
ведь что удивительно — можно вложить собственные
слова и мысли. Обычно я так и делал. Не знаю лишь,
всегда ли удавалось услышать мой голос.*

*Но сейчас мы вдвоем. Вы и я. Читатель и писатель.
Я постараюсь не надоедать Вам. Все-таки Вы взяли
в руки эту книгу для того, чтобы прочитать расска-
зы и повести, а не для выслушивания моих монологов.*

*Я просто стану рассказывать что-то, обычно
остающееся за рамками литературного текста.
Как знать, может быть, это тоже окажется
интересным?*

Прекрасное далеко

Каждый текст — это соз创ение мира. Иногда — совершенно нового; в этом сборнике немало таких миров. А иногда миру становится тесно в рамках одного, пусть даже большого, рассказа. Он начинает расстилать, возникать в других рассказах, прорываться в повести и романы. Даже не знаю, удача это или беда. Но когда я поставил точку в рассказе «Дорога на Веллесберг», то уже понимал, что мир отпустит меня не скоро. Возникла даже мысль объединить все рассказы в единый цикл, взяв название «цифру» из известной песни — «Прекрасное далеко». Повесть или даже роман в рассказах... На тот момент идея представилась мне достаточно оригинальной. Мир жил, я видел его. Мир был интересен.

И все-таки я не смог этого сделать. Романы или повести более поддаются организации труда. У рассказов свои законы. Рассказ — порождение мгновения. Луч солнца в окне, злоток горячего кофе, обрывок чужой фразы — никогда не знаешь, что станет толиком, что заставит сесть за клавиатуру. Лишь сейчас, спустя почти десять лет после того, как был начат этот маленький цикл, я рискнул обединить его под одним названием — как и планировалось изначально...

«Дорога на Веллесберг» был моим первым прикосновением к миру «Прекрасного далека». Затем был написан «Мой папа — антибиотик», рассказ с друзьями героями, связанный с «Дорогой» довольно тонкой нитью, и все-таки — необходимая часть этого мира. Потом была «Почти весна», рассказ, писавшийся долго, болезненно, и, может быть, поэтому очень мне дорогой. И со всем уже недавно я написал «Запах свободы». Меня почему-то не прекращала преследовать сцена знакомства героев «Дороги», вставали перед глазами пустой ночной вокзал, светящиеся вывески над безлюдным перроном, шум моря и какие-то навязчивые, грустные, тихие мелодии. Выхода не было — пришлось вернуться к давним-давно оставленному миру.

Если же попытаться составить хронологическую последовательность событий, то она со всем иная. «Мой папа — антибиотик» станет первым рассказом цикла, «Запах свободы» следующим, лишь затем происходят события «Дороги на Веллесберг», и завершает цикл (на данный момент) рассказ «Почти весна». Читатель, любящий хронологию, может попробовать прочитать рассказы именно в этом порядке. И все-таки... все-таки я бы советовал придерживаться той последовательности, в которой рассказы идут в сборнике. Порядок написания в данном случае важнее, ведь именно так я открывал для себя мир «Прекрасного далека».

Не знаю, вернусь ли я к нему еще. Все может быть. Когда-то он прорвался даже в роман «Стеклянное море», хотя первоначально этого никак не планировалось...

И самый странный, для меня во всяком случае, вопрос — хороший ли это мир? Добрый ли он? Хотел бы я в нем жить или нет? Ведь это действительно мир победившего благополучия, счастливой и благоустроенной планеты Земля, где «в прошлом войны, вонь и рак...». Мир, где можно спокойно гулять вечерами, где каждому гарантирован кусок хлеба, краяша над головой и бесплатные штаны. Почти утопия.

Но почему-то так трудно придумать утопию, где совсем нет боли...

ДОРОГА НА ВЕЛЛЕСБЕРГ

Ветер гнал над степью запахи трав. В воздухе словно метались разноцветные знамена, даже в глазах рябило. Я сказал об этом Игорю, но тот лишь усмехнулся:

— Чтобы унюхать, что ты чуешь, надо собакой родиться. По-моему, воняет гарью.

Гарь я тоже чуял. От посадочной капсулы осталось грязно-черное, медленно оседающее полотнище. Там, где опоры впились в почву, ленивыми багровыми гейзерами вспухал запах сгоревшей земли. Наверное, тогд, кто увидел бы это впервые, зрелище могло захватить... Цветные пятна в воздухе дрогнули, исчезая. Так гораздо лучше, только рот быстро пересыхает. Но я привык. Не посоветую, правда, медикам из Центра Совершенствования подходить ко мне с предложением об активации генов моим детям. Могу и не сдержаться. А в общем, я привык.

Игорь неторопливо поправлял одежду. Особо аккуратным видом он никогда не отличался, а сейчас был встрепан донельзя. Порванная на спине (для вентиляции) рубашка выбилась из обрезанных чуть ниже колен брюк. Сами брюки представляли собой шедевр роддерской моды: правая половина из джинсо-

вой ткани, левая — из металлизированного вельвета. На груди на тонкой серебряной цепочке покачивался амулет — настоящий автоматный патрон второй половины двадцатого века. Зато волосы были очень тщательно разделены на семь прядей и выкрашены в семь цветов. Игоря можно было с ходу снимать для передачи «Роддеры: новые грани старой проблемы». Впрочем, кажется, он пару раз в ней снимался... Игорь поймал мой взгляд, подмигнул, но ничего мне не сказал. Скосил глаза на нашего нового спутника — тот неловко выбирался из люка капсулы:

— Эй, как тебя... Рыжик!

«Рыжик» повернулся. Быть ему теперь Рыжиком на веки вечные. Если Игорь дает прозвище, оно прилипает намертво. Да в новеньком и действительно было все необходимое: солнечно-рыжие волосы, быстрый, чуть хитроватый взгляд и такая же немного лукавая улыбка.

— Меня зовут Дэйв. А вас?

Ха! Имя у него тоже было рыжее, солнечное. По-русски Дэйв говорил неплохо, только слегка нажимал на гласные.

— Не-е, — дурачясь, протянул Игорь. — Тебя зовут Рыжик. Его — Чингачгук, можно Миша, — докончил он, увидев мой выразительный жест. — А я Игорь.

— Просто Игорь?

Да, новенькому палец в рот не клади. Он смотрел на Игоря так, словно придумывал ему кличку.

— Просто Игорь. Тебе сколько?

Дэйв смущенно пожал плечами, словно не знал, что ответить. Зависшее в зените солнце сверкнуло на золотом кружке, приколотом к его травянисто-зелёной рубашке.

— Одиннадцать.

— Ясно. Знак давно получил?

Рыжик глянул на кружок:

— Недавно. Утром.

— Во дает! — Даже Игоря такое сообщение лишило иронии. — Получил и сразу слинял? А родители? Сцен не устраивали?

— Нет. Они, кажется, даже обрадовались.

Игорь замолчал. Потом заговорил снова, и я обалдел — таким неожиданно мягким, дружеским стал его голос.

— Ты держись пока с нами, Рыжик. Мы с Мишкой роддери старые, опытные. По три года по дорогам болтаемся.

— А вам сколько лет?

Игорь засмеялся:

— Учи, Рыжик, мой вопрос о возрасте был провокацией. Роддери на такие вопросы не отвечают, в лучшем случае говорят, как давно получили самостоятельность. Но ради знакомства скажу — тринадцать. И еще. Спрячь свой знак. Роддери это напоказ не носят.

Я усмехнулся, глядя, как торопливо снимает Рыжик свой золотой кружок. Знак делают из позолоченного титана, запрессовывая внутрь идентификатор и оттiskивая на поверхности слова: «Достиг возраста персональной ответственности». На обороте — имя.

Игорь повернулся ко мне:

— Ну что, Чингачгук, пойдем в горы?

Горы неровной гребенкой тянулись к горизонту. Обмазанные синеватым снегом вершины заманчиво поблескивали над темной каймой деревьев. Там, в горах, сосны по двадцать метров. И никаких запахов, кроме снега и хвои...

— Далековато, — небрежно произнес я, уже зная, что пойдем. — Километров сто с гаком.

— Куда нам торопиться-то, роддерам...

Мы с Игорем понимающе смотрели друг на друга. Игорь знает, каково мне. Иначе бы мы не проводили половину года в горах...

— Да, — повернулся я к Дэйву. — Мы же забыли тебя поблагодарить, Рыжик.

Назвав его так, я невольно смущился. Не люблю кличек.

Но Рыжик, похоже, уже привык к новому имени.

— Точно, — подхватил Игорь. — Ты нас спас. А то сели бы мы в лужу.

Он был прав.

В пассажирском салоне стратолайнера могла поместиться великолепная лужа, в которую и уселись бы два самонадеянных роддера. Салон тянулся широченной стометровой трубой, залитой мягким оранжевым светом. В четырех рядах кресел дремали, слушали музыку и смотрели телешоу редкие пассажиры. Лайнер летел полупустым, как и положено рейсу из Флориды в самом начале курортного сезона.

Мы с Игорем сидели рядом со стеклянной кабинкой диспетчера, установленной в середине салона. Наверное, близость к ней и навела Игоря на мысль покинуть самолет. Когда бархатный голосок стюардессы объявил из спинки кресла, что через пятнадцать минут лайнер пролетит над Скалистыми горами, Игорь легонько толкнул меня в бок. Я замычал, не раскрывая глаз. Хотелось подремать — всю ночь мы шли по обочине дороги, добираясь из города в аэропорт. Проходящие машины иногда тормозили, сигналили, но мы упорно шли дальше. Настоящий роддер не садится в автомобиль без крайней необходимости. Из одной машины, сигналившей особенно настойчиво, нас даже беззлобно обругали... Теперь я хотел спать, а Игорь неумолимо тормошил меня:

- Чинга! Большой Змей! Ну, Мишка!
- Я вопросительно посмотрел на него.
- Давай возьмем капсулу и смотаемся.
- Зачем?
- Просто так.

Вся прелесть поступков «просто так» в том, что их не надо объяснять даже себе.

- Давай...

Мы поднялись с кресел. Как всегда после резкой смены положения, запахи ударили по мне с новой силой. Прежде всего — запах самолета. Трущися металл, гнувшаяся пластмасса, искрящие контакты, подгорелые изоляторы, потекшая смазка, свежевыкрашенные панели и еще тысячи знакомых и незнакомых запахов сливались, к счастью для меня, в единый, воспринимаемый как шершавое, скрипящее фиолетовое пятно над головой. К нему можно было легко привыкнуть и перестать замечать. Но вот аромат резких французских духов, плывущий от женщины в конце салона, оказался неизбежным и неуничтожимым. Он был прямо в подсознание жаркой багряной волной, и стоило большого труда вынырнуть из нее, вновь думать спокойно и без усилий.

— Прошу выделить нам капсулу для посадки в пролетаемом районе, — вежливо сказал Игорь диспетчеру. Тот оглядел нас и... Я почувствовал, как темнеет его запах — в кровь выплеснулись стрессовые гормоны, на коже проступил незаметный для глаз пот.

- На каком основании?

Будь на нашем месте взрослые, диспетчер и спрашивать бы не стал. Что ему, капсулы жалко, что ли?.. Но к роддёрам у многих отношение малодоброжелательное. Игорь вздохнул и вытащил из кармана свой знак самостоятельности. Я — свой. Пассажиры, сидевшие поблизости, уже посматривали на нас с лю-

бопытством. Еще бы. Два мерзких, грязных, скандальных роддера требуют, чтобы им, как порядочным гражданам, дали капсулу для индивидуальной посадки.

— Как мне кажется, серьезных оснований для высадки у вас нет?

Я понимал диспетчера. Перед ним стояли два панца. Один — в диком костюме, с разноцветными волосами, загорелый и исцарапанный. Другой поаккуратнее (не люблю выкрутасы в одежде), со светлыми волосами (меня тошнит от запаха краски), светлокожий (ко мне загар плохо липнет)... но все равно — роддер. И эти роддеры из пустой прихоти передумали лететь в Токио и решили высадиться у подножия Скалистых гор...

— Увы. Капсуладается лишь при наличии веских причин. Или если ее просят не менее трех пассажиров...

Поединок кончался не в нашу пользу. Роддеров оскорбили и публично продемонстрировали остальным пассажирам их беспомощность. Теперь речь шла уже о том, чтобы спасти лицо. Игорь с надеждой осмотрел салон. Но никого похожего на роддера не увидел. Лишь рядах в пяти от нас сидел мальчишка. Но уж слишком ухоженный, домашний был у него вид... На всякий случай я кивнул ему. Мальчишка кивнул в ответ и встал. Пошел по проходу, касаясь рукой знака на груди, словно боялся, что тот может исчезнуть. Я успел лишь заметить, что мальчишка рыжий и совсем маленький, не больше одиннадцати лет.

— Я тоже желаю сойти с самолета здесь.

Проголодались мы лишь к вечеру — как раз перед тем, как Игорю пришла в голову идея о капсule, в самолете разносили обед. Весь день мы бодро шага-

ли по степи, временами устраивая привалы, болтая, рассказывая разные смешные истории. Говорили в основном мы с Игорем. Рыжик слушал и нерешительно улыбался. Наконец он осмелел и рассказал историю про девчонку, решившую обмануть тест-компьютер и пораньше получить знак самостоятельности. История была с бородой, но мы сделали вид, что не слышали ее раньше. Рыжiku сейчас тоскливо, это мы понимали.

Солнце уже коснулось горизонта, когда Рыжик взмолился:

— Ребята, давайте зайдем куда-нибудь, перекусим...

Игорь засмеялся:

— Куда?

Вокруг нас простипалось бесконечное степное море. Трава, мелкие синие цветочки, чахлые кустики. Воздух тихо звенел — какие-то насекомые устроили вечерний концерт. Из-под ног иногда вспархивали птицы. Настоящий рай для энтомологов и орнитологов, желающих изучить степь в ее первозданном виде. Вот только кафе или бутербродной никто поблизости не предусмотрел.

— А куда же мы тогда идем? Здесь что, нет ни одного дома?

Игорь взглянул на меня. Я — на нежно-розовые облака, дрейфующие в потемневшем закатном небе. Откуда-то справа тянуло домом — теплым, недавно испеченным хлебом, жарящимися котлетами, горючим для флаера. Но идти туда мне не хотелось. Какое-то шестое чувство предостерегало.

— Не знаю, — самым беззаботным тоном ответил я.

С сомнением хмыкнув, Игорь достал из кармана две маленькие плитки шоколада. С одной хитро смотрел утенок Дональд с шоколадкой в клюве. На другой был изображен Микки Маус. У него шоколад

выглядывал из плотно сжатого кулачка. Вид у мышонка был воинственный, отдавать сладости он явно не собирался.

— Питайтесь, — тоном заботливого воспитателя в детском саду сказал Игорь.

Мы с Рыжиком одновременно разорвали обертки шоколадок. Микки на моей зашевелился, разжал лапку. Глаза у него засверкали, тоненький, знакомый по тысячам мультфильмов голосок произнес:

— И я, и все мои друзья любим шоколад с орехами фирмы «Байлейс»!

Запись кончилась, Микки Маус на картинке опять замер. Шоколадку мышонок протягивал вперед. Даже на рисунке она выглядела аппетитно.

— А у меня молчит... — обиженно начал Рыжик. Но его прервал пронзительный возглас Дональда:

— Микки прав, но шоколад «Медовый» фирма «Байлейс» поставляет даже астронавтам Десантного Корпуса!

Игорь задумчиво произнес:

— А ведь они упрытали в эти обертки не только динамик и синтезатор речи, но еще и блок сопряжения! Будь у нас побольше шоколадок, рисунки перегугались бы, выясняя, какой шоколад вкуснее!

Рыжик рассмеялся: наверное, представил себе ругающиеся обертки. Игорь же продолжал:

— Чтобы придумать и производить эту ерунду, десятки людей годами возились с микросхемами, изображали рисунки, движущиеся на обычной бумаге...

— Это жидкокристаллический рисунок, — вставил Рыжик. — Я читал...

— Я тоже. Ты бы хотел лет пять просидеть в лаборатории, уча Дональда раскрывать нарисованный клюв и ронять нарисованный шоколад?

— Нет.

— И я не хочу. И Мишка. Потому мы здесь, в степи. Потому мы роддери, люди дороги, бродяги и путешественники! Мы не занимаемся бесцельной работой, не делаем вид, что нужны этому миру. Мы просто живем!

Игорь завелся, я это почувствовал. Сумрак, легкий ветерок, треплющий его семицветные волосы, новый ошеломленно внимавший слушатель...

— Потому снова и снова люди бросают дома и выходят на дорогу. А все дороги сливаются в одну, имя которой — жизнь. Потому...

— Потому мы будем ночевать под открытым небом, — вставил я. Игорь обиженно замолчал.

— И кажется, под дождем, — уточнил Рыжик.

Обычно мы берем с собой палатку и еще что-нибудь из туристского снаряжения. Но на этот раз оказались в дороге слишком неожиданно. Я глядел, как Игорь пытается соорудить шалаш из ни в чем не повинных кустиков. Потом взглянул на Рыжика. Раз рекламированный Дональдом шоколад его не утешил. А с севера и впрямь наступали тучи. Где-то далеко, километров за пятьдесят, дождь уже шел...

Я вздохнул:

— Игорь, в получасе ходьбы от нас чей-то дом.

— А?

— Там сейчас ужинают.

Игорь пнул ногой свое сооружение, и сплетенные верхушками кустики распрямились.

— Так чего валял дурака? Большой Змей... Змея ты, а не Чингачгук. Еще мой шоколад лопал...

Оправдываться я не стал. Даже сейчас мне не хотелось идти в этот дом.

К ужину мы опоздали. Окруженный маленьkim садом каменный двухэтажный дом возник в степи

как мираж. Среди деревьев тускло светилась короткая сигара флаера. Несущие плоскости подрагивали, мигали сигнальными огнями, но в кабине никого не было. Наверное, компьютер проводил тест-проверку машины.

На лужайке перед домом сгребал в кучу сухие листья рослый загорелый мужчина в закатанных до колен джинсах. Игорь покосился на меня, и я ободряющее улыбнулся — запах горящих листьев меня не раздражал. Мужчина повернулся, и на лице его появилось нечто вроде удовлетворения. Он оперся на длинные пластиковые грабли и молча ждал.

— Здравствуйте, — вежливо произнес Игорь. — У вас не найдется старой палатки и пары банок консервов?

Мужчина улыбнулся.

— Нам можно говорить по-русски? — чуть смущился Игорь. — Или...

— Почему же нет, можно и по-русски, — очень чисто, но явно не на родном языке выговорил мужчина. — Палатки и консервов нет, но найдутся три пустые кровати и не успевший остыть ужин.

— Что ж, спасибо и на этом, — вздохнул Игорь. — Хотя дырявая палатка... — он взглянул на хмурящееся небо, — этой ночью была бы романтичнее.

Мужчина продолжал улыбаться:

— Я рад, что вы все-таки зашли ко мне. Тимми!

Из окна на втором этаже появилась мальчишеская голова. Еще через две секунды Тим скатился по лестнице и остановился перед нами. Вид у него был самый обычный: растрепанный, в шортах и футболке, не старше нас с Игорем. Но что-то непонятное кольнуло меня. Я посмотрел на Игоря — глаза у него сузились, словно он целился в кого-то... Черт, что он опять задумал?

— Тим, проводи ребят в столовую, — обыденным голосом сказал мужчина. Можно подумать, к ним ежедневно заходят роддери!

— Пойдемте, — мотнул головой Тим. — Что вначале, ужин или душ?

— Ужин, — усмехнулся Игорь. — Веди нас, Ко-жаный Чулок.

— Тогда уж лучше Следопыт.

Мы с Игорем удивленно посмотрели друг на друга. Мало кто сейчас помнит героев Купера. А Тимми уже вел нас по широкому, застеленному мохнатым синтетическим ковром коридору. Внутри дом казался гораздо больше, чем снаружи. Мне нравятся такие дома, немножко под старину, спокойные и уютные, ничем не напоминающие «экологические жилища» — эти уродливые полурастительные монстры, или не менее мерзкие «модульные» — нелепые нагромождения пластиковых пузырей.

Тим открыл тяжелую деревянную дверь. Именно открыл, потянув массивную бронзовую ручку, а не надавил кнопку встроенного в стену мотора. Похоже, этой кнопки вообще тут не было.

Нас окатило волной запахов. Даже Игорь с Рыжиком потянули носами. А я на секунду отключился...

Ваниль, слобное тесто, шоколадный крем, цукаты. Жареная индейка, фаршированная яблоками. Лимонное желе, апельсиновый мусс и мороженое с орехами. Старые фильтры в кухонном кондиционере, впитавшие в себя аромат пищи за несколько последних месяцев...

— Что с тобой, Миша? — Игорь схватил меня за плечи. Я покачал головой:

— Все... все хорошо, даже слишком.

— Чинга... Все правда в порядке?

— Да.

Тим с недоумением смотрел на меня. Разглядывая кухню, я ощущал на себе его растерянный взгляд.

Это была именно кухня — а я-то уверился, что нас ведут в столовую, где уже суетится кибер-стюард, а лифт доставки выплевывает подносы с пищей. Неяркий свет лился из притушенных светильников, потемневшие окна прикрыты оранжевыми шторами. Темно-коричневые деревянные панели, такие же шкафы и столики. Один стол побольше, возле него три стула с высокими спинками. Лишь электронная плита какой-то старой модели сияла подчеркнутой белизной. Перед ней стояла молодая женщина в длинном платье. «Сестра», — автоматически отметил я.

— Мам, ты нас накормишь? Это те самые роддеры!

«Мам...» Ладно. Но почему «те самые»?

— Тимми, не роддеры, а роуддеры. — Женщина улыбнулась. — Ведь так, ребята?

— Ваше обращение «ребята» мы принимаем по отношению к своему биовозрасту, — с достоинством ответил Игорь. Женщина снова заулыбалась. — Правильнее называть нас все-таки роддерами, это название сложилось исторически в начале века. Похоже, вы нас ждали?

— Нас вызвал по фону пилот стратолайнера, — с готовностью ответил Тим. — Сказал, что трое упрямых роддеров решили высадиться в пустынном районе, где ближайший дом — наш.

Тим выпалил это с явным восторгом. Даже наше упрямство прозвучало у него как неслыханное достоинство. У Игоря опять недобро блеснули глаза.

— Тимми, принеси себе стул, — скомандовала женщина. И снова повернулась к нам: — Вы можете звать меня миссис Эванс. Или, как это по-русски... тетя Ли. Меня зовут Линда.

— Вы очень хорошо говорите по-русски, — быстро вставил я, увидев, что Игорь уже собирается съязвить. — Вы жили в России?

— О нет. Я большая домоседка. Это... как произнести... увлечение моего мужа. Он лингвист, работает по программе «Конвергенция». Немножко учит нас...

— Папа знает восемнадцать языков, — заявил Тим. Он притащил еще один стул, держа его обеими руками перед собой. — А я — шесть.

Игорь усмехнулся. Для роддера шесть языков — не повод для хвастовства.

— Вы начнете с пирога, или подогреть что-нибудь посущественнее? — осведомилась миссис Эванс.

— Сладкое мы сегодня уже ели, — садясь за стол, ответил Игорь.

Я проснулся резко, словно от толчка. Обычно такое случалось со мной в минуты опасности. Сейчас опасностью и не пахло. Я улыбнулся понятному лишь мне каламбуру, стараясь по-настоящему вслушаться в запах этого дома. Он не был ни злым, ни жестким, в нем не чувствовалось ни скрытой враждебности, ни затаенной тревоги. Почему же я ощущаю какой-то холодок? Почему со вчерашнего дня меня не оставляет беспокойство?

Повернувшись, я посмотрел на соседнюю кровать, где безмятежно спал Тимми. Хороший мальчишка. Хоть и не роддер, но явно не дурак, похоже, ему немного осталось до знака самостоятельности... А у меня не проходит к нему настороженность.

Вчера вечером, когда родители Тимми уже легли, а мы еще досматривали развлекательную программу по молодежному каналу, Игорь поинтересовался:

— А где мы будем спать?

Не отрываясь от экрана, где герой в сверкающем белом плаще крошил неизменным лазерным мечом исполинских тараканов, напевая при этом о цветах для своей любимой, Тимми сказал:

— Кто-нибудь со мной, а двое — в соседней комнате.

— Отлично, — бодро воскликнул Игорь. — Поболтаем перед сном.

Я поймал его взгляд и сжал губы. Моему другу явно попала вожжа под хвост.

— Да, — подчеркивая каждое слово, произнес я. — Ты же собирался рассказать Дэви про роддерские обычай...

Мы с Игорем напряженно смотрели друг на друга. Это было ничем не хуже разговора.

«Ты против, Чинга?» «Конечно. Нечего дурить мальчишке голову». «Ерунда. Он будет наш».

Обычно, если Игорь решил обратить кого-то в нашу веру, это не занимало много времени.

— Тимми, покажи, куда идти. Спать хочется... — Я зевнул.

— Тогда я тоже ложусь, — выбрался из кресла Тим.

А Игорь усмехнулся и сказал слышимым лишь мне шепотом:

— Он станет роддером.

Не знаю, почему я восстал против этого. Никогда раньше мне и в голову не приходило мешать Игорю вербовать новеньких. Может, опять вмешалось ощущение непонятной опасности?..

— Тимми... — тихонько позвал я.

Откуда-то из глубины набросанных на соседнюю кровать пледов (кондиционер работал на полную мощность) вынырнула тонкая рука. Затем темноволосая голова.

— Я ждал, пока ты проснешься, — с готовностью объяснил Тим. — Вы же вчера здорово устали.

Я усмехнулся. Спросил:

— Что, подъем?

Тимми поморщился:

— Холодно... Кто только придумал эту гадость — кондиционеры.

— Кто только включает их в дождь... — в тон ему ответил я.

Тимми заерзal в постели.

— Знать бы, что на завтрак. Решили бы, стоит ли вставать.

Я втянул свежий, профильтрованный кондиционером воздух. Еще, еще... Мокрая трава и веточки мяты под окном, комочек клубничной жвачки на тумбочке Тима... Подтекшие и плохо замытые следы вишневого варенья на подоконнике... Сластена... Да куда этому малышу в роддэры?! Еще один вдох... И слабая разноцветная струйка запахов из дверной щели.

— Оладьи. С апельсиновым джемом, — задумчиво сказал я. — И горячий шоколад. Вставать будем?

Тимми взглянул на меня веселыми и удивленными глазами:

— Ты откуда знаешь?

— Запах, — откровенно ответил я. — У меня хорошее обоняние, не зря прозвали Чингачгуком.

Спорить Тим не стал. Вряд ли он подумал о том, какое обоняние способно различить запах пищи через два этажа и пять плотно закрытых дверей в вылизанной кондиционером комнате.

— А может, ты еще знаешь, сколько сейчас времени? — протянул он. Я неопределенно кивнул на стол, где поблескивали экранчиком мои часы.

Вставать Тимми явно не хотелось. Он покосился на стол, потом медленно вытянул к нему руку...

Часы с шуршанием поползли по стеклу. На секунду замерли у края, словно набираясь сил, крутились и тускло-серой молнией прыгнули в Тимину ладошку.

— Полдевятого. Точно, пора вставать, — со вздохом признал Тим.

Через секунду, сбросив одеяло, я уже стоял возле его постели:

— Тимми! Ты... психокинетик?

Он кивнул, вроде бы даже смущенный произведенным эффектом. А впрочем, стоит ли мне так удивляться? Да, психокинетиков во всем мире не более двухсот. Но я, например, вообще единственный в своем роде.

— Пошли лопаты оладьи, чудотворец. — Я со смехом взял его за руку. И быстро глянул на ладошку.

Все верно, психокинетик. Фокус исключался на чисто — кожу покрывала мелкая, уже исчезающая ярко-алая сыпь. Даже несильное телекинетическое воздействие не проходит для человека бесследно.

— Только при родителях не проговорись, — попросил Тимми, натягивая шорты и футболку. — Ага? А то они не понимают, что мне нужна тренировка, ругаются...

Дверь беззвучно открылась, и мы увидели Игоря. С ослепительной улыбкой, с торчащими во все стороны прядями волос. И со словами:

— Привет, роддеры, старые и молодые!

За завтраком миссис Эванс все пыталась нас развеселить. Подтрунивала над Тимми, который совсем не обижался на это, тормошила грустного и задумчивого Дэйва. Мы с Игорем понимали, почему Рыжик старается даже не смотреть на миссис Эванс, особенно когда та обнимает Тимми, и злились. Но мис-

сис Эванс не прекратила беспечного разговора и после того, как Рыжик торопливо, давясь словами, сказал: «А у моей мамы оладьи никогда не получались...» И Дэйв, к нашему удивлению, постепенно повеселел. В конце концов они вместе с Тимми и миссис Эванс отправились в сад — посмотреть пруд и, может быть, искупаться. Мы остались — Игорь заявил, что нам нужно заказать кое-какие вещи и еду по линии снабжения.

Разговор я начал, едва закрылась дверь, а Игорь лениво подошел к дисплею.

— Командир, пора смываться.

— Что за новый чин? — удивленно-наигранно поинтересовался Игорь. — И в чем причина спешки?

— Я не знаю, — честно ответил я. — Но тут оставаться не стоит.

— Чинга, — уже серьезно продолжил Игорь. — Как только я увижу, что Тимми решил уйти в роддery, мы отсюда сливнем.

— Что он тебе так сдался? Захочет — и сам уйдет.

— Я его не пойму, Чинга. Обычно сразу видно, станет человек роддером или нет. А Тима я не пойму. Интересно побороться.

Мне вдруг стало все равно.

— Как знаешь, Игорь. Я тебя предупредил.

Игорь сосредоточенно сопел, нажимая кнопки на терминале доставки.

— Хочешь икры? — неожиданно спросил он. — Закажем пару коробок.

— Не люблю синтетику, — резко ответил я.

Игорь, похоже, пытался помириться:

— Какая синтетика? Это дом полноправных членов общества, их снабжение не лимитировано.

— Нечестно, — упрямо возразил я.

— Тогда пошли искать хозяина. Поблагодарим за гостеприимство.

На какое-то мгновение я поверил, что Игорь все-таки согласился со мной и хочет уйти.

— Пошли.

Свою ошибку я понял, едва мы ступили в кабинет. Великолепный кабинет — кучи книг в шкафах, груды распечаток возле информационного терминала, заваленный бумагами и дискетами стол. Красота! Сразу видно: здесь по-настоящему работают. Не потому, конечно, что вокруг беспорядок. Пустите нас с Игорем в любой приличный дом — мы за полдня устроим то же самое. А вот атмосфера работы у нас не получится. Никогда.

— Вот как трудятся полноценные люди... — торжественным шепотом произнес Игорь. Я схватил его за руку, потянул к двери. Но Тимин папа, сидевший к нам спиной, уже обернулся:

-- А, роддеры... Идите сюда.

Игорь с радостной улыбкой двинулся вперед. За ним, поневоле, я.

— Садитесь, ребята... Я имею в виду ваш биовозраст, конечно.

— Спасибо, — усаживаясь в свободное кресло и стараясь не слишком уж привставать на цыпочки, ответил Игорь. Ну и кресла! Словно специально для издевательства над роддерами. Пытаясь утвердиться на необыятном кожаном сиденье, я особенно остро осознал, что росту во мне метр сорок девять, а веса не хватает и для этих сантиметров.

— Мы вас на минутку оторвем от дела, если вы не очень заняты, — самым вежливым из своих голосов сказал Игорь. — У нас с Мишой вышел маленький спор. Помогите разобраться, пожалуйста.

Мистер Эванс кивнул, выключая мерцающий на столе дисплей. Давал понять, что временем не ограничен.

— Один из нас, — продолжал Игорь, — считает неэтичным пользоваться за ваш счет предметами роскоши. Ну, заказывать килограммами икру, приобретать персональные флаеры, делать заказ на строительство такого же дома, как ваш. А другой говорит, что вы такой же бездельник, как и любой роддер. Только прикрываетесь видимостью работы.

Меня передернуло. Да, эпатаж — это непременная черта любого роддера. Но зачем Игорь так построил фразу, что не посвященному в роддерский сленг человеку покажусь хамом именно я.

— Как я понял, бездельником меня считаешь ты. — С добродушной улыбкой мистер Эванс разглядывал Игоря.

— Резонируешь, — одобрительно сказал тот.

— По пяти плоскостям, — немедленно отозвался мистер Эванс.

Этого я уже не понял. Сленг меня мало интересует. Но Игорь уважительно развел руками:

— Я восхищен. Серьезно, вы отличный знаток. Но зачем ваши знания, а? Кому они нужны, когда достаточно выучить три-четыре языка и общаться с любым человеком в мире?

— Можно неплохо прожить, зная лишь один язык, — подтвердил Эванс.

— Тогда зачем нужны вы? Кому поможет ваше знание арабского или какого-нибудь там диалекта гамбургских мафиози начала двадцать первого века?

— Не знаю. Скорее всего — никому.

Игорь вздохнул:

— Значит, прав... Мы живем — или доживаем? — в мире машин и компьютеров. Они вытесняют лю-

дей отовсюду, и с этим ничего не поделаешь, это прогресс. Настоящей работой занято меньше двадцати процентов населения. Остальные либо уходят в роддёры, либо... — Игорь сделал паузу, — имитируют бурную деятельность. В тех областях, конечно, где это возможно: литературе, живописи, истории, археологии, филологии... Можно размалевать синей краской полсотни фанерок, развесить их по стенам специально выстроенной галереи и считаться самобытным художником. Общество позволит, оно богатое. Роддёры для общества опаснее, но, в сущности, и они терпимы...

Мистер Эванс слушал его вполне серьезно. И внимательно.

— Ты молодец, дружок, — тихо сказал он. — Мыслишь вполне здраво. Одна беда — с позиции одиночки.

— Это как? — заинтересовался Игорь. — Ваше обращение «дружок» я принимаю...

— По поводу биовозраста, — без улыбки закончил мистер Эванс. — Ты прав, мы живем в трудное время. Время беззаботности. Мир всегда двигали вперед считанные проценты людей. Из звериных пещер к далёким звездам мир вытащили гении. Те, кто придумал колесо и тормоз для колеса. Пенициллин и многоступенчатые ракеты. Генную инженерию и компьютеры...

Меня словно холодной водой облили. Не надо про генную инженерию! Дискеты компьютера ударили мне в лицо жесткой, коричневой лентой запаха. Пузырек с лекарством на столе — удущливым искрящимся облаком. Не надо!

А Тимин отец, не замечая болезненной гримасы на моей физиономии, продолжал:

— Раньше находилось занятие для всех. Но сейчас не нужны тысячи людей, чтобы построить при-

думанный гением ракетоплан. И не нужны еще сотни, чтобы прокормить гения и строителей. И десятки тех, кто лечил, развлекал сотни и тысячи, тоже не слишком-то нужны...

— Кибер-юмористов пока не существует, — возразил вдруг Игорь.

— Да, но это мелочи. Так что в посылках ты прав. Выводы получились неверные.

Мистер Эванс больше не смотрел на Игоря. Он вертел в руках авторучку и негромко, словно самому себе, говорил:

— Таланты можно найти у каждого, только пока это у нас не очень-то получается. Но есть и другой выход. Заниматься своим делом, даже если таланта в тебе — миллионная доля, а остальное — просто труд и терпение. Заниматься, зная, что никогда не сотворишь чуда, что на всю жизнь останешься одним из миллиона бесталанных, которые пользы-то принесут как один-два настоящих гения.

— Вы имеете в виду себя? — жестко, не колеблясь, спросил Игорь.

— Да.

Мистер Эванс отложил в сторону несчастную авторучку, выгнувшуюся в его пальцах затейливым вензелем.

— Я занимаюсь программой «Конвергенция». Это создание единого языка, основанного не на смеси самых известных и простых языков, как эсперанто, а на принципе логем.

— Логем?

— Да. Логемы — это логическая единица речи, звукосочетание, которое на любом мировом языке имеет одинаковый смысл.

Игорь рассмеялся:

— Чушь. Этого не может быть.

— Может. Выделено уже шестьдесят три логемы. Они понятны без перевода любому человеку в мире. И каждая из этих логем на счету лингвистов-гениев, лингвистов от природы, от Бога. Возможно, даже наверняка, что в их труде есть доля таких же, как я, есть и мой вклад. Но вычислить его невозможно — настолько он мал.

Мистер Эванс кивнул на книжные шкафы, на бесчисленные дискеты:

— Я изучаю эволюцию имен собственных и мес-тоимений в латышском языке двадцатого века. Чем и как это поможет Шарлю Дежу или Чери Сайн, я не знаю. Но не исключено, что поможет.

— Шарль Дежу — это тот, кто расшифровал сигналы Маяка Пилигримов? — задумчиво спросил Игорь. И, не дожидаясь ответа, попросил: — А вы не можете произнести хоть одну логему?

— Могу.

Мы с Игорем замерли. А отец Тимми скрчил какую-то гримасу, словно разминая щеки, набрал воздуха и произнес... что-то короткое, отрывистое, почти не запоминаемое. И абсолютно бессмысленное.

— Конечно, непонятно, — засмеялся Игорь. — Вот так логема! На роддеров не действует.

— Нет, не понял, — с некоторым сожалением ответил и я. И тут до меня дошло, что я отвечаю на словно бы и не произносившийся вопрос. Через мгновение это понял и Игорь.

— Вот так, — улыбнулся мистер Эванс. — Я произнес вопросительную логему — логему понимания. Она показалась вам бессмысленной, но содержащийся в ней вопрос вы уловили.

— Хорошо, — после короткой паузы признал Игорь. — Я беру назад свои слова про бездельника. Но ведь и это не для всех. Многие, очень многие не смогут

работать, не видя результатов труда. Им-то что делать? И таких будет все больше и больше...

— А им надо держаться. Жить. Хоть роддлером, хоть художником-абстракционистом. До тех пор, пока человек не сможет управлять самой сложной на свете машиной.

— Какой это машиной?

— Самим собой. Пока обруганная и приевшаяся всем наука не даст каждому возможность преобразиться.

— Телепаты-телекины... Люди-молнии, бессмертные, ясновидящие... Так, что ли?

— Так. У человечества переходный возраст. А для него тоже есть свои болезни: роддлерство, не любимый тобой авангардизм...

— Это мной-то? — Игорь рассмеялся, тряхнув семицветной гривой.

Они смотрели теперь друг на друга почти мирно. Но меня это не радовало. Во мне клокотала ярость.

— Значит, преобразимся? — спросил я. — Расширение возможностей человека как лекарство от болезней человечества? А вы не слыхали, что есть лекарства опаснее, чем сама болезнь?!

Мистер Эванс удивленно повернулся ко мне:

— Конечно, без случайностей не обходится... Ты имеешь в виду что-то конкретное?

— Я имею в виду вашего сына.

У Игоря глаза полезли на лоб. Он-то ничего про Тимми не знал... У мистера Эванса исказилось лицо.

— Да, Тим — психокинетик. И разрешение на генную операцию давал я. Но ничего плохого ему эта способность не принесла.

— Вы видели взрослых психокинетиков? — тихо спросил я.

Он покачал головой.

— Ну а я знал одного. Почти полная потеря зрения, руки в язвах до самых локтей. Ему было двадцать семь, он выглядел на пятьдесят.

Мистер Эванс прикрыл глаза. Сейчас и он выглядел на пятьдесят, не меньше.

— Я знаю. Слышал... Да меня и предупредили врачи из Центра. Это бывает, если очень сильно перегружаться. Очень... Но что я могу поделать? Вы же теперь все взрослые... Не надо дожидаться пятнацати... или сколько там было раньше лет. Сдал экзамены — и можешь распоряжаться собой. Если вы сумеете уговорить Тимми — я буду только рад. Пусть оперирует хотя бы два... Ну три раза в неделю.

— Оперирует? — Игорь вскочил с кресла. Непонятная реакция. Всем известно, что психокинетики становятся в основном хирургами. Только они способны выдрать, вытащить из человеческого тела запущенный рак со всеми его метастазами или вылечить порок сердца у еще не родившегося ребенка. Игорь повторил:

— Оперирует? Но ведь для этого необходима вторая ступень. Право на коллективную ответственность...

В полной тишине мы смотрели, как отец Тимми достает из ящика стола знак самостоятельности. Такой же, как у нас с Игорем. Только слова на нем другие: «Достиг возраста коллективной ответственности».

— Тим его не любит. Отдал мне на сохранение.

— Ну я дурак... — отчетливо прошептал Игорь. — Дурак.

Он поднес знак к глазам, словно не веря. Потом быстро вышел из комнаты.

— Если бы их было больше... — как-то безнадежно произнес мистер Эванс. Ухода Игоря он, похоже, не заметил. — Тим ведь понимает: если он не помо-

жет человеку, тот умрет. Вот и делает по три операции в день...

«А в редкие выходные развлекает своими способностями любопытствующих роддеров», — подумал я.

— Это ведь оказалось не очень и сложно — телекинез. Синтезировали какое-то вещество, оно позволяет любому стать психокинетиком. Но выпуск его наладить не могут, приборы не позволяют добиться чистоты раствора. Кажется, оно называется психоноверрином...

— Псикиноферрином, — автоматически поправил я. — Там молекула гема в цепи. ПКФ встраивается в эритроциты.

...Боль. Дикая, запредельная, невыносимая боль. Выворачивающие все тело судороги. Фиолетовый туман, в котором плавают раскаленные добела шарики. Вот такой он — запах ПКФ для моего «суперобояния». Длинный коридор. Белые стены. Режущий глаза свет. Я ползу по гладкому холодному полу. На встречу уже бегут — проклятые, ненавистные белые халаты, такие же холодные и чужие, как эти стены. Меня тошнит, вместе с блевотиной выплевываются сгустки темной крови, прямо на чистые халаты, в сочувственные, встревоженные лица. И я кричу, выгибаясь в поднимающих меня руках: «Забирайте свое дермо! Забирайте! Я доварил вашу похлебку, пробуйте! И это, это жрите! Жрите...» В Веллесбергском Центре Совершенствования я работал полгода. Уходя, сказал, что не хочу делать других такими же несчастными, как сам. Соврал... Меня погнала в роддery боль.

...Дверь распахнулась, едва мистер Эванс собрался начать расспросы. Откуда это роддеру известно точное название препарата? Но в кабинет ввалились Дэйв с Тимми, и мистер Эванс мгновенно переменился.

— Пап, пошли купаться, — выпалил Тимми. — Покажешь нам, как плавать на спине.

Оба они — и Дэйв, и Тимми — были мокрые, взъерошенные и абсолютно счастливые. Похоже, мистер Эванс это понял. Он быстро встал:

— Пошли. В тридцать третий раз буду тебя учить.

Тут Тимми заметил меня. Неуверенно кивнул, видимо, раздумывая, интересно ли настоящему роддеру бултыхаться в десятиметровом пруду. Я усмехнулся и с беззаботным видом поднялся с кресла. Пообещал:

— Сейчас я найду Игоря, и мы покажем вам настоящий класс.

После устроенной днем беготни я спал как убитый. И проснулся, лишь когда моя кровать начала ездить по полу.

Возле дверей я оказался, наверное, в один прыжок. Мне доводилось видеть разрушенные землетрясением дома... Но вокруг все было спокойно. Лишь дергалась, как в конвульсиях, кровать. Потом лежавшая на столе книга поднялась в воздух и зашуршила перелистываемыми страницами. Я еще ничего не понимал. И только когда Тим глухо застонал во сне, до меня дошло...

В полуслутии не было видно его лица. Я присел на кровать, взял Тимми за руку. Ладонь была горячей и напружиненной, словно он держался за что-то мне невидимое.

— А ну кончай, — тихо сказал я. — Все хорошо. Заканчивай. .

Затрещала разрываемая книжная обложка. Я ленясько похлопал Тима по щеке.

— Тимми, все хорошо... Просыпайся. Или смотри другой сон. Тимми, успокойся...

Я уговаривал его минут пять. Наверное, надо было просто разбудить пацана. Но мне не хотелось этого делать...

Когда книжка тяжело осела на стол, а Тимми задышал ровнее, я тихо, не включая света, нашел свою одежду. Быстро оделся. Посмотрел еще раз на Тимми — теперь он спал вполне безмятежно. И вышел.

В кабинете горел свет. Я чуть поколебался и сказал вполголоса:

— Мистер Эванс, до свидания.

Я был почти уверен, что он меня не услышит — за дверью слабо жужжало печатающее устройство компьютера. Но звук исчез, а еще через мгновение мистер Эванс недоуменно смотрел на меня:

— Вы уходите?

Я кивнул.

— Жаль... — Он беспомощно улыбнулся. — Честно говоря... Тимми вчера так здорово развеселился, когда играл с Дэйвом.

— Пусть и дальше играют.

Он понял. И кивнул — не соглашаясь, а скорее с благодарностью. Потом вдруг шагнул ко мне и взял за руку.

— Скажи, если, конечно, тебя не задевает мое любопытство. Ты тот самый мальчишка, который однажды довел до конца синтез ПКФ?

— Я принимаю ваше обращение применительно к биовозрасту. — Я попытался улыбнуться. — Да, тот самый.

Он кивнул, ничего больше не спрашивая.

— Это очень трудно, — тихо сказал я. — Понимаете, человеческий мозг не рассчитан на то, что со мной сделали. Ему не хватает каналов восприятия. Ну он и выкручивается как может, превращает запахи в свет, звук... Иногда в боль. Очень больно, чест-

ное слово. А если просто лишить меня обоняния — я ослепну и оглохну. Все слишком тесно связано...

— Я верю.

Он ни о чем не просил. И от этого было еще тяжелей.

— Я вернусь в Веллесбергский Центр, — торопливо сказал я. Мне показалось, что он уже готов уйти. — Я тогда был младше, чем Тимми. А сейчас, наверное, выдержу... Ведь все равно, что бы я ни делал, моя дорога туда. И с нее не свернуть, я понимаю.

— Тебе очень трудно?

Я молча кивнул и спросил сам:

— Тимми выдержит год?

— Да. А почему год?

— Не знаю. Просто думаю, что за год успею. Игорь не сможет, никогда не сможет работать так, как вы, — в миллионную долю. Только не обижайтесь...

— Я не обзываюсь.

— У него характер такой. Ему надо быть или первым, или хотя бы в первом ряду. Если он не найдет своей дороги, то так всю жизнь и останется роддером. Лучшим роддером в мире. И многим задурит головы, не со зла, а так... Но это не нужно, роддеры ведь не форма протеста и не поиск нового пути. Мы — боль. Форма боли в середине двадцать первого века. Такие, как я, у которых боль внутри, и такие, как Игорь. Середина, не желающая ею оставаться. А я все верю, что помогу ему найти свое место.

Мистер Эванс посмотрел мне в глаза:

— Теперь я знаю, что ты вернешься в Центр.

Я улыбнулся и сделал шаг к спальне. Попросил:

— Потушите на пять минут свет. Пусть Игорь думает, что мы уходим как настоящие роддеры — не прощаясь, тайком.

Мистер Эванс улыбнулся. У него была красивая улыбка, сильная и добрая. Знаю, что про улыбки так не говорят, но мне она виделась именно такой.

— Ветра в лицо, роддер, — сказал он.

Я кивнул. И подумал, что иногда не нужно даже логем, чтобы понять друг друга.

...Мы шли на восток, и солнце медленно выкатывалось нам навстречу. Игорь насвистывал какую-то мелодию. Сумка с продуктами и всякой полезной мелочью болталась у него на плече.

— Не обижайся, что я решил оставить Рыжика? — спросил он меня, когда дом скрылся из глаз.

Я покачал головой. И вдруг почувствовал, как невидимые пальцы крепко сжали мою ладонь. Там, в комнатке на втором этаже, проснулся Тимми.

Я улыбнулся. И пожал протянутую через холодное утро руку.

МОЙ ПАПА — АНТИБИОТИК

Сквозь сон я услышал, как снижается флаер. Тонкое, угасающее пение плазменных моторов, шорох ветра, путающегося в плоскостях. Окно в сад было открыто, а посадочная площадка у нас совсем рядом с домом. Папа давно грозится перетащить керамические плитки, которыми выложен пятиметровый посадочный круг, подальше в сад. Но делать этого, наверное, не собирается. Если уж ему понадобится сесть бесшумно, то он приземлится с отключенными двигателями. Этого делать нельзя, слишком опасно и сложно, но папа на такие мелочи не обращает внимания.

Дело в том, что мой папа — антибиотик.

Не открывая глаз, я сел на кровати и пошарил рукой по стулу, где была сложена одежда, но передумал и побрел к двери прямо в пижаме. Ноги путались в длинном теплом ворсе ковра, но я нарочно старался не отрывать их от пола. Мне очень нравится этот толстенный мягкий ковер, на котором можно кувыркаться, прыгать и делать все, что угодно, не рискуя сломать себе шею.

За окном глохнули посадочные стойки флаера. Сквозь веки просочился тускло-красный свет тормозного выхлопа.

По-прежнему не открывая глаз, я распахнул дверь, начал спускаться по лестнице. Если папа приземлился «громко», значит, он хочет, чтобы я знал — он вернулся. Но и я хочу показать, что знаю это.

Шаг, еще шаг. Некрашеные деревянные ступени приятно холодят ноги. Не мертвой стылостью металла, не равнодушным ледяным ознобом камня, а живой, ласковой прохладой дерева. По-моему, настоящий дом обязательно должен быть деревянным. Иначе это не дом, а крепость. Укрытие от непогоды...

Шаг, еще шаг... Я сошел с последней ступеньки, встал на гладкий паркет холла. Забавно определять свое положение по состоянию пола. Шаг, еще шаг. Я уткнулся лицом во что-то твердое и гладкое, как сталь; скользкое и упругое, как рыбья чешуя; теплое, как человеческая кожа.

— Гуляешь во сне?

Отцовская рука взъерошила мне волосы. Я усталился в темноту, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Ну конечно, папа вошел в дом, не зажигая света.

— Включить свет, — обиженно сказал я, пытаясь увернуться от отцовской ладони.

По углам холла начали разгораться желто-оранжевые светильники. Темнота сжалась, убегая в широкие прямоугольники окон.

Папа улыбаясь смотрел на меня. Он был в десантном комбинезоне, и обтягивающий его тело черно-смоляной биопластик уже начинал светлеть. Приспособливался к изменившейся обстановке.

— Ты прямо с космодрома? — спросил я, с восхищением глядя на отца. Как обидно, что сейчас ночь и никто из одноклассников его не видит...

Комбинезон казался тонким, наверное, из-за того, что мускулы рельефно выделялись под тканью-хамелеоном. Но это только иллюзия. Биопластик выдерживает температуру в полтысячи градусов и отражает очередь из крупнокалиберного пулемета. Ткань, из которой сделан комбинезон, имеет одностороннюю подвижность. Не знаю, как это устроено, но если дотронуться до комбинезона снаружи — он твердый, словно из металла. А когда надеваешь (папа иногда мне это разрешает) — он совсем мягкий.

— Мы приземлились час назад, — рассеянно ероща мне волосы, сказал папа. — Сдали оружие — и сразу по домам.

— Все в порядке?

Папа подмигнул мне, заговорщицки оглянулся:

— Все более чем в порядке. Болезнь ликвидирована.

Слова были обычными, как всегда. А вот улыбка у папы не получилась. И спецкостюм у него никак не мог успокоиться: поблескивали разбросанные по ткани датчики, мерцала непонятным узором индикаторная панель на левом запястье. По цвету спецкостюм уже ничем не отличался от бледно-голубых обоев. Шагни папа к стене — и его невозможно будет заметить.

— Пап, — чувствуя, как слетает с меня сон, прошептал я. — Трудно пришлось?

Он молча кивнул. И нахмурился — теперь уже абсолютно по-настоящему.

— А ну-ка, марш в постель. Два часа ночи!

Наверно, таким голосом он отдает приказания *там*, на планетах, пораженных болезнями. И никто не решается спорить.

— Есть! — четко, в тон папе, ответил я. Но все-таки спросил напоследок: — Пап, ты не видел...

— Нет. Ничего. Теперь сможешь болтать со своим другом снова. Связь с планетой восстановят к утру.

Я кивнул и пошел вверх по лестнице. Оглянувшись у самой двери, увидел, что папа стоит на пороге ванной и стягивает с себя гибкую голубую броню. Перегнувшись через перила, я смотрел, как перекатываются у него по спине тугие клубки мышц. Я никогда не смогу так накачаться, не хватит терпения. Папа заметил меня и махнул рукой:

— Ложись, Алик. Подарок покажу только утром.

Это здорово, подарки я люблю. Папа дарил их мне, еще когда я был совсем маленьким и не знал, кем он работает.

Когда от нас ушла мама, мне было пять лет. Помню, как она целовала меня — я стоял у двери и никак не мог понять, что происходит. Потом мама ушла. Навсегда. Она сказала, что я могу приходить к ней в любой момент, но я так и не пришел. Потому что узнал, из-за чего они с папой поссорились, и обиделся. Оказывается, маме не понравилось, что папа служит в Десантном Корпусе.

Однажды я случайно услышал их спор. Мама говорила что-то отцу — тихо, устало, так говорят, когда доказывают самому себе, а не собеседнику.

— Неужели ты не видишь, в кого превратился, Ян? Ты даже не робот — для них есть Три Закона, а для тебя ни одного. Ты делаешь то, что тебе прикажут, не думая о последствиях.

— Я защищаю Землю.

— Не знаю... Одно дело, когда ваш Корпус сражается с Пилигримскими диверсантами. А другое — когда десантники усмиряют колонии.

— Я не имею права об этом думать. Решает Земля. Она определяет болезнь, она назначает лечение. А я просто антибиотик.

— Антибиотик? Верно. Те тоже лупят наобум — и по болезни, и по человеку.

Они замолчали. Потом мама сказала:

— Прости, Ян, но я не могу любить... антибиотик.

— Хорошо, — очень спокойно сказал папа. — Но Алька останется со мной.

Мама промолчала. А через месяц мы с папой остались одни. Честно говоря, я даже не сразу это почувствовал. Мама и раньше подолгу не бывала дома — она журналист и ездит по всей Земле. Папа бывает дома гораздо больше, хотя раз или два в месяц уезжает на несколько дней. А когда возвращается, привозит подарки — удивительные вещи, которых нет ни в одном магазине.

Однажды он привез Поющий Кристалл. Маленькая, с сантиметр, пирамидка из прозрачного синего камня тихо, не умолкая ни на секунду, наигрывала странную бесконечную мелодию. Звук Кристалла менялся, когда шел дождь и когда на него падал солнечный свет; становился громче, если Кристалл подносили к металлу, и меняв тональность, стоило посыпать на него солью. Он и сейчас поет свою вечную песнь, плотно укутанный ватой и запрятанный в самый дальний угол шкафа.

Были еще лотанские зеркала. И рэтские скульптуры — вылепленные из мягкой розовой пластмассы люди взрослели, старились, смотрели то улыбчиво, то хмуро. Ну а самым лучшим подарком был пистолет.

В тот раз папы не было почти неделю. Я ходил в школу, играл со своим другом Мишкой, по прозвищу Чингачгук. Ездил с ним и его родителями в соседний город, где начался Праздник смеха. Мишка даже ночевал у меня несколько раз. И все равно было скучновато. Наверно, папа это понял. Когда он приехал, то даже не стал ничего рассказывать. Порылся в сумке и протянул мне тяжеленный металлический пистолет. Секунду я держал его в руках, не догадываясь, в чем дело. И только когда усталá рука и я едва не уронил оружие, до меня дошло — это не игрушка. Ее бы не стали делать такой тяжелой, под силу лишь взрослому.

— Он не стреляет, — угадав мой вопрос, сказал папа. — Разбит излучающий генератор.

Я кивнул, пытаясь прицелиться. Пистолет дрожал в ладони.

— Откуда он, пап? — нерешительно спросил я.

Папа улыбнулся:

— Помнишь, кем я работаю?

— Антибиотиком! — с готовностью ответил я.

— Верно. В этот раз мы лечили болезнь под на-
званием «космическое пиратство».

— Настоящие пираты? — У меня перехватило ды-
хание.

— Даже слишком настоящие.

...Конечно, папина работа нравилась мне не только из-за необычных подарков. Мне нравилось, что папа такой сильный, сильнее любого из наших знакомых. Он мог в одиночку поднять флаер, мог пройти на

руках весь сад. Каждое утро, в любую погоду, и зимой, и летом, он по два часа тренировался в саду. Я к этому привык, а вот те, кто заходил к нам впервые и видел отца меланхолично подтягивающимся на двух пальцах левой руки или разносящим в щепки толстенные доски, расставленные в специальных стойках по всему саду, были очень удивлены. Когда же они замечали, что отец двигается и наносит удары с закрытыми глазами, то многим делалось не по себе. Отец в таких случаях смеялся и говорил, что его работа на девяносто девять процентов состоит из тренировок. После этого всегда шел вопрос: кем же он работает. Папа весело разводил руками: «Антибиотиком». Секунду гость переваривал услышанное, потом понимающе воскликнул: «Десантный Корпус!»

Проснувшись, я первым делом выглянул в окно. Словно проверял, не приснилось ли мне папиноозвращение. Но все было в порядке — среди деревьев мелькала быстрая тень. Папа тренировался, без всякой скидки на то, что не спал полночи. Слышались глухие удары. Мишеням-деревяшкам доставалось изрядно.

Я прошел к видеофону — маленькой матово-белой панели в стене. С тайной надеждой набрал длинный восемнадцатизначный номер. Код планеты. Код города. Номер видеофона...

Экран засветился бледно-голубым, потом появились строчки:

«Служба Связи приносит извинения. Связь с планетой Туан отсутствует по техническим причинам».

Тоже мне извинения... А уж формулировочка какая гладкая! Конечно, если на планете третий день бушует мятеж и тяжелые танки восставших в упор расстреляли ретрансляторы, это можно назвать технической причиной. Точно так же, как человеческую

смерть можно обозвать «преобладанием процессов распада над процессами синтеза».

Нажав еще две клавиши, я вышел из комнаты. Теперь компьютер будет повторять вызов сам, каждые четверть часа. У нас с Арнисом заведено дозваниваться друг до друга самостоятельно, но сегодня особый случай. Думаю, он не обидится...

Подарок ждал меня на кухне. На маленьком столике у окна, за которым я люблю завтракать. Рядом с кофейником и нарезанным кексом.

Вначале я налил себе кофе. Откусил кусок кекса. И лишь потом взял в руки широкий металлический браслет, лежащий на коробке с мармеладом.

Браслет был странным. Он ничуть не походил на украшение и еще меньше напоминал какой-нибудь хитроумный прибор из десантного снаряжения. Просто сплюснутая трубка из серого металла. Очень тяжелая трубка, она весила почти как пистолет. На браслете не было никаких кнопок или индикаторов, не было даже замка. Хотя нет... Одна кнопка имелась. Большая, овальная, из того же металла, что и весь браслет. Кнопка была нажата и почти сливалась с ровной поверхностью. Я попробовал ковырнуть ее ногтем, но ничего не получилось.

Непонятный подарок. Допивая кофе, я крутил на пальцах тяжелое кольцо. Браслет вращался немного неровно, словно внутри переливалась ртуть или перекатывались мелкие свинцовые шарики. А что, вполне возможно... Но как он надевается — отверстие такое узкое, что даже моя рука не пролезет?

Вошел папа. В одних плавках, мокрый от пота. Достал из холодильника бутылочку колы и небрежно предложил:

— Побежали к озеру? Освежимся...

Что я, ненормальный, что ли? Десять километров через лес. После такого кросса не освежиться захочется, а пролежать остаток дня под ближайшим деревом.

— Не... Я не антибиотик.

Допивая колу — папе потребовалось лишь три полновесных глотка, — он насмешливо улыбнулся:

— Так и быть, возьмем флаер.

Я встрепенулся. И снова замотал головой:

— Папа, я не могу. Я должен узнать, как Арнис.

Отец понимающе кивнул. Что такое дружба, десантники понимают прекрасно, не зря папа никогда не ворчит, оплачивая видеофонные счета.

— Часа через два связь будет. Мы проезжали мимо ретрансляторов, ничего страшного с ними не случилось. Антенны целы, ну а приборы заменить ерунда.

Я снова посмотрел на отца с восхищением. Так спокойно говорить об этом! Словно они ехали в прогулочных электромобильчиках, а не в покрытых керамической броней транспортерах десанта. Удивительно! Планета Туан звезды Бэлт. Почти сорок световых от Земли. И мой папа был там. Спасал людей. Лечил болезнь под названием «мятеж».

— Пап, а что это? — Я поднял браслет.

— Опознавательный знак мятежников.

Разъяснить ценность подарка — это целое искусство. Не меньшее, чем выбрать хороший подарок. Папа умел и то, и другое. Теперь я смотрел на металлическое кольцо с куда большим уважением.

— А зачем тут кнопка?

— Что-то вроде сигнала. — Папа забрал у меня браслет и теперь крутил его двумя пальцами. — Мы так и не разобрались до конца, но, похоже, в этом браслете мощный одноразовый передатчик. Кнопку полагалось нажимать в критической ситуации, после

ранения или при взятии в плен. Сигнал «я вне игры», понимаешь? Кнопку можно нажать лишь раз.

Это я тоже понял. Владелец браслета свой сигнал уже послал...

— Ты забрал браслет у мятежника?

Папа кивнул.

— А как его надеть?

— Обыкновенно. Всё вывай руку, и браслет растянется. Это металл с односторонней податливостью, как мой комбинезон.

Я уже приготовился надеть браслет, когда до меня дошло.

— Папа... а как его снимать? Ведь в обратную сторону он не растянется!

— Конечно. Придется разрезать. Возьмешь резак, просунешь его под браслет, включишь. Потом с другой стороны. И получится у тебя две половинки и запах гари в воздухе.

Папа замолчал, и я почувствовал, почти физически почувствовал его напряжение. Если папа делал какую-то ошибку, то я замечал это сразу. Мы очень хорошо понимаем друг друга.

— Ладно, я побежал... — Он сделал неопределенный жест.

— На озеро?

Папа кивнул, и я остался один. С тяжелым браслетом в руках. Я смотрел на него, никак не решаясь просунуть руку в тугое металлическое кольцо. Разгадка была в браслете...

Как снять его с руки мятежника не разрезая? Не портя оригиналный подарок?

Очень просто. Достаточно лишь...

Я замотал головой. Нет.

Нет!

Такого быть не могло. Все гораздо проще. Прямое попадание. Плазменный заряд разрывает него-дя на части. И на почерневшей от жары земле остается его опознавательный знак.

Торопливо, боясь передумать, я надел браслет. Он оказался неожиданно теплым — словно хранящим до сих пор пламя того выстрела. И не слишком уж тяжелым. Походить с ним два-три дня несложно.

Мы живем в пригороде Иркутска. До города километров сто, так что по ночам видны светящиеся иглы жилых башен на горизонте. Чего я никогда в жизни не хотел — так это жить в таких домах. Километр бетона, стекла и металла, бесцельно тянущийся вверх. Как будто на Земле мало места.

Не один я так думаю. Иначе не окружали бы каждый мегаполис двухсоткилометровые пригородные пояса. Уютные коттеджи и многоэтажные виллы, перемешанные с лоскутками лесов и редкими зеркальцами озер.

Я шел по тропинке, ведущей к Мишkinому дому. Тропинка была удобной, даже слишком. Двое мальчишек, пусть даже и бегающих друг к другу по десять раз на день, такую не сделают.

Тропинку проложили роботы по образу идеальной «лесной дорожки», записанному в их кристаллических мозгах. И она получилась что надо.

За каждым поворотом тропинки, за каждым ее не-предсказуемым изгибом открывалось что-то абсолютно неожиданное. То среди древнего соснового бора оказывалось живописное болотце, опоясанное ивами и ракитой. То за огромным дубом пряталась польянка с сочной зеленою травой. Быстрый каменистый ручеек пересекал тропинку — а над ним плавной дугой выгибался крошечный деревянный мостик.

По этой тропинке можно было ходить бесконечно — она не наскучит. Пятнадцатиминутный путь сжимался в одно мгновение.

Мишкин дом больше всего походит на маленькую средневековую крепость. Квадратное здание из серого камня, с невысокими башенками по углам. Наверное, его придумали Мишкины родители — они археологи и очень любят всякие древности.

Мишка ждал меня на пороге. Я не звонил ему и не договаривался прийти заранее. Но ничего странного в Мишкином ожидании не было.

Дело в том, что он — нюхач.

Можно, конечно, найти словечко покрасивее, но суть от этого не изменится. Мишка чувствует запахи на порядок лучше любой собаки, не говоря уж о человеке.

Его родители прошли курс спецлечения, чтобы Мишка родился таким, какой он есть. Но сам он, по-моему, не сильно-то ценит это. Однажды Мишка сказал мне, что чувствовать одновременно сотни запахов — это очень неприятно. Похоже на какофонию из множества одновременно сыгранных мелодий... Не знаю. Мне лично хотелось бы стать нюхачом и догадываться о приближении друзей за добрую сотню метров, ощущая в воздухе их запах.

Мишка махнул мне рукой.

— Приехал твой папа? — утверждающе спросил он.

Я кивнул. Иногда, когда у Мишки хорошее настроение, он любит хвастаться своими способностями.

— Да. Сильно чувствуется?

— Конечно. Гарь, танковое горючее и взрывчатка. Очень сильные запахи...

Мишка мгновение поколебался. И добавил:

— А еще пот. Запах усталости.

Я развел руками. Все верно, мистер Шерлок Холмс.

— Пошли купаться?

— На озеро?

— Нет, далеко... К Тольке в бассейн.

У нашего приятеля, семилетнего Толика Ярцева, самый большой в окрестностях бассейн. Пятьдесят на двадцать метров — не шутка.

— Пойдем.

И тут Мишка увидел на моей руке браслет.

— А это что, Алька?

Я небрежно вытянул руку с браслетом:

— Папкин подарок.

— Что это, Алька?

Мишка повторил вопрос, словно и не слышал моих слов.

— Подарок. Опознавательный знак мятежников на планете Туан.

— Твой папа вернулся оттуда?

Мишка смотрел на браслет с непонятным испугом. Я никогда не видел его таким.

— Ты что?

— Он мне не нравится.

Неожиданная мысль пронзила меня.

— Мишка, что ты можешь сказать про эту штуку? Внюхайся! Ты же можешь!

Он кивнул — с легкой заминкой, словно пытался и не смог найти повод для отказа.

— Дезраствор, — сказал он через минуту. — Очень тщательная обработка. Ничего не осталось... И немножко озона.

— Правильно, — подтвердил я. — Мятежника, который таскал браслет, сожгли плазмометом.

— Выбрось эту гадость, Алик, — тихо попросил Мишка. — Она мне не нравится.

— Вот еще... Папа привез мне браслет из десанта...

Мишка отвернулся. Глухо сказал:

— Не пойду я никуда, Алька. До завтра.

Тоже мне умник. Я презрительно посмотрел ему вслед. Мишка завидует мне, вот и все. Еще бы... мой папа — антибиотик.

Купаться к Толику я пошел один. Там мое самолюбие несколько успокоилось. Мальчишка выслушал меня затаив дыхание, а через полчаса уже носился в компании таких же малышей, играя в десантников. Когда я выбрался из бассейна и лениво обтирался тонким разовым полотенцем, из-за дома — модернового нагромождения огромных пластиковых шаров — доносилось: «Ты убит, снимай браслет!» Я невольно усмехнулся. Дня на два-три новая игра, с ее громкими выкриками и оглушительными хлопками «blastеров», лишит покоя всех соседей. И это натворил я... Может, сказать Толику, что десантники воюют тихо и скрытно, как индейцы?

Когда я пришел домой, компьютер видеофона продолжал повторять вызов. Связи с планетой Туан по-прежнему не было.

Папу я нашел в библиотеке. Он сидел в своем любимом кресле, неторопливо перелистывая страницы толстой книги с глубокомысленным названием «Нет мира среди звезд». На обложке был изображен звездолет, разваливающийся на куски без всякой видимой причины. Я слегка склонил голову — картишка дрогнула и изменилась, переходя в другую фазу изображения. Теперь звездолет стал целым, а в бок его, куда-то между главным реактором и жилыми отсеками, бил темно-голубой луч. Папа продолжал читать, делая вид, что не замечает меня. Я повернулся и тихо вышел из библиотеки. Если папа принимается за старые космические боевики, это верное сви-

дательство плохого настроения. Наверно, даже антибиотику бывает грустно.

У себя в комнате, забравшись с ногами на кровать, я с минуту размышлял, чем бы заняться. На столе валялась недочитанная «Сага воды и огня», старинная книжка про войну, выпрошенная на два дня у Мишкиного папы-археолога. Бумажные страницы книжки обтрепались и были залиты прозрачным пластиком, обложка не сохранилась вообще, но читать ее от этого стало лишь интереснее. Вторая мировая война предстала передо мной в совершенно неожиданном виде. Впрочем, я всегда плохо знал историю...

Было и другое занятие: на дискетке компьютера третий день дожидались меня невыполненные задачи по математике. Тянуть с ними не стоило — преподаватель мог вот-вот проверить уроки.

Но вместо того чтобы взять книгу или подсесть к терминалу школьного компьютера, я сказал:

— Включить визор. Информация по восстанию на Туане за последние шесть часов.

На стене засветился мягким светом экран. Замелькали, сменяясь с не воспринимаемой глазом быстрой, кадры. Телевизор просеивал тридцать с лишним круглосуточных программ, выуживая все сообщения, где упоминался Туан. Через несколько секунд поиск прекратился.

— Двадцать шесть передач. Общая продолжительность восемь часов тридцать одна минута, — сообщил равнодушный механический голос.

— Начинай с первой, — приказал я, устраиваясь поудобнее.

На экране мелькнула эмблема развлекательного канала и заставка «Виктор-шоу». Упитанный мужчина жизнерадостно помахал рукой и сказал:

— Привет! Что вы задумались, как повстанцы перед прибытием Десантного Корпуса?

Повинуясь невидимому режиссеру, грянул гомеический хохот.

— Убрать, — с непонятным самому себе отвращением приказал я.

Прозвучали торжественные позывные правительственного канала, на экране возник громадный зал Ассамблеи. Мужчина перед микрофоном говорил:

— События на Туане продемонстрировали всю необходимость сохранения финансирования...

— Переключить.

Экран налился густой чернотой. Из мрака медленно выплыл медово-желтый колокол. Накатился густой, долгий звон. Информационная программа «Взор».

— Оставить.

Колокол повернулся, превращаясь в человеческий глаз. Зрачок увеличивался, стал прозрачным. Проступили темные пятна транспортеров, фигуры с оружием в руках. Знакомый голос Григория Невсяна — знаменитого обозревателя — произнес:

— Мы на Туане, первой планете звезды Бэлт. Трагедия, разыгравшаяся в этом тихом, спокойном мире, не может оставить равнодушным никого...

Я лежал и слушал. Про экстремистов, рвущихся к власти на Туане. Про обманом втянутых в мятеж людей. Про десантников, с риском для жизни восстанавливающих порядок.

— Некоторые назовут преступным применение десантниками оружия. Но разве не вдвойне преступно втягивать в политические игры подростков, детей? — спрашивал Невсян. — На стороне мятежников сражались двенадцати-тринадцатилетние мальчишки. Им дали оружие, им приказали не сдаваться в плен.

Я почувствовал злость. Это подлость. Мои ровесники... Значит, среди них мог быть Арнис. И ему могли приказать не сдаваться...

— Никто из мятежников, повторяю — никто не сдался в плен. В безвыходных ситуациях они отстреливались до конца, а затем подрывали себя гранатами. Такой фанатизм просто невозможен без гипнотического внушения.

— Выключить, — скомандовал я, поворачиваясь на спину. Полежал, глядя в потолок. Наверное, лучше всего мне лечь спать. Заказать спокойную музыку, с плавно поникающейся громкостью и незаметным переходом в шорох дождя. А под утро, для пробуждения, — что-нибудь задорное и темпераментное...

Призывно пискнул видеофон. Вежливо сообщил:

— Вызов принят к исполнению. Установление связи через двадцать секунд.

Я вскочил. Бросился к экрану. Встал перед круглой голубоватой линзой камеры. Связь через двадцать секунд... За сотни, а может, и тысячи километров от меня антенны станции связи готовились выбросить вверх, в космос, мой вызов — сжатый до миллисекунд кодированный сигнал. Где-то над планетой зависший на стационарной орбите ретранслятор подхватит эстафету, передав промодулированным лазерным лучом сообщение на межзвездный передатчик — двухкилометрового диаметра шар, врачающийся по независимой околосолнечной орбите. Там, переведенный на язык гравитационных импульсов, собранный в один пакет с тысячами других сообщений, сигнал отправится во Вселенную. В космосе, вблизи звезды Бэлт, его примут антенны местной станции. И все пойдет в обратном порядке.

На экране успокаивающе светилось изумрудное: «Ожидайте». Но мне уговоры не требовались. Я и так

ждал целый день, а теперь не отошел бы от экрана и до утра.

Экран ожил. Секунду изображение было не в фокусе, потом подстроилось. На фоне деревянной стены я увидел усталое женское лицо. Мать Арниса. На ней был строгий темный костюм, и я вдруг сообразил, что субъективное время наших планет совпадает. Не похоже, конечно, что я вытащил ее из постели... И все равно ужасно неудобно.

— Здравствуйте... — неловко начал я. — Добрый вечер.

У меня из головы вдруг начисто вылетело ее имя. И чем усерднее я пытался его вспомнить, тем надежнее забывал.

Несколько секунд женщина на экране всматривалась в мое лицо. То ли видеотелефон никак не наводился на резкость, то ли она просто меня не узнавала. Мы видели друг друга раза два или три, и то лишь по видеосвязи.

— Здравствуй, — без всякого удивления произнесла она. — Ты Алик, друг Арниса.

— Да, — обрадованно подтвердил я. И зачем-то добавил: — Мы были в спортивлагере прошлым летом.

Она кивнула. И продолжала молча смотреть на меня. Странно как-то смотреть. Безразлично.

— Арнис не спит? — неуверенно спросил я. — Он может подойти?

Голос ее стал еще более бесцветным.

— Арниса нет, Алик.

Я понял. Я сразу же понял, может быть, потому, что наперекор доводам рассудка боялся этого. Но все равно спросил, упорно не желая верить:

— Он спит? Или ушел куда-то?

— Арниса больше нет, — повторила она, добавив лишь одно слово. Решающее. Больше нет Арниса.

— Неправда, — услышал я свой собственный голос. И закричал, не понимая, что говорю: — Неправда! Неправда!

Вот после этих слов она и заплакала.

Меня всегда пугает, когда взрослые плачут перед детьми. Это что-то ненормальное, противоестественное. Я сразу начинаю чувствовать себя неправым и говорить разные дурацкие вещи вроде того, что исправлюсь, даже если и не виноват ни в чем.

Но сейчас мне было на все плевать. Арнис, мой друг, мой самый настоящий во всей Вселенной друг, с которым мы провели два месяца во Флориде и никогда больше не встретимся, мертв. Убит. На войне не умирают от простуды.

— Расскажите. Расскажите мне, что случилось, — попросил я. — Я должен знать, обязательно.

А почему, собственно, должен? Потому, что Арнис мой друг? Или потому, что мой папа — антибиотик, не успевший вовремя вылечить болезнь?

— Он был с повстанцами, — тихо сказала она. Так тихо, что дурацкая автоматика видеофона отрегулировала звук, превратив шепот в громкую, почти оглушительную речь.

Она говорила, не переставая плакать. А я слушал. Про то, как Арнис ушел из дома и она не успела его задержать. Как позвонил домой и, не скрывая гордости, заявил, что ему выдали настоящий боевой лучемет. И как она узнала, что повстанцам выдавали не только лучеметы, но и приборы автоматического уничтожения, взрывающиеся после гибели повстанца. И что Арнису, слава Богу, такого прибора не дали — и она сможет его похоронить. А лицо у него спокойное, боли он не почувствовал, лазерный луч убивает мгновенно. И ран на нем почти нет... только пят-

нышко красное на груди... куда луч попал... и рука... тоже лазером...

Она говорила и не думала, наверное, о том, что я с Земли. С великой планеты, откуда явились десантники-антибиотики. Те, кто уничтожил и повстанцев, и мальчишек, которым так хотелось поиграть с настоящим лучеметом.

Во Флориде мы тоже любили играть в войну.

Она, конечно же, не помнила, кто мой отец. И могла смотреть мне в глаза. А вот я не мог. И когда она перестала говорить, но продолжала плакать, отвернувшись от безжалостного глаза телекамеры, я протянул руку к пульту и отключил связь.

В комнате стало темно и тихо. Лишь скреблась с тихим шорохом в оконное стекло раскачиваемая ветром ветка.

— Свет! — заорал я. — Полный свет!

Вспыхнули лампы, все, какие только были в комнате. Матовые потолочные плафоны, и хрустальная люстра, и ночники из темно-оранжевого стекла, и настольная лампа на гибкой тонкой ножке.

Свет слепил глаза, резал на кусочки повисшую в комнате тишину. И тишина ожила, подкралась ко мне, вползла в уши. Даже ветка за окном перестала качаться.

— Музыку! Громко! Программу новостей! Учебную программу! Громко! Перебор программ! Громко!

Тишина взорвалась, исчезла, превратилась в ничто. Гремел объемным звучанием модерн-рок, сменяли друг друга с трехсекундным интервалом радиопрограммы. На телеэкранах учили тонкостям итальянского языка, объясняли, как выращивать орхидеи, сообщали последние новости...

— Оставить новости! — закричал я, пытаясь перекрыть многоголосье. — Все отключить, оставить новости!

Какофония прекратилась. С экрана новостей уже исчезло знакомое название планеты. Теперь там показывали дымящиеся развалины. Маленькие фигурки в блестящих огнеупорных костюмах бродили среди бетонного крошева.

— ...огромной силы. Разрушенным оказалось не только здание морга, но и прилегающий больничный комплекс. Представитель сил безопасности заявил, что не исключает террористическую вылазку. Именно в этот морг доставили почти сутки назад тела убитых повстанцев, которые, вопреки их обычной практике, не взорвали себя, а погибли в бою.

Мелькнула заставка: «Новости этого часа».

— Отключить, — машинально приказал я. И посмотрел на браслет.

Это очень хорошая идея — устройство, которое взрывается после смерти бойца. С небольшой задержкой, в две-три минуты... чтобы его убийцы успели подойти к телу. Устройство можно сделать в виде браслета, который нельзя снять с руки. Снабдить датчиком пульса... зарядом мощной взрывчатки — а еще лучше плазмы в магнитной ловушке.

А еще нужен замедлитель — для тех случаев, когда боец сражается в составе группы и немедленный взрыв не нужен. Например, кнопка, которая при нажатии откладывает взрыв на сутки. Даже такой взрыв может нанести ущерб врагу, не знающему о секрете. Конечно, лучше всего, чтобы глупый враг снял браслет и прихватил в качестве сувенира. Если он подарит его сыну — тоже не беда.

Я стягивал браслет изо всех сил. Но трубка, так легко поддавшаяся, когда я всовывал руку, оставалась неподвижной.

Я попытался поддеть его отверткой, развинуть пошире и сорвать. Но и это не получилось. Браслет

делали умные, умелые инженеры. Наверное, лишь они могли его снять.

В бессмысленном остервенении я начал рвать браслет зубами. И почувствовал легкий, приятный запах.

Как я мог подумать, что Мишка уловил запах озона через много часов после выстрела? Озон, трехатомная молекула кислорода, — одно из самых нестойких соединений. Зато он выделяется при работе электронной аппаратуры и магнитных ловушек, удерживающих плазму.

В мою руку вцепилась смерть. Страшная, огненная смерть, не желающая отпускать добычу. Но меня вдруг перестало это пугать.

Смерть была не моей, она предназначалась Арнису. Папа принес ее мне, пусть и не сознавая, что делает. Немыслимое совпадение стало справедливым благодаря своей немыслимости.

Медленно, как во сне, я пошел к двери. Мягкий ворс ковра... холодок деревянных ступеней...

Я толкнул дверь папиной спальни. И вошел в комнату, где мирно спал усталый антибиотик.

Садясь в кресло у папиного изголовья, я еще не знал, что буду делать. Будить отца; дремать, опустив голову на холодный браслет; или посижу минуту и уйду в лес, подальше от дома. Разницы в этих поступках не было.

Но папа проснулся.

Легко соскочив с кровати, он неуловимым движением включил свет. Чуть-чуть расслабился, увидев меня, и тут же напрягся снова. Вопросительно качнул головой.

— Папка, этот браслет — мина с часовым механизмом, — почти спокойно сказал я. — Объяснять долго, я не буду. Но это точно. Он взорвется через

сутки после смерти своего первого владельца... примерно. Ты не помнишь, когда вы его убили?

Я никогда не видел, чтобы папа так сильно бледнел. Через мгновение он уже стоял рядом — и сдирал браслет с моей руки.

Я взывал. Мне было очень больно и немного обидно, что мой умный папа делает такую глупую вещь.

— Папа, его не снимешь. Он же на мальчишку рассчитан... Пап, ты не помнишь, у него не было родинки на левой щеке?

Папа взглянул на часы. И подошел к видеофону. Я решил, что он собирается куда-то звонить, но ошибся. Ударом руки папа пробил деревянную облицовочную панель слева от экрана. И вытащил из маленького углубления пистолет с длинным, зеркально поблескивающим, топорщащимся теплоотводами стволом.

Вот теперь мне стало страшно. Десантник, хранящий дома исправное оружие, подлежалувольнению из Десантного Корпуса и крупному штрафу. Если же оружие использовалось — тюремному заключению.

— Пап... — прошептал я, глядя на пистолет. — Папа...

Папа подхватил меня, перекинул через плечо. И побежал к двери. Он ничего не говорил — наверное, уже не было времени. Потом мы бежали через сад.

Потом папа запрыгнул в кабину флаера и начал набирать на пульте программу экстренного взлета. Меня он швырнул на заднее сиденье, через секунду бросил туда же пистолет и аптечку.

— Введи себе двойную дозу обезболивающего, — приказал он.

Несмотря на страх, я едва не рассмеялся. Обезболивающее перед взрывом плазменного заряда? Все равно что веером обороняться от носорога.

Но я все же достал две крошечные ярко-алые ампулы. Раздавил в кулаке, сжал пальцы, чувствуя, как лекарство морозным холодком всосалось в кожу. Голова слегка закружилась.

А папа управлял флаером, ведя его на предельной скорости. За прозрачным колпаком кабины выл рассекаемый воздух. Неужели он думает, что нам где-то помогут? Успеют помочь?

Флаер затормозил. Завис в воздухе. Визг форсированных двигателей перешел в мягкий гул. Мы парили в ночном небе, два человека в крохотной скорлупке из металла и пластика.

— Мы над озером, — сказал папа и непонятно пояснил: — Над лесом нельзя, уйма зверья погибнет. Звери-то ни в чем не виноваты.

Он что-то нажимал на пульте, набирая незнакомые мне команды. Недовольно пискнул блок безопасности, и колпак кабины медленно откинулся. На километровой высоте!

Нас гладил прохладный ночной ветерок. Слегка пахло водой. И озоном, проклятым озоном — не от браслета, конечно, от работающих двигателей.

Папа перебрался на заднее сиденье. Флаер слегка качнулся, и я увидел внизу тускло мерцающую водную гладь.

— Руку, — скомандовал папа. И я послушно положил руку на бортик кабины. Папа сел рядом, всем телом прижимая меня к спинке сиденья. Взял за руку — мои пальцы утонули в папиной ладони. Она была очень холодной. И твердой, как ткань защитного комбинезона. — Не бойся, — сказал папа. — И лучше не смотри. Отвернись.

Мне перехватило дыхание. Тело ослабло. Я понял, что не смогу сейчас пошевелиться. Даже отвернуться не смогу.

Папа взял пистолет. Еще секунду я чувствовал его пальцы. А потом в темноте сверкнул ослепительный белый луч.

Никогда раньше я не знал настоящей боли. Вся боль, которую я раньше испытывал, была лишь подготовкой к этой — единственной, подлинной, невыносимой. Той, которую никогда не должен узнать человек.

Папа ударили меня по лицу, загоняя крик обратно в легкие. Заорал срывающимся голосом:

— Терпи! Сохраняй силы! Терпи!

Я даже не мог закрыть глаза, боль заставила веки раскрыться, а тело выгнуться в мучительной судороге. Я видел свою кисть в папиной руке. И нелепый, жалкий обрубок на месте своего запястья. И серебристый браслет, падающий вниз, в озеро, с этого обрубка.

Прошло секунд пять, не больше. Кабина начала закрываться, а папа нажал на пульте клавишу «03» — срочный полет к ближайшему медицинскому центру. И тут внизу вспыхнуло — пронзительным, жарким, оранжевым светом. Еще через мгновение флаер тряхнуло. И я заметил, как опадает на красно-оранжевом зеркале озера многометровый, сотканный из пара и брызг фонтан.

Папа был прав, как всегда. Над лесом такого делать не стоило — белкам пришлось бы туго. А звери ведь ни в чем не виноваты.

Говорят, что чем сильнее люди любят животных, тем больше они любят людей. Наверно, это до какого-то предела. А дальше все наоборот...

Я пришел в себя на операционном столе. Я лежал раздетый, с присосками датчиков по всему телу. К столу подходили все новые и новые люди. Папа стоял среди них, в белом медицинском халате, и что-то

вполголоса говорил. Разговаривали и врачи, склонившиеся над моей рукой:

— Удивительно, как резак оставил такую ровную рану. Крови почти нет, как после лазерного луча...

— Ерунда, откуда на Земле боевой лазер?

Кто-то заметил, что я открыл глаза. Нагнулся к самому лицу, успокоительно произнес:

— Не бойся, дружок, с рукой все будет в порядке. Мы ее вернем на место. Только впредь поосторожнее с инструментами...

И добавил, отвернувшись в сторону:

— Сестра! Кубик анальгетика... и антибиотик. Лучше октамицин, полмиллиона единиц.

Я засмеялся. Боль не стала меньше, она по-прежнему жевала руку раскаленными тупыми клыками. Но я смеялся, уворачиваясь от маски с дурманящим наркозным запахом. И все шептал, шептал, шептал:

— Антибиотик... антибиотик... антибиотик...

ПОЧТИ ВЕСНА

За толстым холодным стеклом умирала зима. Влажные бесформенные снежинки падали на черную землю клумб, на мокро отблескивающий в свете фонарей асфальт, на торопливые фигурки прохожих. Вдали, за частоколом сосен, белыми гребнями рябило море. На Балтике штормило третий день.

Краем глаза я видел мужчину, сидящего метрах в пяти. Уж слишком старательно он пытался не смотреть на меня...

Когда-то я не любил таких, как он, — нерешительных и настойчивых одновременно. Их появление означало неизбежные просьбы и не менее неиз-

бежный отказ. Но сейчас предстоящий разговор не вызывал никаких эмоций. У мужчины могла быть тысяча причин искать встречи со мной. А у меня — лишь одна причина находиться в зале ожидания регионального генетического центра.

Зал был большим — горькая предусмотрительность строителей. Но обилие модных скульптур из цветного стекла, тропических растений, тянущихся от пола до прозрачного потолка, огромных аквариумов с яркими рыбками делало его почти уютным. Тихая музыка заглушала голоса, неяркий свет смазывал лица. Здесь не принято говорить громко, здесь не принято узнавать знакомых. Тут не плачут от горя и не смеются от радости. Здесь просто ждут.

— Ваш талон, пожалуйста. — Девушка в зеленой форме подошла к моему креслу.

Я протянул ей маленький белый прямоугольник. Никаких имен, лишь десятизначный номер и фотография.

— Ваш результат. — В мою ладонь лег запечатанный конверт с тем же номером, что на талоне. — Удачи вам.

Я кивнул. Слова девушки — формальность, заученная формула вежливости. Но как она мне нужна сейчас, удача... Хотя бы чуть-чуть удачи. Маленький зеленый штампик на листе гербовой бумаги в конверте.

— Спасибо, — вполголоса сказал я. — Спасибо...

И надорвал плотный конверт — осторожно, по самому краю, как делали до меня миллионы, сотни миллионов людей.

Лист был слишком большим для тех нескольких строчек, которые отпечатал на нем сегодня утром диагностический компьютер. Да и немудрено — в толще бумаги запрессовывались пленочные микросхе-

мы, которые надежнее всех печатей и водяных знаков предотвращали подделку.

Михаил Кобрин, 18 лет.

Соматически здоров. Экспериментальная мутация на эмбриональной стадии типа ОЛ-63 с положительными результатами. Генотип — 81% чистых, 19% слабонегативных. Желтый штамп.

Екатерина Новикова, 16 лет.

Соматически здоровья.

Генотип — 67% чистых, 32% слабонегативных, 1% средненегативный. Желтый штамп.

Взаимная генетическая совместимость:

Совпадение рецессивных негативных генов по типу ЦМ-713.

Абсолютные противопоказания:

Возможность оперативной терапии — 0%.

Красный штамп.

Он стоял ниже — этот самый красный штамп с надписью: «Запрет. Генетический контроль».

Я сжимал в руках свой приговор, словно собирался разорвать его или скомкать и кинуть кому-нибудь в лицо. Например, мужчине, который подходил ко мне с напряженной, сочувственной полуулыбкой...

— Красный штамп, Миша?

Я не кинул в него заключением генетиков. Я беспомощно кивнул. И тут же, проклиная себя за эту беспомощность и желание разреветься, сказал:

— А вам-то какое дело? Кто вы такой?

— Тот, кто может помочь. — Он присел на корточки передо мной, сгорбившимся в мягком низком кресле. — Зови меня Эдгар.

— Мне нельзя помочь, — сказал я с прорывающейся яростью. — Я люблю девушку, с которой генетически несовместим. У нас никогда не будет детей.

— И тебя это не устраивает?

— Шел бы ты подальше... — процедил я. Прозвучало довольно жалко, и Эдгара это предложение не смущило.

— Я действительно могу помочь.

Напряжение в голосе исчезло. Спокойный тон. Холеное, гладко выбритое лицо. Светлые волосы коротко подстрижены по последней моде. Строгий серый костюм того делового стиля, что не менялся, наверное, с двадцатого века. Узкий галстук в тон рубашке.

Против воли я почувствовал, что начинаю ему верить. Конечно, его дружелюбие не бескорыстно... Но красный штамп заставляет цепляться за любую соломинку.

— Что вы можете сделать? Здесь написано, что операция невозможна.

Эдгар пожал плечами. И предложил:

— Может быть, поедем ко мне домой? Это недалеко, а у меня машина. Ты не против?

Я кивнул. Конечно же, не против.

Он жил в небольшом коттедже на берегу моря. К дому вела узкая бетонная дорога, сооруженная явно для одного. Что ж, высокий статус Эдгара ощущался с первого взгляда. В то же время рядом с домом не оказалось ни ангаров, ни взлетной площадки для флаера. Похоже, Эдгар был из нелюдимых домоседов...

Однако сейчас я видел перед собой гостеприимного хозяина. Он поинтересовался, что я предпочитаю: чай, кофе или пунш. Усадил в удобное, явно любимое кресло возле камина, извинился и исчез на

кухне. Через несколько минут вернулся с подносом, где, кроме дымящегося кофе, стояли миниатюрные бутылочки с коньяком и бальзамом. Осторожно отмеряя ложечку бальзама, я заметил, как Эдгар плеснул в свой кофе коньяку. Гораздо больше, чем необходимо для приятного вкуса. Волнуется? Пускай. Я ведь тоже на взводе, хотя и понимаю, что надежд на Эдгара мало. Мне может помочь лишь чудо.

Эдгар тем временем взял с журнального столика деревянный ящичек. Открыл, извлек короткую толстую сигару. Потянулся за массивной зажигалкой из такого же красноватого дерева...

— Не стоит, — негромко попросил я. — Иначе мне придется уйти.

Эдгар торопливо отложил сигару. С улыбкой произнес:

— Извини, Миша. Чуть было не забыл, что ты «нюхач». Лучший в мире, если верить газетам.

— Единственный в мире. «Нюхачи» — просто люди с тренированным обонянием. Они похожи на меня не больше, чем вентилятор на турбореактивный двигатель.

— Образно, но непонятно. До сих пор ты никак не проявлял своих способностей. Я даже решил, что ошибся и везу к себе вовсе не Михаила Кобрина.

Вот как. А утверждаешь, что забыл про мои способности. Нет, ты прекрасно о них помнишь, Эдгар. И сейчас размышляешь, смогу ли я сделать что-то, без чего тебе не жить...

Нарочито не обращая внимания на Эдгара, я вытер о салфетку и без того чистые пальцы. Примерился и быстрыми движениями извлек из ноздрей рыхлые, волокнистые комочки газовых фильтров. Бросил их в камин — синтетическое волокно фильтров теря-

ет способность аккумулировать запахи примерно за полдня. И вдохнул — медленно, глубоко.

В глазах на мгновение потемнело. Потом зрение вернулось, предметы стали еще более четкими. А в воздухе повисла разноцветная, мерцающая, шелестящая паутина запахов...

— Уже год, как ты живешь здесь один, — тихо сказал я. — Три раза за это время к тебе приходили женщины. Всегда разные. А раньше ты жил с женой и двумя сыновьями. Они ушли от тебя — так, Эдгар? После этого ты стал пить, очень много пить. Коньяк, водка, виски, вино... Ты куришь — табак, а изредка и травку... С самого утра ты не курил ни того, ни другого, и сейчас тебе довольно неуютно... Что тебе рассказать еще?

— Хватит, Миша. Вполне хватит. — Эдгар ловко, не глядя, залил остатки кофе в чашечке коньяком. Залпом выпил. — Ты прав, почти во всем прав.

Странное выражение было у него на лице. Что-то из сказанного причинило ему настоящую, неподдельную боль. А что-то, наоборот, вселило надежду...

— Только в одном ошибка. Моя семья погибла, Миша. Отказало автоуправление флаера. Говорят, такое случается раз в год. Это оказался их год.

Он не врал. Очень легко определить, когда человек врет, а когда говорит правду. Меняется запах пота, так резко и неожиданно, словно передо мной внезапно оказывается совсем другой человек.

— Извини, — смущенно произнес я. — Я должен был понять сам. Все вещи остались в доме, и одежда, и косметика, и игрушки...

— Ты и это чувствуешь?

— Да.

Эдгар не мигая смотрел мне в глаза. Потом вполголоса произнес:

— Я очень рад, что нашел тебя, Миша. Мы поможем друг другу. Ты вернешь мне сына. А я подарю тебе полноценную семью. Такую, где будет не только твоя любимая девушка, но и ваш ребенок.

У меня закружилась голова. Запахи, тысячи, миллионы запахов чужого дома навалились на меня с чудовищной силой. Рецепторы, занимающие девять эмоциональных раковин в моей искореженной мутацией носоглотке, жадно впитывали информацию. Запахи людей, погибших год назад. Запахи пищи, съеденной прошлой осенью. Запахи давным-давно выпитых вин... Я даже не мог переспросить Эдгара, не мог узнать, чего он хочет от меня, не мог встать, не мог шевельнуться. В клубящейся какофонии запахов, звуков и цветов почти терялся слабый, далекий голос Эдгара...

— Ты когда-нибудь задумывался, почему мы все так стремимся иметь детей? Парни твоего возраста влюблялись и мечтали о свадьбе во все времена. Но никто из них не собирался немедленно заводить ребенка. А многие ухитрялись прожить всю жизнь, не имея детей и не чувствуя себя ущербными.

Новая нитка в дрожащем цветном узоре. Булькающий звук наливающегося коньяка. Сложный рисунок запаха...

— Мы — раса уродов, Миша. Раса генетических уродов. Мы исковеркали себя авариями атомных реакторов и химических заводов. Мы проводили мутации, которые должны были сделать нас лучше... Лучше, чем мы могли быть. Ты ведь тоже результат этих экспериментов, Миша. И прекрасно знаешь им цену... иначе не ходил бы с фильтрами в носу, стараясь забыть о даре, которым тебя наделили. Мы здоровы телесно, но в наших тела спят генетические бомбы, проклятие будущих поколений. Дети-дебилы, без ног

и пальцев, без ушей и волос. Дети, которые не должны родиться. Вот откуда наши генетические центры, наши проверки на взаимную совместимость. Лишь одна пара из восьми получает право иметь детей друг от друга. Для других — генетические доноры, приемные дети... А то и полная стерилизация. То, что всегда было нормой, стало исключением. Предметом гордости. Показателем собственной полноценности.

— Не читай мне лекций, Эдгар, — прошептал я. — Да, я хочу быть полноценным. И хочу жить с девушкой, которую люблю. Неужели я виноват, что ее предки обитали рядом с хранилищами радиоактивных отходов и чадящими фабриками?

— Конечно, нет, Миша. Мы расплачиваемся за чужие грехи. А ведь это несправедливо.

— Прошлое не изменишь, — с невольной горечью сказал я. — И что толку в том, справедливо оно или нет.

— Как знать, Миша.

Я прикрыл глаза, сосредоточиваясь. Задержал на мгновение дыхание, разгоняя цветной туман перед глазами. И посмотрел в лицо Эдгара — посмотрел человеческим взглядом, а не сверхзрением «нюючача».

— Что ты хочешь мне предложить, Эдгар?

Он колебался. Все еще колебался, разглядывая меня сквозь заполненное алкогольными парами сознание.

— Вначале ответь, Миша... Ты согласен нарушить закон, чтобы помочь мне и себе?

— Да.

— Ты уверен?

— Да.

— Скажи... ты смог бы отличить запах моего родственника... например, сына, от запахов других людей? Найти его среди тысячи чужих, незнакомых?

— Я проделал это десять минут назад.

Эдгар кивнул, соглашаясь. И заговорил, быстро, словно боясь передумать:

— Моя семья погибла, Миша. А еще за два года до этого я попал под облучение. Детей у меня больше не будет. А ведь мой генотип был близок к эталонному. Здоровые предки, никаких мутаций и наследственных болезней. Я даже был генетическим донором три с половиной года... В двух десятках семей растут мои дети, понимаешь?

— Ты хочешь, чтобы я нашел их? Это не просто незаконно, это невозможно. Я не могу обнюхать миллионы людей.

— Речь не идет о миллионах. Мне стали известны, абсолютно случайно, дата и город, где родился мой сын. У тебя будет список из тысячи семей, которые нужно проверить. Найди его, найди моего сына! Остальное я беру на себя.

Я кивнул. Тысяча семей, тысяча мальчишек, не подозревающих, что они приемные дети. Работы на полгода, на год. Я могу совершить эту подлость, могу сравнить их запах с запахом Эдгара. Выделить десяток ароматических групп, составляющих неповторимую индивидуальную карту человека по имени Эдгар. И найти мальчишку, у которого окажется половина из них.

— А как ты собираешься помочь мне?

Эдгар подобрался, как перед прыжком в холодную воду.

— Я работаю в Темпоральном Институте. Руководителем экспериментальной группы.

Я понял. И почувствовал, как по коже прошелся холодок. Я сделаю для Эдгара подлую, незаконную вещь.

А он совершил подлость для меня.

* * *

Кабина спортивного флаера не отличается комфортом. Одно-единственное кресло, не слишком мягкое и не способное превратиться в кровать. Зато это очень быстрая, маленькая и незаметная машина. Как раз то, что нужно.

Потягивая через соломинку лимонад — не слишком холодный, мне всегда приходилось беречься от простуды, — я проглядывал отпечатанный на бумаге список. Эдгар не хотел доверять его компьютерам — и был прав.

В городке, куда я прилечу на рассвете, живут три семьи, внесенные в список «подозреваемых». Сейчас ночь, и они мирно спят, не зная о том, как хрупок их покой. Наше время отвыкло от преступлений.

Звезды смотрели на меня сквозь колпак кабины — крошечные холодные огоньки. Когда-то мне нравилось повторять слова Канта — про звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас. Сейчас я был бы рад забыть это сравнение.

Человек не способен изменить собственное прошлое. Эдгар, имеющий и власть, и доверие в Темпоральном Институте, не мог отправиться на год назад, в прошлое, и спасти семью от страшной, нелепой смерти. Ведь этим он неизбежно изменял свое настоящее, то самое, в котором его семья погибла. Он убивал бы самого себя, знающего о трагедии и пытающегося ее предотвратить. Замкнутый круг, временная петля, осознанная людьми еще тогда, когда машина времени казалась фантастикой. Наверное, он провел не одну бессонную ночь, читал серьезные научные труды и дешевые фантастические романы в поисках выхода... И напивался до потери памяти, понимая, что выхода нет.

И тогда он решился построить свою семью заново. Найти сына — а в качестве платы тому, кто способен был это сделать, предложить власть над временем. Видимо, это стало его навязчивой идеей — изменить прошлое, переиграть жизнь, пусть даже не себе самому. Иначе он нашел бы другой путь склонить меня к преступлению. Или искал бы сына по-другому...

Что-то здесь было не так. Слишком сложную, слишком рискованную комбинацию разработал Эдгар. Мое преступление казалось невинной шуткой по сравнению с тем, что должен совершить он.

Ну что ж. Эдгар мог вести двойную игру. Но если он принимал меня за ошелевшего от любви юнца, то жестоко ошибался. Шестнадцать лет, прожитых в мире, где я был лишним, научили меня диктовать свои правила. И Эдгару еще предстоит это понять.

Откинувшись на спинку кресла, я посмотрел вверх. И прошептал, подмигнув холодным огонькам в темном небе:

— Вы не вызываете моего восхищения. Так же, как и я сам.

Это была сто четырнадцатая семья из списка. И вторая из трех, обосновавшихся в маленьком городке на берегу Енисея. Даже удивительно, как занесло в крошечный, ничем и никогда не примечательный городок сразу трех женщин, ставших десять лет назад матерями в рижских больницах...

Я обосновался в сквере напротив дома — стандартной двадцатистяжки, причудливо раскрашенной снаружи и невыразимо обыденной внутри. Скверик был зажат между выездами из подземных гаражей и маленькой посадочной площадкой для флаеров. Площадка заросла травой и казалась порядком заброшен-

ной. Раз в неделю на ней садились такси, раз в месяц — машина «скорой помощи» или коммунальной службы. Разва два в год, возможно, прилетал на собственном флаере преуспевающий родственник кого-нибудь из жильцов... Ну а все остальное время заросший травой кружок принадлежал окрестным пацанам и дворовым кошкам.

Странно, здесь не было ничего, что могло бы вызывать зависть. И все же я завидовал. Усевшись на старой деревянной скамейке, разглядывая пыльные газоны и канареечно-яркие стены здания, я безумно завидовал живущим здесь мальчишкам. У них было то, чего я оказался навсегда лишенным. У них был двор. Двор, полный чудес, начиная с подвала и крыши размалеванного бетонного монстра и кончая этой самой площадкой, где редко-редко, распугивая недовольных котов, садились чужие сверкающие машины.

В моем детстве этого не было. Был уютный, ни на что не похожий коттедж в лесу. Были два флаера — один большой, семейный, а другой маленький, юркий, похожий на божью коровку цвета стали. Был ангар за домом, где стояли флаеры и любила ночевать ничейная собака по кличке Рекс. И друзья, жившие поблизости в таких же красивых и дорогих коттеджах... А вот двора, Двора с большой буквы, живущего по своим законам и правилам, не было.

Наверное, я думал об этом потому, что собирался сейчас отнять у какого-то мальчишки его дом. Его Дом и его Двор — то, чего он, возможно, и не ценит сейчас. А еще — его семью, которую он должен любить. Если, конечно, это не такой балбес, как я, добившийся в одиннадцать лет права на самостоятельность и навсегда ушедший из родного дома...

Блеснула на солнце, поворачиваясь, стеклянная дверь одного из подъездов. Придерживая за руль лег-

кий спортивный велосипед, во двор вышел мальчишка. Лет десяти, темноволосый, в вылинявших джинсиках и оранжевой майке. «Подозреваемый»? Вполне возможно...

Привстав со скамейки, я энергично махнул ему рукой. Не кричать же через весь двор, вызывая любопытство многочисленных соседей.

Секунду мальчишка колебался, внимательно рассматривая меня. А затем направился к скамейке, прислонив велосипед к стене и всем своим видом показывая, что делает мне огромное одолжение.

— Привет, — как можно небрежнее бросил я. — Ты, случайно, не знаешь Марию Денисенко? Она живет в вашем доме.

В глазах мальчишки мелькнула настороженность.

— Знаю, — негромко ответил он. — Это моя мама.

Я обрадованно улыбнулся. Вполне искренне, кстати. Уже через полчаса я смогу начать проверку третьей семьи, а к вечеру, даст Бог, вообще покину этот город.

— Мне сказали, что она хороший преподаватель химии, — начал я заранее приготовленную легенду. — Собираюсь поступать в университет, вот и решил заниматься с кем-нибудь перед экзаменами...

Мальчишка помотал головой — облегченно и в то же время разочарованно:

— Не-а... Мама преподает физику, а не химию. Вам неправильно сказали.

Я ругнулся. Высморкался. И засунул в карман платок вместе с тампончиками газовых фильтров.

— Вот обидно... А я второй час ее поджидаю... Ты точно знаешь? Твоя мама преподает именно физику?

Я продолжал молоть какой-то вздор. А сам вдыхал запах: разноцветный, непрерывно меняющийся, похожий на узор в калейдоскопе. Запах мальчишки,

который пять минут назад дожевывал вчерашние котлеты, а на прошлой неделе рисовал масляными красками. Запах мальчишки, который из всех напитков предпочитает апельсиновый сок.

Запах мальчишки, который был сыном Эдгара.

В Юрмале шел третий час ночи. Даже молодежный пансионат, в котором жила Катя, успел угомониться и лечь спать. А мы все еще разговаривали. О том, какие унылые дожди лютят над Балтикой и какая теплая, солнечная весна выдалась в Сибири. О том, что три месяца моего отсутствия тянутся как три года. И о том, как успели надоест видеофонные разговоры...

Лицо Кати на подрагивающем паршивеньком экране флаераказалось таким же, как раньше. Лишь в глазах пряталась упрямая детская обида. Не должен был я так неожиданно и надолго уезжать. Не имел на это ни малейшего права. Тем более сразу после генетической проверки, подтвердившей нашу полную совместимость...

— Знаешь, Миша, мне иногда кажется, что ты скрываешь от меня какую-то огромную беду. Прячешься, потому что не хочешь вратить мне в лицо...

Я вымученно улыбнулся. Ничего, у Кати в номере видеотелефон не лучше моего. Попробуй разберись: усмехаюсь я или сдерживаю слезы.

— Какая может быть беда, Катя? Теперь, после этой проклятой проверки...

Вытащив из кармана лист генетического контроля, я махнул им перед маленьким глазком телекамеры. Так, чтобы Катя снова увидела бодренькие разрешающие слова и зеленый цвет печати. Заключение я подделал, и не нужно быть специалистом, чтобы распознать фальшивку. Но по видеотелефону документ смотрелся вполне убедительно.

— Я понимаю, Миша... И все-таки боюсь.

Наверное, это неизбежно. Того, кто любит тебя, обмануть очень просто. А того, кого любишь сам, — почти невозможно. Каждая улыбка, каждая уверенная фраза выйдут наигранными и ненастоящими. Словно ты, говоря вполголоса одно, выкрикиваешь при этом совсем другое. Когда любишь, даришь частичку себя.

А себя не обманешь.

— Все хорошо, Катя. У нас с тобой все в порядке. Просто оболтус, в которого ты случайно влюбилась, опять понадобился человечеству. Нужно помочь одному великому, но несчастному ученому. Никто другой этого сделать не сможет.

— И ради несчастного ученого ты три месяца болтаешься по всему континенту?

— Да.

— Но зачем? Ты ведь хотел забыть про свои способности! И никогда их больше не применять.

Я киваю. И виновато разъясняю:

— Дело в том, что я обязан этому ученому. Очень обязан. Вот и приходится... помогать.

— Уж не изобретатель ли это газовых фильтров? — Катя наконец-то рассмеялась. Почувствовала, что я говорю правду. Пусть и не всю, но лжи в моих словах тоже нет. Недаром говорят, что, скрывая обман, нужно сказать много настоящей правды.

— Это пока секрет...

Мы болтаем еще с полчаса. Катя то успокаивается, то снова встревоженноглядываетя в экран. Мой флаер тихо гудит, поглощая расстояние. А Катино лицо становится все более сонным, расслабляется и кажется теперь совсем детским. Есть у Кати такая особенность. Наверное, весь свой взрослый вид она

создает постоянной серьезной гримаской. Но сейчас ей не до этого — она слишком хочет спать.

Мы желаем друг другу спокойной ночи и прерываем связь. Экран гаснет, я остаюсь в темноте, наполненной мерцанием приборов. Внизу темнота, лишь на горизонте разгорается бледное пламя ночного города. Там ждет меня заказанный накануне номер отеля. И абсолютно не ждут одиннадцать семей — последних «подозреваемых» из списка Эдгара.

Завтра я закончу проверку. А послезавтра увижу одного великого, но очень несчастного ученого.

И решу, стоит ли делать его счастливым.

Коттедж на берегу ничуть не изменился. Да и его хозяин, ждущий меня на пороге, тоже. Правда, сегодня не было дождя и туман рассеялся под теплым солнцем, а бегущие волны казались голубовато-прозрачными, чистыми как стекло.

Только подойдя ближе, я заметил в лице Эдгара странную неподвижность. Смесь уже наступившего разочарования и еще не погибшей надежды. Но, слава Богу, он хотя бы не был пьян.

Эдгар молча провел меня в дом. Приготовил кофе. И лишь потом спросил, резко, без предисловий:

— Итак, ты не нашел его?

Выходит, я был прав. Абсолютно прав в своих подозрениях. Глотнув кофе, я посмотрел Эдгару в глаза. И ответил:

— Почему же? Нашел.

Лицо Эдгара задрожало. Неподвижность сплюзала с него, уступая место... обиде. Да, именно обиде. Он не ожидал, что его смогут переиграть.

— Невозможно, — быстро произнес он. — Последний в списке оказался моим сыном? Один шанс из тысячи тридцати двух. Немыслимо.

— Значит, ты следил за мной, — равнодушно констатировал я. — Электронный жучок на одежде... или в обшивке флаера.

Эдгар покачал головой. Проигрывать он все-таки умел.

— Не так тривиально, Миша. Темпоральный зонд.

Я кивнул. Этого и следовало ожидать. Слишком уж по-крупному шла игра... Где-то рядом со мной, отставая на долю секунды субъективного времени, неощутимый и бесплотный, крался сквозь пространство прибор-соглядатай. Одна из любимых игрушек Темпорального Института, применение позднее двадцатого века категорически запрещено...

— Прояви его, Эдгар. Хочется посмотреть.

Он покачал головой:

— Невозможно. Зонд раздавит эту комнату и еще половину дома.

Похоже, он не врал. Действительно, к чему делать миниатюрными машины-шпионы, прикрытые темпоральным полем лучше любого камуфляжа...

— Тогда поговорим на равных.

Я вынул газовые фильтры, погружаясь в свой мир — болезненно-реальный мир оживших миражей, разноцветных теней, прерывающихся звуков.

— У меня есть нужное имя. У тебя... Впрочем, действительно ли ты можешь мне помочь? Вначале план был в том, чтобы выследить, на какой семье я прекращу поиск, и сообщить мне, что затея провалилась... например, тебя уволили из института. Я был бы не в обиде, ведь имя-то сообщить еще не успел. Так?

— Так.

— А теперь ты ставишь на другое... На ампулу в правом кармане пиджака!

Рука Эдгара метнулась к карману. Застыла, вцепившись в ткань. А на лице, впервые за время нашего знакомства, появился страх.

— Откуда ты взял эту гадость, Эдгар? Надо же... Наркотик правды. Притащил из прошлого?

— Его и сейчас нетрудно достать... — хрюплю прошептал Эдгар. — Ты что, читаешь мысли?

— Запахи, Эдгар, запахи. Прежде чем ты решишься сделать мне укол, я почувствую это. Я угадаю прыжок, прежде чем ты согнешь ноги, и удар — раньше, чем ты замахнешься.

Он растерялся. Я немного утрировал свои возможности, но растерянность Эдгара почувствовать было несложно. На всякий случай я добавил:

— И к тому же... Почему ты думаешь, что этот препарат на меня подействует? Я ведь мутант. Я пьянею от эуфиллина и засыпаю от йода. Содержимое ампулы может оказаться для меня отправой или быть не опаснее простой воды.

— Твоя взяла... — Эдгар деланно развел руками. Но в запахе его тонкой зеленой линией прорезалось облегчение. Он смирился. Позволил себе расслабиться и сдаться. — Все будет по-честному, Миша. Я сделаю то, что обещал, а ты назовешь имя.

— А вот это мы сейчас решим. — Я почувствовал себя хозяином положения и не смог удержаться от насмешки. — Мне пришло в голову, что ты очень опасный человек. Так что придется спросить, каким способом ты собираешься вернуть себе сына. Нигде в мире не существует документов, доказывающих, что он твой родной сын.

— Каким способом? Не слишком этичным, Миша. Я изменю его прошлое, изменю так, что к сегодняшнему дню он будет иметь знак самостоятельности.

Одновременно он поссорится с родителями, уйдет из дома...

— ...совершенно случайно встретится с тобой, подружится, а потом согласится пройти генетический контроль. Вдруг добрый и хороший дядя Эдгар — его родственник? А дядя Эдгар неожиданно окажется папой. Газеты и ти-ви трубят об удивительной встрече отца и сына, знакомые наперебой поздравляют вас. Ты вновь полноценный человек. Твой маленький, но самостоятельный сын совершенно добровольно живет у тебя.

— Ему будет хорошо со мной, Миша! — Эдгар побледнел так сильно, что я испугался, не перегнули ли палку.

— А его приемным родителям?

— Я же сказал, это будет не самый этичный поступок!

Мы замолчали. Потом Эдгар вкрадчиво произнес:

— Впрочем, я могу задать встречный вопрос, Миша. Этично ли то, что ты сделаешь в двадцатом веке?

Я отвел глаза. И ответил:

— Хорошо, Эдгар. Я помню наш разговор. И совершу преступление полтораста лет назад... так же, как ты совершишь свое через неделю.

— Не путай истинное и субъективное время, Миша. Ты нарушишь закон завтра утром.

Я действительно прекрасно помнил нашу беседу, состоявшуюся три месяца назад. Помнил так, словно мы лишь час назад сидели за пультом компьютера...

Не знаю, каким образом Эдгар провел в свой дом терминал институтского компьютера. Это было строжайше запрещено. Доступ к любому компьютеру, способному прогнозировать человеческое поведение, давал огромную, бесконтрольную власть. Ну а глав-

ный компьютер Института Времени делал такую власть безграничной.

Возможно, Эдгару помог украденный темпоральный зонд. Но скорее именно советы компьютера помогли ему похитить, объявить пропавшей одну из немногих существующих машин времени.

Тогда, три месяца назад, набрав на моих глазах длинный ряд цифр — простой, но надежный шифр, Эдгар превратил свой домашний компьютер, простенький маломощный «Балтис-07», в придаток одной из самых сложных машин, созданных человечеством. Набирая на клавиатуре команды — «Балтис» даже не был снабжен речевым адаптером, — Эдгар разъяснял мне свой план:

— Изменить твоё прошлое, Миша, невозможно. Мы опять-таки вызовем временную петлю... Значит, придется работать с предками твоей девушки... Да не смотри ты на меня так! Нам нужно убрать один процент ее генов. Заменить на другие, чистые, совместимые с твоими. Для этого достаточно вмешаться в седьмое поколение ее предков. Пускай какой-нибудь Саша Иванов станет отцом вместо Вани Александрова. Остальное должно остаться прежним. Те же папа с мамой, те же бабушки с дедушками. Мы просто выдергиваем кубик в основании пирамиды — и меняем его на другой. Не важно, что кубики разных цветов, главное, чтобы вся пирамида устояла...

Даже тогда мне стало не по себе. Жившие давным-давно люди почему-то не казались мне разноцветными кубиками в пирамиде, на вершине которой была Катя. Но Эдгар продолжал говорить, быстро, уверенно, и я поддавался гипнозу его слов. Наверное, очень хотел поддаться.

— Конечно, новая Катя станет чуть-чуть другой. У нее окажется более сильное сердце или более сла-

бые легкие. Возможно, родинка, которая у нее на щеке...

Я вздрогнул — у Кати на щеке действительно была родинка.

— ...переместится на шею. Но не более!

— А где гарантия, Эдгар? Вдруг она станет жесткой или сварливой? Разлюбит путешествовать, а увлечется выращиванием кактусов? Разлюбит меня, в конце концов!

Эдгар ждал этого вопроса. Он ласково провел ладонью по экрану — плоской, светящейся мягким светом пластине над клавиатурой компьютера.

— Гарантия здесь, Миша. В этих электронных мозгах да еще в темпоральном зонде, который обследует сейчас Катиных предков. Обследует детально, вплоть до анализа поведения в течение всей жизни. Это займет сотни лет работы зонда... субъективных лет, конечно, и почти выработает его ресурс. Но нам придется подождать лишь пару минут.

Я взглянул на Эдгара с невольным уважением. Темпоральный зонд, каждая секунда работы которого заносится на кассету с пометкой: «Хранить вечно», сейчас бесконтрольно мотается по прошлому. А институтский компьютер, чье время расписано на годы вперед, контролирует его, попутно решая простенькую задачку — как скрыть факт своей работы.

По экрану проплыли какие-то строчки. Замелькали кадры, похожие на старую кинохронику: уродливые машины, однообразные дома. Высветились чьи-то портреты и затейливая вязь генеалогических деревьев.

— Зонд вернулся из прошлого, — возбужденно прошептал Эдгар. — Сейчас компьютер предложит варианты вмешательства... если они существуют.

Экран мигнул, еще секунду оставаясь пустым. А затем на нем появились фотографии — девушка, совсем молодая, чуть старше Катьки, и двое парней — темноволосых, смуглых, похожих друг на друга. Прямо по фотографиям, словно перечеркивая их, побежали строчки, так быстро, что я не успевал прочитать и половины. Эдгар общался с компьютером куда быстрее, чем дилетант вроде меня.

— Вот оно! — Эдгар схватил меня за руку. — Вот он, вариант! Ты только послушай!

...Девушку звали Галей, и она ничем не походила на Катю. Но в реальном прошлом у нее и Дениса Рюмина, ее мужа, родится дочь. Прабабушка Катиной прабабушки. Тоже не слишком-то похожая на мою невесту... Именно Денис Рюмин нес в себе пораженные гены, обрекающие нас с Катей на неполноценность.

Но существовал и альтернативный вариант. Недачливый соперник Дениса по имени Виктор. Его ровесник и двоюродный брат...

— Вмешательство минимально, Миша! Нам даже нет нужды расстраивать брак!

...Это было за три дня до свадьбы. Виктор пришел к Гале, чтобы в последний раз выяснить отношения. Визит оказался недолгим...

— Сейчас мы увидим, как это было.

Изображение на экране сменилось. Комнатка, заставленная старинной мебелью. Неуклюжий здоровенный телевизор в углу. Хрустальная люстра, заливающая комнату светом. Девушка и парень, сидящие на диване.

Зонд неплохо выбрал точку съемки. Мы прекрасно видели их лица — наигранно-спокойное лицо девушки и напряженное, закаменевшее — юноши.

— Витя, это ненужный разговор... Я все тебе объяснила еще месяц назад.

— Но я люблю тебя... — Парень произнес это так беспомощно, что я отвел глаза от экрана.

— Ну и что из этого?

Странно, в голосе девушки я почувствовал не столько злость, сколько смущение и вину. Словно она не слишком уверена в своей правоте... Но парень этого не почувствовал. Он встал и быстро вышел из комнаты. Девушка осталась сидеть. Через несколько мгновений хлопнула дверь.

Экран погас.

— Обидно... — Эдгар искоса посмотрел на меня. — Ребенок мог быть зачат и в этот вечер, а не тремя днями позже.

— Именно девочка?

Эдгар приподнял брови.

— Ну и вопрос... Ты что, считаешь, что пол ребенка зависит от отца?

— Конечно! X- и Y-хромосомы, которые определяют пол, — это... так сказать, мужская продукция.

Эдгар явно развеселился:

— Не спорю! Но вот фактор проницаемости яйцеклетки, который позволяет проникнуть в нее лишь одному сперматозоиду, зависит целиком от женщины. Практического значения это не имеет, фактор определить почти невозможно. Но в том, случившемся уже, месяце Гая могла родить только девочку... Ладно, давай просматривать варианты. Например... — Его пальцы пробежали по клавиатуре. — Виктор был понастойчивее. Мы можем подвергнуть его действию стимулятора перед приходом к Гале.

Экран засветился снова. Та же комната, то же мимое спокойствие на лице Гали. И насмешливое, уверенное лицо Виктора...

— ...он же сопляк, рохля! Как ты этого не понимаешь? А я люблю тебя и готов... на все.

— Прекрати, Витя! Это ничего не меняет! — Девушка заметно нервничала.

— Ты думаешь? А мы ведь одни в квартире, совсем одни. — Виктор потянулся к девушке, провел ладонью по ее щеке. — Когда-то тебе нравилось со мной целоваться... и не только целоваться... Когда мы были одни, как сейчас.

Резким движением девушка отстранила его руку. Произнесла звенящим голосом:

— Не заставляй себя ненавидеть, Витя. А я ведь возненавижу тебя... даже за поцелуй.

Виктор отвернулся. Медленно, словно делая над собой колоссальное усилие.

Экран погас.

— А девушка с характером, — прокомментировал Эдгар. — Что ж, тогда попробуем растормозить их обоих. Распыляем в воздух квартиры амурины...

— Подожди!

Я остановил его, словно перед нами была не компьютерная инсценировка, а реально изменяющее прошлое.

— Эдгар, а что, если в квартире просто погаснет свет? Авария на электростанции, обрыв провода...

Эдгар пожал плечами. И набрал на клавиатуре несколько слов.

— ...Витя, это ненужный разговор. Я все тебе объяснила еще месяц назад.

— Но я люблю тебя!

Люстра мигнула. Свет потускнел и погас. В темный квадрат окна заглядывали звезды. Девушка ойкнула. И виновато произнесла:

— Пробки, наверное... Ты где, Витя?

— Здесь... Это не пробки, в соседних домах тоже нет света.

— Возьми меня за руку...

Темнота. Шорох. Сдавленный голос Виктора:

— Все как тогда. Только мы сами погасили свет...

Помнишь?

— Не надо, Витя!

— А в окне была луна... И магнитофон крутил кассету с битлами...

Темнота. Шорох.

— Не надо, Витя...

Темнота. Шорох. Скрип дивана.

— Зачем... Это ничего не изменит...

— Я хочу запомнить тебя всю... Каждую родинку... Я их знаю на ощупь...

— Витя...

...Эдгар уважительно посмотрел на меня. Спросил:

— Включить инфракрасный обзор?

— Зачем? — Меня стала бить дрожь. — И так все ясно.

Эдгар снова работал с компьютером. Фотографии, схемы, несущиеся по экрану строчки.

— Воздействие минимально... Гая даже не будет знать, от кого родится ее дочь. И постепенно уверит себя, что от мужа. И девочка окажется очень похожей на... прототип. Даже замуж выйдет за того же человека, так что повторного вмешательства не потребуется... А к третьему поколению различия почти исчезнут. Надо лишь поработать с Виктором, чтобы он не повторял своих... запоминаний родинок. А то парнишка способен разрушить их семью.

— А какой окажется Катя?

Эдгар облизнул пересохшие губы:

— Я схожу заварю кофе. А ты посиди у экрана.

Машина покажет тебе полсотни эпизодов из ваших отношений. Сравнишь сам, много ли отклонений.

Различия отсутствовали. В новом варианте реальности мы гуляли по тем же дорожкам парка. И поссорились из-за любимой Катиной собачки, которой я наступил на хвост. И ели шоколадное мороженое.

Я смотрел в экран, боясь увидеть не тот жест, услышать не то слово. Ожидая, что из Катиного лица вот-вот проглянет другой человек, не лучше и не хуже, просто — другой. Но передо мной была Катя. Именно она. С прежней серьезной гримаской, с до боли знакомой улыбкой, так ярко и неожиданно вспыхивающей. С родинкой на правой щеке...

С чистым генотипом, позволяющим нам жить вместе и иметь детей.

— Я согласен, Эдгар, — сказал я вполголоса. — Я согласен назвать имя твоего сына и изменить Катино прошлое.

— Не изменить, нет! Исправить!

Эдгар стоял за моей спиной. С кофейными чашечками в руках. И коньячным запахом, пробивающимся сквозь фильтры.

Зонд «проявился» на берегу моря. Утро еще не вступило в свои права, звезды только начинали меркнуть. Воздух был прохладным и влажным, слабый ветерок заставлял меня ежиться даже в застегнутой куртке. Куртка была дурацкой, без терморегуляции и подстройки размеров. Впрочем, как и вся моя одежда.

Серое металлическое полушарие метров двадцати в диаметре возникло над нами, закрывая собой звезды. Секунду зонд висел неподвижно, контур его то темнел, приобретая объемность, то начинал мерцать, исчезая. Машина входила в истинное время, уравнивая свое темпоральное поле с темпоральными показателями реальности. Но вот мерцание прекратилось, серое полушарие внезапно обрело цвета.

Крошечные оранжевые огоньки опоясали корпус, высветили облупившуюся синюю краску. Зонд, созданный пару лет назад, работал без всякого ремонта уже несколько столетий. Металлический купол плавно опустился на песок, в шипящую пену прибоя. Недовольно плеснула волна, разбившаяся о неожиданную преграду.

— Ты уверен, что это безопасно? — с сомнением спросил я, глядя, как нервно, рывками, открывается овальный люк зонда.

— Вполне, — быстро, не раздумывая, ответил Эдгар. — У тебя одежда той эпохи, ты знаешь их диалект. В твоих руках техника нашего времени... да плюс еще твои особые способности.

— Я не о том. Мне лично не грозит опасность?

Люк наконец-то открылся, тамбур вспыхнул ярким белым светом.

— А, вот ты о чем... — Эдгар помолчал несколько секунд. Затем продолжил: — Наше вмешательство в прошлое скажется, конечно же, на ходе истории. Изменится судьба Виктора, в меньшей мере — судьба Гали и Дениса. Частично изменения погаснут, пройдут бесследно. Частично — изменят судьбу близких им людей. Мы не можем скорректировать все. Могут родиться новые люди, могут исчезнуть существующие в нашей реальности. В одном ты можешь быть уверен, это заключение институтского компьютера: нашу судьбу изменения не затронут. В противном случае я бы на вмешательство не пошел.

Эдгар попался в ловушку собственного страха. Мои опасения в надежности зонда он истолковал как отражение его собственного испуга. Он боялся, что вмешательство не пройдет так уж бесследно, как ему хотелось представить. Разубеждая меня, он невольно выдал то, о чем я и не задумывался.

И не хотел задумываться.

— Это похоже на убийство, Эдгар.

— Совсем нет! Если одна реальность возникнет взамен другой, значит, так и было предопределено. Мы лишь орудия в руках судьбы, хотя и не подозреваем об этом... В конце концов, Миша, невозможно сделать яичницу, не разбивая яиц!

— Невозможно выдернуть кубик в основании башни без того, чтобы вся башня не зашаталась... — тихо сказал я. И пошел к светящемуся овалу люка. На мгновение у меня мелькнула мысль — не поговорить ли с Катей? Потом я понял, что не смогу посмотреть ей в глаза.

Броня двери закрылась за мной. Зонд дрогнул, поднимаясь в воздух. Я отправлялся в путь к основанию башни из кубиков.

Время. Четвертое измерение, привилегия фантастов и историков. Зыбкий океан темпорального поля, в котором плывут островки звезд и планет, архипелаги галактик и рифы нереализованных вероятностей.

Время. То, что нельзя представить, но можно использовать. В каких угодно целях — как бесконечно высоких, так и бесконечно низких. А в бесконечности пересекаются любые прямые.

Время. Стремительно уменьшающиеся зеленые цифры на экранах. Гул генераторов, рвущих темпоральное поле.

Время. Назад и назад, к истокам. Образование федераций и развал империй. Введение контроля за генотипом и мутационные взрывы. Уничтожение атомного оружия и Малый Ядерный конфликт. Открытие универсального иммуностимулятора и Великая Пандемия Контактного Гемобластоза. Первая марсианская экспедиция и постройка Лунной

базы. Назад, в прошлое. К тихому и патриархальному двадцатому веку.

Тысяча девятьсот девяносто второй год. Двенадцатое октября. Девять часов вечера. Сорок минут до вмешательства.

Время.

Тихонько, напоминающе загудел зуммер на пульте. Свет в маленькой каюте стал ярче. Поползла вверх бронированная дверь.

Я пригладил волосы мгновенно вспотевшей рукой. И вышел из зонда в двадцатый век.

Зонд высадил меня на крыше какого-то здания. Едва я ступил на неровную, залитую темной смолой крышу, как полусфера машины замерцала, растворяясь в воздухе. Зонд скрылся во времени, где-нибудь в прошедшей секунде, невидимый, но готовый прийти на помощь.

В одном из карманов у меня лежала универсальная отмычка — тонкий цилиндр из мягкой пластмассы, способной принимать любую форму и становиться твердой как сталь. Но отмычка не потребовалась — одна из дверей, ведущих из подъезда на крышу, оказалась открытой. Зонд не зря выбрал именно это здание.

Спустившись по холодной железной лесенке, я встал на грязный бетонный пол подъезда. На лестничную площадку выходили четыре двери — деревянные, обтянутые некрасивой синтетической кожей, выкрашенные мрачной темной краской. Под потолком горела маленькая лампочка без плафона. Лифта не было.

Нерешительно, с невольной брезгливостью представляя ноги, я пошел вниз. В кварталах любителей старины, в телефильмах на историческую тему все это выглядело куда романтичнее. Здесь же, в лишен-

ном всякого ореола прошлом, грязь оказалась именно грязью, нищета — нищетой, а вонь — вонью.

Запахи душили меня, пробиваясь сквозь барьер газовых фильтров. Ничего особенного в них не было: подгоревшая пища, синтетические стиральные порошки, человеческий пот. Всего этого хватало и в моем времени. Вот только здесь пища была некачественной, порошки слегка ядовитыми, а люди вовсе не спешили принять после работы душ. Обычному человеку, не «нюхачу», на моем месте было бы проще.

На улице мне легче не стало. Темнота, с которой безуспешно боролись редкие фонари, скрывала от меня внешнюю непривлекательность улиц. Но она не в силах была скрыть ни резкую музыку, несущуюся из окон, ни тем более едкую вонь сгоревшего бензина.

Тихо попискивающий браслет-целеуказатель вел меня по тротуарам, от дома к дому, к огороженному стальной сеткой бетонному зданию — трансформаторной подстанции. Проходя мимо, я, не останавливаясь, достал из кармана тяжелый шарик электрического разрядника, бросил его через ограду. В назначенный момент он выполнит свою задачу: пережмет предохранители и рассыплется в пыль. С этого мгновения реальность станет другой.

Возле ничем не примечательного пятиэтажного дома браслет пискнул в последний раз и замолк. Я был у цели. На третьем этаже светилось знакомое по фотографиям окно. Шторы были плотно задернуты, и я насторожился. Но вот в окне мелькнул тонкий силуэт девушки, она раскрыла форточку, раздернула занавески. Взглянув на часы, я успокоился — все шло по плану.

Минут десять я просидел на скамейке у подъезда, поглядывая на окно. Я знал, о чем шел разговор, знал

и то, как он завершится. Невдалеке мучила гитару и переругивалась хриплыми голосами компания подростков, но на меня они внимания не обращали. Ну и правильно делали: в моих карманах нашлось бы достаточно препаратов, чтобы погрузить в сладкий сон целый квартал.

Именно в эту минуту, слушая умело закрученную грязную ругань и визгливый смех сидящей среди парней девчонки, я перестал колебаться. Уродливость этого времени заглушила совесть. Такой мир не имел права требовать к себе бережного отношения. Он еще слишком мало сделал, чтобы называться человеческим миром. Исправить его было не преступнее, чем отшлепать напроказившего ребенка...

Браслет моих часов запульсировал, плотно обжимая запястье. Я еще раз взглянул на освещенное окно.

И наступила темнота. Замолкла на мгновение, а потом загоготала еще громче компания с гитарой. Кое-где в окнах затеплились желтые огоньки свечек, тусклые лучики фонариков. Окно на третьем этаже оставалось темным.

Башня из кубиков зашаталась.

Мне показалось, что на секунду все тело пронзила острыя боль. Возможно, что и меня коснулась слабая волна меняющейся реальности. А может, просто не выдерживали нервы...

Башня из кубиков становилась другой.

В хирургической клинике погас свет, и врачи бесцельно стояли у операционного стола. Резервный движок никак не хотел заводиться... Водитель, въезжая в темный гараж, помял крыло новенькой машины. Теперь ему предстоит долгая беготня по мастерским.

Башня из кубиков шаталась.

Это нервы, успокаивал я себя. Только нервы. Расшалившееся воображение. Свет погас в маленьком квартале — здесь нет ни больниц, ни гаражей. По

телевизору идут скучные передачи, которые никто не смотрит. Через девять минут чертыхающийся электрик повернет рубильник, и в домах снова вспыхнет свет. Люди вернутся к своим делам... а Галя, с детства боязная темноты, слабо вскрикнет, натягивая на себя покрывало. Но будет уже поздно. Кубик в основании башни сменится. Девочка, которую Денис Рюмин будет считать своей дочерью, передаст потомкам здоровые гены.

У меня просто шалят нервы.

Гитара наконец-то перешла в более умелые руки. Посыпался медленный минорный перебор. И тонкий, совсем мальчишеский голос запел:

В городке ненаписанных писем,
В королевстве несказанных слов
Я от прошлого — независим,
Я пришелец из мира снов.
Я могу здесь бродить часами,
Слушать шорохи листопада.
Только память осталась с нами,
Но возможно, что так и надо...

Нервы, нервы. Почему меня бьет дрожь от престыких, плохо рифмованных слов бардовской песенки? Потому что и я пришелец из мира снов, который независим от прошлого?

И шепчу я тебе торопливо,
Словно силясь догнать день вчерашний:
«Я хочу, чтоб ты стала счастливой,
Я люблю тебя. Как это страшно...»

Гитара смолкла. Кто-то опять ругнулся — но потише, словно сомневаясь, стоит ли. А на моем запястье запульсировал браслет.

В окнах снова вспыхнул свет. Компания подростков встретила это недовольным гулом. Откинувшись на скамейке, я прикрыл глаза. До появления Виктора оставалось восемь минут. Последняя часть моего задания — испортить его впечатление от сегодняшнего вечера. Повторение таких встреч нежелательно...

Он вышел из подъезда, что-то весело насвистывая. Быстрым и уверенным шагом прошел мимо. Я знал, куда он спешит, — к автобусной остановке. И даже помнил номер автобуса, на котором Виктор поедет домой. Но вначале нам предстоит короткая встреча.

Догоняя его, я вынул из ноздрей фильтры. Так, привычка быть во всеоружии в ответственные моменты. Виктор был старше меня на пять лет — другой вопрос, что физически я развит куда лучше.

Сокращая дорогу, Виктор шел через парк. Там, на узкой темной аллейке с шуршащей под ногами листвой, я его и догнал.

Когда нас разделяло несколько шагов, Виктор резко обернулся. Окинул меня оценивающим взглядом и произнес:

— Что, есть вопросы?

Я кивнул:

— Есть. Доволен сегодняшним вечером?

Он даже не успел удивиться. Кивнул, молча принимая мою осведомленность за аксиому. И ударил, целясь в лицо, сильно, но не так быстро, как требовалось.

Приседая, уходя от удара, я вдруг понял — он не врет. Он доволен. Его вполне устраивает происшедшее. Он доказал самому себе свое превосходство над кузеном и давним соперником. Его самолюбие спасено. А все слова, произнесенные час назад, — сор, словесная шелуха, стандартный прием.

На этот раз, правда, сработавший благодаря моей помощи.

Я осознал все это, подныривая под его руку, коротко и быстро размахиваясь. И удар, замысленный как символический, вышел полновесным. В челюсть, в плотно сжатые губы, в довольноное, уверенное лицо.

Стиснутая в моем кулаке пластиковая ампула лопнула, выпуская облачко бесцветного газа. Виктор судорожно глотнул и повалился на землю.

Я стоял над ним, потирая саднившие пальцы. Такого удара хватило бы и самого по себе, без наркотика. Но газ давал гарантию, что Виктор провалится в дурманящем сне не меньше получаса. Впечатление от сегодняшнего вечера надежно испорчено. А мне большего и не надо.

— Зато у тебя хорошие гены, — вполголоса сказал я. И нажал на часах кнопку вызова.

За мгновение до того, как я коснулся кнопки, над деревьями парка возникла полусфера темпорального зонда.

Башня из кубиков устояла. Мир не изменился. Во всяком случае, мой мир и мир Эдгара. Мы снова сидели в его коттедже и пили горячий кофе.

— Если какие-то изменения и произошли, — философствовал Эдгар, — то они и должны были произойти. Так что не вздумай себя винить.

— Я и не собираюсь.

— Помимо всего прочего, мы совершили великий эксперимент. Обидно, что о нем никто и никогда не узнает.

Я кивнул. И вытащил из кармана генетическое заключение:

— Эдгар, штамп по-прежнему красный.

— Конечно. Бумага была с тобой, изолированная темпоральным полем зонда. Это осколок прошлой реальности. Запроси повторное заключение.

Нагнувшись над видеофоном, я набрал номер генетического центра. Сообщил свой шифр и попросил выдать на экран копию.

Как ни странно, я почти не волновался. Эдгар нервничал гораздо сильнее. Несколько секунд в архивах шел поиск. Затем появилось изображение.

— Штамп зеленый, — тихо сказал Эдгар. — Поздравляю, Миша. Я свое обещание выполнил.

«Разрешено. Генетический контроль». Обезличенная, обтекаемая формула. Право на счастье, право на полноценность. Признание нас с Катей нормальными людьми.

Я даже не мог радоваться. Я смотрел на зеленый штамп как на что-то само собой разумеющееся. Нужели, побывав во вчерашнем дне, перестаешь радоваться дню завтрашнему?

— И я сдержу свое обещание, — сказал я. И продиктовал Эдгару имя и адрес мальчишки, который был его сыном.

— Он похож на меня? — быстро спросил Эдгар.
Я пожал плечами. Допил кофе.

— Немного. Я тоже тебя поздравляю, Эдгар. Прощай.

Он не стал меня задерживать. Когда я выходил из коттеджа, Эдгар уже сидел за компьютером. Готовил задание для темпорального зонда. Я искренне пожелал, чтобы дряхлый автомат выдержал эту последнюю нагрузку.

Заказанная Эдгаром машина ждала меня на дороге. Вначале я заехал в генетический центр и там из рук улыбающейся девушки получил украшенное зеленым штампом заключение. Затем машина отвезла меня в маленькое прибрежное кафе, где мы всегда встречались с Катей.

Она ждала меня за нашим любимым столиком. С вазочкой неизменного апельсинового мороженого,

которое всегда предпочитала другим сортам. И ро-
динка по-прежнему была у нее на щеке. И улыбка
вспыхнула, как раньше. И волосы пахли только Ка-
тей, когда она уткнулась мне в плечо.

— Миша...

Я закрыл глаза, обнимая ее за плечи. Все хорошо.
Штамп зеленый. Я люблю тебя, как это страшно...

— Миша, никогда не бросай меня больше. Лад-
но? Я так скучала... А почему ты не звонил вчера?
Где ты был?

Где я был? В городке ненаписанных писем. В ко-
ролевстве несказанных слов. Бил по морде предка
своей любимой.

— Почему ты молчишь, Миша? Миша! Я люб-
лю тебя!

Катя осталась такой же, как раньше. Ну, может
быть, что-то чуть-чуть изменилось. Невидимое для
глаза, неощутимое для моего сверхобоняния. Что-то
неуловимое, эфемерное... Один процент. Может быть,
мы и любим как раз-то этот неуловимый процент,
эту сотую долю, которую не в силах назвать? А мо-
жет, никому не дано переделывать свою любовь...

— Все хорошо, Катя, — прошептал я. — Хочу,
чтоб ты стала счастливой. Все хорошо.

Кто-то смущенно кашлянул за моей спиной. Я по-
вернулся и увидел вежливо улыбающегося официанта.

— Простите, ваше имя — Михаил Кобрин?

Я кивнул.

— Вас вызывают по видеofону. Очень просят
подойти.

Я крепко сжал Катину ладошку. Ободряюще улыб-
нулся, прошел в маленькую стеклянную кабинку.

С экрана смотрел куда-то мимо меня Эдгар.

— У Марии и Андрея Денисенко нет и никогда
не было сына, — вялым, бесцветным голосом про-
изнес он.

— Я видел его. Говорил с ним, — тупо ответил я.

— И я видел. В записях темпорального зонда, который следил за тобой. Мальчик существовал только в прошлой реальности. В нынешней его нет. Искусственное оплодотворение материалом неизвестного донора десять лет назад не увенчалось успехом. Так сказано в медицинской карте, понимаешь?

— Наше вмешательство затронуло эту женщину?

Эдгар кивнул. Сказал, почти переходя на крик:

— Я и не подумал проверить приемных родителей. Я просчитал на машине только наши с тобой жизненные линии. Понимаешь? У меня осталась лишь пленка. Мальчишка с велосипедом... Он очень похож на моего сына... который погиб. Если бы я увидел его раньше, то догадался бы и сам.

— Башня из кубиков рассыпалась, Эдгар. — У меня даже не было сил утешать его. — Она упала, а мы под обломками.

Я повернулся и пошел к девушке, которую мне придется любить.

ВКУС СВОБОДЫ

Перрон был пуст.

Я постоял немного на цветном бетоне, глядя на вагончик монора. Медленно сошлись прозрачные створки двери, вагон качнулся, приподнялся над рельсом и ровно пошел вперед. Пустой вагон, уходящий с пустого вокзала.

А чего я еще, собственно говоря, жду? Ночь. Нормальные люди давным-давно спят.

Я двинулся по перрону, стараясь наступать лишь на оранжевые пятна. Цветной бетон вошел в моду

лет пять назад, и у мальчишек сразу появилась игра — ходить по нему, наступая лишь на один цвет. Достаточно сложно, между прочим. Приходится то семенить, то прыгать, то идти на цыпочках, опираясь на крошечные пятнышки выбранного цвета.

Сейчас оранжевая дорожка вела меня вдоль длинной шеренги торговых автоматов. Чувствуя мое приближение, они включали рекламу, и я шел сквозь строй довольных, веселых, пьющих колу, жующих горячие бутерброды, моющих волосы шампунем от перхоти, слушающих исключительно «Трек», курящих безникотиновые сигареты людей. Я даже посмотрел, не удастся ли пройти к автоматам и взять баночку колы. Но оранжевых пятен между мной и колой не было. Я двинулся дальше — вдоль жизнерадостно клацающей дверями стены вокзальчика, мимо информ-терминалов, телефонов, мимо пологих спусков с перрона, ведущих к городку. Судя по надписи над вокзалом, почему-то несветящейся, незаметной, город назывался Веллесберг. Я в общем-то ехал в городок китайских переселенцев И Пин, но за пять часов монор надоел мне до отказа.

Оранжевые пятна перешли в оранжевые брызги, а затем — в редкие островки оранжевого цвета. Но пути с перрона все не было. Я шел и шел вдоль тускло-серого рельса, увлеквшись игрой так, что не заметил — на перроне я не один.

— По оранжевым вниз не сойдешь, — послышалось из-за спины.

Я обернулся. В стене вокзала была глубокая ниша с широкой скамейкой. На ней и сидел говоривший — мальчишка моего возраста, судя по голосу. Впрочем, взрослого я почувствовал бы по запаху, еще только выходя из вагона. Взрослые пахнут сильно в отличие от детей.

— Уверен? — поинтересовался я.

— Абсолютно.

По-русски он говорил совсем чисто. Ничего удивительного, здесь много наших летом отдыхает.

Пожав плечами, я сказал:

— Меняю цвет на красный.

Это уже как бы не совсем чистая победа — поменять цвет. Но на соседний по спектру — можно. Я шагнул на алюминиевую кляксу.

— По красным не выйдешь, — словно бы с удовольствием сказал мальчишка. — Ни один цвет не дает выхода. Если честно играешь — не выйти. Это специально, чтобы дети не играли возле путей. Такто, дружок...

Я разозлился. Называть меня дружком или сравнивать с детьми никто не имел права. Тут дело не в биологическом возрасте. Тем более что нахал никак не мог быть старше меня.

С места, отчаянно оттолкнувшись, я прыгнул по направлению к скамейке. Перед ней была полоска красного бетона, и... К сожалению, я не Гвидо Мачесте, непревзойденный чемпион по прыжкам без разбега. Растигнувшись перед нишей, я ткнулся лицом в бетон, а макушкой — в босые ноги обидчика.

— Не допрыгнул, — насмешливо прокомментировал он мои действия. — Ни один цвет не дает выхода, понял? Выхода нет, дружок. Выхода нет.

Я медленно поднимался, между тем знаток веллесбергского вокзала с ноткой искреннего сочувствия спросил:

— Ударился-то не сильно, а?

Но я уже не обращал внимания на интонацию и слова. И на то, что запаха вражды не было, тоже.

Видели бы меня сейчас психологи регионального Токен-центра... В носу хлюпала кровь, разбитая губа

ныла, по щеке словно наждаком провели. Не говоря ни слова, я ринулся на собеседника. Несколько секунд мы просто боролись, он явно ждал драки и угадал мой рывок. Потом, вырвавшись, я саданул ему по лицу — несильно, вскользь, получил в ответ под дых, еще разок достал противника — теперь уж посильнее...

По телу прошла дрожь, уши заложило от нестерпимо тонкого писка. Я застыл, отшатываясь от своего неожиданного врага. Потом запустил руку в карман рубашки, вытащил маленький металлический диск. В центре Знака тлела, медленно угасая, оранжевая искра. Посмотрел на своего собеседника — и обомлел. В его руках тоже тухла светящаяся точка.

Сейчас я разглядел мальчишку получше. Он был полуголым, в одних шортах, в карман которых и отправился сейчас отключившийся медальон. На груди у него болтался какой-то амулет, слабо поблескивая в темноте. Волосы торчали в разные стороны гребнями.

— Вот идиоты... — прошептал мальчишка. — Устроили драку, как дети.

— Ага, — виновато подтвердил я. — Это вызывник сработал?

— Да. Что, не слыхал раньше?

Я покачал головой:

— Я Игорь, — сообщил мальчишка, хватая меня за руку. — Давай за мной...

— Положено дождаться... — начал было я.

— На положено — бревно заложено, — отрезал Игорь и нырнул в темноту. Мгновение поколебавшись, я последовал за ним.

Мы успели пробежать мимо флаерной площадки. Пара прокатных машин стояла под зелеными огоньками, над одной — то ли забронированной, то ли незаправленной — горел красный; миновали абсолютно пустую автостоянку; несколько торговых па-

вильончиков; и лишь тогда взвыли сирены. Прямо на перрон садились два флаера, полицейский и медицинский, можно не сомневаться.

— Догонят, — выдавил я. В горле почему-то персохло. Зато нос хлюпал и кровил.

— Еще чего. — Игорь согнулся, положив руки на коленки и глубоко дыша. То ли всматривался в садящиеся машины, то ли отыхал. Я подумал, что, несмотря на задиристость, он силой не отличается.

— Дадут приказ на Знаки и выйдут по пеленгу, — предположил я.

— Ерунда. — Игорь был абсолютно спокоен. Он уверенно выбрал одну из дорожек, украшенную неработающими фонарями, и двинулся по ней. Мне же бросил: — Пошли, минут через двадцать будем в городе.

Торчать в привокзальном парке, в ста метрах от полиции, было бы просто глупо. Догнав Игоря, я спросил:

— Уверен, что за нами не погонятся?

— А зачем? Поступило два одномоментных сигнала о легкой агрессии. Ясно, что два дурака дали друг другу по морде. Полиция прибыла, убедилась, что драки уже нет. Зачем нас догонять? Мы же откажемся от обвинений, верно? Заявим, что давние друзья, а нападал на нас незнакомый мужчина...

Он хмыкнул и закончил:

— Белые мундиры не идиоты носят. Что, охота им ловить несуществующего маньяка?

Некоторое время мы шли молча. Знаки молчали, значит, полиция и впрямь не собиралась искать нас по пеленгу. Потом я спросил:

— А что ты не вынешь вызывник из Знака?

Вопрос был дурацкий. Хотя бы потому, что на встречный вопрос: «А почему сам ходишь с вызывником?» — был лишь один ответ. Знак я получил

меньше недели назад и в течение полугода не имел права отключать блок контроля. Но Игорь спокойно ответил:

— Пусть детишки свои знаки уродуют. Мне вызывник трижды жизнь спасал.

Я ему не поверил. Довести себя до критического состояния, чтобы Знак вызвал экстренную помощь, — это надо очень постараться.

— Почему фонари не работают? — сменил я тему разговора.

— Город перегружен, — с готовностью объяснил Игорь. — Здесь много научных центров, сейчас проходят две конференции, плюс курортный сезон... Энергии не хватает, гостиницы забиты.

— Ясно. А зачем мы идем на пристань? — спросил я.

Игорь замолчал. Вокруг было темно — едва-едва угадывалась под ногами поверхность дорожки, да и то из-за вмурованной светоотражающей крошки. И тишина — лишь шлепает босыми ногами Игорь и подошвы моих кроссовок тихонько наигрывают «Пора в путь-дорогу...». Отключить, что ли, достала уже эта музыка...

— Откуда знаешь, куда мы идем? — спросил начальник Игорь. — Бывал тут раньше?

— Первый раз. Морем пахнет, — объяснил я. — И озон — как от зарядной станции. На берегу скорее лодочная станция, чем автостоянка, верно?

— Ничего не чувствую, — старательно принюхавшись, сообщил Игорь. — Ну и нюх у тебя... как у индейца. Чингачгук...

— Михаил. Просто я мутант.

— А, понял. Если еще подернемся, я тебя не буду бить по носу, — после короткой паузы пообещал Игорь.

Я против воли усмехнулся. Бей не бей — это ничего не изменит на самом-то деле. У меня рецепторы

запаха не только в носу. Но сама реакция мне понравилась. Я уже давно привык, что половина ребят, как только узнают, что я мутант, не хотят дальше общаться. Говорить этого я не стал, а повторил:

— Так зачем мы идем на пристань? Ты что, утопить меня хочешь? Так я хорошо плаваю, учти.

— Псих! — неожиданно резко огрызнулся Игорь. — Я там живу...

Несколько секунд он молчал, потом добавил:

— Не шути так, Мишка. Меня однажды топили. Это очень неприятно.

Пока я пролистывал телефонный справочник, Игорь возился на кухне. Он готовил яичницу, причем не из порошка или брикета, а настоящую, из яиц. В маленькой кофеварке варился кофе — тоже настоящий, из только что смолотых зерен. От еды я решил не отказываться: вот уже неделю, как приходилось жрать только синтетику.

— Что ты там ищешь, Чингачгук? — поинтересовался Игорь, пытаясь одной рукой разбить яйцо над сковородкой, а другой — достать чашки из шкафа над мойкой.

Мебель на кухне была обычная, на взрослого. Значит, муниципальная квартира и живет в ней Игорь недавно.

— Ну... мало ли.

Краем глаза я поглядывал на него, уж очень забавно Игорь выглядел при свете. Прическа у него оказалась из семи разноцветных гребней. В левом ухе серьга, на груди старый автоматный патрон на цепочке.

— В гостиницах остались только платные места, учти. А с работой... — Игорь презрительно хмыкнул и не закончил фразы. Зато доброжелательно предложил: — Можешь пожить у меня. Я вот работаю, по-

тому что хочу нормально поесть и купить хорошую одежду.

— Сейчас ты в ней нуждаешься, — не удержался я.

— Ага. — Игорь победоносно закончил сражение с яичницей и принял разливать кофе. — Я на югах болтался, там и в шортах жарко. А носить бесплатную синтетику не собираюсь... Живи у меня, Мишка.

— Все равно я хочу найти работу, — упрямо повторил я. — Без денег неуютно.

— Совсем пустой?

Пожав плечами, я полез в карман, выгреб горсть монеток и несколько бумажек, положил на стол среди хлебных крошек и яичной скорлупы. Большей частью это были обычные монеты, которые есть у любого мальчишки, считающего себя нумизматом: советские гривенники, американские центы, монгольская алюминиевая мелочь, российские копейки. Но были и редкости — казахский тенге с портретом какого-то президента, в начале века изъятый из обращения и почти весь уничтоженный, уральские четыре рубля — единственная в мире монета такого странного номинала, полная серия «поляничек» — денег московского княжества.

Игорь сразу же завладел «поляничками», запаянными в прочный пластик. Завистливо оглядел и сказал:

— Тоже их собирал. У меня одной не было, где Петр Первый с подзорной трубой, она же самая редкая... Баксов двадцать за них дадут. Да еще десятку за четырехрублевку и тенге, и пару за остальное. Нормально! Ты богач!

Я подумал и решил, что Игорь прав.

— Как ты их еще не профукал, а? — Мой новый знакомый все крутил в руках коллекцию, и в глазах у него был азарт. Он и впрямь был коллекционер. Ну, несерьезный, конечно, а такой же, как я.

— За три дня не успел, — сказал я.

— Какие такие три дня?

— Я во вторник из дому ушел.

Игорь отложил мои сокровища:

— Серьезно?

— Да.

— Тебе лет сколько? — Он построил фразу немножко странно, так иногда говорят взрослые, когда пытаются подчеркнуть свой возраст. Будто в возрасте скрыто какое-то преимущество.

— Тринадцать.

— Точнее!

— Тринадцать лет три месяца и двадцать дней! — ехидно сообщил я.

— Блин, ты старше меня... мне только два месяца назад тринадцать стукнуло.

— Поздравляю.

— Зато я получил гражданские права в двенадцать лет ровно! — сообщил Игорь.

— И что с того? Лешка Филиппов все права получил в десять. Мария-Луиза де Марин в восемь лет. семь месяцев и...

Игорь ухмыльнулся:

— Ты крайности не бери. На самом-то деле только один из десяти тысяч признается полноправным гражданином мира раньше двенадцати лет.

— Я бы еще лет пять не признавался, — сказал я. — Как в двадцатом веке. На фиг мне это надо.

Игорь кивнул:

— Понятно. Ладно, все ясно, ты парень-кремень, на вопросы отвечать не любишь, про жизнь свою гадкую рассказывать еще не привык...

Я ничего не ответил. Игорь шлепнул на стол скворчащую сковороду, тарелку с хлебом, вилки:

— Лопай.

Упрашивать себя я не заставил.

Вот почему так происходит? На вкус вроде бы и никакой разницы нет, что синтетическая пища из бесплатных кормушек для *чмо*, что нормальная еда из естественных продуктов. А все равно... синтетику жрешь через силу, только потому, что знаешь — надо...

— Это жизнь, — сказал Игорь.

Я посмотрел на него.

— Вкуснее потому, что в этой еде — жизнь, — сообщил он. — Курочки несли яички, из них должны были выплыться птенчики... А мы их лопаем. Эмбриончиков куриных. Белок, жиры, углеводы — все это фигня. Жизнь мы жрем. Чужую. Мы — живые. Значит, должны чужую жизнь поглощать. А синтетика — обман желудка!

— Ты телепат? — прямо спросил я. Мне стало не по себе, и я наплевал на правила хорошего тона.

— Нет, ничуть. Я не мутант. Повышенная способность к эмпатии, вот и все. Ты ведь думал о том, почему нормальная еда лучше синтетики, верно? Я это почувствовал. У меня бывает.

— Да, я думал об этом, — честно сказал я. — Только вряд ли дело в том, что мы... такие. Что нам убить кого-то надо. Сожрать. Просто вся эта синтетическая жратва — она несовершенная. Наверняка упущены важные компоненты...

На лице Игоря появилась сладкая улыбка.

— Ага... Ну как хочешь. Тогда лопай свои важные компоненты, а то я ждать не буду.

Минут через пять мы закончили с яичницей. Игорь похлопал себя по животу, потянулся за кофеваркой. Небрежно спросил:

— Так что ты собираешься делать?

— Жить.

Игорь поморщился:

— Мишка, ты не в Токен-центре тесты сдаешь... Я тебя не спрашиваю, почему ты ушел из дома. Мне интересно, зачем ты ушел.

— Чтобы жить, — честно попытался я объяснить. — Я ведь имею теперь право на бесплатное жилье в городе с населением менее ста тысяч?

— Имеешь, — весело подтвердил Игорь. — И получишь, спору нет.

— Я в И Пин ехал, — сказал я. — Это где китайская колония. Говорят, они нормально относятся... к таким, как мы.

Игорь ухмылялся. Игорь открыл ящик стола, достал оттуда пачку сигарет и зажигалку. Спросил:

— Будешь?

— Нет.

— Это не травка, не бойся. Обычные безникотиновые сигареты.

— Все равно не буду, — беря свой кофе, сказал я. — Игорь, а как здесь относятся к нам?

— К детям, что ли? — выпуская клуб дыма, спросил Игорь.

— К детям, получившим Знак Самостоятельности.

— Да нормально относятся, как везде, — лениво сказал он. Голос у него изменился, и если бы не явный запах табака и горелой бумаги, я бы заподозрил, что он курит травку. — Ты не комплексуй. И в страшилки не верь. Везде в мире к детям, доказавшим свое право жить самостоятельно, относятся одинаково... — Он выпустил еще один клуб дыма и закончил: — Никак...

Я ничего не сказал. Смотрел, как он курит. Дым был красивый — шершавый, как наждак, сиреневый, шелестящий.

— На что уставился?

— Дым. Шикарно выглядит.

Игорь посмотрел на меня, как на идиота.

— Чего в нем шикарного? Дым как дым... черт...

Он торопливо загасил сигарету прямо в сковородке.

— Ты же мутант... тебе неприятно, да?

Вот как ему объяснить...

— Тут другое, — попробовал я. — Понимаешь, я запахи по-другому чувствую.

— Как по-другому?

— Я их вижу, слышу... даже тактильно ощущаю. Вот ты куришь, и дым — шероховатый. И шуршит, как песок.

Глаза у Игоря округлились.

— Что, серьезно? И ты все так видишь?

— Ага. Вот у тебя в ванной комнате шампунь с запахом лимона. Только не радуйся, это синтетический запах. Если был бы настоящий, то пискал бы тоненько и не был такой гладкий... а с шершавинкой... понимаешь?

— Обалдеть! — с чувством сказал Игорь. — Я знал одну девчонку, с усиленным зрением. Так у нее все очень просто было. Когда хотела, перестраивалась на режим дальнего зрения, когда хотела — на ближний режим. Знаешь, у нее так смешно глаза менялись — то вперед выпучиваются, то втягиваются, и радужка то каряя, то голубая... Но она говорила, это то же самое, словно в бинокль или микроскоп смотришь...

— А вот у меня — так, — ответил я.

Игорь замолчал.

— Извини. Я понял, ты об этом не хочешь говорить.

— Да брось, спрашивай сколько угодно... — отмахнулся я.

— Забыл, что у меня способности к эмпатии? — спросил Игорь.

Я посмотрел на него. И почему-то не стал врать:

— Забыл. Да, не хочу я про это. Спасибо.

Игорь встал из-за стола, быстро сложил посуду в моечную камеру. Зевнул:

— Ты спать не хочешь?

— Хочу. Я в моноре спал, но там шумно.

— У меня кровать одна, ты ложись на диване, — предложил Игорь. — Или могу кровать уступить. Мне все равно где спать.

— Я на диване, — торопливо сказал я. Мне действительно было неудобно. Вначале подрался, причем, ведь сам начал, потом в гости завалился, настоящей еды поел. Теперь еще хозяина с кровати согнать — и совсем молодец буду.

Игорь прав, конечно. Не люблю я о себе говорить.

Когда я был совсем еще маленьким и не понимал, как сильно от других отличаюсь, то иногда что-нибудь такое ляпну... и все смеются. Особенно взрослые, которые знали, что у меня условно-положительная мутация. Наверное, смешно, когда подбегает карапуз, водит рукой в воздухе и говорит: «У тети духи шуршат!» Они ведь действительно шуршили...

И эти проверки! Каждый месяц, сколько себя помню. Пробирки, в них бумажки, и каждая чем-то смочена... «Мишенька, как ты ощущаешь этот запах? Светящаяся полоса? Вибрирует? Молодец, Мишенька. А ты помнишь, как пахнет молоко? А на каком расстоянии ты чувствуешь человека? Да, взрослого... Ну, пусть летом... да, потного... Правда?» Это вначале интересно. Потом скучно. А потом просто противно.

«Миша, сосредоточься, пожалуйста. Давай пролистим закономерность между запахами полыни и вешенства сто тридцать шесть прим... Только общая звуковая тональность? Миша... нельзя ли подойти чуть ответственнее? Цвет? Сосредоточься!» Играть в прятки и находить всех по запаху было интересно. Потом

со мной перестали играть в прятки. А потом вообще перестали играть. Это когда поняли, что я чувствую чужую неуверенность. А как ее не почувствовать — бледно-сиреневое кольцо запаха, с визгом расходящееся от человека...

«Михаил, тестовую группу «гамма-6» надо повторить... Почему? Как колет? Словно иглы? Это очень болезненно? Михаил, а давно тактильные ощущения приобрели болевой характер? Почему ты не говорил раньше? Ты понимаешь, сколько людей заняты изучением твоих способностей? Нет, Михаил. Это не только твое дело. Твои возможности уникальны. Михаил, неужели ты не можешь немного потерпеть? Твои ощущения субъективны, никакого реального вреда для здоровья нет...» Я долго думал, что стоит только пожаловаться родителям, и все это прекратится. Навсегда. Ведь они не могут не понять...

А они слишком хорошо все понимали. Это был папин проект. Его самое удачное изменение генома... собственного генома. Его слава, его успех, его вклад в науку. Деньги, наверное, тоже. Но деньги тут были совсем не главным, вратарь не стану.

Я был экспериментом. Мое рождение было запланировано, на него было получено особое разрешение. Мама и папа подписали документы о том, что в случае появления у меня безусловно-негативной мутации они не возражают против эфтаназии.

Кстати, от меня они этого не скрывали.

Но никаких негативных мутаций не было. Все прошло хорошо. Угрозы для общества я не представляю. У меня даже комплексов нет по этому поводу. Я ведь знаю, чем кончился пятнадцать лет назад эксперимент по созданию людей со способностью прямого взаимодействия с компьютерами. Виртуальный клон последнего из них выследили и уничтожили только в прошлом году.

Так что я не боялся, совсем не боялся, что меня могут в любой момент усыпить. И когда сдавал тесты на психологическую и эмоциональную зрелость, вовсе не хотел отомстить родителям. Зря мама кричала, когда я уходил. Я их не ненавижу. Я их даже люблю.

Я только хочу быть самим собой.

Поэтому и получил Знак Самостоятельности. Стал таким же равноправным членом общества, как любой взрослый. Первым делом потребовал все документы по своей мутации, думал, может быть, она устранима. Оказалось, что нет. Если меня лишить обоняния, то зрение и слух тоже исчезнут.

Тогда я и ушел из дома...

Проснулся я уже довольно давно, но все лежал в постели, не открывая глаз. Игоря в доме не было, это я по запаху чувствовал. Зато он оставил на столе завтрак и записку — чернила еще не застыли окончательно, и я их слышал.

Это удобно, очень удобно. Тут мама и папа правы. Они только не понимают, что дали мне слишком много. Куда больше, чем я могу переварить.

Я наконец-то решился и открыл глаза. Первые секунды трудно — весь мир пахнет, и все это приходится видеть. Чем больше вокруг техники и синтетики, тем труднее. Я раньше называл эти запахи «злыми»...

Хорошо, что в этом домике только гарантированный обществом минимум техники.

Я пошел в ванную. Там нашелся разовый санитарный пакет, в который входит все — от зубной щетки и полотенца до презерватива и туалетной бумаги. Обожаю эти пакеты, в них не кладут парфюмерию с сильным запахом. Потом я оделся, поел и вышел из дома.

Море было совсем рядом. У маленькой дощатой пристани покачивались на воде катера. Чуть в сторо-

ну начинался пляж, сейчас еще совсем пустой, только десяток мелких ребятишек под присмотром учителя бегали по мокрому песку вдоль берега. Наверное, тренировалась какая-то спортивная секция.

— Эгей!

Игорь сидел на раскладном стульчике. Он был в одних плавках и мокрый, уже успел искупаться.

— Ты поел?

— Да, спасибо. — Я подошел ближе. — Загораешь?

— Работаю! — возмутился Игорь. — Не видно разве?

Он пнул ногой кредитный сканер, валяющийся на песке. Сканеру было все равно — это специальная модель.

Я постоял, глядя на море.

— Игорь, а почему ты работаешь здесь? Любишь море?

Он неопределенно дернул плечами.

— А все-таки? Платят хорошо?

— Копейки.

— Тогда...

— Мишка, ты что, совсем лопух? — Игорь говорил резко, но, судя по запаху, был совершенно спокоен. — Знаешь, какой процент безработных в Европе?

— Тридцать с чем-то...

— Тридцать семь. Ну, пускай из них половина не хочет ничего делать и готова жить на пособие. Чмо — оно и есть чмо. А остальные все не прочь подзаработать. Мне эту-то работу дали только из-за возраста.

— Как из-за возраста? У тебя есть Знак, значит, никто не вправе дискриминировать...

Игорь захихикал:

— Вот именно. Потому и дали работу. Чтобы не доказывать в суде, что хотели унизить меня по возрастному признаку. И тебе также дадут, не беспокойся!

— Я так — не хочу! Сидеть на стуле и водить кредитками по сканеру...

— Да? — Игорь заинтересовался. — Не хочешь? А, простите за нескромный вопрос, какое у вас образование, кроме базового? Ты специалист в области программирования? Имеешь право на вождение пассажирского или грузового транспорта? Диплом врача? Или диплом преподавателя? — Он хихикнул.

— Нет, — честно сказал я. — Базовый курс образования. Ну и все обязательные профессии...

— Ага. Пользователь информационного терминала и оператор торговых автоматов. Меньше умеют только дебилы. Миша, ты пойми...

У него опять начался этот менторский тон. Но я не возмущался. Я слушал.

— Никто не будет тебя дискриминировать! Не надейся! Никто и никогда не скажет тебе... в лицо... что ты всего-навсего сопляк с железякой на цепочке... В Европе и в Северной Америке — точно не скажут. Тебе даже будут давать больше, чем другим, лишь бы избежать обвинений в социальной некорректности. Но и всерьез тебя никто не воспримет.

— Посмотрим...

— Давай. — Игорь усмехнулся. — Как найти центр занятости, подсказать?

— Справлюсь.

— Успехов. — Игорь вытянулся на стульчике, раскинул руки. — Валяй! Вечером приходи, поделившись впечатлениями, ладно?

Я развернулся и молча зашагал по дорожке. Кроссовки тихонько напевали «Скатертью-скатертью дальний путь стелется...». Хорошие кроссовки. Не бесплатные. В социальный минимум не входят. Мне их подарила мама на день рождения.

Центр занятости был недалеко. Я даже не стал брать напрокат машину, пошел пешком, хотя на два

часа пользования в день у меня право есть. Пусть лучше часы суммируются. Как-нибудь возьму машину и отправлюсь путешествовать. Вот только решу все с работой и жильем...

В центре пришлось минут пятнадцать посидеть в очереди. Людей было немного, но и очередь двигалась неспешно. В основном в ней сидели азиаты и арабы, но были и две девушки, говорившие по-русски, и несколько местных.

На меня поглядывали. Но вроде бы равнодушно. Только от девушек шел запах любопытства.

Потом подошла моя очередь.

Служащий центра мне понравился. Был он молодой, добродушный, весело улыбнулся, жестом указал на кресло перед своим столом, потом вопросительно посмотрел на кофеварку. Я кивнул, решив, что тоже могу поиграть в молчанку.

Кофе был синтетический. Может быть, очень хороший и для обычных людей почти неотличимый от настоящего, но я-то вижу сразу...

— Ищете работу? — полюбопытствовал служащий, как будто я был его старым приятелем и мог заглянуть в центр занятости просто так.

— Да.

— Позвольте?

Я протянул ему Знак. Служащий провел им над сканером, вернул мне обратно. Хмыкнул. Подпер ладонью подбородок, глядя на экран.

— Так... у вас есть права персональной ответственности... но нет прав на ответственность общественную. Так?

— Да, — признал я.

— Значит, все вакансии, на которых от ваших действий зависит безопасность и благосостояние других граждан, мы вынуждены отбросить...

Он опять улыбнулся:

— Впрочем, их и нет в наличии! Так что вы ничего не теряете!

— А какая работа есть? — спросил я и вдруг почувствовал в своем голосе жалобные нотки.

Служащий вздохнул:

— Попробуем... посмотрим...

Его пальцы пробежали по клавиатуре компьютера.

— Ну, например... — Он снова вздохнул. — Торговля мороженым на пляже...

Я представил, как буду бродить среди отдыхающих с тележкой, одетый в белую форму и берет с нарисованными ягодками. Сказал:

— Это для детей работа. На каникулах подрабатывать.

Служащий долго смотрел в экран.

— Михаил... вам так хочется работать?

— Да.

— Позвольте спросить... зачем? — Он посмотрел мне в глаза. — Общество готово предоставлять любому человеку гарантированный социальный минимум. В него входит медицинское обслуживание, проживание в гостинице, пища, одежда, некоторое количество развлечений и транспортных услуг. Вы ведь это знаете?

— Я хотел бы приносить пользу обществу, — сказал я тупо, будто опять был на экзамене.

— Михаил... вы позволите? — Служащий достал сигарету.

Я кивнул.

— Как ни ужасно это звучит, — закуривая, сказал служащий, — вам не повезло, что вы родились в двадцать первом веке. С вашим характером...

— Откуда вы знаете мой характер? — резко спросил я.

— Вы позволите говорить откровенно? — спросил служащий.

— Конечно.

— Вы неделю назад сдали тесты и получили гражданские права. Я никоим образом не пытаюсь вас оскорбить, поверьте. И полностью признаю, что ваш интеллект заслуживает этого...

— Да не перестраховывайтесь, — сказал я. Мне вдруг стало интересно. Пожалуй, это был первый человек, ну кроме родителей, который откровенно говорил на эту скользкую тему. — Не собираюсь я на вас в суд подавать, можете прямо говорить, что я всего лишь мальчишка.

За эту фразу служащий наградил меня улыбкой.

— Я не об этом веду речь, молодой человек. Вы стали гражданином мира. Прекрасно! Но давайте признаем, что ваш жизненный опыт и способности естественным образом ограничены. Вы вольны жить где угодно, делать что угодно, получать от общества помочь... но вам ведь не это нужно? Вы хотите самоутвердиться. Доказать, и в первую очередь себе самому, что вы такой же, как все; ничуть не хуже. И, скажу честно; это говорит в вашу пользу. Но... мы живем в эпоху процветания. Сейчас не девятнадцатый и не двадцатый век. Нигде и никому не нужен неквалифицированный труд. Есть огромная потребность в высококвалифицированных специалистах, но для остальных остается торговля мороженым и воздушными шариками. Я образно говорю.

— Я образно вас понял, — буркнул я.

— Не обижайтесь. — Служащий взял себе еще кофе. — Я размышляю, чем вам помочь...

Я видел, что он не врет. Действительно пытается что-то придумать. И от этого становилось только тоскливее.

— У нас есть специальная работа для тех, кто считает себя незаслуженно невостребованным, — сказал вдруг служащий. — Творчество. Как вы отнесетесь,

если я предложу вам стать художником, музыкантом, поэтом?

— Так у меня к этому нет способностей... — начал я. И тут же понял, о чем он.

— Способностей не надо, — спокойно ответил служащий. — Артистическая среда. Создание собственного художественного стиля. Например, будете рисовать белые квадратики на красном холсте. И станете основателем нового направления в искусстве. Но ведь это тоже — социальный клапан. Каждый человек хочет верить, что он кому-то нужен.

— Я хочу быть нужным по-настоящему! — воскликнул я.

— Верю! Потому и не пытаюсь предложить вам имитацию работы. — Служащий вздохнул. — Михаил, может быть, у вас есть какие-то особые способности? Ну хоть что-то, недоступное другим людям?

Вот до этого момента все было нормально!

А тут...

Сам он этого не заметил, ему казалось, что говорит он совершенно естественно. Но я-то видел. Будто серые иглы медленно посыпались с его кожи.

Запах настороженности. Запах двойной игры.

— Какие у меня способности... — вздохнул я.

Про мои способности «нюхача» он ничего знать не мог, не должен был. Эта информация тоже вложена в Знак, но доступна лишь врачам, а никак не мелким клеркам в офисе по трудоустройству.

— Жалко, — вздохнул служащий. — Тогда... наверное... боюсь, ничем не могу помочь. Кроме работы продавцом. Или творческой работы...

У него пошел новый запах. Легкого торжества. Доброжелательного, я и впрямь был ему симпатичен... но все-таки торжества.

Он меня загнал в ловушку.

— Так что же, — тихо спросил я. — Я формально человек вполне самостоятельный и обществу нужный. А на самом деле все, что мне могут предложить, — имитация работы?

— Да. — Служащий кивнул. — Буду с вами откровенен, ситуация такова. Как частное лицо я лишь могу вам посоветовать поступить в какой-либо университет, получить высшее образование...

— У вас же результаты всех моих тестов на экране, — сказал я. — Гляньте сами. К чему у меня есть ярко выраженные способности?

Служащий вздохнул:

— Боюсь, что особых способностей нет ни к чему. Но когда вы получите образование, с работой будет проще.

— Она ведь тоже будет такой... никому не нужной. Только я не по пляжу буду с тележкой ходить, а сидеть в кабинете. Вроде вас.

— Наше время благоприятно для ярко выраженных личностей. — Он искоса глянул на меня. — Или для ярко выраженных бездельников. Первые живут очень полнокровной жизнью. Вторые — довольствуются тем, что общество им дает. А вот «серединке», обычным, рядовым гражданам, труднее всего.

— Понимаю. — Я встал. — Спасибо. Я подумаю над вашими словами.

Служащий тоже поднялся, протянул мне руку:

— Подумайте, Михаил. И если вам удастся придумать какую-нибудь оригинальную область применения ваших знаний и умений... буду счастлив помочь!

Он мне разве что прямо не сказал, что знает, кто я такой.

— Обязательно! — сказал я.

Муниципальное кафе я нашел на соседней улице. Сел за свободный столик, ко мне сразу же подошел

официант. Очень вежливый и важный. «Серединка» общества. Ему тоже когда-то хотелось стать великим и богатым. Он тоже ходил в центр занятости. И вот нашел свое место в жизни. Ему ведь нечего было предложить «оригинального».

А мне — есть что.

Только не хочется.

Я заказал несколько блюд из бесплатного списка. Все синтетическое, кроме хлеба.

Мне почему-то подумалось, что эти пищевые ограничения — немного нарочитые. Общество может себе позволить тратить на чмо гораздо больше.

Вот только какие тогда будут стимулы у людей?

Испытание изобилием. Мы это проходили в школе. Золотой век. Всеобщая сытость. Невиданный прогресс науки...

Нам всегда говорили, что это хорошо. В целом, наверное, да. А вот для каждого отдельного человека — возможны варианты.

Я ел суп, который только что развели из порошка горячей водичкой. Суп был вкусный. Только я видел все химические компоненты, которые в него добавлены. Уникум я. Очень ценный человек. Ходячий химический анализатор чудовищной силы.

И обществу, конечно же, неприятно, что я не хочу применять свои способности.

Как я мог быть таким наивным? Сел в монор и поехал через всю Европу. Свободный и независимый...

Вот только со Знаком на шее. А как иначе? Выбросить? Чтобы первый же полицейский заподозрил во мне убежавшего из дома ребенка?

Я живу в хорошее время, это правда. Нет больше войн. Нет больше голода. Преступности почти нет. И прав у людей — бери не хочу! Даже «дискrimинации по возрасту» больше не существует. И уж точно

никто не заставит своенравного мальчишку-мутанта делать то, что ему неприятно.

Но зачем заставлять, если можно вынудить?

Висит на цепочке Знак. Фиксируется сенсорами в транспорте, в магазинах, в кафе. И в каждом городе, куда я приеду, вежливый и доброжелательный человек объяснит мне, что под солнцем очень мало места.

Можно бунтовать. Можно болтаться по всему миру и ничего не делать. Но это не в моем характере, и те, кому надо, это знают.

Я встал, подошел к бесплатному видеофону. Нашел в списке центр занятости, набрал номер. И совсем не удивился, когда увидел на экране лицо моего недавнего собеседника.

— У меня вопрос, — сказал я.

— Да, Михаил. Пришла в голову какая-то идея?

Он весь был само внимание.

— Пришла. Если к вам обратится человек с условно-положительной мутацией... сверхвосприятием запахов. Ему найдется работа?

— Крайне редкая мутация! — с чувством сказал клерк. — Разумеется, найдется. Насколько я знаю, любой научный центр, любая производящая фирма возьмут на работу такого человека. Никакие аналиторы, увы, не смогут его заменить. Прорыв в области синтеза новых лекарств, получении сверхчистых химических веществ... да в чем угодно! Наука, криминалистика, производство парфюмерии... надо ли мне вам это объяснять, Михаил?

— Не надо, — честно сказал я. — Мне это с рождения объясняют.

— Я только могу добавить... когда этот человек начнет работать, его мутация немедленно будет признана положительной и внесена в общий список. Любые родители смогут подарить своим детям такую интересную способность...

— Вы правда думаете, что она интересная? — устало спросил я. И прервал связь.

А вечером на вокзале немало людей...

Я стоял у информ-терминала и тупо смотрел на экран, на бланк электронного письма. Я посыпал родителям короткие письма каждый вечер. Так они просили, да я сам не хотел, чтобы они волновались...

Вот только сейчас я не знал, что писать.

— Собрался уезжать?

Я повернулся. Игорь ухмылялся, глядя на меня.

— Еще не знаю, — сказал я честно. Переступил, и кроссовки радостно пискнули: «Мы много дорог по-видали на свете...» Нагнувшись, я наконец-то отключил у них звук.

— А я думал, ты все-таки зайдешь... — сказал Игорь. Искренне сказал.

— Скажи, ты тоже из тех, кто меня пасет? — спросил я в лоб.

— Понял уже? — Игорь усмехнулся. — Если уж меня, с моими слабенькими способностями эмпата, год доставали... такого, как ты, будут всю жизнь напрягать. Нет, Мишка. Я сам по себе. Я в эти игры не играю.

Он не врал. Хорошо, что я умею это видеть.

— За мной следят, Игорь, — пожаловался я зачем-то. — Мне сегодня дали понять... либо я делаю то, что нужно обществу, либо стану *чмо*, никому на фиг не нужным!

— Конечно, — чуть удивленно сказал Игорь. — А ты что думал? Так всегда было. Только если первобытный человек не хотел гоняться за мамонтами, хотя это у него получалось, товарищи могли его и съесть. Сейчас просто выкидывают на обочину.

— А свобода? — спросил я. Как будто Игорь в чем-то был виноват.

— А она у тебя есть. — Он снова усмехнулся. — Ты же ее получил, в полной мере. Не нравится вкус?

— Нет.

— Так извини. Другого не бывает.

Я посмотрел на бланк письма. Взял световое перо и быстро начертил на экране: «Больше писем не будет». И щелкнул по кнопке, отправляя свое последнее письмо родителям.

— Так что, ты уезжаешь? — спросил Игорь. — Если да, то можем поехать вместе. Куда-нибудь на юг, ага? Там тепло. А на пальмах синтетические бананы не растут.

— Ты такой легкий на подъем?

— Да я еще легче, чем ты думаешь, — засмеялся Игорь.

— Это ведь все равно проигрыш, — сказал я.

— Ага, — легко согласился он. — А у тебя два выбора. Либо проигрываешь ты, и наше сытое, благополучное общество. Либо выигрывает общество... ну и ты тоже.

К перрону медленно подкатил монор. В вагончик вошли несколько человек.

— Ну, едем или остаемся? — нетерпеливо спросил Игорь. — Не люблю долго раздумывать!

— Если дойду, то поехали, — сказал я. — Синий!

И прыгнул на узкую синюю полоску цветного бетона.

— Ну сколько тебе объяснять? — Игорь поморщился. — Не дойдешь. Никак. Так уж придумано!

— Верю, — согласился я. — Только знаешь, я все равно буду пробовать. Всегда.

«Л» — ЗНАЧИТ ЛЮДИ

Жанр фэнтези, сказочной фантастики, всегда был для меня сложным. Может быть, потому, что хочется иметь обоснование происходящего — не для читателя, для себя, а я совершенно не представляю механизм полета дракона или технологию действия заклинаний. «Слуга» — один из моих редких экспериментов в этом жанре, «бой на чужом поле», если можно так выразиться. Насколько результат удачен — судить Вам. Но даже в этом рассказе я не удержался и протянул тоненьку, евва замятную ниточку от сказочного мира «Слуги» в мир «Лорда с планеты Земля», а оттуда — в мир «Прекрасного далека» и «Мальчика и Тьмы». Наверное, это неизбежно, что самые разные произведения одного автора рано или поздно начинают сливаться в единое целое. И «Слуга» — маленькая, но горячая моя часть общей картины.

Аркадию — с благодарностью

СЛУГА

Слуги, со всяким страхом по-
винуйтесь господам, не только
добрым и кротким, но и суровым.
Ибо то угодно Богу.

Послание апостола Павла

*Я, Эйлар Ваас, говорю, стоя на своей земле. А зна-
чит, каждое мое слово — правда. Мое небо над головой,
мой песок под ногами, мои слуги на стенах замка.
Вы пришли без разрешения, и ваши слуги держат в ру-
ках сталь. Я не обязана отвечать на вопросы — тебе, Крий Гуус, друг отца, и тебе, Ранд Ваат, младший
брат отца и мой дядя по крови. Тем, кто идет за вами,
с длинными, как у рабов, именами и пустыми, как их
замки, флагами, я не сказала бы ни слова. Но ты, Крий,
извлек меня из чрева матери, приняв на себя выбор жизни
и смерти. А ты, Ранд, бился плечом к плечу с отцом —
на Золотых барханах и в городе Мертвых. Вы знаете,
что он был хороший господин, а я примерная дочь. И
если отец лежит в склепе, убитый моей рукой, только
вам дано знать правду. Мой отец ошибся, и тень его
ошибки упала на весь род. А началось все пять дней
назад, когда я возвращалась в замок с весенней охоты.*

Лошадиные лапы мягко ступали по узкой глини-
стой тропке — единственной, ведущей с Северных

гор к замку Ваас. Эйлар, дочь господина по крови и праву, дремала, сжимая свитые из лошадиной гривы поводья. Челдар, холодный ветер севера, хлестал ее полуобнаженное тело. Бегущие впереди рабы были одеты в теплые меховые плащи, под которыми едва угадывались взведенные арбалеты. Эйлар презрительно посмотрела на них, на мгновение пробудившись от дремоты. Раб может чувствовать холод и боль, ему позволено быть слабым. Он — раб.

Глааман, имеющий право спрашивать, догнал лошадь Эйлар перед последним поворотом. Он тяжело дышал, и ритуальные поклоны никак не попадали в тakt движению. Эйлар придержала коня.

— Эйлар Ваас, дочь господина по крови и праву... — начал Глааман. Легким кивком Эйлар позволила ему отбросить остатки титула.

— Уммилис, слышащий неслышимое, узнал голос Ранда Вааса, нашего господина. Он просит тебя поторопиться, Эйлар Ваас. Он хочет сказать большую новость.

Глааман умолк, и лишь взгляд его, молодой, откровенно цепкий, продолжал скользить по телу Эйлар. Она не обратила на это внимания. Раб может желать свою госпожу. Он может даже любить ее. Это не имеет значения.

— Что еще сказал Уммилис?

— Ничего, Эйлар. Слова господина были не для наших ушей. Он ждет тебя и просит поторопиться.

Эйлар окинула взглядом предстоящий подъем. Пять миль вдоль колючего леса, населенного ночными монстрами. А солнце уже садилось, лишь краешек оранжевого диска виднелся между горами. Полагается разбить лагерь — стражники в наружном кольце, больные и раненые во внутреннем, Эйлар,

трофеи, рабы с правом голоса — в центре. Так полагалось.

— Глааман! Скажи стражникам, что они пойдут так быстро, как ходит сильнейший из них.. Скажи им, чтобы они убивали чудовищ на тропе. Скажи слабым, что они пойдут за нами — их защитой будет Храм.

— Что делать с трофеем, Эйлар?

Девушка оглянулась. Семиметровое глянцево отблескивающее тело болотного змея несли безымянные рабы. Они уже отстали на три сотни шагов, и двигаться быстрее не в их силах.

— Пусть ищут расщелину, где можно спрятать змея. Пусть заложат ее камнями — и охраняют до утра. С ними Храм. Скажи, что они получат имена.

Эйлар хлопнула шипастым браслетом по шкуре лошади там, где опытные рабы удалили чешуйчатую броню. Лошадь перешла на бег, и арбалетчики ускорили шаги. Один из них, распахнув плащ, выстрелил в сторону леса. Темный бесформенный комок сорвался с ветвей и покатился на дорогу, выбрасывая вокруг беспомощные плети щупальца.

Эйлар снова пришпорила лошадь. Близилась ночь.

Замок Ваас казался скорее частью скал, чем человеческим жилищем. Его построили много веков назад, и в череде дней затерялось все: имя строителя, если он имел его; имя первого хозяина, если он не принадлежал к роду Ваас.

Подъемный мост медленно опустился над глубоким рвом, наполненным черной, густой, хлюпающей жидкостью. Эйлар соскочила с коня, бросила поводья подбежавшим конюхам. Обернулась, оглядывая остатки отряда: Гонуск, начальник стражи, Глааман, Уммилис, еще с десяток слуг, чьи имена были не важны.

— Теплой воды и мыльного сока, — приказала она в пространство. — Быстрее! Я не могу идти к отцу в таком виде.

Кто-то из девушек-служанок помог ей снять охотничий пояс и арбалетную перевязь. Другая, совсем еще девчонка, торопливо расшнуровала высокие кожаные сапоги. Глааман, которому младший раб привнес чистый плащ, бросил его на каменные плиты внутреннего дворика замка.

Эйлар стояла на колючем шерстяном плаще, терпеливо дожидаясь, пока служанки натрут ее пенящимся соком и омоют теплой водой. Затем, кивнув Глааману в знак того, что его услуга замечена, надела тонкую тунику и пошла к двери в отцовскую башню. Гонуск, в перемазанных разноцветной кровью доспехах, следовал за ней, словно существовала в мире опасность, способная угрожать Эйлар Ваас в ее собственном замке.

Стражник у дверей шагнул в сторону, открывая проход. Эйлар потянула на себя тяжелую дверь из каменного дерева — и остановилась.

В башне пахло чужим ветром. Здесь терялось ледяное дыхание Челдара, едва уловимой нитью доносились болотные зловония замка Гуса, бледным следом угадывалось разнотравье Шелда. Винтовая лестница шла вверх, освещенная редкими смоляными факелами, но даже их пламя вздрогивало и меркло, ощущая дыхание чужого мира.

— Гонуск, — тихо приказала Эйлар, уверенная, что тот не упустит ни слова. — Если к рассвету я или отец не спустимся вниз — ты уничтожишь башню. Все, кто захочет последовать за нами, лягут в костер...

Она начала медленно подниматься по ступенькам. Рука то и дело искала оставленный у дверей арбалет. Страх мешал мыслям. Отец наконец нашел другой

мир, и в этом была причина, стоившая жизней двух десятков рабов.

Лестница кончилась. Эйлар постояла у последней двери — тускло-серой, многократно оплавленной. Здесь уже не годились дерево и сталь, только золото и свинец служили защитой от безумия чужих миров. Род Ваас был достаточно знатен и могуществен, чтобы позволить себе свинец.

Ожидание оказалось хуже самого страха, и Эйлар стала торопливо снимать запоры. Засовы из стали и свинца, золотые клинья в дверных щелях, отправленная паутина вокруг рукояти... Она повернула рукоять, и дверь плавно раскрылась.

В круглом зале со сводчатым потолком не было обычного набора предметов ученого-господина. Не было стеклянных колб с мутными жидкостями, извлеченными из тел молодых слуг, не было мраморных столов с этими телами. Ранд Ваас был еще молод и не заботился об эликсире бессмертия. В круглых окнах, затянутых тончайшим стеклом, не стояли конусы смотровых труб. Ранд Ваас не любопытствовал действиями соседей, и даже когда над горами плыли Зеркальные облака, не разглядывал в них мутные отражения чужих владений. Что же до звезд — горячих и холодных, — Ваас слишком хорошо знал прямые пути к ним.

Путь открывал серебряный обруч — укрепленный на тонких янтарных подставках овал, стоящий посреди зала. В обруче плывала радужная пленка, именно оттуда и шел легкий ветер с запахом чужого мира. Эйлар принюхалась. Гарь, копоть... И сотни незнакомых запахов, не просто мертвых, а и не бывших никогда живыми.

Отца в комнате не было. Он прошел сквозь овал.

Эйлар обогнула обруч. Все то же: радужная муть, порывы чужого ветра. Она вздохнула и пошла вдоль стен, разглядывая красочные фрески. Ей слишком редко приходилось бывать в башне отца, чтобы упустить такой момент.

Вот первая. Самая яркая из всех — ее пощадило пламя, вырвавшееся когда-то из серебряного овала. Замок Ваас, кажущийся не таким старым, как сейчас. Два всадника, два брата, выезжающие из ворот: Ранд Ваат и Ранд Ваас. Длинная вереница слуг, следующих за ними.

Вторая фреска. Отец и Ваат дерутся спина к спине на Золотых барханах. Серые тени кочевников устилают желтый песок вокруг.

Третья фреска. Братья в городе Мертвых, в городе, где никто не жил и не будет жить. Слуг с ними совсем мало.

Четвертая фреска. На нее можно глядеть часами, ибо это фреска с изображением Храма, а немногим дано постичь и передать его величие. Храм огромен, он затмевает полнеба. Собранный из черных и зеркальных квадратов шар висит над землей, опираясь на тонкую каменную руку. Это рука Бога, удержавшего мир от падения в вечное пламя Авук.

Пятая фреска. Братья стоят в зале, и он так велик, что в нем поместился бы весь замок Ваас. Храм признал их достойными и теперь готов исполнить любую просьбу.

Эйлар улыбнулась. Она знала просьбу своего дяди — волшебную стену, чтобы оградить его замок от врагов. Храм дал обещанное — и Ранд Ваат навсегда избавился от страха за свою жизнь. И получил клеймо труса — ибо постыдной была просьба. Нет лучшей защиты, чем мужество, нет лучшего оружия, чем доблесть...

Отец отказался и от защиты, и от оружия. Глядя вперед — ибо никого не встретили братья в Храме и голос богов шел от стен нечеловеческой белизны, — он рассказал свою историю.

Он был старшим в семье и по праву владел замком. Он умел обращаться с оружием, и никто не смел похитить его слуг или бросить вызов роду Ваас. Он не хотел проливать кровь свободных, присваивая себе их рабов. Но отец желал умереть, прибавив славы своему роду. Он попросил у Храма дверь, ведущую в иные миры — туда, где есть и опасность, и слава, и новые рабы для рода Ваас. И Храм исполнил обещанное. Он дал отцу серебряный обруч — и тот превратился в его проклятие.

Подарки богов тяжелы для людей. Первым понял это Ранд Ваат. Черное облако — волшебная стена — возникало по его воле вокруг родового замка. И ни один враг, пеший и конный, арбалетчик и огнеметатель, не мог одолеть черную стену. Но проходило несколько дней — и в замке становилось душно. Жухла листва на деревьях, тревога одолевала людей. Боевые псы ходили с высоко задранными головами, словно молили перерезать им глотки, а потом умирали. Приходилось снимать заклятие — и драться с врагом, силы которого не подкашивали темнота и мертвый воздух. Лишь однажды черное облако по настояющему спасло замок Ваат: когда стаи ядовитой саранчи пролетали над горами, Ваат укрыл под черным колпаком всех своих рабов.

Серебряный обруч Ранда Вааса был дверью в иные миры. Двое суток он отдыхал, выставленный на солнце, а затем мог открыть путь в неведомую страну. Вот только никто, кроме шутников-богов, не знал, куда поведет волшебная дорога.

Как правило, за обручем оказывалась ледяная темнота, попав в которую люди умирали в муках. Обруч с гулом высасывал воздух из башни, и любая вещь, унесенная ветром, уже не возвращалась. Слуг, которые проверяли такие пути, приходилось привязывать длинной веревкой.

Иногда за обручем открывался странный пейзаж. Так могли гореть белые или желтые солнца, в лесах или степях бродили незнакомые звери. Воздух в таком мире годился для дыхания — или же убивал, но не сразу.

Однажды из обруча ударило ревущее пламя, проломившее стену башни и оплавившее свинцовую дверь. Пламя погасло, ибо обруч сам закрыл огненный путь. Но ни разу Ранду Ваасу не удалось найти мир, достойный свободного человека.

Эйлар стояла перед обручем, пытаясь угадать, чего ждет от нее отец. Помохи? Осторожности? Терпения?

Даже Уммилис не сумеет понять мысли отца, когда он прошел через обруч...

Раздался хрип. Совсем близко — за радужной пленкой... Завеса колыхнулась, обтягивая рослое тело. Ранд Ваас, сгорбившись, переступил обруч, неся на плече молодого парня в странной одежде. На руках отца была кровь — своя или чужая, не разберешь. Увидев Эйлар, отец довольно ослабился и бросил ношу на пол.

— Мир, — хрипло сказал он. — Мир рабов.

— Я потеряла половину слуг, спеша на твой зов, — ответила Эйлар. — Хороших слуг.

Отец молча повернулся к обручу. На серебре поблескивали в маленьких лунках разноцветные камни.

— Запомни узор, — коротко приказал он. — Боги Храма посмеялись надо мной, но я нашел мир, который станет нашим.

Он вынул самый верхний камень, прозрачный, как горный хрусталь, искрящийся, как бриллиант, скользкий, как ртутный шарик. Мерцающая пленка потускнела и погасла. Теперь сквозь обруч была видна лишь противоположная стена.

— Этот мир может стать нашим, — сказала Эйлар и с любопытством тронула босой ногой неподвижное тело. — Если только у него еще нет повелителя.

Ранд Ваас спрятал под кожаный панцирь камень-ключ. И сказал:

— Мне кажется — если я не сошел с ума, — что это мир одних только рабов. Тебе придется это проверить, дочь.

Я, Эйлар Ваас, стою на земле, которая моя по праву. Я дочь своего отца, и ошибка его на мне. Моя рука остановила его жизнь, но двигала ею воля отца. Ибо он знал — нет прощения, когда нарушены основы порядка. Не мне повторять их для вас, брат отца Ранд Ваат и друг отца Крий Гуус. Но я повторю — для земли, которой буду владеть, для слуг, которыми буду править, для стали, которую понесу в бою.

От сотворения земли — и до угасания солнца.

От рождения человека — и до погребального костра.

На север и юг, на восток и запад.

Один закон жизни дан всем.

Есть свободные и рабы, есть господа и слуги.

Свободный может быть трусом и подлецом. Он может быть жалок и смешон, а лицо его уродливо. Не это делает его господином рабов.

Раб может быть смел и благороден. Он может быть горд и величествен, а лицо его прекрасно. Не это делает его слугой свободных.

Правда снаружи, а не внутри. Истина приходит лишь через другого человека.

Нет хуже проступка, чем сделать слугу господином, — кроме единственного: сделать свободного рабом.

Мой отец забыл истину — и потому я стою перед вами на своей земле. И мои рабы на стенах замка готовы умереть за меня.

Уммилис, слышащий неслышимое, привел юношу к Эйлар на третий день обучения. Старик шел медленнее обычного, хотя два не имеющих имени поддерживали его под руки. Юноша шел следом, без охраны, но с ящерицей-воротником на шее. Рубиновые глазки ящерицы неотрывно следили за Уммилисом — он имел право приказа. Лишь увидев Эйлар, ящерица переместила немигающий взгляд на свободную.

— Я отдал ему все, что имел, — тихо сказал Уммилис. — Он понимает язык, может говорить и знает, где находится.

Эйлар кивнула — она не сомневалась в возможностях Уммилиса. Но хороший труд требовал награды.

— Ты можешь сократить свое имя, Уммили. Ты доволен?

Старик кивнул. Но слова Эйлар словно не затронули его.

— Боюсь, я не обрадуюсь так сильно, как должен, госпожа. Мой разум гаснет — он слишком много отдал... и слишком много взял.

— Ты хорошо служил роду Ваас, — ласково ответила Эйлар. — Ты можешь спокойно умирать, старик.

Уммили кивнул.

— А теперь ответь на последний вопрос, Уммили. Кто его хозяин?

— Я не знаю.

Эйлар нахмурилась:

— Он так глуп? Стоило ли возиться с ним трое суток?

— Госпожа... — В голосе Уммили мешались почтение и страх. — Он подчинялся многим в своем мире. Очень многим. Но он не считает себя рабом.

Эйлар вздрогнула. Посмотрела на юношу — тот оставался неподвижен, лишь иногда косился на ящерицу, способную в любой миг разорвать ему горло.

— Ты хочешь сказать... — голос Эйлар дрогнул, — что он свободный?

— Нет, госпожа. Он подчинялся многим. У него не было слуг. Но он считает себя свободным человеком.

Мгновение Эйлар размышляла. Потом кивнула — и ящерица-воротник перескочила на шею Уммили. Юноша потер оставшийся на коже красный рубец.

— Ты хорошо служил, Уммили, — ласково сказала девушка. — Попрощайся с друзьями. Ты знаешь, что говорить, а что нет. Потом прикажи ящерице исполнить то, что она должна.

Старик кивнул.

— Пойдем, — кивнула Эйлар юноше. — Мы погуляем по саду... и поговорим.

Я, Эйлар Ваас, клянусь — и клятва моя верна, ибо я стою на своей земле. Во мне не было веры в чужсака. Он был рабом — потому что сдался отцу живым. Он был рабом — ибо повиновался нелепым законам неизвестных ему людей. Он был рабом — ведь никто не подчинялся его приказам.

Но я помнила основы порядка — и во мне проснулся страх. Отец не мог ошибиться — значит, я должна изобличить раба. Ну а потом... Для раба, скрывающего свою сущность, придумано множество видов смерти. Лишь одной нет среди них — быстрой. Я ненавидела

чужака — и поклялась доказать его природу еще до захода солнца.

Я, Эйлар, думала так.

Сад замка Ваас... Немногие свободные видели его красоту, а что до рабов — какую цену имеет их мнение? Раб может оценить красоту, может создать ее, может стать ее частью. Но лишь свободный способен увидеть прекрасное таким, какое оно есть на деле.

Эйлар Ваас и чужак из другого мира шли по прозрачным дорожкам из каменной воды, теплой и мягкой на ощупь. Они миновали поляну пылающих цветов, вспыхивающих разноцветным сиянием, когда на них садились огненные пчелы. Они остановились на деревянном мостице, перекинутом через Сиреневый пруд, — и долго стояли там, вдыхая сладкий аромат, рождающий в душе радость и щемящую тревогу о будущем. Они взобрались на Музикальный холм, и черно-белые камни под ногами вызывали печальную мелодию, которая рождалась однажды и никогда больше не могла повториться. И там, на вершине холма, опустились на изумрудную траву, мгновенно сплетшуюся в мягкие, украшенные белыми цветами кресла.

— Как тебя звать? — спросила Эйлар, хотя и знала ответ.

— Александр.

— Это имя раба, — ответила Эйлар. И почувствовала обиду, что проверка оказалась столь простой.

— Рабы не имеют имен вообще, так мне говорили.

— Не имеют имени низшие рабы, им незачем его иметь. Те, кто хоть чем-то может быть полезен, носят имя — слишком длинное для свободного человека.

— У наших миров разные законы. Впрочем, иногда меня зовут другим именем — Саша.

— Ты не хочешь признать очевидного, раб, — ответила Эйлар. — Скажи, ведь в своем мире ты подчинялся другим?

— Да, но лишь тем, кому я согласен был подчиняться. Никто из них не назвал бы меня рабом. И в любой миг я мог стать выше их и отдавать приказы.

Он смотрел на Эйлар, и в глазах его было больше любопытства, чем страха.

— Когда мой отец забрал тебя из твоего мира, ты даже не пробовал сопротивляться. Это поступок раба.

— Это поступок разумного человека. Твой отец был сильнее меня, он вышел из воздуха, словно для него не существовало расстояний. Я не знал пределов его силы, я не хотел рисковать. Но мне было интересно происходящее.

Эйлар вздрогнула — так мог ответить и свободный. Но перед ней сидел раб!

— Ты хочешь сказать, что в твоем мире люди одновременно рабы и свободные? — спросила она. — Это невозможно.

Александр кивнул:

— Нельзя быть немного несвободным. Мы знаем это.

Эйлар кивнула:

— Если вы не можете быть свободными — вы становитесь рабами. Мой отец завоюет ваш мир.

Александр улыбнулся:

— Наверное, это будет очень трудно сделать. Ты не знаешь силы нашего мира. Его злой силы...

Эйлар не ответила. Она помнила картины, показанные ей разумом Уммилиса, выкравшим их из памяти чужака. Стальные машины, ползущие по земле и выбрасывающие огонь. Стальные птицы, летящие выше облаков и заливающие землю ядом. Стальные корабли, несущие в себе отряды обученных рабов.

Но и Александр не подозревал о силе ее мира. О том, что скрыто за красотой садов и каменными дверьми подземелий. Черные бабочки, такие маленькие, что их трудно увидеть, откладывавшие в сталь тысячи крошечных прожорливых личинок. Неделя — и упадут на землю стальные птицы; утонут, рассыпавшись в труху, корабли; развалятся бронированные машины-танки. А потом настанет черед птиц-горноф, мерзких ночных тварей, нападающих только на детей и женщин, плююющих в глаза выжигающим мозг ядом. А потом рабы, не имеющие имен, проглотят скользкие разноцветные личинки сабира и пойдут в бой с оставшимися врагами. И из каждого убитого и разрубленного раба вырастет новый боец, получеловек-полусабир, оборотень, жаждущий лишь одного — убивать и вкладывать в плоть скользкие личинки.

Эйлар посмотрела на чужака. И ощутила что-то похожее на жалость. Раба можно жалеть — от этого он не становится свободным.

— Расскажи мне о своем мире, — приказала она. — Не то, что ты говорил Уммилису — о правителях-слугах и свободных рабах. Говори о себе: как ты жил и чего хотел. Говори правду — я почувствую ложь.

И чужак с длинным именем раба начал рассказывать.

Я, Эйлар Ваас, стою перед вами — свободными людьми, равными мне. И говорю то, что не хотела бы рассказать. Но есть закон, и он требует ответа.

Свободного можно убить — и он умрет свободным. Убийца может быть наказан, а может быть прощен — кем бы он ни был, слугой или господином.

Но свободного нельзя сделать рабом. И виновный должен умереть — кем бы он ни был, слугой или господином.

И от сотворения земли люди смотрели друг на друга, пытаясь понять, кто свободен, а кто раб. Было так до тех пор, пока не пришла истина.

Правда не принадлежит человеку — она видна лишь другим людям. Истина находит того, кто может ее увидеть. Она заставила меня говорить с чужаком, носящим рабское имя. Мы говорили до вечера, когда над горами поплыли зеркальные облака, и до полуночи, когда звезды, которых он не знал, загорелись над нами, и до утра, когда оранжевый рассвет разбудил птиц в саду. Я поняла, что случилось. Я знала, что должна делать. Но страх ошибиться терзал меня, и я спросила его...

Сизер, теплый ветер утра, раскачивал цветы в саду замка Ваас. Эйлар спросила, держа руку на поясезмее, готовом ожить и убить врага:

— Александр, ты говорил о девушке, которую любишь. Но она далеко. Скажи, ты смог бы остаться со мной? Быть свободным, а не рабом. Править вместе со мной. Ты смог бы полюбить меня?

Чужак вздрогнул, он не ждал такого вопроса. Посмотрел на Эйлар в оранжевом утреннем свете — свете ясности и жизни. И ответил:

— Я не могу остаться. Меня любят и ждут. Понимаешь?

Эйлар еще крепче сжала пояс (змея вздрогнула, пробуждаясь от многолетнего сна) и спросила:

— Ты считаешь, что я недостойна твоей любви?

И тогда Александр закричал, словно боялся, что не сможет сказать этих слов тихо:

— Да пойми, наконец! Я боюсь полюбить тебя! Боюсь остаться в твоем мире, пусть даже свободным, пусть даже королем! Есть мир, в котором меня ждут и любят! Не превращай меня в раба своей любви!

- Я красива? — спросила Эйлар.
- Да...
- И ты смог бы полюбить меня?
- Да, — сказал чужак и отвернулся.

Эйлар поднялась из травяного кресла и бросила пояс-змею в Сиреневый пруд, жадно проглотивший добычу. Потом она посмотрела на чужака и сказала:

— Знаешь, ты тоже красив... И я смогла... Пойдем.

Я, Эйлар Ваас, стою на своей земле, и, значит, мои слова — правда. Я поняла, что отец мой ошибся и будущее стало неизменным. Я отвела чужака с именем раба в башню отца и оставила возле серебряного обруча, холодного и мертвого. Потом я прошла подземным ходом в спальню к отцу. Он ждал меня — возможно, Уммилис предупредил его перед смертью, он иногда видел глядущее... А быть может, отец все понял сам. Он сидел на постели, в углу которой сжались мальчик и девочка, согревавшие его в эту ночь. Меч рода Ваас был в руках отца, и я испугалась. Но истина была со мной. Я подошла к отцовскому ложсу и опустилась перед ним на колени.

— Отец, ты ошибся, — сказала я, чувствуя, как давит горло печаль. — Прости, что я поняла твою ошибку.

Ранд Ваас взял меч за лезвие, и кровь потекла с его пальцев. Никто не смеет брать мечи великих Мастеров за клинок...

— Ты уверена, дочь? — спросил он, протягивая меч. — Ты веришь себе и своим чувствам?

Я вспомнила, как чужак валялся на полу башни под мерцанием серебряного обруча. Вспомнила, как он бродил по дворцу вместе с Уммилисом, постигая наш язык, — его глаза были чисты, как у ребенка, а кожа посерела, как у старика. Вспомнила, как он растирал рукой след

от ящерицы-воротника на шее... И провожал взглядом Уммилиса. Я вновь прошла с ним по теплым дорожкам парка и вдоволь надышалась сиреневым туманом. И слушала рассказ про его жизнь, где все было на своих местах — рождение и любовь, зрелость и смерть. Это еще ничего не решало: раб рождается и живет теми же муками и радостями, что свободный. Но потом я вспомнила его улыбку и темные глаза, неотрывно следившие за мной в тишине ночного парка. И легкие касания рук — теплые, живые, которым не удавалось казаться случайными.

— Да, отец, — ответила я. — Уверена. Ты сделал рабом свободного.

Рукоять меча легла в мои руки. Отец кивнул и сказал:

— Бей.

Я ударила отца — легко-легко, лишь намечая путь для уходящей жизни. Он взялся за эфес, вырвав его из моих рук, и вонзил меч до конца.

— Пусть моя ошибка умрет со мной, — прохрипел он. — Пусть она не коснется рода Ваас...

Кровавая пена хлынула у него изо рта — значит Храм услышал и исполнил его последнюю волю.

Подозревав мальчика, я зарезала его над трупом отца — ему понадобится красивый и сильный попутчик на дороге Смерти. Девочке я велела прийти ко мне через месяц. Она была в возрасте детства, но случается всякое, и в теле ее могла скрываться новая жизнь, родная мне по крови.

Из плаща отца я достала прозрачный камень-ключ и поднялась в башню. Александр ждал возле серебряного обруча, и цветной узор камней был сложен по-прежнему. Когда я вложила камень-ключ, радужная дымка затянула обруч.

— Уходи, — сказала я. — Уходи навсегда — и быстрее! Иначе я заставлю тебя остаться!

Он подошел ко мне и коснулся губами моих губ. Сказал, и я нашла в его голосе настоящую грусть:

— Прощай, Эйлар. Я еще пожалею о том, что ухожу. Но меня ждут.

Шагнув в радужную дымку, он обернулся и крикнул:

— Прощай! Я почти влюбился в тебя, Эйлар из рода Ваас!

— Прощай, — сказала я и назвала его именем свободного: — Саша...

Когда в серебряном обруче померкли последние тени, я подняла меч и превратила подарок богов в мятые серебряные полоски, присыпанные осколками разноцветных камней.

Потом я вышла на балкон главной башни и велела стражникам собрать всех слуг. Когда молчаливая толпа собралась в маленьком квадратном дворе, я сказала им, что Ранд Ваас ошибся. Я сказала, что он уже идет по дороге Смерти и желающие могут присоединиться к нему. Несколько женщин и двое стражников вышли вперед и пронзили себя мечами. И лишь Глааман, имеющий право спрашивать, решил невовремя воспользоваться им. Он закричал:

— Госпожа! Чужак не был свободным, он такой же раб, как и мы! Господин Ранд Ваас погиб напрасно...

Я кивнула Гонууску, и начальник стражи вскинул арбалет. Глааман упал со стрелой в груди, и я попросила богов, чтобы он догнал отца на дороге Смерти. Такие рабы, как он, порой бывают нужны.

Так начался вчерашний день, равные мне Крий Гуус и Ранд Ваат. Как он прошел — вам знать не нужно. Я сделала все, что могла, для отца, и путь его по дороге Смерти не будет трудным. А сегодняшний день начался для меня с печали — ибо я узнала, что вы идете к моему замку с отрядами рабов. Но я признаю за вами право вопроса и дам вам знание ответа. Мой отец

ошибся, приняв чужака из другого мира за раба. Да, он носил рабское имя и не всегда поступал, как подобает свободному. Но это не важно.

Правда снаружи, а не внутри, а истина приходит лишь через посредство человека. Я сидела рядом с чужаком под светом неведомых ему звезд, я слушала его рассказы, я чувствовала его дыхание. Я полюбила его, а значит, мой отец ошибся. Ибо раба нельзя любить. Он может стоить уважения и дружбы или ненависти и страха.

Можно овладеть его телом — или отдать ему свое.

Но только свободного можно любить.

От сотворения земли — и до угасания солнца.

Мне трудно вспомнить, что послужило толчком к написанию «Л — значит люди» (рассказ печатался также под названием «Лимитатор»). Уж наверняка не спор, что определяет человека — тело или душа. На этот вопрос я дал себе ответ давным-давно и без всякой фантасмагии. Еще Виктор Гюго в «Соборе Парижской Богоматери» говорил в общем-то именно об этом.

Скорее меня занимал самый простой и вечный вопрос фантасмагии — «какими мы станем». Что сделает с собой человек, чтобы влиться в чужом мире. Какие следы мы оставим «на пальцах тропинках далеких планет» — от рубчатых подошв бронированных скафандров или от босых ног... пусть даже не совсем человеческих.

Но на простые вопросы очень трудно дать простые ответы.

«Л» — ЗНАЧИТ ЛЮДИ

Он лёг спать человеком. Ритмично билось сердце, прогоняя кровь по сосудам, ныла ушибленная лодыжка. Две руки, две ноги, загорелая кожа, короткая стрижка... Все как положено.

Среди ночи он проснулся. Слабый свет из залившего бронестеклом окна падал на стойку у изголовья. Янтарно желтела нашивка на рукаве посеревшего под цвет стен комбинезона: «Ингвар Вистин. 37 лет. Десантный Корпус. ГРИМ».

ГРИМ.

Ингвар лежал, чувствуя, как расползается по телу жгучая, мучительная боль. Словно тысячи крошечных москитов впивались в него изнутри тонкими отравленными жалами.

ГРИМ.

Все как положено. Он уже четвертый час на планете. Пора...

Пошатываясь, придерживаясь за стены, Ингвар выбрался из комнаты. Идти было трудно — ноги укорачивались, причем неравномерно, левая оказалась гораздо длиннее правой. Временами колени подгибались назад.

Яркие лампы на потолке коридора были почти невидимы. Зато в стенах проплыла пронзительно

синяя мерцающая паутина: кабели и провода, линии энергопитания и связи. Он начинал видеть в нечеловеческом спектре. Из-за спины Ингвара обдавал прозрачным голубым ветром главный локатор станции.

Люк шлюзовой камеры Ингвар открывал несколько минут. Пальцы на руках уже исчезли, превратившись в длинные, твердые как сталь шипы. Почти таких же усилий стоило закрыть люк. Зато теперь Ингвар оказался у цели.

С внешним люком он рассчитывал управиться быстрее. Отравленный кислородом воздух жег легкие, голова слегка кружилась. Но люк упорно не хотел открываться. Наконец до Ингвара дошло, что автоматика не собирается выпускать его из станции без скафандра.

Главный контрольный блок он нашел сразу — квадратное фиолетовое пятно в стене. Минуту постоял, глядя на едва уловимые переливы света, — компьютер работал, блокируя неразумное поведение человека... А затем, пробив рукой сталь, превратил прибор в горстку смятых деталей.

Люк бесшумно открылся. Ингвар услышал легкий свист входящего воздуха — давление на планете было чуть выше земного. И пошел вперед на коротких, толстых, обросших роговыми пластинаами ногах.

Джунгли подступали к Станции почти вплотную. Лишь в пяти метрах от купола, там, где начиналось действие подавляющего поля, деревья не росли. Дальше они образовывали почти непроходимую стену: сотни, тысячи сплетенных, ощетинившихся хватательными иглами стволов.

Ингвар со всхлипом втянул в себя воздух планеты. Нос — или остатки носа, горло — или остатки горла обожгла едкая, настоящая на аммиаке и серных парах смесь. Он присел на колени, часто и тяже-

ло дыша. В растягивающемся до ушей рту медленно вырастали клыки. Воздух наждаком прошелся по ним, ворвался в легкие. Конечно, если они еще не превратились в жабры...

— Я... почти... — прохрипел Ингвар. У него еще остались голосовые связки, и стоило их сохранить. — Почти... готов... я... имита...

Он закашлялся. Поднял голову к небу, где тлела багровым огоньком Малая звезда.

Ультрафиолет, доза, смертельная для человека в течение пятиминутного облучения... Кожа начала саднить, покрываясь топорщающейся полупрозрачной чешуей. Ингвар обвел взглядом джунгли. Изломанные, напоминающие переболевший ревматизмом бамбук, деревья настороженно следили за ним. Именно следили — он видел теперь черные пятнышки светочувствительных клеток, разбросанные среди бледно-розовых вздрагивающих игл. Это не страшно, деревья не разумнее земных лягушек.

— Орг... Ты рядом, я знаю...

Джунгли молчали.

— Подожди до утра... Я приду... Орг!

Он закричал. Вытянул руки, медленно свел их. Между шипами заструились шелестящие белые молнии. Живительный ультрафиолет лился на аккумулирующие чешуйки. Каскадные жабры, разрастающиеся в груди, жадно впитывали аммиак. К утру Ингвар должен полностью перестроить обмен веществ. У него еще масса времени.

...В коридоре Станции он наткнулся на человека. Не то техник, не то просидевший ночь за приборами учений; он неспешно вышел из лифта. Увидел Ингвара — и попятился назад, в сдвигавшиеся створки лифта, бормоча вполголоса:

— Господи... Пресвятая Дева...

Ингвар повернул к нему лицо — оно еще оставалось человеческим — и произнес извиняющимся тоном:

— Я Ингвар Вистин. Из Группы Имитации. ГРИМ. Прилетел на станцию вчера, вы могли меня видеть...

— Хамелеон... — так же тихо продолжал мужчина. — Нелюдь проклятый...

Двери за ним сомкнулись.

— Я не хамелеон, — сказал самому себе Ингвар. — Став Имитатором и получив полный контроль над своим телом, я никогда не перестану быть Человеком. Мои способности будут служить людям на любой планете, где потребуется помочь...

Ингвар цитировал присягу Имитатора скучно и равнодушно, словно единственной его целью было нагрузить голосовые связки, не дать им атрофироваться за ненадобностью. Продолжая говорить, он пошел в свою комнату. Идти было трудно — ноги стали уже совсем короткими. Но немного выручало то, что их теперь четыре.

Завтрак начался как обычно — с перебранки смеяющихся дежурных. За ночь был перерасход энергии, да еще кто-то сломал защитную автоматику шлюза. Потом, словно цепная реакция, ругань перекинулась на ученых. Решали, кому идти на внешние точки — набитые приборами купола, опоясывающие Станцию. Полкилометра на любой другой планете не расстояние. Но на Терфане не стоило удаляться от Станции и на десяток метров.

Роальд — временный координатор Станции — не вмешивался в происходящее до последнего. Но когда биолог с багровым от ненависти лицом начал приставать из-за стола, ему пришлось действовать.

Никто не обернулся на звук открывшейся двери. Персонал Станции забавлялся: наблюдал, как Роальд наводит порядок. Биолог, уже не красный, а поблед-

невший от боли, валялся на диване в углу столовой. Роальд, с алго-пистолетом в руке, тряс за воротник второго участника конфликта — ботаника Ясиньски. Маленький сухощавый поляк молча пытался высвободиться.

— Три внешних выхода вне очереди! Ясно? Три выхода за пределы Станции! Повтори!

Ясиньски не отвечал. И вдруг, подняв дрожащую руку, указал на дверь. Роальд настороженно обернулся. Вскрикнул. И вскинул пистолет, отшвыривая ботаника в сторону.

В дверях стояло чудовище.

Чудовище было двух метров длиной и не более метра в высоту. Больше всего оно напоминало рослого крокодила, покрытого прозрачной, слегка поблескивающей чешуей. Короткий и тонкий хвост чудовища переходил в полуметровую зазубренную на конце иглу. Вдоль туловища были плотно прижаты длинные, жутковато похожие на человеческие, руки. Вместо пальцев руки заканчивались когтями.

— О Боже... — выдохнул кто-то.

Чудовище, удивительно быстро перебирая четырьмя толстыми лапами, оказалось у стола. Ему было трудно дышать в кислородной атмосфере, и клыкастая пасть открывалась часто и широко.

— Я Ингвар, — сказало чудовище почти человеческим голосом. — Имитатор. Тот самый, что прилетел вечером.

Ясиньски истерически захохотал. Роальд медленно убрал пистолет.

— Вас могли убить, Имитатор, — зло произнес он.

— Меня трудно убить. Тем более из этой штуки...

Ингвар вытянул руку. Подцепил со стола солонку, прожевал. В уголках пасти застыла пластиковая крошка вперемешку с солью.

— Не то... — разочарованно сказал Ингвар. Взял металлическую вилку, повертел перед глазами — узкими, прикрытыми немигающим прозрачными веками.

Столпившиеся у стены люди хмуро смотрели на него.

— У меня другой метаболизм, — меланхолично объяснило чудовище. — Приходится есть... очень странные вещи.

Оно легко откусило черенок вилки. Качнуло головой. И отправило в пасть остальное.

— Ты, тварь... — Один из людей шагнул вперед. — Убирайся! Тебе здесь делать нечего!

— Вы сами меня позвали, — равнодушно ответил Ингвар. — Я Имитатор, специалист по особо тяжелым планетам. Неужели трудно полдня выдержать мое присутствие?

Никто не ответил. Люди стояли все той же скатой, настороженной стеной.

— Я знаю, вы насмотрелись всякого, — уже удивленно продолжал Ингвар. — Мой вид не может вас шокировать или отбить аппетит. Вы просто не из той породы...

— Это ты не из той породы!

Роальд поморщился и, обходя Ингвара по кругу, направился к двери.

— Идемте, Имитатор, — бросил он, уже стоя на пороге. — Мы поговорим у меня. И позавтракаем там, если хотите. Металлического утиля полно в каждой комнате.

Кабинет координатора Станции был довольно просторным. Да и окно здесь заменяла полностью прозрачная стена — роскошь, если учитывать цены на бронестекло и ничтожный практический эффект от панорамных окон.

— Вы, случайно, не работали раньше в цирке, Имитатор? — Роальд смотрел на Ингвара с неприкрытым раздражением. — Ваш выход был красив, не спорю. И посуду вы жуете здорово.

— Я не работал в цирке, — спокойно отпарировала чудовище. — Меня вызывают в те миры, где люди не выдерживают. Ваша планета не первая, истерикой меня тоже не удивишь.

— При чем здесь истерика, Имитатор? — Роальд досадливо поморщился. — Люди вымотаны до предела. Семь нападений за последних два месяца — это не шутка. Троє погибших, в том числе первый координатор Станции. Никто не хочет выходить за пределы защитного купола. Исследование планеты практически свернуто...

— И это мешает вам проявить себя на новом месте.

— Я не рвался на этот пост! — Роальд напрягся, словно готовился вступить в долгий и трудный спор. — Да, у меня небольшой опыт планетарной работы... поэтому я и вынужден был вызвать вас. Хотя и знал, как относится персонал к сотрудникам Группы Имитации. Все эти легенды... об Имитаторах, которые вместе с человеческой формой утрачивают и человеческое сознание. Конечно, я в это не верю.

— Я тоже, — серьезно произнес Ингвар. — Мне можно начинать работу?

Роальд пожал плечами:

— Извольте. Взгляните на карту...

На стене высветился объемный цветной план. В центре его красной искоркой поблескивала крошечная буква «Н». Обозначение Станции, единый во всем космосе знак. «Ното» значит «люди».

— Большинство нападений произошло на северном и северо-восточном направлениях от Станции, в старом русле Багряной реки...

— Она действительно багряная?

— Да... — Роальд недоуменно разглядывал Имитатора. — Вода в ней несет большое количество темно-красного ила... Разве это важно? Название давала картографическая группа первой экспедиции.

— Я так и предполагал. Вряд ли ваш персонал способен на поэтические озарения. Продолжайте, координатор.

— Разглядеть существа не удалось никому, даже уцелевшим. По косвенным признакам можно предположить, что оно сравнительно невелико, передвигается на четырех или шести лапах, хорошо маскируется. Ну и обладает колоссальным электрическим зарядом, разумеется. Охранный робот погибшего геолога был прямо-таки расплавлен...

Ингвар потянулся — чешуйки на его спине зашуршили, топорщась и налезая одна на другую.

— Благодарю вас, координатор, этого вполне достаточно. Дайте мне что-нибудь металлическое... да, отвертка вполне подойдет. И прикажите открыть шлюз.

...Он выбежал из шлюза размеренным, неспешным бегом, легко обрывая цепкие нити выонков-паутинников, опутавших купол Станции за ночь. На зеркальной полупрозрачной чешуе появились бурые пятна от клейкого сока. Через несколько часов липкая жидкость подсохнет, стянется в маленькие шарики-семена и упадет на землю. Недаром тонкие стебли выонков оплетают деревья в самых глухих уголках леса.

Первые ветви, которые Ингвар раздвинул своим телом, встретили его пружинистым толчком. Иглы скользнули по чешуе, тщетно пытаясь отыскать незащищенное место, острые упругие шипы изгибались, пытаясь войти в щель между твердыми как сталь пластинками брони. Чешуйки сжались плотнее, защемляя хищные жала, и слегка провернулись. С едва слышным хрустом иглы обломились. И сразу же, повинуясь неуловимому сигналу, ветви соседних деревьев поднялись вверх, прижались к стволам. Ингвар, постепенно наращивая скорость, мчался в обраzuющимся перед ним туннеле.

Орг... Воздух, свежий аммиачный воздух планеты, нес тысячи запахов — начиная с кислородного зловония Станции и кончая тонким, бодрящим ароматом выюнового сока. Но обоняние сейчас бесполезно — Ингвар не знал запаха зверя. Значит, искать придется по-другому.

Орг... Найти его. Уничтожить. Осознать обязательность этого, поставить самому себе новую жизненную цель. Сверхзадачу. Чудовище по прозвищу Орг. А дальше пусть выкручивается организм Имитатора, превращенный на Земле в сложнейшую биомашину. Имитатор не способен управлять своим телом произвольно, да это и не нужно. Работает лишь подсознание, оценивая окружающую обстановку и максимально приспосабливая к ней человеческое тело.

Сильным прыжком Ингвар перемахнул неожиданно оказавшийся на пути ручеек. Какая-то мелочь, развившаяся на берегах, попрыгала в воду. Но Ингвар несся дальше.

Что он знает об Орге? Предположения координатора Станции не стоят ничего. Значит, у Ингвара есть лишь та информация, которая и привела его на планету. «В окрестностях Станции появился агрессивный организм, нападающий на людей».

Он действительно агрессивен, этот никем не виденный организм. Люди для него не объект охоты и не источник опасности. Но он нападает для того, чтобы убить и исчезнуть. Затаиться в лесу и ждать следующую жертву. Ждать, подвергаясь опасности, но не отходя от Станции в бескрайние планетные джунгли. Какая ненависть должна подстегивать зверя, чтобы превратить его в живую машину смерти!..

Ненависть. Ингвар остановился так резко, что испуганные деревья с шумом отдернули ветви, образуя вокруг маленькую полянку. Вот он, шанс. Отличи-

тельный признак Орга. Багровый уголек, тлеющий в душной темноте джунглей.

Свернувшись клубком, словно огромная бездомная собака, Ингвар лег на землю. Чешуя на его боках плавно опускалась и поднималась. Он спал.

За полтора десятка километров от него, прижавшись лбом к холодной плите бронестекла, Роальд молча смотрел на джунгли. Где-то там скитался сейчас Имитатор. Урод, созданный земной наукой монстр. Только люди, годами живущие вне освоенных миров, там, где не выдерживают самые сильные и закаленные, способны оценить человека, добровольно изменившего свою сущность. Того, кто променял истинно человеческую силу духа и мужество на способность перестраивать свое тело... Роальд всегда относился к Имитаторам с гадливым презрением. Истории про их неоценимые услуги человечеству — не более чем красивые рассказы... Но сейчас от одного из Имитаторов зависела судьба Станции, судьба научной экспедиции на планету. А еще — карьера самого Роальда.

Ненависть.

Ингвар, пошатываясь, поднялся с земли. Дикая головная боль раскалывала звериный череп, мешала думать. Но что-то в нем изменилось. Он почувствовал джунгли.

От деревьев, от каждого листочка-иголочки вокруг словно веяло холодным ветром. Два зверька, не замеченных раньше, следили за ним обжигающе-ледяными лучиками взглядов. В небе парило плавно колышущее тонким телом-крылом морозное полотнище. На ветках снежинками подрагивали крошечные хищные насекомые.

Теперь он видел зло. Чувствовал биоизлучение ненависти, наполняющее джунгли, сплетенное в единую

сеть, где было место всем — и полуживотным-полудревьям, и полурастительным организмам, заменяющим на этой планете птиц. А еще Ингвар ощущал замершую в километре от него ледяную глыбу. Глыба подтаивала, источая глухую, тосклившую злобу.

Орг.

Ровным неутомимым бегом Ингвар несся к холоду.

Путь был недолгим и кончился вместе с джунглями. Деревья поредели, прижались к земле, как-то незаметно превратились в кустарник. Над головой раскинулось прозрачное желтоватое небо с двумя солнцами: огромным белым и крошечным красным. Ингвар знал, что на самом деле красный гигант в сотни и тысячи раз превосходит белый карлик, победоносно взошедший на небе планеты. Но и людей, предпочитающих при выборе названия удобство реальности, он понимал.

В следующую секунду Ингвар забыл об астрономии. Он увидел врага.

Ровное как стол плато, по которому бежал Ингвар, обрывалось, проваливаясь в глубокий каньон. Пропасть, на дне которой, в мешанине серых камней и буро-желтого песка, не росло ни одного дерева, казалась перенесенной сюда с какой-то другой, молодой и безатмосферной планеты. На самом краю обрыва, прочно опираясь на широко растопыренные лапы, поблескивав серебристой чешуей, приоткрыв усеянную клыками пасть, подергивая шипастым хвостом, сидел его двойник. Самое совершенное и самое страшное существо на планете. Орг.

Медленно переступая по стелющемуся кустарнику, Ингвар шел к зверю. С хрустом ломались под лапами стебли, выступившие из подошв когти всparывали землю, оставляя глубокие борозды.

Зверь не шевелился. Узкие желтые глаза внимательно следили за каждым движением Имитатора. Но во взгляде не было ни ненависти, ни злобы. Лишь легкая настороженность.

«Ты не боишься меня. И не нападешь». Ингвар остановился в нескольких метрах от Орга. Вгляделся в совершенное, вылепленное миллионами лет естественного отбора тело. Неудивительно, что его не могли поймать. Орг имел наиболее подходящую для джунглей форму. Имитатор невольно повторил ее...

Зверь плавно изогнулся, прижимаясь к земле, и мягко прыгнул. Не на Ингвара, в сторону. Так дурачаться кошки, встретив добродушного сородича и приглашая его к игре.

«Принимаешь за своего? Хорошо. Но что тебя не устраивает в людях?» Два огромных сильных зверя бежали по кромке обрыва. Красные и белые блики мешались на их блестящей чешуе. Кустарник торопливо расползался с дороги, деревья отдергивали ветви. Бегущий впереди часто оглядывался, задний неотступно следил за ним.

«Я убью тебя, Орг».

Вездеход выполз из джунглей, словно гигантское насекомое, прорвавшееся сквозь сплетение чудовищной паутины. Оборванные стебли выюнков судорожно извивались на керамической броне, медленно обугливаясь под высоковольтными разрядами защитной системы. Титановые траки перемалывали в грязь заезвавшуюся лесную мелочь. Метрах в ста от края пропасти вездеход замер.

— Ближе подъезжать опасно, Филипп, — пояснил водитель. — Почва у самого обрыва ненадежна, может осыпаться в любой момент.

Филипп кивнул, не отрывая жадного взгляда от экрана. Прошептал:

— Каньон великолепный. Для геолога, в чьем распоряжении лишь одна бурильная установка, это просто подарок.

Водитель усмехнулся:

— Я же говорил, Фил, со мной не пропадешь. Прожил на Станции месяц, а что под боком у нас такая симпатичная ямка, и не подозревал...

— Отличная ямка. Метров триста глубиной, не меньше. А под боком у нас скорее Орг, потом уже этот каньон.

На мгновение Филипп замолчал. Подался ближе к экрану, чуть не вжимаясь в него лицом и начисто забывая о регуляторе увеличения. Изменившимся голосом сказал:

— Кстати, об Орге... С кем там резвится наш приятель Имитатор?

Зверь играл. Так радоваться существу одной с ним породы можно было, лишь многие месяцы и годы оставаясь в одиночестве. Увлекаемый восторженным напором Орга, охваченный его возбуждением, Ингвар мчался вдоль обрыва.

Остановился Орг внезапно. Так, словно в его скользкую шкуру ухитрился вцепиться десяток немоверно сильных рук. Повернул голову, глядываясь во что-то на другой стороне каньона.

Ингвар снова почувствовал холод, но шел он не от Орга. Через километровой ширины пропасть на них смотрели две пары ненавидящих человеческих глаз.

Орг хлестнул себя по бокам резким коротким взмахом хвоста. Чешуя ощутимо заскрипела. Ингвар рассеянно подумал, что собака на месте Орга начала бы рычать.

Их захлестывало ледяным ветром. Совершенно неизвестно, не задумываясь, Ингвар повторил движение Орга. Прикосновение хвоста оказалось неожи-

данно приятным, наполненным болезненной сладостью. Ингвар ощущал, как его начинает будоражить горячка предстоящей драки...

Стоп. Какой драки? С Оргом? Или с теми, кто его сейчас ненавидит, — с людьми?!

Издалека — оттуда, где находилась Станция, — стал накатывать холод. Не так резко и остро, как от людей в вездеходе, но неизмеримо сильнее.

Орг завертелся на месте, часто щелкая пастью. Ингвар прижался к земле, пытаясь укрыться от разлитой повсюду ненависти. И вдруг увидел на чешуе Орга длинный шрам старого ожога.

— Он же не собирается его убивать! Посмотрите! — Голос Филиппа стал умоляющим. — Они просто играют! Тварь уйдет в джунгли и снова начнет нападать на людей. Мы первый раз застали ее врасплох...

— А вы сумеете отличить Орга от Имитатора? — резко спросил Роальд. Изображение на экране перед ним делилось на две части: на одной — лица Филиппа и водителя, на другой — два чудовищных зверя. Секунду длилось молчание. Затем водитель — обстоятельный, аккуратный немец Эрик Нурман — сказал:

— А где вы видите Имитатора? Там, над обрывом, два Орга.

Роальд вздрогнул. Так, словно эта мысль еще не приходила ему в голову. Да, выход был прост и красив. Зверь уничтожен своими силами, а Имитатор исчез в джунглях. Не справился... В конце концов, не могут же они полагаться на Ингвара, который того и гляди умчится с Оргом в джунгли... Но поверит ли в его исчезновение руководство Группы Имитации, суперэлиты космоса?

— Мы ждем, — почти равнодушно сказал Эрик. — Лично мне в джунгли не выходить, я всегда в кабине. Но Филипп считает...

— Действуйте по обстановке, — оборвал Роальд. И отключил связь.

Ингвар шел к зверю, постепенно прижимая того к обрыву. А взгляд его не отрывался от старого ожога — шрама, который не могло оставить земное оружие. Зато для выхлопа корабельных двигателей это легче легкого. Планетолет, опускаясь, выжигает в джунглях круг стометрового радиуса. И никому из пилотов нет дела до семейства местных хищников, обосновавшихся когда-то на месте посадки.

Хищников? Так ли все просто... Звери не мстят. Для этого нужно уметь сразу две вещи: любить и не-навидеть. А такое доступно лишь разумным. Например, людям и Оргу.

— Роальд — хитрая скотина, — вполголоса ругался Эрик, манипулируя клавишами на пульте. — В любом случае останется в стороне...

На обзорных экранах зажглись красные круги прицелов. Загудел подъемник, выдвигая из брони ракетную турель. В лотке, покрытые слоем смазки, дремали четыре пузатых ракетных снаряда.

— А в чем, собственно, дело? — Филипп непонимающе взглянул на водителя. — Мы же не собираемся трогать Имитатора. Не хочет убивать Орга — и не надо. Справимся сами, а он пусть убирается с планеты...

Эрик вытер рукавом рубашки пот со лба. Повернулся к Филиппу — все его грузное тело качнулось.

— С такого расстояния мы можем достать Орга только ракетой. А ты знаешь, какова мощность вакуумных боеприпасов?

— Но, выходит... Если мы хотим уничтожить Орга, то Имитатор попадает под удар?

— Дошло... — Эрик встал, освобождая пульт. — Садись. Мне эта зверюга досаждает куда меньше, чем тебе. Сам я стрелять не буду.

Филипп растерянно пересел в его кресло. Секунду смотрел на тускло светящиеся багровым пусковые клавиши. Спросил:

— А что из этого может выйти, ты понимаешь?

— Я уже сообщил Роальду, что мы видим двух зверей. А Имитатор, очевидно, погиб раньше. Не справился с Оргом, бедняга.

«Я не смогу тебя убить, — как-то слишком уж спокойно подумал Ингвар. — Ты виноват не больше, чем мы... Да и необходимости в твоей смерти нет. Парализующий разряд — потом погрузить тебя в грузовой отсек катера и перевезти на другой материк. Туда, где нет и не будет людей, — планета не подлежит колонизации. Живи — и не вздрагивай от нестерпимого холода человеческой ненависти. Никто во Вселенной не умеет ненавидеть сильнее нас. Но стоит ли этим гордиться?..» За чешуйчатой спиной Орга, на другой стороне каньона, Ингвар видел серебристую каплю вездехода. На крыше кабины подрагивал оранжевый огонек. Вначале Ингвар принимал его за сигнальный маячок и лишь потом понял, что видит излучение работающей радиоантенны. Наверное, поднапрягшись, он мог бы даже прочитать текст передачи или поймать картинку видеоизображения...

Ингвар подтянул задние ноги, готовясь прыгнуть к зверю.

Орг напрягся — почувствовал отголосок угрозы?

Со стороны вездехода дохнуло холодом. Донесся хлопок — характерный звук заработавших реактивных двигателей. И две металлические сигары, окутанные желтыми бликами работающих систем наведения, оставляя дымный шлейф, прыгнули через пропасть.

Готовое к движению сильное и гибкое тело Имитатора замерло. Раздумывать не было времени. У него

оставался последний шанс — помериться скоростью с головкой наведения ракеты.

Ингвар слишком поздно понял, куда направлен залп..

Серебристыми черточками мелькнув по экрану, ракеты впились в каменную стену пропасти метра на три ниже края обрыва.

— Что случилось? — Эрик замер, склонившись к экрану. — Зачем ты сместил прицел?

По глазам резануло огненно-багрово-дымным. Склон окутало пылающее облако. Казалось, горел сам воздух. Несколько мгновений все казалось застывшим в хрупком, неустойчивом равновесии. Затем дрогнула и начала рассыпаться стена пропасти. Она подlamывалась, словно вершина сугроба, срезанного ножом бульдозера. Неслись, катились вниз валуны; сыпались ручейки, реки, водопады песка; планировали, кружились языки пламени, словно обретшие внезапно прочную, грубую материальность. И где-то среди этого рукотворного селя поблескивала полу-прозрачная чешуя чудовищ. Орга и Имитатора Ингвара Вистина.

— Так надежнее, — бесстрастно объяснил Филипп. — Они могли увернуться от ракет. А край обрыва состоял из пород... весьма неустойчивых к сотрясению.

На дне каньона высился теперь каменный холм, полускрытый наполнившими воздух пылью и дымом. Эрик невольно отвел глаза. Потом протянул пальцы к клaviатуре прицела, наводя кружки-целеуказатели на склон.

— Пускаю оставшиеся ракеты. Они... эти двое... заслужили высокий памятник.

...Он полз. Мощные лапы-лопасти перемешивали песок и щебень, проталкивали узкое змеиное тело

сквозь тысячетонный каменный завал. Тихонько поискивал ультразвуковой локатор, определяя единственно возможный путь к поверхности, помогая огибать огромные гранитные глыбы, пробиться сквозь которые не смог бы и алмазный бур. Дыхательные щели, разбросанные по всему телу, жадно впитывали ничтожное количество воздуха, замурованного вместе с ним.

На исходе третьих суток Имитатор выбрался на поверхность, под тусклое красное мерцание Малой звезды. С минуту его тело, похожее на обзаведшуюся лапами анаконду, лежало на камнях, рывками вытаскивая из скального плена последние сантиметры. Потом он начал изменяться.

Иглокол Имитатора стоял в ангаре Станции. Аккуратная прозрачная пирамидка, то ли из хрусталя, то ли из мономерного псевдоалмаза. В глубине пирамидки темнели маленькое кресло и такой же миниатюрный пульт.

— Когда я учился, — задумчиво сказал Роальд, — иглоколы считались разовым транспортом. Машиной в один конец. Они рассыпались после одного-единственного нуль-перехода. Их использовали лишь для заброски разведчиков, посылки правительственный курьеров...

— Все меняется. — Техник похлопал ладонью по холодной зеркальной плоскости пирамидки. — Этот иглокол состоит из двух кристаллов, совмещенных в одном пространственном объеме. Он пригоден для двух переходов — туда и обратно... А стоит как десяток обычных иглоколов.

Роальд буркнул что-то невнятное и спросил:

— Мы действительно не можем его использовать?

— Нет. В механизме входа установлен индикатор личности, который впустит туда лишь самого Ими-

татора. Да и то после его возвращения к человеческому облику. Это идет с тех времен, когда боялись появления на Земле Имитаторов, ставших чудовищами. Тогда думали, что под влиянием постоянных изменений тела способно измениться и сознание. Стать нечеловеческим, враждебным...

— А вы в это не верите? — резко спросил Роальд.

Техник колебался лишь секунду:

— Нет.

Роальд повернулся и пошел к выходу. У двери бросил:

— Я объявляю вам взыскание. В ангаре бардак, грязь... посторонние предметы. Иглокол сдадите на склад для консервации.

Техник дернулся, готовясь что-то ответить... И в это мгновение зазвыли сирены.

Из-за стены, из шлюзового отсека, послышался гулкий удар и скрежет сминаемого металла.

Труднее всего оказалось пробить внешнюю броню. Керамические плиты раскололись только с третьего удара. Протиснувшись в узкую щель, Ингвар снес десяток датчиков, оборвал несколько трубопроводов и кабелей. Его обдало горячей водой и жидким азотом, струей слегка радиоактивного фреона и совершенно безобидным аргоном. Внутренняя оболочка купола — трехмиллиметровый стальной лист, покрытый теплоизоляцией из полимерного волокна, — задержала его на доли секунды.

Он стоял в шлюзовой камере. А у дальней стены, подняв десантный бластер, застыл временный координатор Станции Роальд. Рядом с ним Ингвар увидел молодого парня в форме технического персонала и одного из водителей — плотного, с выпирающим под комбинезоном брюшком Эрика Нурмана.

— Мне очень жаль, — вполголоса произнес Роальд. Под прикосновением его пальца щелкнул предохранитель бластера.

— Надеюсь, вы не совершили самой большой ошибки в своей жизни, Роальд, — вполне человеческим голосом сказал Ингвар. Медленным, плавным движением он отогнул впившийся в тело стальной лист.

— Что ты имеешь в виду?

— С момента общей тревоги все происходящее на Станции начинает фиксироваться видеокамерами внутреннего наблюдения. Стереть их запись невозможно. Если вы выстрелите, Роальд, то я, конечно, погибну. Но вы получите пожизненный срок на каторжной планете.

Ингвар помолчал, выбинаясь из мешанины металла, пластика и проводов. Продолжил:

— Я не случайно выбрал почти человеческую форму...

— Люди покрыты кожей... а не панцирем.

— Мелочи, Роальд, мелочи. Узнать во мне Имитатора Вистина не составит труда. Нажимайте спуск — и осваивайте профессию шахтера на урановых рудниках.

— Ваша взяла, — тихо произнес Роальд. — Что вы хотите? Рассчитаться со мной?

— Нет, Роальд, — серьезно сказал Ингвар. — Я хочу свою комнату — человеческую комнату. И двенадцать часов, чтобы завершить трансформацию и стать человеком. Мне надоела ваша планета, а еще больше — Станция. Ну а с Оргом покончено. Он был почти разумен, Роальд. Высаживая вас на планете, корабль сжег его сородичей. И он мстил — мстил за свою стаю... за свое племя.

Ингвар неторопливо прошел мимо людей, гулко топая по металлу. Входя в нерешительно открывшуюся дверь, он пробормотал:

— Мне надоела ваша Станция.

* * *

Он лег спать чудовищем. Пульсировали в двух разных ритмах мышечный и нервный контуры лимфоснабжения, зудели исцарапанные о броню руки. Твердый панцирь, универсальный дыхательный аппарат... Все как положено.

Под утро он проснулся. Яркие блики света, пробившиеся сквозь бронестекло, падали на скинутое ночью одеяло. Ингвар почувствовал, что ему холодно. Тонкая человеческая кожа покрылась пупырышками. Волосы, отросшие сильнее, чем это требовалось, падали на глаза. Очень хотелось есть.

Ингвар оделся. Вышел из комнаты, слегка касаясь рукой стены. Ноги болели так, словно он без всякой подготовки пробежал марафонскую дистанцию.

Ангар был пуст, и он мимолетно обрадовался этому. Ему не с кем было здесь прощаться, а позавтракать Ингвар мог и на Земле. Он добрел до хрустальной пирамидки иглокола, прищурившись, полюбовался мягким светом граней... И приложил ладонь к контрольной точке люка.

Ничего не изменилось. Грань не дрогнула, сдвигаясь в стороны на невидимых глазу молекулярных петлях. Не потемнела, сигнализируя о неисправности механизма.

Ингвар прижался лицом к прохладной плоскости кристалла. Всмотрелся — и увидел на пульте мерцающий зеленый огонек. Значит, иглокол исправен. Не в порядке он сам, Имитатор Вистин.

Вернувшись в комнату, Ингвар разделся и встал перед зеркалом. Долго взглядавшийся в отражение, со страхом ожидая увидеть на теле остатки чешуи, несколько минут изучал ладони, пытаясь найти выводы энергоразрядников. Но все было в порядке.

Весь персонал Станции собрался в столовой. Филипп, смущенный и неловко улыбающийся, стоял во главе стола. А вокруг, держа в руках хрупкие бокалы с шампанским, замерли остальные.

Первым, что услышал Ингвар, входя в столовую, было нестройное пение. Три десятка мужских голосов старательно выводили: «Счастливого дня рождения!» Ингвар тихо стоял возле двери, стараясь не привлекать внимания. А за столом уже звенели бокалы, и Роальд, откашлявшись, начинал говорить:

— Поздравляя тебя, Филипп, я хочу сразу сказать, что самый лучший подарок ты преподнес себе сам. Да и для нас уничтоженный Орг — самое...

Роальд взмахнул рукой, обводя собравшихся широким дружеским жестом. И замер, увидев Ингвара.

Тридцать пар глаз неотрывно смотрели на Имитатора. Заложив руки в карманы, привалившись к стене, Ингвар, казалось, не обращал на них никакого внимания.

Первым нарушил тишину именинник.

— Ингвар, садитесь за стол, — доброжелательно предложил он. — У нас двойное торжество... а вы участвовали в уничтожении Орга не меньше меня.

— Садитесь, Имитатор, — поддержал его Роальд. — У нас первый праздник за долгий срок...

Ингвар молча смотрел на них. Тридцать улыбающихся лиц. Хрустальные бокалы на белой скатерти. Стереографии земных пейзажей на стенах.

Все хорошо.

Орг мертв.

Имитатор не предъявляет претензий и вот-вот улетит.

Все удалось уладить.

Орг мертв.

Имитатор улетит.

Счастливого дня рождения...

Все хорошо.

— Мне нужно поговорить с вами, Роальд, — кивнув в сторону двери, произнес Ингвар. — Немедленно.

Пожав плечами, Роальд выбрался из-за стола. Вышел в коридор, где его поджидал Ингвар.

— Мы идем в ваш кабинет, — мимоходом объяснил Ингвар, беря Роальда за руку. Пальцы Имитатора были твердыми и холодными.

Временный координатор Станции почувствовал невольный ужас.

— Что случилось, Ингвар? Что вам нужно?

Дверь кабинета закрылась за ними. Имитатор пристально посмотрел на Роальда. Повернулся к двери. И даже не замахиваясь, легким толчком ладони проломил ее. Вытянул руку из рваной дыры, поморщился от боли. Из царапин на кисти сочилась кровь, но уже через несколько секунд алые капельки начали подсыхать.

— Извините за испорченную дверь, но это самое быстрое объяснение, — просто сказал Ингвар. — Я не могу вернуться на Землю. Я не человек сейчас и не могу им стать.

Он помотал рукой в воздухе. Багровые корочки отвалились. Роальд увидел чистую, целую кожу.

— Почему? — Голос Роальда сорвался на крик.

— Потому что вы не люди. Мой организм не хочет превращаться в человеческий рядом с вами. И возможно, — Ингвар скосил глаза на тяжелую кобуру на поясе временного координатора, — он и прав.

— Но... — Роальд вздрогнул. — Как же теперь...

На лице Ингвара появилась улыбка.

— Не стоит беспокоиться. На Станции я не останусь. Имитатору нет дороги к людям, пока он не человек... Карту, Роальд!

— Карту?

— Да. Какие еще поселения существуют на планете?

Роальд замотал головой:

— Никаких, Имитатор. Планета пуста... — Он заметил, как дрогнуло лицо Ингвара, и торопливо добавил: — Существует, конечно, с десяток незаконных поселений. Вы же знаете: искатели приключений, беглые преступники, парочки, ищащие в медовый месяц экзотики... Но я даже не предполагаю, где их искать...

— Я найду сам. — Непонятная тень пронеслась по лицу Ингвара. Отзвук нерожденной улыбки, отблеск не наставшего еще покоя.

— Я найду людей, Роальд, — повторил он. — А когда вернусь за иглоколом, помогу поставить на карту еще один значок. Мне кажется, вам следует помнить, что вы не одни на планете.

Какая сила может сохранить человека человеком в отравленном, источающем смерть аду? Каков он, отличительный признак человека?

...Большой зверь, спавший посреди инопланетного леса, свернувшись клубочком, словно одинокая бездомная собака, поднялся на ноги. Вскинул голову, взглядываясь во что-то видимое лишь ему одному, что-то должное привести его к цели.

Любовь.

...Белое пламя, неощутимо-призрачное, вставало впереди, заслоняя собой искорки звезд. Одинокий и чистый костер в багровой паутине джунглей. Огромный зверь бежал к горизонту, не отрывая от теплого света взгляда человеческих глаз.

И этот рассказ из тех, чей движущий мотив я забыл. Можем быть, просто хотелось написать что-то «героическое»... «военное». Десантники, повстанцы, стрельба... Но, как обычно, все получилось совсем по-другому.

«Визит», пожалуй, один из немногих моих рассказов, которые я хотел бы переработать, не переписать, можем быть, даже расширить... Но конечно же, делать этого не стоит. Мне кажется, что он и без того живой.

ВИЗИТ

Он спустился по западному склону Диких гор. Мимо Сухой реки, где в клубах серой колючей пыли кружились огромные хищные рыбы. Мимо Горелых равнин, где в чадящих асфальтовых озерах навеки завязли королевские бронеходы.

Он шел к Дому.

В лес капитан Троев вошел поздним вечером, когда лишь тускло-багровая полоска на горизонте напоминала о прошедшем дне. Лес не имел никакого названия — он был просто лесом. Ведь именно в нем стоял Дом.

Огонек, мерцающий в окне, капитан заметил, выйдя на поляну. Секунду он стоял, разглядывая едва различимый сквозь листву желтый прямоугольник. Дом. Он дома...

Боевой комбинезон капитан скатал в тугой плотный узел. В кармане комбинезона остались и электронный пропуск, и бумажник, и ампула с вакциной от степной горячки. Одежду Троев спрятал в дупле самого большого из окружавших поляну деревьев. На дне дупла нашлись просторная накидка из серебристой ткани и мягкие мокасины, заменившие тяжелые десантные ботинки. Лучемет, немного поколебавшись, капитан оставил себе. В сущности, это всего лишь большая и шумная игрушка...

Он полз к Дому, путаясь в густой, мокрой от вечернего дождя траве. Капитан вымок и устал, перемазался зеленым соком, но бревенчатые стены Дома уже нависали над головой. Ян всегда мечтал о деревянном доме; каменный — это лишь укрытие от непогоды, нерожденная крепость. И здесь, в этом лесу, он мог позволить себе настоящий Дом... Немного бравируя своей ловкостью, он подобрался к самому окну. Широкие створки были распахнуты, и негромкий разговор сидящих в комнате отчетливо доносился до капитана.

— Он не придет. Он редко приходит ночью.

Капитан узнал его по первым же словам. Летчика трудно было спутать с другими обитателями Дома — он всегда говорил неторопливо, слегка задумчиво. Словно человек, пытающийся что-то вспомнить или понять.

— Но сегодня шел дождь. А вечерний дождь всегда случается перед его приходом.

Капитан почувствовал прикосновение к лицу — теплое, нежное, едва уловимое. Конечно, в действительности ничего не было. Но голос Дэны всегда казался Троеву неотличимым от ее рук. Самых нежных в мире рук...

...Оранжевое пламя огнемета бьет по тонкой фигурке девушки. Секунду она неподвижна, словно не чувствует жаркой, облепившей все тело, обугливающей кожу смерти. Потом ломается пополам, кружится, пытаясь вырваться из беспощадных объятий боли. Черные волосы окутаны шлейфом красных искр. И сухой пистолетный щелчок — выстрел милосердия...

Троев поднял лицо, вжатое в мокрую холодную траву. Подтянул ноги, готовясь к прыжку. Мягко качнулась, роняя каскад водяных капель, задетая ветка.

— Мне кажется... Слышили?

А это уже Шен. Он всегда был самым чутким. Молодой разведчик из шестой повстанческой бригады...

...Десяток вакуумных мин накрывает холм, перемешивая землю, воздух, деревья. И лазер, целых полчаса преграждающий дорогу десантникам, замолкает...

Он прыгнул. Кувыркнувшись в воздухе, перелетел через подоконник — тело сжато в комок, чтобы труднее было прицелиться. И мягко встал на пол рядом с накрытым к чаю столом, среди растерянных, обрадованных, начинающих улыбаться людей. Летчик, Дана, Шен, Стариk, Утан, Арни... А в углу ярко освещенной комнаты, на затертом диване, испуганно глядел на Троева парнишка лет пятнадцати с нежным полудетским лицом.

— Капитан, — тихо, на выдохе, произнес Шен. — Я знал, ты придешь...

— И все-таки не смог меня заметить, — наигранно-укоряюще сказал Троев. — Шен, пока я отсутствую, ты отвечаешь за безопасность! Я не хотел бы потерять вас.

«Снова... — толкнулась в голове непрошеная уточняющая мысль. И еще одна, с едкой смесью горечи и издевки: — Если это возможно».

Троев посмотрел на Дану. На улыбающиеся глаза — беззаботные и чистые, как голубое небо, отраженное в кристальной воде горных озер. Прозрачной воде, под которой невидим вечный лед.

— Я ждала... — беззвучно шепнули губы. Троев кивнул. И так же молча ответил:

— Я шел.

Летчик потер лоб. Смузенно улыбнулся. Как будто не знал, стоит ли вообще мешать немому разговору.

— У нас новенький, Ян. Мы встретили его у озера днем. Совсем еще мальчишкой...

Капитан повернулся. Медленно, словно боялся его спугнуть. Так вот ты какой, новичок...

— Как тебя звать? — мягко спросил он. — Ты помнишь?

Парнишка кивнул. Уверенно ответил:

— Рон... это помню. А вот как попал сюда — нет.

— К этому придется привыкнуть... — вяло произнес Стариk. А Летчик поморщился. Так, словно в очередной раз ускользнула нужная мысль...

Они пили чай, для которого Дана нашла десяток сортов варенья, и болтали так, как могут болтать лишь друзья, не видевшиеся много дней. Лампы под потолком померкли — заряжавшиеся от солнечных батарей аккумуляторы сели, и пришлось зажечь свечи. Комната стала гораздо уютнее. Стариk и Утан уселись в углу, рядом с парнишкой. Летчик, наоборот, занял самое освещенное место во главе стола. Каждую секунду Троев чувствовал на себе его взгляд — не злой и не угрожающий, нет... Задумчивый взгляд погруженного в себя человека.

Спать разошлись, когда флегматичный Арни уснул прямо за столом, опустив голову на мускулистые, изрезанные шрамами руки. Шен осторожно спросил:

— Что будем делать завтра, капитан? Воевать?

Троев слегка вздрогнул. «Ты никак не успокоишься, разведчик, — мелькнула беспомощная мысль. — Ты умел лишь воевать, и это умение неистребимо в твоей крови...»

— Нет, Шен. Думаю, день будет спокойным, — выбирая каждое слово, ответил капитан Ян Троев. — Я уверен.

...День будет спокойным. К Дому не подберутся стаи мутантных волков, хриплыми визгливыми голосами предлагающих людям сдаться. Мирный пикник не прервет появление злобных кентавров. Королевские солдаты не перейдут горный хребет, отделяющий лес от их владений. День будет спокойным, потому что так хотел капитан Троев — самый несчастный человек в Доме.

Когда коридоры заполнила ночная тишина, Ян Троев вышел из своей комнаты. Тихо подошел к соседней двери, легонько толкнул ее. И ощутил ладони Даны на своем лице.

Секунду он молчал, зарываясь лицом в мягкие, ласковые пальцы. Потом спросил:

— Ты простила меня?

Даже в темноте Ян почувствовал, как качнулись ее плечи.

— О чём ты? Что я должна простить, глупый?..

«Скажи, что простила меня. Скажи хоть раз, не спрашивая — за что. Ведь это проще всего. Почему же ты не произносишь короткого слова «да»? Почекуметь?» Увлекая за собой девушку, Троев шагнул вперед, к белеющей сквозь темноту постели.

День был спокойным. Они встали с восходом солнца, но прекрасно выспались, потому что ночь длилась дольше обычного. Торопливо позавтракали, пока Шен, считавший, что есть три раза в день — глупое излишество, собирая рюкзаки. Ян, первым расправившийся с омлетом, потрепал Рона по голове:

— Как спалось на новом месте?

— Мне снилось, что я летаю, — серьезно ответил Рон.

— Растешь, — застегивая туго набитый рюкзак, буркнул Шен.

— Здесь не растут и не стареют, — поправил Утан.

— Мне бы понравился такой сон, — тихо сказал Летчик.

— Это был страшный сон, — разъяснил Рон. — Было очень больно... и темно. Я куда-то падал и все не мог упасть.

— Все равно мне понравился бы такой сон, — упрямо и твердо сказал Летчик.

Слова Летчика заставили Яна вздрогнуть.

— Нам пора, ребята, — торопливо напомнил он. — Пора. Солнце уже всходит.

В окна ударили первый солнечный луч. Где-то рядом запели птицы.

Они вышли из Дома. Впереди шел Арни, закинувший на спину самый тяжелый рюкзак и упакованную отдельно палатку. За ним Шен — с лучеметом Яна в руках. Скорее всего он понимал, что никакой драки сегодня не предвидится. Но пальцы разведчика словно помимо его воли ласкали полированный металл оружия. Троев с Даной замыкали отряд.

Дорога вела их через Вечерние холмы — лавируя между гранитными обломками скал, поросшими темно-зеленым мхом, временами взираясь на опасные узкие карнизы. Рассвет, казалось, отступил — здесь всегда царил загадочный, необъяснимый полумрак. Но и в сумерках Ян увидел изломанные деревянные крылья, нелепо торчащие из расщелины. Порывы ветра трепали обрывки парусины, обтягивавшей когда-то плоскости. Троев с трудом отвел от них взгляд.

Летчик не мог жить без неба. Снова и снова строил он свои самолеты — неумело и безнадежно; его учили летать, а не конструировать. Но с каждым разом машины все больше походили на настоящие самолеты. Ян постарался не думать о том, что однажды Летчик может взлететь по-настоящему.

...Человек на фоне боевого винтолета кажется пигмеем. И голос Троева, обычно громкий и властный, — лишь шепот сквозь пение останавливающихся винтов. Нет, он не собирается выполнять приказ, этот мальчишка с офицерскими нашивками, стоящий у своей машины. Он считает, что там нет военных объектов. Да, он знает, что такое неподчинение в боевой обстановке...

И пистолетный выстрел так тих, словно летчик просто запнулся о сухую ветку — и упал...

Вечерние холмы кончились. Может быть, потому, что так хотел Ян. А может, они просто шли очень быстро. Затягивающая небо дымка рассеялась. Впереди блеснула голубая озерная гладь.

Рон остановился, в немом восхищении любуясь озером. Подошедший сзади Ян с невольной гордостью спросил:

— Нравится?

Парнишка кивнул. Помолчал секунду, обводя взглядом утопающие в зелени берега, желтые пятнышки песчаных пляжей, проглядывающие между деревьев.

— Очень нравится. Оно... такое неожиданное, это озеро.

— А по-моему, вполне на месте.

Рон пожал плечами. И вполголоса добавил:

— Мне кажется, я очень хорошо умею плавать.

Они загорали до тех пор, пока Дана не пожаловались, что скоро сгорит. Через минуту солнце закрыли пушистые белые облака, бросив на озеро легкую тень. Шен и Арни разожгли костер и приготовили еду, заявив, что Дана сегодня обязана отдохнуть.

Потом они снова загорали. И купались. И ловили форель, которая невесть с чего завелась в озере. И варили уху — здесь уж Дана взяла все в свои руки и явно собиралась накормить «мальчишек» доваренной и непересоленной пищей.

Рон после долгих колебаний решился и переплыл озеро — туда и обратно. Арни и Утан устроили борцовский турнир — причем ловкий и гибкий Арни вышел победителем. Старик, с усмешкой наблюдавший за ними, выкурил несметное количество трубок, набитых за неимением табака ароматной травой.

Летчик, лежа на спине, разглядывал облака и улыбался. Похоже, придумывал новую конструкцию, которая непременно должна была взлететь...

Ближе к вечеру Ян поймал грустный взгляд Шена, ожидающе и подозрительно озиравшего окрестности. Смущенно улыбнулся, посмотрел на Дану.

Она пожала плечами. Так, словно все понимала. Так, словно разрешала ему любой поступок.

Троев вздохнул и лег на траву. Закрыл глаза, сосредоточиваясь. Он вовсе не был уверен в успехе. Ведь день начинался так спокойно, так тихо и беззаботно.

— Ложись! — Выкрик Шена почти слился со злобным скрежещущим визгом. Ян перевернулся на живот, выхватывая из потайного кармана узкий рифленый цилиндрик. Вокруг падали, прижимались к земле люди. Рядом тяжело упал Утан и сразу же изогнулся, выдергивая из кожаного чехла на ноге короткий широкий клинок. Один лишь Шен продолжал стоять, прижимая к груди стальной приклад лучемета.

Из-за деревьев, похожие на огромные комья грязно-серой, жесткой как проволока шерсти, неслись на них мутантные волки. Бежавший первым зверь взвился в воздух, пытаясь одним прыжком покрыть отделяющее его от людей расстояние.

Лучемет в руках Шена выбросил ослепительно белый луч, и натолкнувшийся на него волк словно остановился, замер в воздухе. С неприятным сухим хрустом вспыхнула шерсть. Зверь взвизгнул и рухнул на землю — обгоревший, окровавленный, ничем не напоминающий страшного хищника.

Шен оскалился в короткой злой ухмылке. И повел стволом справа налево, над головами людей, на чисто выжигая передний ряд нападающих.

Воздух наполнился визгом, рычанием и едва различимыми проклятиями. Вторая волна чудовищ неслась к людям, перепрыгивая через обугленные трупы.

Ян первым вскочил на ноги. Крикнул:

— Спиной к спине! Утан, к Старику!

Огромный зверь с обезображенной шрамами мордой, с выдранной на спине шерстью бросился к Яну. Четким, почти человеческим голосом произнес:

— Ты умрешь! Ты! Ты!

— Конечно. Но не здесь. — Ян кивнул, едва удерживаясь от усмешки. Цилиндрик в его пальцах щелкнул, из торца его вырвался метровый плазменный язык. Пламя слегка гудело, разбрасывая по сторонам оранжевые искры.

Волк метнулся, уворачиваясь от огня. И тут же свалился под ударом Арни. Тонкая стальная плеть, которой тот дрался, рассекла шею зверя не хуже отточенного клинка.

Бой длился лишь несколько минут. В плазменном мече Яна кончился заряд, пламя опало, превратившись в маленький тусклый огонек. Лучемет с опустевшим разрядником Шен держал за ствол и дрался им как дубиной. Но и последние уцелевшие волки убегали обратно в лес.

Троев протянул руку назад, не глядя нашупал ладонь Даны. Они дрались спина к спине — как и должно было быть. Поискан взглядом Рона.

Парнишка стоял рядом с Утаном и Стариком, сжимая побелевшими пальцами длинный дюралевый шест от палатки. Концы шеста были темными от подсохшей крови.

— Ты мог прыгнуть в воду и отплыть от берега, — без тени насмешки сказал Ян. — Эти твари тебе в новинку.

— Я не настолько смел, чтобы убегать, — так же серьезно ответил Рон. — Мне было бы слишком страшно за вас.

Троев кивнул, словно принимая ответ. Искоса посмотрел на Шена.

Перемазанный волчьей кровью, в изодранной рубашке и с кровоточащей раной на ноге, Шен счастливо оглядывал поле боя.

Ян проснулся от скрипа двери — едва уловимого в ночной тишине то ли звука, то ли намека на звук. В комнате было так темно, что он не мог ничего разглядеть. Просто темнота... часть темноты неподвижна, а часть — перемещается, плавно и бесшумно приближаясь к нему.

Ян скользнул с кровати так же тихо и неуловимо. Он тоже стал частью темноты — быстрой, смертельно опасной тенью. Мускулы напряглись, сбрасывая остатки сонного оцепенения. Тело, замерло, сгруппировалось в боевой стойке.

Лезвие сверкнуло даже в темноте. Бледная молния, с треском вспоровшая подушку. Замерев на секунду, клинок скользнул по постели, отыскивая жертву.

Троев перехватил руку в кисти, вывернул, заставляя разжаться сжимающие оружие пальцы. Нож мягко упал на кровать. Кто-то вскрикнул от боли — сдавленно, приглушенно, словно сквозь сон. Ян бросил нападавшего на пол, надежным захватом прижимая руки. И лишь после этого позволил себе думать.

На него напали. Пытались убить. Там, где он всегда был в безопасности.

В Доме.

— Я узнал тебя, — прошептал он. — Узнал. Почему ты это сделал?

Враг молчал. Долго, словно и не собирался отвечать. Потом Ян услышал тихий, медленный голос.

— Потому что ты подлец. Потому что я помню.

Руки ослабли. Троев почувствовал, как начинает бить тело мелкая, противная дрожь. Упрямо сказал:

- Врешь... Это невозможно.
- Я помню, лейтенант. Помню. Я не успел взлететь...
- Врешь!

Троев ударили по лицу. Резко, не замахиваясь. На мгновение задержал руку, борясь с искушением опустить ее ниже, прижать пульсирующие нити сонных артерий... И почувствовал, что веки под пальцами сомкнуты.

Медленно, осторожно Ян нагнулся. И услышал ровное дыхание спящего человека.

Через мгновение он уже тряс лежащего за плечи:

- Проснись! Проснись, Летчик!

Сначала тот застонал. Потом вскрикнул. И тихо спросил:

- Где я?

— Дома. Ты у себя дома, Летчик, — ласково и успокаивающе, как ребенку, очнувшемуся от ночного кошмара, сказал Ян. — В моей комнате.

Летчик слабо засмеялся:

- Какая чушь... Что я здесь делаю?.

— Ты ходил во сне, Летчик. И говорил всякий вздор. Пошли, я провожу тебя.

Летчик запротестовал — но так неуверенно, что через минуту они уже шли извилистыми коридорами Дома.

— Очень болит голова, — виновато пожаловался Летчик. — Наверное, мне досталось в драке с волками...

Ян кивнул. И посоветовал:

- Прими снотворное. Пару таблеток.

— Я хочу проводить тебя утром, — безвольно возразил Летчик.

- Не стоит. Я уйду через час.

- Тогда я не буду ложиться.

— Тебе надо уснуть, — твердо и настойчиво произнес Троев. — Провожать меня не надо. Ложись.

— Хорошо. Я лягу. Счастливого пути, Ян.

Дверь его комнаты закрылась. Ян продолжал стоять, тупо глядя на некрашеную деревянную стену. Ровные, одна к одной, доски. Аккуратно вбитые медные гвозди. Яркое пламя свечей, которые никто не зажигал...

Сон. Просто-напросто сон. Граница между жизнью и смертью. Где бродит душа, когда человек спит? Какие тайны всплывают из глубин сознания?

Сон. В нем можно вспомнить врага. Достать оружие и ввязаться в давно проигранную драку. Попытаться победить в споре, для которого когда-то не хватило ни слов, ни сил. Искупить вину — которую не искупишь...

Сон.

Ян двинулся вперед. На секунду остановился у двери, слегка приоткрытой — в Доме не было внутренних замков. И вошел в полутемную комнатку.

Старик спал. Лежала на столе недочитанная книга, тускло светила непогашенная лампа. Пахло лекарственными травами — тоскливыи и жалкий запах старости.

— Проснись, — вполголоса попросил Ян. — Проснись, Старик.

Мгновение — и спящий шевельнулся. Посмотрел на Яна — спокойно и внимательно, с той легкой отстраненностью, которую могут себе позволить лишь очень старые люди.

— Что-то случилось, Ян? В Доме беда? — тихо, но отчетливо прошептал Старик.

Ян замотал головой:

— Нет... Не в Доме... Ты был когда-то врачом, Старик.

— Я не помню этого. — Голос стал тверже. .

— Знаю. Но ты был врачом и сможешь мне помочь.

— Как? — слегка дрогнул голос Старика. — Я ничего не помню, Ян!

— Отвечай не раздумывая, вот и все.

— Хочешь заставить работать мое подсознание?

— Оно уже работает.

По лицу Старика скользнула усмешка.

— Верно... Я всегда догадывался, что ты знаешь больше, чем мы... Я попробую, Ян.

— Меня мучают кошмары, Старик. Нет, наверное, я не прав. Меня мучают сны. Один и тот же сон, который повторяется время от времени. Он... как фильм с продолжением. Я встречаюсь там с людьми... целой группой людей. Путешествую, воюю... Это интересно, и, как правило, сон идет так, как мне хочется... Ты знаешь про такие случаи?

— Да.

— Вот видишь, Старик, получается. Я был прав...

Ян отвел глаза от лица Старика. И продолжил:

— Я разговариваю во сне... спорю, советуюсь.

Иногда узнаю что-то новое.

— Это тебе лишь кажется. Ты споришь и советуешься сам с собой.

Ян засмеялся:

— Да, пожалуй. Я тоже так считаю. Но понимаешь, иногда во сне происходят неприятные события. То, чего я не хочу. Порой я оказываюсь на волосок от гибели. Этот мир... он живет по моим законам. Но порой трактует их по-своему.

— И это возможно... — Старик присел на кровати. Провел рукой по переносице, словно поправляя несуществующие очки. — Вероятно, ты был знаком с ними раньше? С героями своих снов? Какой-либо душевный конфликт... сильные переживания, связанные с ними. Мозг пытается осмыслить ситуацию, переиграть ее заново. Оправдать их или, наоборот,

обвинить. Отсюда конфликты, неожиданные для тебя самого.

Ян откашлялся. Сказал неожиданно охрипшим голосом:

— Да нет, их не в чем обвинять или оправдывать. Все было справедливо. Может быть, просто тяга к общению с людьми, которые очень далеко... Стариk, мне нравятся эти сны... но иногда хочется отдохнуть от них. Ты можешь дать совет?

— Принимай снотворное на ночь. Пару таблеток. Ян нахмурился:

— Но ведь... Впрочем, понятно. Совет самому себе.

— Не понимаю, Ян.

— Все в порядке. — Ян улыбнулся. — Большое спасибо, доктор.

— Не за что, лейтенант, — задумчиво ответил Стариk. — Случай весьма интересный.

— Присматривайте тут за Роном, — коротко бросил Ян, отходя к двери. — Мальчишке понравилось купаться, но не стоит пускать его на озеро в одиночку.

— Хорошо, лейтенант, — согласно кивнул Стариk. — Не беспокойся.

...Кирпичная стена, вся в выбоинах и темных пятнах. Седой затылок человека, медленно идущего к стене...

Капитан Ян Троев торопливо прошел по коридору. Лишь у комнаты Даны он замедлил шаги — но так и не остановился.

Щелкнул засов, выпуская его из Дома. Очутившись в ночной прохладе, Ян перешел на бег. На опушке леса он позволил себе остановиться.

Дом поблескивал синеватым небьющимся стеклом, закрывающим широкие окна. Толстые бревна, грубый камень, кованые ставни, обитая железом дверь. Маленький форпост покоя и счастья в жестоком мире. Дом...

— Сны бывают страшными, но покой дают и они, — негромко сказал Ян. — Это спор самого с собой.

В боевом комбинезоне и ботинках бежать стало труднее. Но до самых Горелых равнин капитан Троев не останавливался. Дальше стало легче. Мимо Оранжевых скал, через Стеклянный лес. К той неизменной точке, где тело становилось легким, невесомым, а мысли туманились. Где все сильнее хотелось проснуться...

Капитан Ян Троев вышел из штабного транспортера еще до рассвета. Продрогшие от ночной сырости часовые подтянулись при его появлении.

— Долго я спал? — ни к кому не обращаясь, спросил Троев.

— Час-полтора, — уверенно ответил солдат с сержантскими шевронами на рукаве. — Не больше.

— Спасибо.

Часовые переглянулись. Тот, что поможе, пожал плечами. Сержант ухмыльнулся: «Бывает».

— Поселок уже прочесали? — так же безлично и так же вежливо спросил Троев.

— Скорее всего. Полчаса, как все стихло. — Сержант потянулся к кнопке коммуникатора. Но Троев покачал головой:

— Не стоит. Я сам проверю патрули. А вы, когда сменитесь, выпейте коньяку. Ночь сегодня холодная... Скажите интенданту, это мой приказ.

Сержант довольно улыбнулся, представив себе бессильную злость разбуженного под утро интенданта. Его напарник, выждав, пока Троев отойдет от вездехода, сказал:

— Капитан у нас со странностями. Но мужик отличный.

Облокотившись на холодную броню транспортера, сержант достал сигарету. Неохотно ответил:

— Да как сказать... Года три назад полковой врач помог бежать пленному. Тот был совсем еще мальчишкой, а Троев пригрозил расстрелять его без суда.

— Ну и что Троев?

— Расстрелял врача. Без суда.

— Все правильно.

Сержант щелкнул зажигалкой.

— Говорят, врач был другом его родителей. Лечил Яна с пеленок.

— Война, — неуверенно сказал часовой.

Сержант сплюнул.

— А наша связистка, Даня... Когда у Верхола нас взяли в кольцо, она предложила сдаться. Не только Троеву, всем сказала, дуреха... Ну и он по приказу о борьбе с паникерами...

Затянувшись дешевым крепким табаком, сержант добавил:

— Не хотел бы я носить такой груз, как у него.

В центре поселка десяточка усталых десантников расстаскивали свежие развалины. От мокрых обугленных досок, покерневших кусков бетона тянуло гарью.

— Мы нашли его, капитан, — доложил кто-то Троеву. — Нашли и уничтожили, как вы приказали.

Ян молча смотрел на кусок брезента, где лежал тот, кого во сне звали Роном. Сгоревшее лицо стало неузнаваемым. В глубине души Ян обрадовался этому. Обидно было бы убедиться, что на самом деле «Рон» был совсем другим.

— Ему лет четырнадцать, — хмуро сказал Троеву десантник. — На кой черт ему эта война? И ведь знал, на что идет. Сидел с таким боезапасом, весь дом разнесло...

Отвернувшись от брезента, он добавил:

— Не дай Бог во сне увидеть...

Троев не ответил. Он смотрел на маленький металлический значок, когда-то золотистый, а теперь темно-бронзовый. Приколотый к отвороту куртки, он казался недогоревшим язычком пламени. Выдавленные буквы скорее угадывались, чем читались. «Рону, чемпиону школы по плаванию».

Медленно, но неотвратимо, словно на плечи ему легла тяжесть целого мира, Ян склонился над бретоном.

Никогда больше он не взберется на льдистые пики Диких гор. Никогда не проплынет по Сухой реке, никогда не встретит утро на Вечерних холмах. Никогда не пройдет по Стеклянному лесу, звенящему под порывами ветра.

Только во сне можно дружить с теми, кого ты убил. Только во сне можно победить в проигранном споре.

— Мне некуда больше бежать, Рон, — прошептал Троев. — Я такой же трус, как и ты. Мне будет слишком страшно за вас, если я вернусь в Дом.

Капитан Ян Троев по-прежнему служит в Десантном Корпусе. Его бригаду перебрасывают с планеты на планету — и она действует столь же успешно, как раньше. Разве что проявляет меньше инициативы — да и неудивительно, ведь капитан Ян Троев ходит теперь с глазами мутными и стеклянными от выпитого снотворного. Он принимает таблетки каждый вечер, в такой дозе, которую молодой и циничный полковой врач назвал «полусмертельной». Может, он и прав, но на медицинские советы Троев не реагирует. Он говорит, что проиграл какой-то спор, и продолжает принимать лекарство — в один и тот же час, каждый вечер, перед сном, в котором капитану Яну Троеву больше нет места.

Иногда рассказы пишутся долго, но чаще все-таки на одном дыхании, влем. Рассказ «Поезд в Тёплый Край» писался именно так. Наверное, это самый страшный из написанных мной рассказов. Возможно, это самый лучший мой рассказ. Но я не мог раньше и не смогу сейчас объяснить, как и почему он был написан. Рассказ пришел сам, я лишь посредник между текстом и Вами. Помощник и наблюдатель. Меня там не было.

Только знаете, там было очень холодно...

ПОЕЗД В ТЕПЛЫЙ КРАЙ

1. КУПЕ

— Идет дождь, — сказала жена. — Дождь...

Тихо, почти равнодушно. Она давно говорила таким тоном. С той минуты на пропахшем мазутом перроне, когда стало ясно — дети не успевают. И даже если они пробились на площадь между вокзалами — никакая сила не пронесет их сквозь клокочущий людской водоворот. Здесь, на узком пространстве между стенами, рельсами, оцепленными охраной поездами, все метались и метались не доставшие билета. Когда-то люди, теперь просто — *остающиеся*. Временами кто-нибудь, не то с отчаяния, не то в слепой вере в удачу, бросался к поездам: зелено-серым, теплым, несущим в себе движение и надежду... Били автоматные очереди, и толпа на мгновение отступала. Потом по вокзальному радио объявили, что пускят газ, но толпа словно не слышала, не понимала... Он втащил жену в тамбур, в очередной раз показал проводнице билеты. И они скрылись в келейном уюте четырехместного купе. Два места пустовали, и драгоценные билеты мятymi бумажками валялись на углу откинутого столика. А за окном поезда уже беснова-

лись, растирая слезящиеся глаза, оставшиеся. В неизбежные щели подтекал Си-Эс, и они с женой торопливо лили на носовые платки припасенную минералку, прикрывали лицо жалкими самодельными респираторами. А поезд уже тронулся, и последние автоматчики запрыгивали в отведенные им хвостовые вагоны. Толпа затихла — то ли газ подействовал, то ли осознала, что ничего не изменишь. И тогда со свинцово-серого неба повалил крупный снег. Первый августовский снег...

— Ты спиши? — спросила жена. — Будешь чай?

Он кивнул, понимая, что должен взять грязные стаканы, сполоснуть их в туалете, в крошечной треугольной раковине. Пойти к проводнице, наполнить кипятком чайник — если окажется свободный, или стаканы — если будет кипяток. А потом осторожно сыпать заварку в чуть теплую воду и размешивать ее ложечкой, пытаясь придать чаю коричневый оттенок...

Жена молча взяла стаканы и вышла. Хлопнула защелкой дверь, и он остался один в купе. За окном действительно шел дождь. Мокли придорожные деревья и жалкие, с тусклыми огоньками в окнах домишкы. Поезд шел медленно — наверное, приближался к разъезду... «Ничего, — подумал он. И сам испугался мыслей — они были холодными и скользкими, как дождевые плети за окном. — Ничего, это последний дождь. За поездом идет Зима. Большая Зима. Теперь будет лишь снег».

Где-то в глубине вагона звякнуло разбитое стекло. Захныкал ребенок. Послышался тонкий голос проводницы — она с кем-то ругалась. Несколько раз хлопнуло — то ли стреляли из пистолета, то ли дергали заклинившую дверь.

Он осторожно потянул вниз оконную раму. Ворвался воздух — холодный, прощально-влажный. И

дождевые капли, быстрые, хлесткие, метящие в глаза. Он высунул голову, пытаясь разглядеть состав. Но увидел лишь длинный выгнутый сегмент поезда — скользящий по рельсам, убегающий от Зимы. «Почему они не взрывают пути? — подумал он. — Я бы непременно взрывал. Или так хорошо охраняют?» Он втянулся обратно в купе, взял со столика пачку сигарет, закурил. Экономить табак не было смысла — запасался с расчетом на сына. А тот *остался*. Опоздал... или не захотел? Он ведь знал истинную цену билетов... Какая разница. У них теперь всего с запасом.

Вошла жена с двумя стаканами, чистыми, но пустыми. Вяло сказала:

— Кипятка нет... Сходи позже.

Он кивнул, досасывая мокрый окурок. Дым несло в купе.

— Что там, в коридоре?

— Разбили стекло, камнем. В первом купе, где майор с тремя женщинами.

Жена отвечала сухим, чуть раздраженным голосом. Словно докладывала на каком-то собрании.

— Майор стрелял? — Он закрыл окно и, запоздало испугавшись, натянул на него брезентовую штору.

— Да... Скоро станция. Там заменят стекло. Проводница обещала.

Поезд покачивало, купе судорожно дергалось на каждом стыке.

— Почему они не рвут рельсы?

Он лег на верхнюю полку, посмотрел на жену — та всегда спала на нижней, по ходу поезда. Сейчас она легла, даже не сняв туфли, на скомканном в ногах клетчатом пледе остались грязные следы.

— Потому что это не поможет, — неожиданно ответила жена. — Потому что ходят слухи о дополнительных взрывах.

тельных эшелонах, которые вывезут всех. Каждый хочет на поезд в Теплый Край.

Он кивнул, принимая объяснение. И со страхом подумал, не навсегда ли жена превратилась в такую — спокойную, умную, рассудительную чужую женщину.

2. СТАНЦИЯ

Поезд стоял уже полчаса. Временами гудел тепловоз, вагоны подергивались, но оставались на месте. Он пил остывший чай, пытался листать захваченную в дорогу книжку... Бесполезно. Тревога не проходила, и поезд оставался на месте. Жена делала вид, что спит. На всякий случай привык считать, что она лишь притворяется спящей.

Дверь приоткрылась, заглянула проводница. Как всегда, слегка пьяная и веселая. Наверное, ей тоже было непросто устроиться на поезд в Теплый Край.

— Проверка идет, — быстро сказала она. — Местная выдумка... Охрана решила не вмешиваться.

— Что проверяют-то? — с внезапным томительным предчувствием спросил он.

— Билеты. И наличие свободных мест. — Она посмотрела на две незастеленные полки так, словно впервые их увидела. — За сокрытие свободных мест высаживают из поезда.

— У нас есть билеты. На все четыре места, — зло, негодующе отозвалась со своей полки жена.

— Не важно. Должны быть и пассажиры. У вас два взрослых и два детских места. Выпугивайтесь.

— Дверь закрой! — крикнула жена. И повернулась к нему, молча, ожидающе. За окном уже не было дождевых струй. Кружилась какая-то скользкая бе-

лесая морось, пародия на снег, тот, настоящий, что уже трое суток догонял поезд.

— Я сейчас, — глухо сказал он. Сгреб со столика билеты — свой и два детских.

— Другого выхода нет? — с ноткой интереса спросила жена.

Он не ответил. Шагнул в коридор, осмотрелся. Все купе были закрыты, проверка еще не дошла до вагона. Из-за соседней двери тихо доносилась музыка. Глюк, почему-то решил он. И оборвал себя: какой, к черту, Глюк, ты никогда не разбирался в классике... Надо спешить.

Автоматчик в тамбуре выпустил его без вопросов, лишь мельком взглянул на билеты в руках. Маленькие оранжевые квадратики, пропуск в Тёплый Край.

За редкой цепью автоматчиков, перемешанных с местными охранниками, в чужой форме, с незнакомым оружием — стояли люди. Совсем немного — видимо, допуск к вокзалу тоже был ограничен.

Он прошел вдоль поезда, невольно стараясь держаться ближе к автоматчикам. И увидел тех, кого искал: женщин с детьми. Стоявших обособленно, своей маленькой группой, еще более молчаливой и неподвижной, чем остальные.

Женщина в длинном теплом пальто молча смотрела, как он подходит. На черном меховом воротнике куртки лежали снежинки. Рядом, чем-то неуловимо копируя ее, стояли двое мальчишек в серых куртках-пуховиках.

— У меня два детских билета, — сказал он. — Два.

Женщины вокруг задвигались, и он снова повторил, чуть пятясь к солдатам:

— Два билета!

— Что? — спросила женщина в пальто. Не «сколько», а именно «что» — деньги давно утратили цену.

— Ничего, — ответил он, с удивлением отмечая восторг от собственного могущества. — Ничего не надо. Мои отстали... — Горло вдруг перехватило, и он замолчал. Потом добавил, тише: — Я их провезу.

Женщина смотрела ему в лицо. Потом спросила, и он поразился вопросу: она еще имела смелость чего-то требовать!

— Вы обещаете?

— Да. — Он оглянулся на поезд. — Быстрее, там билетный контроль.

— А, вот оно что... — с непонятным облегчением вздохнула женщина. И подтолкнула к нему мальчишку: — Идите.

Странно, они даже не прощались. Заранее, наверное, договорились, что делать в такой невозможной ситуации. Быстро шли за ним, мимо солдат с поднятым оружием, мимо чужих вагонов. В тамбуре он показал автоматчику три билета. Тот кивнул, словно уже и не помнил, что мужчина вышел из поезда один.

В купе было тепло. Или просто казалось, что тепло — после предзимней сырости вокзала. Дети стояли молча, и он заметил, что на плечах у них туто набитые зеленые рюкзачки.

— У нас есть продукты, — тихо сказал младший. Жена не ответила. Она рассматривала детей с брезгливым любопытством, словно уродливых морских рыб за стеклом аквариума. Они были чужими, они попали на поезд, не имея никаких прав. Просто потому, что имеющие право опоздали.

— Раздевайтесь и ложитесь на полки, — сказал он. — Если что, вы едете с нами от столицы. Мы — ваши родители. Ясно?

— Ясно, — сказал младший. Старший уже раздевался, стягивая слой за слоем теплую одежду. Пуховик, свитер, джемпер...

— Быстрее, — сказала жена.

По коридору уже шли — быстро, но заглядывая в каждую дверь. Щелчки отпираемых замков подступали все ближе. Дети затихли на полках.

— Возраст не тот, — тоскливо сказала жена. — Надо было выбрать постарше...

Дверь открылась, и в купе вошел офицер в незнакомой форме. Брезгливо поморщился, увидев слякоть на полу.

— Прогуливались? — протяжно спросил он. Не то спросил, не то обвинил... — Билеты.

Секунду он вертел в руках картонные квадратики. Потом молча повернулся и вышел. Щелкнула дверь следующего купе.

— Все? — тихо спросила жена. И вдруг совсем другим, жестким, тоном скомандовала:

— Одевайтесь! И выходите.

Он взял жену за руку, погладил. И тихо сказал:

— Могут быть еще проверки. Не все ли равно... Может, нам это зачтется, там...

Смешавшись, он замолчал. Где это «там»? На небе? Или в Теплом Краю?

Жена долго смотрела на него. Потом пожала плечами:

— Как знаешь.

И сказала молча ожидающим детям:

— Чтобы было тихо. У меня болит голова. Сидите, словно вас нет.

Старший хотел что-то ответить, посмотрел на младшего и промолчал. Младший кивнул — несколько раз подряд.

Поезд тронулся. А за стеклом уже падал снег — настоящий, густой, пушистый, зимний.

3. НАКОПИТЕЛЬ

Они стояли вторые сутки. Из окна купе, если встать повыше и заглянуть над соседними поездами, были видны горы. Неправдоподобно высокие, с побеленными снегом вершинами и серыми тучами на перевалах.

— Некоторые идут пешком, — сказал майор. Он заглянул погреться — стекло в его купе так и не заменили. Впрочем, у майора был целый набор «утеплителей» — в обычных бутылках, во фляжках, даже в резиновых грелках. «Там это пригодится», — сообщил майор. Непонятно было лишь, довезет ли он до Теплого Края хоть грамм алкоголя. Сейчас он принес бутылку водки, и они потихоньку пили. Жена выпила полстакана и уснула. «Притворилась», — поправил он себя. А майор, нацеживая в стакан дозу, разъяснял:

— Туннель один, на столько поездов не рассчитан. Говорят, будут уплотнять пассажиров. Пусть попробуют...

Он щелкнул пальцами по кожаной кобуре с пистолетом.

— Я уже говорил с охраной. Последний вагон набит взрывчаткой, если что... Мы им устроим уплотнение. За все уже заплачено.

Залпом выпив, он тяжело помотал головой. Сказал:

— Скорей бы уж Теплый Край...

— А там хорошо? — вдруг спросил с верхней полки старший мальчик.

— Там тепло, — твердо ответил майор. — Там можно выжить.

Он встал, потянулся было за недопитой бутылкой, но махнул рукой и вышел. Жена тихо сказала вслед:

— Скотина пьяная... Полпоезда охраны — да еще и в пассажиры пролезли. Вся армия едет греться.

— Было бы хуже, если бы охраны оказалось меньше, — возразил муж. Выпитая водка принуждала вступиться за майора. — Нас бы выкинули из поезда.

Он полез на верхнюю полку. Лег, закрыл глаза. Тишина. Ни снега, ни дождя, ни ветра. И поезд словно умер... Он повернулся, глянул на мальчишек. Те сидели вдвоем на соседней полке и молча, сосредоточенно ели что-то из банки. Старший поймал его взгляд, неловко улыбнулся, спросил:

— Будете?

Он покачал головой. Есть не хотелось. Ничего не хотелось. Даже в Тёплый Край... Он поймал себя на том, что впервые подумал о Тёплом Крае без всякой торжественности, просто как о горной долине, где будет тепло даже во время Зимы.

В купе опять заглянул майор. Он казался пьянее, но говорил твердо:

— Разобрались наконец... В каждый поезд посадят половину местных. А половина наших останется здесь. Охрана согласилась...

Майор посмотрел на детей и с ноткой участия спросил:

— Что будете делать? Отправите детей? Мне поручили разобраться с нашим вагоном. Я пригляжу за ними, если что...

• Муж молчал. А младший мальчик вдруг стал укладывать разбросанные на полке вещи в рюкзачок.

— Это не наши дети, — твердо сказала жена. — Случайные. И билеты не их.

— А... — протянул майор. — Тогда проще. В соседнем купе трое своих. Вот визгу будет... — И предупредил: — Через двадцать минут поезд тронется.

Дети молча одевались.

— Я выйду гляну, как там... — неуверенно сказал муж.

Он взял со столика билеты детей и порвал их. Розовые клочки закружились, падая на пол.

— Розовый снег, — неожиданно изрек майор. Схватился за косяк и вышел в коридор. Там уже сутились автоматчики, сортируя пассажиров.

— Я выйду, — повторил муж и натянул куртку.

— Не донкихотствуй, — спокойно сказала жена. — Их пристроят. Красный Крест, церковь. Говорят, здесь тоже можно выжить. Главное — прокормиться, а морозы будут слабыми.

Он не ответил. Пошел вслед за словно не замечавшими его детьми, увертываясь от снуящих по коридору людей.

Снаружи было холодно. Лужи на перронах затягивала ледяная корка. Один поезд уже тронулся, и возле крошечного вокзала стояла растерянная, обомлевшая толпа. Некоторые еще сжимали в руках билеты.

Он шел вслед за детьми, все порываясь окликнуть их, но понимая, что это ни к чему. Он даже не знал, как их звать. Двадцать минут... Какой здесь, к черту, Красный Крест? Какая церковь?

К детям вдруг подошла женщина: рослая, уверенная, чем-то похожая на их мать. Что-то спросила, дети ответили. Женщина посмотрела на них задумчиво, оценивающе... Сказала, и мужчина расслышал:

— Ладно, место еще есть. Пойдемте.

Он догнал ее, взял за руку. Женщина резко обернулась, опустив одну руку в карман куртки.

— Куда вы их?

— В приют.

Глаза у женщины были внимательные, цепкие.

— Предупреждаю, взрослых мы не берем. Только детей. Отпустите.

— У меня билет, я и не прошту... С ними все будет нормально?

— Да.

Дети смотрели на него. Младший негромко сказал:

— Спасибо. Вы езжайте.

Он стоял и смотрел, как они уходят вслед за женщиной. К маленькому автобусу, набитому людьми. Там были только дети и женщины, впрочем, женщин совсем мало.

Рядом прошел солдат с автоматом. Форма опять была незнакомая, чужая. Мужчина нерешительно спросил:

— Скажите...

На него повернулся автоматный ствол. Солдат ждал.

— Этот приют, куда забирают детей... Кем он организован?

— Здесь нет приютов, — ответил солдат. Отвернулся автомат в сторону. Продолжил почти дружелюбно: — Нет. Мы здесь стояли месяц, завтра отправка. Приютов нет.

— Но она сказала, — торопливо начал мужчина.

— Приютов нет. Только предпримчивые местные жители. Говорят, что морозы будут слабыми, главное — запастись продовольствием.

Солдат погладил оружие рукой в шерстяной перчатке. Добавил:

— Стрелять бы надо, но приказа нет... Да и не перестреляешь всех.

Мужчина побежал. Сначала медленно, потом все быстрее. Было холодно. Зима уже пришла сюда, раньше снега, раньше морозов.

Он догнал женщину у автобуса. Она вела детей, крепко держа их за руки. Мужчина толкнул ее в спину, женщина качнулась. Он вырвал детские руки потянул к себе.

Женщина повернулась и достала из кармана пистолет. Маленький, не страшный на вид. Мужчина не разбирался в оружии.

— Уходите! — жестко сказала она. — Или я вас застрелю. Дети уже наши.

— Нет, — хрипло сказал мужчина. Оглянулся, ища поддержки. И увидел, что солдат по-прежнему стоит на перроне, поглаживая автомат. — Не посмеете, — уже спокойнее продолжил он. — Вас пристрелят тоже.

Он повернулся и повел детей от набитого автобуса. Вслед ему тихо, грязно ругались. Но выстрелов не было.

Сразу несколько поездов тронулись с места. У вагонов началась давка. Солдаты не стреляли, они лишь распихивали остающихся прикладами. Кажется, пошел и его поезд. Но это уже было не важно.

4. ПЕРЕВАЛ

Вначале они обходили мертвых — тех, кто упал сам и кого убили по дороге. Дети пугались, а его мутило от тошнотворного запаха. Его вообще стало мутить от запаха мяса — даже консервированного, сделанного давным-давно, когда о приходе Зимы еще не знали.

Потом они шли прямо. Мертвых стало меньше, а холод не давал телам разлагаться. К тому же дети перестали бояться трупов, да и сил у них стало меньше.

Однажды на привале старший мальчик спросил:

— А золото правда пригодилось?

— Да, — ответил мужчина. — Не знаю, почему его еще ценят...

Золото было зашито в детские куртки. Кольца, кулончики, цепочки, браслет с солнечно-желтыми то-

пазами... Они сказали про золото, когда он пытался обменять свою куртку на сухари — только на сухари или рыбные консервы. Мяса на вокзальном рынке было много, и оно стоило дешево..

Куртку удалось сохранить, только поэтому он еще был жив. В горах оказалось очень холодно, а спать приходилось на еловом лапнике. Спальник или палатку купить было невозможно. Ни за какие деньги или ценности. Зато он купил сухарей, и консервов, и теплые шапки из собачьего меха, и пистолет — настоящее, мужское оружие «магнум». Десяток патронов он расстрелял по дороге, учась прицеливаться и гасить мощную, тягучую отдачу. Это оказалось неожиданно легко. Вторую обойму мужчина выпустил по каменистому склону, откуда в них стреляли из дробовика. Они слышали крик, и выстрелы прекратились. Но проверять они не стали.

Третья, последняя обойма ждала своей очереди. Почему-то мужчина думал, что она пригодится.

Когда добрались до снегов, стало совсем трудно. Это был обычный горный снег, а не ледяной шлейф крадущейся по пятам Зимы. Но все равно идти стало гораздо труднее. Мужчина стал чаще сверяться с картой. Перевал, за которым открывался спуск в Тёплый Край, был совсем рядом, и только это придавало сил.

Топливо для костра найти было почти невозможно, наверное, все сожгли идущие перед ними. Однажды они легли спать без костра, и на следующее утро старший мальчик не смог встать. Он не кашлял, и жара у него не было. Но подняться он не смог.

Перевал был уже перед ними, затянутый облачным туманом. Мужчина взял старшего на руки и пошел вперед. Младший шел следом, и мужчина рассеянно думал о том, что надо оборачиваться, проверять,

не отстал ли ребенок... Но таk и не решился проверить. Двоих он унести не мог, пришлось бы выбирать. А больше всего на свете он ненавидел, когда перед ним вставал выбор.

Он шел в тумане, и порой ему казалось, что за спиной слышатся шаги, порой — что шаги исчезли. Мальчик на руках у него изредка открывал глаза. Ему казалось, что он идет уже много часов подряд, но разум холодно опровергал чувства. Он просто не смог бы долго идти со своей ношей.

Когда идти стало легче, он сразу понял, что движется под уклон. Туман вокруг начал редеть неожиданно быстро, над головой проявился вначале мутный, а потом ослепительно яркий, чистый диск солнца. Он сел на снег — мягкий, рассыпчатый, и положил голову старшего на колени. Мальчик уже не открывал глаз, но, кажется, был жив. Потом он услышал позади слабые, вязнущие шаги, и младший сел рядом. Туман разрывался на полосы и таял.

5. ТЕПЛЫЙ КРАЙ

Когда туман рассеялся и все стало видно, младший мальчик спросил:

— Это Теплый Край?

— Да, — сказал мужчина и стал рыться в карманах негнувшимися пальцами. Вначале он нашел спички, потом сигареты, а после этого понял, что и то, и другое промокло. Тогда он просто устроился поудобнее и стал смотреть.

Склон уходил вниз — вначале полого, затем все более круто. Далеко внизу, ярко-зеленая, цветущая, даже на вид теплая, раскинулась долина. Теплый

Край. Там лежал маленький городок, и длинные, блестящие стеклом ряды теплиц, и серые бетонные купола складов. Это действительно был Теплый Край. Маленький, тысяч на десять—двадцать человек, Теплый Край.

Над городком кружил вертолет — ярко раскрашенный, нарядный. Мужчина удивился этому, но потом понял, что здесь камуфляж не нужен.

Туннель, через который шли в Теплый Край поезда, выходил из гор перед глубоким ущельем. Через него был перекинут мост — когда-то длинный и красивый, а сейчас уродливо взорванный посередине. Из туннеля как раз выходил очередной поезд. На остатках моста он начал сбавливать ход, но было уже поздно. Вначале тепловоз, а за ним и вагоны зеленой железной змеей заструились в ущелье. Там, на дне, пронизанная струями горной реки, громоздилась куча мятого, горелого железа. Вагоны сыпались на нее, но звука на таком расстоянии почти не было слышно. Только легкие похлопывания, похожие на вялые аплодисменты.

Мужчина посмотрел на младшего мальчика. Тот не видел, как падает поезд. Он смотрел на вертолет, который медленно летел вверх над склоном, ведущим к Теплому Краю. Ниже по склону было множество темных точек — те, кто шел впереди. Некоторые махали вертолету руками, некоторые начинали бегать, некоторые оставались неподвижными. Вертолет на мгновение зависал над ними, доносилось слабое постукивание. Потом вертолет летел дальше. Движение его словно приводило человеческие фигуры к общему знаменателю: они успокаивались и замирали.

— Вертолет отвезет нас в Теплый Край? — спросил младший мальчик.

Мужчина кивнул:

— Да, конечно. В Тёплый Край. Ты лучше ляг и поспи, он не скоро до нас доберется.

Мальчик подполз к неподвижному брату, лег ему на живот. Он действительно хотел спать, он замерз и устал, когда шел за мужчиной. Он много раз окликнул его, просил подождать, но тот не слышал... Мальчик закрыл глаза. Далеко внизу пели вертолетные винты.

— У нас получилось куда интереснее, чем на поезде, — сказал мальчик, засыпая.

Мужчина с удивлением посмотрел на него. Потом на ущелье, куда вываливался очередной поезд.

— Да, — согласился он. — Интереснее.

«Магнум», такой большой и тяжелый, казался игрушкой при взгляде на подлетающий вертолет. Но мужчина все-таки держал его в руках.

Так было интереснее.

Фантастика — это в значительной мере уход из реального мира. Развлечение, отдах, релаксация. Человек берет в руки книгу не только для того, чтобы поразмыслить о серьезных вещах, порой ему хочется просто забыть о своих проблемах. Фантастика честно отрабатывает эту роль, иногда — даже слишком честно. И тогда появляются те, для которых книжные миры — ярче реального, а придуманные автором персонажи — более живые, чем люди вокруг.

Большое искушение — уйти в выдуманный мир. Знаю по себе, ведь каждая написанная книга — это маленькое безство из реальности. И с этим ничего не поделать, каждый писатель, вольно или невольно, становится Проводником Отсюда.

Я лишь хочу, чтобы мои читатели всегда возвращались обратно.

ПРОВОДНИК ОТСЮДА

В этом городе нет ничего достойного ненависти. Я подумал об этом, но мысль вышла вялой и неубедительной. Чушь. При чем здесь достоинство — я ненавижу его.

Последний раз пройдя по квартире, я встал у окна. Ночь. Темнота. Светящееся окно напротив — оно светится всегда. Каждую ночь, блуждая в бетонной однокомнатной клетке, я вижу неяркий свет за плотно задернутыми шторами. И никакого движения. Наверное, там просто живет человек, боящийся темноты.

Я ее не боюсь.

Вещи были собраны еще с утра. Рюкзак — маленький, но тяжелый. И спортивная сумка на ремне, набитая едой, одеждой и тем, что могло понадобиться в первую очередь.

Присев на любимый стул, отреставрированный когда-то в порыве энтузиазма, я оглядел квартиру. Стены, залепленные золотистыми обоями. Бежевый ковер на полу. Маленький телевизор на столике у окна. Кровать, книжные полки, гардероб. Знакомым у меня нравилось.

Говорят, очень уютно...

Я плюнул на пол. Пускай в этих восемнадцати квадратных метрах будет уютно кому-нибудь другому. Молодой семье с парочкой детей, например.

Плевок на полу смотрелся по-идиотски. Я вдруг подумал, что ничего более театрального совершить не мог, и торопливо затер плевок подошвой. Тоже театрально...

Чушь. Что бы я сейчас ни делал, все станет глупым и фальшивым. И кормление рыбок в маленьком аквариуме, и битье посуды на кухне... Рыбок, честно говоря, стоило отдать соседям.

Вытянув ноги, я расположился поудобнее. Ждать можно долго — мне сказали только, что Проводник придет ночью. Точное время в таких случаях не переспрашивают.

Вспоминать, чего стоил мне *выход* на Проводника, не хотелось. Так не вспоминают процесс получения бесплатной государственной квартиры. Гадко, муторно и тяжко. Но я вынес то, что удается немногим. Я вышел на Проводника. Настоящего, неподдельного Проводника Отсюда.

Вначале было двое фальшивых Проводников. Надо отдать им должное — специалистов высокой квалификации... Увы, лишь в выколачивании денег из клиента. Потом я вышел на самую настоящую цепочку — вернее, на конец ее. Человек, чей родственник воспользовался услугами Проводника, рассказал мне все, что знал. Бесплатно, может, просто из желания лишний раз поведать занятную историю. Многие сочли бы ее бредом. Но я уже научился отличать правду от лжи.

Есть в историях о Проводнике детали, которые выделяют их из массы мистической чуши. Во-первых — они не похожи друг на друга. Летающие тарелки никогда не принимают форму кастрюли, снежный человек не забредает на равнины, экстрасенсы важно рассуждают о вампирах и донорах биополя. Каждая устоявшаяся ложь боится нарушить свои рамки. О Проводнике можно было услышать все, что

угодно. Имя, внешность, обстоятельства прихода, мир, куда он уводил... Во-вторых, я никогда не встречал человека, верявшего в Проводника. Миллионы лечатся у экстрасенсов, тысячи наблюдают летающие тарелки, сотни ловят йети. Никто из повторяющих истории о Проводнике в него не верил. Говорили о друзьях и знакомых, которые — вот простаки — верили в него. Я искал — но цепочка тянулась все дальше, пока не кончалась на человеке, который, по всему общему мнению, верил в Проводника — но, вот беда, куда-то уехал.

Но в этот раз я ухватился за цепочку. Выявлял звеня: тех, кто видел уход Отсюда, тех, кто знал окружение Проводника, тех, кто имел с ним связь. И настал миг, когда Последнее Звено цепочки пересчитало купюры и вялым голосом произнесло:

— Проводник придет к вам в ночь с понедельника на вторник. Его любимая ночь, кстати...

— Я могу быть в этом уверен? — спросил я, цепенея от собственной наглости. — Вы отвечаете за... сроки?

Последнее Звено в цепочке подняло на меня мутные глаза. И тихо ответило:

— Можете быть абсолютно уверены. Я повторяю слова Проводника.

В мутных глазах был страх. Не передо мной — удачливым, но не более — клиентом Проводника. Пара каменномолицых громил в соседней комнате гарантировала мою вежливость.

— И что он обещал за обман? — поинтересовался я, чувствуя, что останусь безнаказанным.

— Смерть, — очень спокойно ответило Последнее Звено. — Не беспокойтесь, он придет к вам.

— Как он выглядит? — спросил я, стараясь не замечать появившуюся охрану. Телепатически их вызвали, что ли?

— Как угодно, — без тени иронии ответило Последнее Звено. — Проводите клиента, ребята. Все в порядке.

И я ушел из резиденции Последнего Звена в сопровождении вежливых, воспитанных убийц...

То, каким оказался путь к Проводнику, меня не смущало. Самое темное место — под светильником. Чем больше Храм, тем многочисленнее юродивые у входа. То, что Проводник держит в страхе свое окружение, было куда важнее повадок этого окружения.

Мне оставалось три дня — дни абсолютной свободы. То, кем я был и как вел себя раньше, уже не имело значения. Безликие тени телохранителей Последнего Звена следовали за мной в почтительном отдалении. Я мог пьянствовать и устраивать оргии, делать долги и осквернять могилы. Безликая охрана вытащила бы меня из любой передряги. Я должен был присутствовать в своем доме в ночь с понедельника на вторник. Этого потребовал Проводник — прощающий облепившей его дряни все, кроме прямого обмана.

Я не пустился в загул. Полдня заняло писание прощальных писем — всем, кто оставался мне дорог. Их оказалось на удивление много — вот только рядом почему-то не было никого. Друзья исчезали из моей жизни и моего города так постепенно, что я не смог этого осознать.

Сутки ушли на прощание с девушкой — той, что чаще других бывала в моем доме. Полдня — торопливые, словно срок уже истекал, сборы. А потом я просто валялся на кровати, курил, слушал старые магнитофонные записи... Мне стало не по себе, и я все-рьез задумался об отзыве заказа. Это несложно, один телефонный звонок — и окружение Проводника начисто забудет мое имя. Но повторно к ним лучше не обращаться.

Прогулка по городу и короткий просмотр теленовостей привели меня в чувство. Теперь я просто ждал — ждал Проводника, который не мог не явиться...

Темнота за окном сгустилась до предела и замерла, словно остановленная тусклым звездным светом. Сегодня новолуние — случайно или нет? Говорят, Проводник работает ежедневно... еженощно... Значит, на фазы Луны и прочую астрологическую чушь ему... Проводнику... наплевать...

Я дернулся и поднялся со стула. Надо заварить кофе, Окунуть лицо в холодную воду. И ждать дальше.

Звякнуло.

Обернувшись — сон исчез мгновенно, — я уставился в окно. Стекло перечеркивала змеистая трещина. Со двора бросили камнем — несильно, но прицельно.

Открывая окно, я чувствовал, как взмокли и похолодели ладони. Смешно... Никогда не считал себя неврастеником.

Он стоял во дворе — на асфальтовом пятаке между черными квадратами домов. Темный силуэт, запрокинувший голову, вглядывающийся в меня сквозь ночь.

— Спускайся, — негромко сказал Проводник. В тишине голос был отчетлив и равнодушен. И не вызывал никаких сомнений. Только Проводник мог прийти в эту ночь.

— Сейчас, — так же тихо ответил я. — Минутку...

— Спускайся, — повторил Проводник. — Вниз. Никаких лестниц. Можешь найти веревку. Даю тебе восемь минут.

Вот теперь мне стало страшно. Я понял, чего он хотел. Об этом говорилось во всех историях — правдивых и лживых, без разницы. Преодолеть страх, доказать, что действительно должен уйти... А я-то думал, что моим испытанием станет ночь. Я не боюсь темноты! Не боюсь призрачных теней, тень — это просто изнанка света.

Боюсь высоты.

— Спускайся, — равнодушно сказал Проводник. — Семь минут.

Веревка была скользкой и не могла быть иной. Нейлон. У меня не нашлось времени навязывать на ней узлы... Я болтался на уровне второго этажа, вцепившись в ненадежную раскаивающуюся нить. Второй этаж, чушь... Кто не прыгал в детстве с балкона второго этажа, доказывая свою смелость друзьям и себе самому?

Я, например, не прыгал...

Пальцы ослабли, и я заскользил вниз, обжигая ладони, тщетно пытаясь затормозить. Асфальт радостно ударил по ногам, я присел, не выпуская предательской веревки.

— Одна минута, — сказал Проводник. — Успел. Теперь успокойся, все в порядке. Больше испытаний не будет.

Рюкзак оттягивал плечи, сумка валялась рядом. Хорошо, что я перелил коньяк в солдатскую фляжку. Как чувствовал. Подняв сумку, я перекинул ее через плечо. И посмотрел на Проводника — благо он стоял рядом.

Наверное, неподготовленный мог сойти с ума от этого зрелища. Проводник *менялся*. Его лицо колебалось, словно лист под порывами ветра. Он становился то выше, то ниже; одежда его за несколько секунд проскачивала все цвета радуги и превращалась в зыбкую тень. Конечно, Проводник не был человеком, я знал это. Но таких реальных доказательств не ожидал.

— Ты очень странный, — сказал Проводник. — Сам не понимаешь, что тебе нужно. Закрой глаза и успокойся.

— Ты исчезнешь, — прошептал я. — Боюсь.

— Не исчезну, — почти ласково, голосом, приведшим из детства, ответил Проводник. — Ты ведь выдержал... почему-то. Закрой глаза.

Опустившись на колени, я закрыл глаза. Хорошо, Проводник. Как прикажешь. Я слишком долго шел к тебе. Слишком долго учился верить в тебя. Я ненавижу свой город. В нем нет никого, кого можно любить. Если ты исчезнешь... я просто умру, наверное. В уюте бетонной квартиры. В окружении любимых вещей — они не люди, они не могут любить в ответ. Пойми меня, Проводник, даже если я сам себя не понимаю. Подскажи, что мне нужно. Найди дорогу Отсюда... Ты можешь, я знаю. Я верю. Больше, чем Господу Богу, больше, чем господину президенту. Больше, чем друзьям, которые слишком далеко. Ты моя боль и радость, ты моя надежда и безверие. Я шел к тебе через презрение и насмешки, вежливых подонков и злых неудачников. Меня не пьянил спирт и не отрезвлял кофе. Я смеялся и плакал, был плохим и хорошим. Я читал книги о потустороннем мире и разноцветные сборнички фантастики.

Я шел к тебе, Проводник. Приди же и ты ко мне.

— Вставай, — тихо произнес Проводник. — Все в порядке.

Я открыл глаза. Он не исчез, он сидел передо мной. Почти молодой, коротко подстриженный, с усталым, измученным лицом. Мой двойник. Я сам.

Проводник...

— Лучший облик, который я смог использовать, — спокойно разъяснил он. — Ты не веришь никому, разве что самому себе. Такие, как ты, обычно находят дорогу сами.

— Я не настолько находчив, — ответил я, глядя в мутное зеркало его лица. — Мне нужна помощь.

Проводник кивнул. И посмотрел на снаряжение — рюкзак и сумку.

— Один человек — один груз, — с ноткой сочувствия сказал он. — Выбирай, что тебе важнее.

— Я переложу...

— Нет.

Я молча смотрел на туго набитый рюкзак. Потом спросил:

— Ты знаешь, что там?

Проводник кивнул.

— Что мне выбрать? Что оставить?

Ответа не было. Проводник поднялся и медленно пошел по улице. Странно — ни машин, ни припозднившихся компаний. Пустая улица, темные окна...

Подхватив сумку, я побежал следом. Рюкзак остался лежать на асфальте — ценности, способные приводиться в любом мире, справочники и семена рас-тений, маленькая пачка фотографий. Кому-то повезет.

Проводник шел по улице — моей собственной рас-хлябанной походкой, в моей собственной одежде — комбинезоне защитного цвета, таком нелепом среди серого городского бетона. Я семенил за ним, как наказанный ребенок за строгим отцом, не решаясь от-вести взгляд от болтающейся на плече Проводника спортивной сумки. Ее не было раньше. А есть ли она на самом деле? И реален ли Проводник?

— Вполне реален, — ответил моим мыслям Про-водник. — Можешь потрогать. Если хочешь, я даже дам тебе подзатыльник.

Он обернулся, улыбаясь моей улыбкой. И рас-смеялся — как неприятно звучит собственный смех, услышанный со стороны.

— Кто ты?

— Проводник.

— Я не о том. Это твоя роль — а кто ты на деле?

— Не знаю. Я был всегда. Для тех, кто хочет уйти, для тех, кто не может ждать. Сотни, тысячи лет. Бо-

гом, ангелом, дьяволом, магом, шаманом, инопланетным пришельцем, существом из параллельного мира. Тем, в кого верили. Я появлялся, когда чувствовал потребность в себе. Я провожал людей в любой мир. Видел рай и ад, марсианские каналы и обратную сторону Луны. Мне все равно, куда провожать. Это не просто роль, это моя сущность.

— И ты всем это говорил?

— Всем, кто спрашивал. Были молчаливые, не задающие вопросов, встречались болтуны, не нуждавшиеся в ответах. Были легковерные и дотошные. Почти все знали, что им нужно. Некоторые, как и ты, не могли решиться на что-то одно.

— И куда же ты меня ведешь?

— Не веду — провожаю. Ты решаешь сам.

Дальше мы шли молча. Я постепенно успокаивался. Медленно, словно отогреваясь под осенним солнцем после холодной воды «бархатного сезона». С Проводником было очень легко — не приходилось замедлять или ускорять шаги, подстраиваться под его ритм. Он был мной.

— Город как мертвый, — сказал я, когда молчание переросло в тишину.

— Он мертв.

— Это ты так сделал?

— Нет. Ведешь ты, а не я. Эти улицы могли быть заполнены людьми. Если бы ты умел их ненавидеть... или любить.

— Я умел.

— Знаю. Когда-то умел. Помнишь этот дом?

Я вздрогнул и остановился. Старый дом в центре, на углу улиц, столько лет уже носящих другие названия. Третий этаж, крошечный балкон...

— Она давно не живет здесь, — со странной, неожиданной злостью ответил я.

— Неправда. Пока ты со мной — она здесь.

Окно на третьем этаже засветилось. Слабым светом настольной лампы в абажуре из зеленого стекла. Я посмотрел на эмалированную табличку на стене — номер был прежним. И название улицы прежним. А где-то неподалеку застучал на рельсах спешащий в парк трамвай.

— Ты можешь подняться, — сказал Проводник. Голос был вкрадчив и ласков, скользок и холоден, как змеиная шкура. — Она там. И снова будет тот год. Все можно повторить, все переиграть. Входи в подъезд...

Я сделал шаг — как загипнотизированный, как приговоренный. Темный провал подъезда. Вышерблленные ступеньки.

Черный кот на диване, старый телефон на столе... Кофе из чайных кружек. Коньяк за четырнадцать пятьдесят... Будет теплая осень.

И холодный декабрь.

Стук трамвая затих. Окно медленно угасло. Буквы на табличке задергались, складываясь в чужое слово.

— Пошли, Проводник. Ты слишком легко хочешь отделаться. Я не играю в проигранные игры.

— Просто ты нашел меня слишком поздно, — неожиданно возразил Проводник. — Пару лет назад...

— Значит, я не хотел тебя найти пару лет назад. Идем.

Мы шли, и улицы бесплотными тенями скользили вокруг. Проводник повесил сумку на другое плечо. И сказал — то ли жалуясь, то ли просто обижаясь:

— С тобой очень трудно. Ты никак не решишь.

— Это твоя сущность — провожать, — злорадно ответил я. — Терпи.

— Может быть, тебе помочь? — Проводник обернулся. И я вдруг понял — его лицо уже не похоже на мое. Кто-то изменился. Он или я?

— Помоги.

— Хочешь Верну? Счастливую Верну, где все так, как должно быть? Очень просто — ты отдашь мне все деньги, всю мелочь из карманов, а я вручу билет...

— Там слишком хорошо для меня, Проводник.

— Понимаю. Тогда настоящий мир — Земля лишь его тень...

— Та самая, которую обычно зовут Отражением?

— Да. Интересный мир, красочный и волнующий.

Разнообразный...

На Проводнике теперь был плащ — черный с серебристым, заколотый серебряной розой. На поясе — тяжелая шпага. Лицо осталось молодым, но глаза оказались старыми, тускло-зелеными, пронзительными.

— Извини, Корвин, — сказал я. Мне действительно было жаль — нестерпимо, до дрожи в руках — отказываться. — Для меня слишком реальна Земля, твой мир окажется ее тенью.

— Уверен?

Над городом поплыли светящиеся лиловые облака.

Асфальт под ногами превратился в утоптанную землю. В дощатую мостовую. В полотно голубых искр.

Мимо проскакал всадник на угольно-черной лошади.

— Уверен, — ответил я. — Чуть раньше — не знаю.

Уверен.

— Жаль...

Черное с серебром упало с его плеч. Облака угасли. Вновь подступила ночь.

Проводник словно съежился, стал меньше ростом. Теперь это был просто мальчишка лет двенадцати. Я улыбнулся, и он опустил глаза. Но все же спросил, виновато и с робкой надеждой:

— Может, ты тоскуешь по детству? Хочешь, я отведу тебя? К поезду до станции «Мост»... Или...

— Нет. Слишком поздно. Я не нуждаюсь в защите — и не умею защищать. К тому же я боюсь высоты. Извини.

Проводник не стал выше ростом. Но и мальчишкой он больше не был. Так... не взрослый и не ребенок... полурослик.

— Есть вещи куда страшнее высоты, — хмуро сказал он. — Пещеры Мории...

Я присел перед хоббитом на колени. И ласково сказал:

— Знаешь, я очень тебя любил. И твой мир всегда был для меня настоящим.

Проводник расслабился:

— Пойдем, это совсем близко. Я хорошо знаю дорогу.

— В этом-то вся и беда, Проводник. Ты уже слишком многих туда увел. Я боюсь, что мне не хватит места... и уж точно не найдется еще одного Кольца.

Он снова стал мной — Проводник Отсюда. Только еще более усталый, чем раньше.

— Тогда думай сам. Я не стану больше перебирать варианты. Решай — у тебя целая ночь.

— Она скоро кончится, — сказал я. Мне стало страшно.

— Не волнуйся. Со мной ночь может длиться вечно.

— А ты не боишься провожать меня целую вечность?

— Для меня нет времени. Оно существует для тебя — ты устанешь и захочешь остановиться. Захочешь спать, в конце концов.

— Идем.

Улицы вновь кружили вокруг. Словно мы перебирали ногами, а дома торопливо ползли мимо.

— Мы идем к вокзалу, — вдруг понял я. — Всегда хочешь усадить меня на поезд?

— Нет. Это ты хочешь туда прийти. Тебе нужен символ, этикетка, образ дороги.

— Я просто хочу выпить кофе, — хмуро возразил я.

Буфет был пуст. Грязный пол, залитые чем-то столики. Проводник подошел к стойке — мне показалось, что на мгновение за ней возникла бесформенная тень буфетчицы, — и вернулся с двумя гранеными стаканами.

— Я заплатил, — мимоходом сказал он. — Кофе натуральный, молотый.

Я недоверчиво принюхался. Кофе, настоящий. В вокзальном буфете. Хотя чему удивляться, идя с Проводником?

— А нормальные чашечки нельзя было взять?

Проводник пожал плечами:

— Мы же не в ресторане... Достать через Тени?

— Не надо. — Я глотнул кофе, в меру горячий и слегка сладкий. Как положено. — Не трави душу, Проводник. Я хотел бы туда уйти, но не могу. Будем считать, что янтарь — не мой камень.

— Эмбер... — тихо прошептал Проводник. — Я часто провожал туда... последнее время.

Он явно не собирался пить свой кофе. Я молча забрал у него стакан, выпил залпом, как водку, как горькое лекарство.

— Это ненадолго тебя взбодрит, — с жалостью сказал Проводник. — Решай быстрее. Ищи.

— Пойдем, Проводник. Поищем вместе.

Город давно уже кончился, а ночь все длилась. Мы шли по горной дороге, извилистой и кругой. За спиной упавшим на землю сгустком тьмы притаился город.

— Я показал все, что знал, — прошептал Проводник. Теперь он шел следом, понурившийся и жалкий, утративший всякое сходство со мной. — Ты ви-

дел счастливые миры, ты видел страшные. Тебе нравилось... иногда. Остановись, сделай выбор.

Ноги болели. Я боялся даже подумать, сколько километров мы прошли за ночь. Боялся взглянуть на часы и узнать, сколько уже длится ночь.

— Тебе хочется спать, — сказал Проводник. Фоллос был неожиданно тонким, и я обернулся. За мной брела девушка в потрепанных джинсах и мятоей клетчатой рубашке. Со светлыми волосами, разбросанными по плечам. С моей сумкой в руке.

— А это еще зачем? — устало спросил я.

Проводник лениво махнула рукой:

— Какая разница? Давай отдохнем.

Мы уселись прямо на дороге, на теплом шершавом бетоне. Я достал сигареты, не спрашивая, раскурил пару, протянул одну Проводнику. И замер, разглядывая ее лицо в тусклом свете зажигалки. Язычок пламени дрожал между нами, бросаясь от ее лица к моему и обратно. То ли в такт дыханию, то ли в пересечении взглядов.

— Всегда хотел встретиться с такой девушкой, верно? — спросила Проводник. — Она будет ждать тебя. Здесь или в другом городе. Где захочешь.

Я любовался ею. Молча, сосредоточенно. Нет, не было в ее лице идеальности. Не каждый обернулся бы вслед. Эту девушку должен был любить я.

— Очень надеялся, что у тебя хватит ума не предлагать это, — сказал я. И понял, что голос дрожит. — Есть то, чего нельзя просить или искать. Можно лишь ждать... Зря ты это сделал... Зачем?

Я снова сидел лицом к лицу со своим отражением. Проводник вздохнул:

— Мне было жалко тебя... Но я предложу еще. Хочешь стать таким же, как я? Проводником. Вечным Проводником Отсюда?

— Нет. По-моему, ты уже понял, чего я хочу.

Проводник кивнул. Положил на колени сумку. И печально сказал:

— Да, понял. Сразу. Но тебе понадобилась ночь — очень долгая ночь, чтобы понять самому.

— Да! — Я засмеялся, понимая, как не нужен сейчас смех. — Мне нужна очень долгая ночь, Проводник. Вечный покой. Тишина. Ты пришел слишком поздно, чтобы привести меня куда-то. Я способен лишь уйти.

— Но не всем для этого нужен проводник.

— Они верят в покой и тишину. А я боюсь, что их может не оказаться там.

— Я помогу тебе, — сказал он. — Сейчас... Это несложно.

Он опять изменился. Неуловимо для глаз — да и слишком темно было вокруг. Но я знал, кем он теперь стал.

— Это всего лишь оболочка, — прошептал я, потому что теперь мне стало совсем грустно. — И все равно — не смей!

— Тебе не будет больно, — сказал Проводник. А может — и не он сам. Желтая змейка скользнула с его тонкого запястья и заструилась ко мне по асфальту. Малыш с волосами цвета спелой пшеницы смотрел на меня глазами Проводника. — Я знаю, все случится очень быстро. Она унесет тебя дальше, чем смог бы увести я...

— Какой из тебя, к чертовой матери, Маленький Принц, — прошипел я. И ударил каблуком по змейке, чей укус убивает в полминуты. Наверное, она непривычно чувствовала себя на дороге. Ей нужен был мягкий песок пустыни — для быстрого рывка, для маскировки. — Мы пришли к началу конца, Проводник. Сбрасывай этот облик! Не смей в нем оставаться!

Встав лицом друг к другу, мы положили руки на сумки. Однаковым движением раздернули «молнии»

застежек. Сдвинули мягкую шерсть свитеров. И взялись за теплый металл.

— Ты знаешь, чего я хочу, Проводник. И знаешь свой долг — вести меня до конца.

Я рассмеялся:

— Провожай меня в никуда, Проводник! В долгую ночь, в вечный покой. Я подарю тебе отдых — ты заслужил его за тысячи лет. Провожай!

— Но почему? — Его голос охрип, как у меня при страхе и волнении. — Зачем тебе я? За что?

— А ты не понимаешь?

Он знал. Проводник понимал все — он снова был мной. Но я говорил — для самого себя:

— За что? За все, Проводник. За то, что ты есть. За слухи и разговоры. За веру в то, что можно уйти Отсюда. За всех, кого ты увел. За всех, чьи маски надел, за всех, чьи мысли украл. За меня.

Он пятился, а я шел, отжимая его к обочине, к обрыву, под которым лежал мертвый город. Пистолет был в моей руке, но это не играло никакой роли. Проводника не убьет падение или пуля. Его нельзя убить — он не человек. Его можно лишь увести в никуда. Он должен сопровождать, он не вправе отказаться. Это сущность, а не роль — быть Проводником.

— Мы слишком верили в тебя, чтобы любить и не-навидеть. Ты научил нас бегству, Проводник. Ты научил нас прятаться от мира, который мог измениться. Ты увел нас в волшебные сказки, в яркие сны. Ты заставил верить в чужие мечты и повторять не свои слова. Ты сделал фантазии реальностями — лишив их наш мир. Ты наркотик — Проводник Отсюда.

— Ты не понимаешь, чем это будет — такой уход. — Проводник вдруг улыбнулся. Он стоял на краю обрыва, отступать дальше было некуда. — Это не вечный покой и беспамятство — ты же не веришь в смерть. Это будет бесконечной темнотой... — Он сделал пау-

зу. — ...и вечным падением. В никуда, как ты хочешь. В бесконечность.

Я вдруг почувствовал, какой здесь ветер. На обочине дороги, на краю обрыва. Сколько метров — десять, двадцать? Ерунда. Падать бесконечно — как это? На что похоже? На вечный страх? Можно ли к нему привыкнуть? Ведь привыкают же к боли.

— Падать вместе с тобой? — спросил я.

Проводник кивнул. Страх его был настоящим. Таким же, как мой.

— Пойдем, Проводник. И не надо предлагать альтернатив. Не поможет.

— Знал, — вдруг проговорил он. — Всегда знал, что однажды так случится. Что придется провожать в вечность, в никуда.

— Это твоя суть.

Проводник медленно достал из сумки копию моего пистолета. Нацелил — прямо в грудь.

— Тебе приходилось убивать? — спросил я.

И Проводник ответил голосом Маленького Принца, беседующего со змеей:

— Да. Тех, для кого это было дорогой Отсюда. Но они не требовали их провожать.

— Идем, — сказал я. И пистолет в руках Проводника дернулся, выбрасывая желтый язычок пламени. Меня ударило в грудь, бросая с откоса, и пальцы сжались, заставляя мой пистолет ответить.

Город внизу вспыхнул желтыми огнями окон. Я падал, слыша, как затихает стук колес — то ли трамвая из прошлого, то ли поезда до станции «Мост». В небе пронеслись и угасли лиловые облака. Сомкнулась темнота, и в ней потонули звуки — то ли шорох рвущейся бумаги, то ли треск сминаемой кинопленки.

Остались лишь темнота и падение.

Я не боюсь темноты.

Есть один из стандартных вопросов, которые задают писателю — «как вы начали писать». И разумеется, у каждого писателя есть ответ (а иногда и несколько, в зависимости от аудитории) на этот вопрос.

Когда я отвечаю на этот вопрос, мне обычно не верят. Но я попробую рассказать еще раз.

Дело было вечером. Делать было нечего. Хотелось читать — но квартира, которую снимал я, восемнадцатилетний студент-первокурсник, книгами не изобиловала.

Тогда я взял общую тетрадку в клеточку (тетради в линейку я ненавидел с первого класса, поскольку сочинения писать не любил и не умел), взял ручку «за тридцать пять копеек» и начал писать фантастические рассказы. Написал три рассказа — и остался вполне доволен. Один из этих рассказов — «За лесом, где под лый враг...» — был позже напечатан в практически неизменном виде, другой — сгинул бесследно, а третьим был «Хозяин дорог». К нему я вернулся лет через пять, видимо, в качестве эксперимента. Переписал заново, при этом рассказ увеличился раз в десять, и... и вот он перед вами.

ХОЗЯИН ДОРОГ

Я шел по пустыне второй день. Солнце, огромное и белое, висело в небе, обрушивая удушливый зной. Пустая фляжка легонько хлопала по бедру, назойливым метрономом отсчитывая каждый шаг. Шоколад, которым я собирался пообедать, растаял, превратившись в липкую коричневую жижу в обертке из блестящей фольги и промасленной цветной бумаги.

Дорога лежала передо мной — ровная как зеркало, прямая как стрела, узкая, как прихожая малогабаритной квартиры...

Остановившись, я повторил всплывшие из подсознания слова. Прихожая... малогабаритной... квартиры...

Нет. Не помню. Не знаю.

Лишь обрывки образов — мелькающие где-то на грани реальности и фантазии: полутьма... теснота... спертый воздух...

Не помню.

Раскаленный бетон припекал ноги даже сквозь толстые подошвы армейских ботинок. Тоже слова из прошлого. Тоже слова без памяти. Но надо же как-то называть свои вещи: начиная от легкой куртки из непромокаемой ткани и кончая тонким и острым клинком в кожаных ножнах за спиной.

Бетонная лента среди желтого песка. Пять лет пути назад... И сколько еще впереди?

Во всяком случае, сейчас я видел впереди Оазис.

Зелень деревьев казалась такой ненатурально яркой, что я заподозрил морок. Но еще через полсотни шагов воздух наполнился запахом прохлады. Неуловимый, сотканный из дыхания влаги и аромата расступающей в тени травы.

Морок редко бывает таким убедительным.

Я ускорил шаги. Дорога шла прямо через Оазис, и удобный ночлег был мне обеспечен. Но до заката необходимо обшарить всю рощицу — поохотиться, избавиться от излишне агрессивной живности...

Чтоб мне сбиться с Дороги!

Замерев на месте, я извлек из полупустого рюкзака бинокль. Под крутил настройку.

Точно.

Почти под прямым углом к моей Дороге в Оазис вел еще один путь. Тоже бетонная лента, но не серая, как моя, а желтовато-бурая, почти незаметная на фоне песка. Это обещало много интересного.

И неприятного — тоже.

Поправив перевязь с мечом, я вновь зашагал вперед. Бинокль вернулся в рюкзак — в мягкие объятия одеял и чистой смены одежды.

Маленький песчаный вихрь вначале не привлек внимания. И лишь когда желтая, бешено крутящаяся воронка выкатилась на Дорогу впереди, я понял, в чем дело.

Меч выскользнул из ножен с шипящим свистом. С острия сорвался сноп синеватых искр. Матовые грани клинка засияли, принимая зеркальность.

Спасибо тебе, Мастер Клинков, чья Дорога пересеклась с моей много лет назад. Спасибо тебе, Великий Воин, полгода дожидавшийся меня в городе Мертвых — там, где на площади Стадорог ты устроил самый необычный в мире фехтовальный зал. Вы поняли мой Дар — и подарили частицу своего.

Зеркалом клинка я поймал беспощадно жгучий свет белого солнца. И отразил его вперед по Дороге — на приближающийся песчаный смерчик.

Раздался негромкий вскрик — голос боли и отчаяния, обиды и ненависти. С шуршанием осыпался на бетонную гладь песок. Метрах в десяти от меня стоял пожилой мужчина — с лицом серовато-коричневым, как древесная кора, в плаще зеленовато-буром, как подсохшая листва.

— Я Хранитель Оазиса, — громко произнес он.

— Так.

— Ты можешь набрать воды в ручье и взять плоды с деревьев. А затем — уходи.

— Так.

— Ты не должен ночевать в Оазисе. Я, Хранитель...

— Ни один Хранитель Оазиса не станет скрываться в песчаном вихре, — ответил я. — Это так же верно, как и то, что ты — Властелин Дорог.

Я снова поймал плоскостью клинка солнечный луч. Но фантом впереди уже начал таять, не дожидаясь порции Истинного света. Передо мной последовательно мелькнули: улыбающийся рыжеволосый юноша, обнаженная молодая женщина, коренастый мужчина с уродливой козлиной головой, бесформенный монстр, окутанный зеленым светящимся туманом...

И морок кончился.

На дороге стоял мужчина. Скорее молодой, чем старый, тщательно выбритый и небрежно причесанный, в потрепанных синих джинсах и пятнистой буро-зеленой куртке. С таким же рюкзаком за плечами — и обнаженным клинком в руках.

— Почему тебе нравится мой облик? — поинтересовался я, мимоходом бросая на противника блик света. Он остался неизменным. — Ты ведь убедился, что копия всегда хуже оригинала...

— Потому что тебе неприятно убивать самого себя.

— Я привык.

— Можно привыкнуть лишь к чужой крови. Своя — всегда внове.

Он улыбнулся — всесильный и беспомощный, проклинаемый и восхваляемый, не имеющий сути, но познавший облик. Властелин Дорог.

— Мои предложения остаются в силе, — сообщил он.

— И какие же? Их было так много...

— Сегодняшнее — не ночевать в Оазисе. И вечное — забыть про свой Дар.

— Нет. — Я даже смог улыбнуться. — Конечно же, нет.

— Ты получишь лучшую в мире Дорогу. Без холода и жары, одиночества и грусти, врагов и...

— Нет.

Властелин Дорог кивнул. Улыбнулся в ответ — мягко, совсем как человек. Задумчиво сказал:

— Сегодня я постараюсь тебя убить.

Я повел плечами, сбрасывая рюкзак. И ответил:

— А я не буду стараться. Но убью.

Наши клинки встретились — узкие полосы посеребренной стали, хранящие память бесчисленных поединков...

Наши взгляды столкнулись — тверже, чем металл оружия, смертоноснее, чем лезвие мечей...

— До скорого... — не то прошептал, не то подумал я, отбивая стремительный точный выпад, прежде чем мой клинок распорол его горло. И снова повторил, уже стоя над неподвижным телом, медленно тающим, превращающимся в песок пустыни и бетонную крошку Дорог: — До скорого, Властелин...

Оазис был мал. Настолько мал, что никакого Хранителя в нем не оказалось. Но все же я выполнил

положенные ритуалы: очистил от песка и сора родник, собрал с деревьев сухие ветки и сложил их на старое кострище, подобрал с земли опавшие, но неиспорченные плоды.

Рюкзак я повесил на ветке самого большого дерева, между корнями которого расстелил одеяла и вонзил в землю меч. Клинку тоже необходимо набраться сил — а Властелин до завтрашнего утра не появится.

— Спасибо за отдых, — негромко сказал я, обращаясь то ли к роднику, то ли к дубу, под которым решил заночевать.

Если твой враг — Властелин Дорог, то не стоит ссориться с Хранителями Оазисов даже в мелочах.

Из пустыни внезапно налетел ветер. Короткий, сильный порыв. Деревья гневно зашуршили.

— Послушай... — прошептал мне ветер. — Помдумай...

Я скосил глаза на меч. Сказал, пытаясь оставаться спокойным:

— Это не по правилам.

— Правила устанавливал я.

— Но не тебе дано их менять.

— Я не вмешиваюсь. Я лишь спрашиваю... Зачем тебе твой Дар? Ведь он не приносит счастья — наоборот. Сегодня ты будешь счастлив, завтра — нет, хоть и сделаешь кого-то счастливым навсегда...

— Неподвластным тебе.

— И это тоже. Но мелочи не тревожат меня, поверь. Один из миллионов, тысячи из миллиардов... Мелочи, друг мой, мелочи... Ты придаешь моей жизни остроту — и потому до сих пор жив. Но мне жалко тебя. Послушай...

Я выхватил из земли клинок. Рубанул им поперек упругих струй ветра, навстречу вкрадчивым словам и фальшивой жалости. Голос превратился в невнятное бормотание и стих.

— Хватит на сегодня! Хватит! — закричал я, цепляясь за бугристую кору дерева. — С каких пор Властелин Дорог хозяиничает в Оазисах?

Дерево вздрогнуло. Ветви дернулись навстречу очередному порыву ветра пустыни. Наступила тишина.

Я подошел к роднику. Умылся в круглом холодном зеркале прозрачной воды. Сделал несколько глотков — я до сих пор не мог утолить жажду большого пути.

— Сегодня ты опять окажешься не у дел, Властелин, — прошептал я. — И ничего не сможешь поделать. Правила твои — но никому не дано их менять.

Улегшись под деревьями, рядом с тонко журчащей нитью родника, я настроил бинокль. И стал разглядывать чужую Дорогу, пересекающую Оазис. Где в ней начало, а где конец? Один Властелин ведает. Но не зря же он так упорно отговаривал меня от ночлега в Оазисе.

Я ждал.

Солнце упало к горизонту, торопливо перекрашиваясь в розовый, а затем и в красный цвет. Наступал вечер, от песка почти мгновенно потянуло прохладой. Резко континентальный климат... Такая Дорога.

Но в Оазисы не приходят ночью.

Я коснулся черной кнопки на шероховатом пластике бинокля. Инфракрасный режим. Опять непонятное слово. Но очень простой смысл — можно видеть в темноте.

Темнота стала синеватым туманом. Песок пустыни — ровной зеленой гладью. Бетонная лента Дороги — оранжевой полосой. А по ней медленно двигалась красная точка.

Человек. Путник, спешащий к Оазису.

— Чем он не угодил тебе, Властелин? — прошептал я. — Или... и это Носитель Дара?

Ветер пустыни, уже не горячий, холодно-льдистый, стегнул меня по щекам. Звезды в безлунном

черном небе начали затягивать тучи. Опережая их, упали на песок первые капли дождя. Деревья недовольно зашумели.

— Не по правилам, Властелин, — усмехнулся я. — Паникуешь...

Красная точка упорно двигалась к Оазису — по скользкой, мокрой Дороге, сквозь черно-синюю сеть дождя.

Я встал с колючего песка, спрятал бинокль в футляр. Вынул меч, пристроил его в поясной петле. Когда дерешься среди деревьев, это гораздо удобнее.

Но уже через минуту я понял: драться не придется.

По дороге шел мальчишка. Его и подростком-то назвать было нельзя — лет десять, не больше. Мокрая одежда из тонкой светлой ткани облепила худенькое тельце, и я поежился, представив эффект такого компресса. Но пацан словно и не обращал внимания на холод — шел, запрокинув голову и жадно ловя открытым ртом дождевые капли.

— Из родника можно напиться куда быстрее, — негромко сказал я, когда он подошел поближе.

Мальчишка мгновенно остановился. Взглянул на меня — быстро, чуть настороженно. И ответил с едва заметной тенью смущения:

— Говорят, от дождевой воды быстрее растешь...

— Говорят, от нее легко простыиваешь, — в тон мальчишке ответил я.

Пацан кивнул. Провел рукой по бедру — и я вдруг увидел направленный на меня пистолет. Большой, тяжелый, абсолютно неуместный в детских руках.

— Это моя Дорога, — с едва заметным вызовом сказал он.

— А это — моя. — Я кивнул в сторону своей. Мокрой, глянцевито поблескивающей в полутиме.

— Общий Оазис? — Мальчишка просиял. Пистолет он теперь держал за ствол, будто собирался заколачивать им гвозди.

— Да. Мир?

— Мир...

Мальчишка подошел ко мне вплотную. Все с той же нерешительной робостью и полным пренебрежением к ливню.

— Вы один на Дороге?

Я кивнул.

Мгновение поколебавшись, мальчишка засунул пистолет за пояс. Тонкий кожаный ремешок тут же съехал под тяжестью оружия.

— Он не заряжен. У меня давно кончились патроны.

Голос дрогнул, словно мальчишка уже пожалел о своих словах.

Я медленно вышел из-под ненадежной защиты деревьев. Дождевые струи хлестнули по плечам, волосы мгновенно слиплись мокрыми прядями. Осторожно, стараясь не делать быстрых движений, я тронул мальчишку за плечо:

— Оазис очень маленький. Здесь нет опасных зверей, я проверил.

Он кивнул — но все еще неуверенно.

— Страшно одному в пути? — тихо спросил я.

Мальчишка вздрогнул. И прижался ко мне.

Палатка была маленькой, но для двоих это оказалось скорее преимуществом. Костер горел прямо перед входом, его тепло разгоняло ночной холод. Редкие капли, пробившиеся сквозь ветви деревьев, бессильно барабанили по непромокаемой ткани, шипели, падая на догорающие угли.

— А мы не загоримся среди ночи? — спросил мальчишка.

Я покачал головой:

— Это добрый огонь... огонь Оазиса, дома. Понимаешь?

— Нет, — честно признался мальчишка.

— Я и сам толком не объясню. Мы пришли сюда как гости — и потому не будем чужими. Я собрал для костра сухие ветки, развел огонь на старом кострище... Попросил разрешения. Надо не забывать, что пришел как друг, — тогда не станешь врагом.

— Понятно, — не совсем уверенно заявил мальчишка. Мы лежали рядом, лицом к огню, под тонкой крышей палатки, на ворохе опавших листьев, накрытых одеялом. — Скажите, а правда, что все Дороги однажды кончаются Оазисом? Большим, где живет много людей, пятеро... или даже десять... И уже никуда не надо идти.

— Не знаю, малыш, — поколебавшись, признался я. — Это известная легенда. Но сколько в ней правды... Скажи, ты помнишь что-нибудь *другое*?

— Какое?

— Прошлое или будущее... не знаю. Мир без Дорог. Мир со свободой направлений.

Мальчишка поежился и осторожно придинулся ко мне.

— Нет... честное слово! Я помню свою Дорогу, Оазисы, перекрестки... воронку, где нашел пистолет. Село, пустое... почти. Там я стрелял.

Его начала бить мелкая дрожь. Я потянулся за своей курткой — гидрофобная ткань давно уже высохла, не то что остальная одежда. Набросил мальчишке на плечи. Едва заметно покачал головой — не было ничего особенного в этом мальчишке, бредущем по своей Дороге. Темноволосый, бледный, почти незагорелый. Слабенький и немного неуклюжий. Один из миллиардов. Просто наши Дороги сошлись на краткий миг...

Но Властелин Дорог пытался убить меня — свою любимую игрушку. И все ради того, чтобы мы не встретились.

— Буду звать тебя Тимом, — неожиданно сказал я.

— Почему? — Мальчишка взглянул на меня с любопытством. — Мы ведь не познакомились даже... а меня зовут...

— Тим. Тебя зовут Тим — потому что это Тимоти и Тимур, Тимофей и Тиман. Это имя любого мира, любой Дороги. Поэтому ты Тим.

— Ясно, — серьезно сказал мальчишка. — Логично... Только знаете, я ведь и в самом деле Тим.

Я улыбнулся. Почему-то не хотелось допытываться, правду он говорит или подыгрывает мне. Выбравшись из палатки, я торопливо снял с огня тонкие стальные палочки шампуром. С горячего, чуть подогревшего мяса капал прозрачный жир. Маленькие помидорины, нанизанные вперемешку с мясом, потемнели и сморщились.

— Ешь. — Я сунул Тиму пару горячих шашлычных палочек. — С приправами туго, но соль еще имеется.

— Угу, — пробормотал мальчишка, вгрызаясь в дразняще пахнущее мясо.

Над нами сверкнула молния. Мягким прессом навалился гром. Властелин Дорог злился не на шутку... вот только почему?

Тяжелый выдался денек.

Я уснул первым, точнее, не уснул, а погрузился в свинцово-беспробудную дремоту. И успел почувствовать сквозь сон, что Тим принял укрывать меня, старательно деля на двоих узкое одеяло. Дерьмовый из меня вышел покровитель.

Утро выдалось таким красивым, словно Властелин устыдился вчерашней бури... или же решил побыстрее выманить нас из Оазиса на Дороги.

Я выбрался из палатки. Огляделся.

Небо — синеватая голубизна прозрачного стекла. Облака — белый пух снежных сугробов. Солнце — оранжево-теплый шарик апельсинового мороженого.

Отмытая от давней пыли зелень деревьев. Выросшая за ночь трава и спешащие за ней грибы. Беззаботное пение птиц, убедившихся, что вчерашняя буря была лишь сном...

И обломанные ветви с успевшей пожухнуть листвой, твердо помнящие реальность вчерашней бури.

Мои пальцы ласково погладили ребристую рукоять меча. После полудня Властелин Дорог сможет вернуться. Но я готов к новой встрече — готов всегда.

У Властелина будут основания для злости...

Тим умывался у родника. Я подошел, присел рядом. Приветливо кивнул — и мимоходом отметил, как бережно мальчишка зачерпывает ладонями воду.

— Расскажи про свою Дорогу. — Я постарался вложить в непристойные слова максимум небрежности.

Тим вздрогнул. Быстро встал, сердито взглянул на меня. Про Дорогу не спрашивают. О ней рассказывают сами — щедро пересыпая правду фантазиями, стараясь представить путь куда более красивым и легким, чем он есть на самом деле...

— Это моя Дорога, — твердо сказал он.

— Знаю. Расскажи о ней.

Не знаю, что заставило Тима подчиниться. Авторитет более старшего и опытного путника, робкая тень доверия, возникшая накануне. А может, легкое дыхание пробуждающегося Дара — дрожь в усталых мышцах, запах грозы в утреннем воздухе, электрический шелест синих искр на острие меча.

— У меня скучная Дорога. Через пустыни и степи... мертвые города и пустые села. Тебе обязательно о ней рассказывать? О двух парнях, что ждали меня на перекрестке...

— У одного была дубинка, а у другого — нож.
— Цепь. Откуда ты знаешь?
— Очень обычная история. Ты стоял перед перекрестком и ждал, пока они уйдут. А они улыбались и поджидали тебя за барьером Дорог — самоуверенные и наглые. И пистолет их не испугал. А когда ты выстрелил в воздух, один из них метнул в тебя нож... то есть нет, не нож... бросил дубинку.

— Свинцовый шарик. И попал в плечо.
— Тогда ты прицелился лучше. И стал стрелять.
Я замолчал. Лицо Тима исказилось — еще секунда, и он бросился бы на меня... или заплакал.

— Извини, малыш.
— Да пошел ты!..

Мальчишка подхватил с травы курточку из светлой песочно-желтой ткани, накинул на плечи. И побрел между редкими деревьями Оазиса — к своей Дороге, своему пути.

«Дорога — всегда прямая, путь — всегда прав. Никто и никогда не сойдет со своей Дороги», — сказал когда-то Властелин Дорог. И это стало законом.

До тех пор, пока не появился Дар.
— Стой, Тим!
— Я не Тим, — огрызнулся мальчишка. Но остановился. В нескольких метрах от желтого песка и бурого бетона, от бесконечной ленты Дороги.

— Сейчас мы соберем палатку и позавтракаем. А потом ты сделаешь выбор.
— Какой еще выбор? — не оборачиваясь, спросил Тим.
— Ты слышал легенду о Носителе Дара?
— Да, — тихо, очень тихо произнес мальчишка.
— Тогда ты знаешь, что я тебе предложу.

Мы стояли перед бетонной полосой. Ветер гнал по Дороге тонкие струйки пыли, извивающиеся, слов-

но стремительные песчаные змеи. Трава у нас под ногами обрывалась четкой зеленою дугой, даже не пытаясь выбраться за пределы Оазиса.

— Именем Носителя Дара... — негромко начал я.
Ветер взревел и бросил в меня песчаную дробь.

— ...именем ответа, который есть на любой вопрос; именем силы, которая стоит против каждой силы; именем исключения, которое есть в любом законе...

Ветер стих. Властелин Дорог смирился с неизбежностью.

— ...я рассекаю барьер Дороги, я дарю тебе право выбора. Взамен ты отдашь Властелину покой своей Дороги и правильность направления, потеряешь веру в истинность пути и радость отдыха. Согласен ли ты на обмен?

— Да...

— Еще раз.

— Да.

— Еще.

— Да!

Я вскинул меч — и ударил в пустоту перед собой. С клинка сорвалась короткая синяя молния, раздался звук бьющегося стекла. На мгновение воздух над Дорогой стал матово-белым, похожим на очень густой туман.

Тим не увидел этих картин — только Носителю Дара открывается путь, которым должен был пройти человек. Это иногда похоже на награду... а иногда на проклятие. Как в этот раз, например.

Знойная пустыня, по которой бредет уже не мальчишка — подросток.. Юноша, дерущийся на площади города — не мертвого, живого, в окружении сотен любопытствующих... Он же, с окровавленным, но счастливым лицом, идущий по Дороге рядом с то-ненькой смуглой девушкой. И маленький дом на лес-

ной поляне — в синеватых сумерках, с теплым светом в окнах и легким дымком из очага...

Дороги, которыми пойдет человек, сам выбирающий свой путь, Носитель Дара не видит. Наверное, потому, что их еще нет. Иногда это похоже на проклятие... а иногда на награду. Как в этот раз.

— Ты сам выбираешь свой путь... отныне... — тихо сказал я. — Постарайся не ошибаться, Тим. Он может оказаться даже хуже прежнего... но ведь это будет *твой* путь. Верно?

— Да. — Тим почти не слушал. Главным для него сейчас была Новая Дорога. Та, на которую он может ступить, впервые сойдя с заданного навсегда направления.

— Мы можем пойти вместе, для начала, — предложил я. — По моей Дороге. И на любом перекрестке ты свернешь, куда захочешь.

Тим кивнул. И храбро шагнул на бетон моей Дороги — едва заметно прищурившись, ожидая мягкого, но неодолимого барьера. «Никто и никогда не сойдет со своей Дороги...»

— На любую силу есть другая сила, — прошептал самому себе я и пошел следом. Меч подрагивал в руке. Сейчас для Властелина самое время вмешаться. Ведь он так не хотел, чтобы этот мальчишка ушел со своего пути...

Ничего не происходило. Ветер дул ровно и спокойно. Солнце задумчиво следило за нами с неба. Тим рассмеялся и взял меня за руку:

— Хранитель, а кого тебе легче уводить? Детей или взрослых?

Я поморщился. Но ответил честно:

— Однако трудно и тех, и тех. Но взрослые редко соглашаются сменить Дорогу... Побежали на перегонки?

Секунду Тим молчал, обдумывая новое занятие. А потом бросился вперед. Пистолет за поясом мешал

ему — и он кинул его в песок, коротко и сильно размахнувшись.

К перекрестку мы вышли под вечер. Тим стер ногу и слегка хромал, мой темп оказался для него слишком быстрым. Последний час мы шли неторопливо, то болтая друг с другом, то просто держась за руки.

— Хорошо идти вдвоем, верно? — уже не в первый раз спрашивал Тим. И я согласно кивал. Сейчас мне было хорошо. Но Властелин был прав, когда напоминал о неизбежной расплате. И на мой Дар есть свое проклятие... Я принял тихо напевать:

Я — хозяин Дорог
И попутчик вольного ветра...
Я иначе не мог,
Ведь позвали меня километры...

Песня была не моей, я не умею сочинять стихи. У меня свой Дар. А эту песню сложил Володя, музыкант и сказочник, чья Дорога уже дважды пересекалась с моей. Теперь я ношу песню с собой.

— Перекресток, — негромко сказал Тим. — Никого нет, жалко...

Он вдруг снова засмеялся. Смеялся он здорово, даже в детстве не все так умеют.

— Хранитель... Ведь мы можем свернуть на Новую Дорогу!

— Сейчас посмотрим, Тим.

Краешек солнца еще висел над горизонтом, красноватый, но яркий. Я подставил под закатный луч плоскость клинка и послал Истинный свет вдоль чужой Дороги.

...Темно-синий, в белой окантовке прибоя, край моря. Зеленые леса вдоль берега. И город из белого и розового камня, уже зажигающий вечерние огни в окнах и узорчатых уличных фонарях.

Даже не думал, что такое возможно.

Я присел перед Тимом, взял его за плечи. Улыбнулся. Осторожно провел ладонью по мягким тонким волосам, заранее зная, что мальчишка досадливо мотнет головой, уворачиваясь от непрошеноей ласки.

— День прошел неплохо, верно?

Он кивнул — и в глазах зажглась искорка страха.

— Это очень хорошая Дорога, Тим. Она ведет к морю, в город, где живут добрые и умные люди. Тебе нужно пойти по ней.

— А ты, Хранитель? Ты не хочешь идти?

Я молчал.

— Хранитель! — обиженно выкрикнул Тим.

— У меня своя Дорога. Я рад, что смог помочь тебе... надеюсь, что смог. Тебя почему-то очень не любит Властелин.

— Хранитель, в городе тоже есть Дороги. Подумай, сколько людей научатся выбирать пути... если ты пойдешь со мной.

Он смущенно замолчал.

— Тим, тебе покажется странным, но я не могу сойти с Дороги.

Ни звука, ни слова. Весь вопрос, все недоверие оказались в глазах.

— Я меняю Дороги для других. Моя ведет лишь вперед.

— Это потому, что тебя никто не позвал за собой, — тихо, но твердо сказал он. — Идем.

Его ладонь легла в мою. И он шагнул через барьер — уже не существующий для него, но запретный для...

Моя рука прошла сквозь невидимую преграду. Я вскрикнул, впервые в жизни почувствовав ветер Новой Дороги.

Он был чуть влажным и прохладным — от близкого моря. И солоноватым по той же причине — я

ощутил это кончиками пальцев, оголенными нервами, бьющимся в судорогах Даром. Клинок приплясывал за плечами, рассыпая фонтаны колючих искр.

Так вот почему тебя боялся Властелин. Я меняю Дороги и рушу барьера — а ты умеешь вести за собой. Это твой Дар.

Я шагнул дальше — и почувствовал, как барьер напрягся, затвердел. Воздух впереди начал сгущаться, превращаясь в моего двойника, и я выхватил клинок. Темно и нет Истинного света. Но время миражей миновало — а сталь убивает и в темноте.

— Какая милая картина, — насмешливо сказал Властелин. — Носитель Дара уходит со своего пути. Все равно как если бы Целитель бросил больных, а Музыкант перестал петь.

— Я выбрал Новую Дорогу, Властелин, — сухо ответил я. — Это не измена Дару, и ты это понимаешь.

— Тебе не дано уйти с Дороги. Барьер удержит тебя.

— Мне дано прокладывать пути другим. А мальчик умеет вести за собой. Ты не удержишь нас.

— Очень жалею, что не сделал его Дорогу покороче, — прощедил сквозь зубы Властелин.

Тим крепче сжал мою руку. И сказал:

— Наверное, я зря бросил пистолет? Там оставил ся один патрон, если по-честному...

— Пули здесь не помогут, — стараясь казаться спокойным, ответил я. — А клинка хватит вполне.

Властелин презрительно улыбнулся:

— Твой меч лишь останавливает меня... на время.

— Мне хватит и этого.

— Ты хочешь настоящего боя? Ты погибнешь, Носитель Дара. Человек не может победить судьбу.

— Ты знаешь, Властелин, — с внезапным пониманием сказал я, — настоящего боя между нами не будет. Не может быть. Ты не совсем Судьба... а я не просто Человек. Сними барьер!

— Нет!

Властелин сделал к нам несколько шагов — и остановился, глядя на лезвие моего меча. Поток синего огня с посеребренной сталью в сердцевине.

— Если тот, кто прокладывает пути, начнет менять свою Дорогу, наш мир погибнет. А он не так уж и плох! Вспомни судьбу мальчика!

— Не думаю, что новая будет хуже.

— Стой! — В голосе Властелина уже не было насмешки или пренебрежения. Только страх. Дикий, нестерпимый страх. — Выслушай меня! Выслушай...

Его голос сорвался в шепот, и я опустил клинок, по-прежнему сжимая ладошку Тима.

— Говори, Властелин.

— Мы не можем убить друг друга. Мы — две части целого. Я храню неизменность пути... а ты учишь людей менять Дороги. Нам никогда не убить друг друга.

— Я знаю.

— Пусть все и дальше останется так, пусть! Иди по своему пути, он вечен! Учи людей менять Дороги на чужие, учи их не бояться нового пути. Но не сходи со своей Дороги!

— Потому что тогда мир изменится.

— Он погибнет!

— Станет другим. Я помню, каким он был... или будет. А ты знаешь это точно. Тебе в нем места нет.

Властелин Дорог обмяк. Безнадежно пробормотал:

— Ты не веришь... Мир не станет лучше. А для меня есть место в любом мире. Да, этот мир проще, нагляднее, честнее!

Бетон Дороги дрожал и крошился. Какая-то звезда полыхала на горизонте, превращаясь то в ледяную синюю искру, то в огромный, вполнеба, багровый шар. Горячий ветер пустыни бросал в лицо горсти колючего снега.

— Пойдем... Дорога ждет... — робко попросил Тим. — Пойдем?

Его пальцы были горячими и твердыми. Я чувствовал, как бьется тонкая ниточка пульса.

— Идем, Тим... — Я в последний раз взглянул на Властелина Дорог. На позолоту и драгоценные камни, осыпающиеся с плаща. На лицо — мое лицо! — становящееся бетонной маской. И ударил клинком по невидимому барьера, разделяющему Дороги.

Обломки посеребренной сталисыпались на Дорогу. И я шагнул вперед — к запаху моря, шуму прибоя, разноцветным звездам, теплым ладоням в моих руках...

Полутьма. Тусклая лампочка в настольной лампе, повернутой к стене. Теснота. Узкая и короткая кухня — крупногабаритный гроб. Табачная вонь, напильником дерущая глаза. Тлеющая сигарета на блюдце рядом с пустой кофейной чашечкой. Стальная пишущая машинка с заправленным бумажно-копирочным бутербродом...

Я Властелин Дорог и Носитель Дара.

Я прокладываю Дороги и учу их менять.

Мир прост и понятен.

И вместо теплых ладоней в моих руках колючие осколки стали.

Человек, который многого не умел

Большинство авторов начинают писать с рассказов. Вначале кажется, что куда проще написать маленький рассказ, чем большой роман. Лишь, через годия приходит понимание, что, в сущности, все прямо наоборот.

Рассказы из этого раздела — одни из первых моих произведений. «За лесом, где под лай враг...», например, — это первый написанный рассказ, и при этом — первая публикация в знаменитом журнале «Уральский следопыт». «Нарушение» — первый вообще опубликованный рассказ, причем вышел он одновременно на русском и казахском языке — существовали когда-то такие двуязычные журналы. Рассказ «Именем Земли» явно предполагался началом какого-то цикла, может быть, рассказов, а может быть, и романов. Не сложилось... этот мир так и остался первым, еще робким прикосновением к жанру космической оперы.

Какие-то из этих рассказов сильнее, какие-то слабее. Но в общем-то мне за них не стыдно и сейчас. Разбросанные по множеству журналов и сборников, они впервые входят вместе и под одной обложкой. И очень хочется надеяться, что и через десять лет после написания они вызовут интерес читателя.

ЗА ЛЕСОМ, ГДЕ ПОДЛЫЙ ВРАГ...

Огнемет рявкнул и выплюнул капсулу. Проводив взглядом уходящий за лес дымный след, Стрелок подхватил оружие и отбежал в сторону. Он знал, что подлый враг не заставит себя долго ждать. И точно. На то место, где он только что стоял, с визгом плюхнулась огненная струя. Ответный удар, как всегда, был нанесен из такого же оружия и очень точно. Беги Стрелок чуть помедленнее, он бы уже корчился в агонии, пытаясь срывающим с себя зажигательную смесь. Как это позавчера было с Артистом... Стрелок поспешил отогнать страшные воспоминания.

Он уже добежал до передней траншеи. Полковник одобрительно взглянул на него:

— Молодец, Стрелок. Хорошо ты им вдарили! Подлый враг будет побежден!

До вечера Стрелок нанес еще два удара. И еще дважды подлый враг лупил по тому месту, где он только что стоял. Вечером Полковник приказал начать общий обстрел. Стрелок считал эту затею глупой, но возражать не решился, отложил любимый огнемет и стал настраивать излучатель.

Лес стонал. Потоки огня пронизывали его насквозь. Удар — и тут же ответный. Поджаренные и

парализованные птицы стаями валились на обожженную землю! Лазерные лучи, как шпаги, скрещивались над лесом.

Через полчаса бой прекратился. Все собирались у штабного блиндажа.

Потерь не было, только Сержанта легко ранили лазерным лучом в плечо.

Однако он держался крепко, даже не выпустил из рук свой неизменный импульсный бластер. И тут они увидели человека. Тот медленно вышел из леса, неся на руках что-то или кого-то.

— Подлый враг, — прошептал Полковник, расстегивая кобуру.

— Может, перебежчик? — спросил Капрал, уже держа незнакомца в прицеле парализатора.

— Не похож он на врага. Такой же, как и мы, — убежденно сказал Стрелок и внезапно подумал: а на кого он похож, подлый враг? Почему-то раньше никогда он не думал об этом.

Незнакомец медленно спустился в траншею, словно не замечая нацеленных на него стволов. Осторожно положил свою ношу: это был светловолосый мальчик лет тринадцати. Спросил:

— Среди вас есть врач? Я не знаю, чем его зацепило.

Доктор отложил автомат и внимательно осмотрел мальчишку. Улыбнулся и сказал:

— Ничего страшного. Парализующий луч. Часа через два придет в себя.

— Подлый враг! — выругался Полковник, глядя на неподвижное тело мальчика. Стрелок вдруг вспомнил, что у Полковника в Городе осталась жена и четверо детей.

— Враг тут ни при чем, — сказал мужчина. — Его задело с вашей стороны.

Все разом взглянули на Капрала. Тот растерянно вертел в руках конус парализатора.

— Ничего. Все же обошлось. — Незнакомец обвел всех спокойными глазами. — Меня зовут Странник. Я пришел издалека и, если вы не возражаете, завтра уйду.

— Это ваш сын? — спросил Доктор.

Странник кивнул:

— Да.

Было уже утро, но никто еще не спал. Вначале слушали истории Странника. А затем пели. Потрепанную гитару брал в руки то один, то другой. Наконец Певец срывающимся от волнения голосом запел любимую песню:

Спите спокойно, любимые,
Где-то у дальней реки...

И все подхватили:

Черным ветром гонимые,
Насмерть стоят полки.

Странник внимательно слушал. Ему, похоже, тоже понравилось. Потом встал:

— Спасибо за все. Нам пора идти. Собирайся, Тим.

С ними попрощались за руки, а потом смотрели, как они уходят вдаль, по направлению к Городу, подступы к которому вот уже многие годы прикрывал отряд.

Стрелок вдруг вскочил и побежал за Странником. Догнал и быстро спросил:

— Вы пришли из-за леса? Скажите, а каков он, подлый враг? Я здесь уже три года, но они ни разу не показались в открытую, трусы!

Странник молчал и смотрел на него. Зато мальчишка сказал:

— Там река.

— Знаем! Ну а враги, где они находятся? — спросил Стрелок.

Мальчик смотрел на него, и во взгляде было что-то непонятное.

— Там старые склады, вдоль всего берега. И они накрыты защитным полем. Я кинул в один склад камешком, его отбросило обратно, прямо мне в руку...

СПОСОБНОСТЬ СПУСТИТЬ КУРОК

Потолок над креслом был зеркальным, и, запрокинув голову, я мог увидеть самого себя. Меня опоясали ремнями, опутали датчиками, нацелили на височные доли мозга конусы волновых излучателей. Они выглядели неприятнее всего — длинные, с отогнутыми кабель-вводами, похожие на старинные дуэльные пистолеты. Странное это оружие, дуэльные пистолеты, единственное, которое применялось не для защиты, а только для убийства. Пусть даже и узаконенного...

Я опустил взгляд. И увидел, как за небьющимся стекломчитывающего устройства закружились радиужные информдиски; как замигали на щите компьютера индикаторы и поползли вверх стрелки потребляемой мощности.

За стеной загудели генераторы, а «пистолеты» у висков издали тонкий режущий звук. На концах их, бросая на лицо красные отсветы, задрожали огоньки. Я закрыл глаза. И почувствовал, как едкой поро-

ховой пылью, липким от крови песком, зазубренной сталью клинков, отравленной сладостью фосгена поползло в мой мозг запретное умение.

Умение убивать.

— Уступить их требованиям мы не можем, — сказал капитан. — Опустившийся на планету корабль будет, несомненно, захвачен, а мы разделим участь своих товарищей. Так что остается, по сути, два выхода. Либо бросить Макса и Элис, либо...

Капитан обвел нас взглядом — всех семерых, оставшихся на корабле, и удовлетворенно кивнул:

— Я так и думал. Тогда нам потребуется помочь специалиста.

Вздрогнули все. Даже у Бориса исчезла с лица улыбка, а Танаки непроизвольно покосился на приборы. Вот, мол, моя специальность, куда ты без кибернетика, капитан...

— Возможно, кто-нибудь примет матрицу добровольно?

Я плотнее сжал губы, чтобы сквозь них не выскоило ни звука. Что ж, специалист так специалист. Пусть идет Борис — он врач, а там... или Дитмар, они с Максом...

Семь пар глаз смотрели на меня. Семеро, вместе с капитаном, ждали моего ответа. И еще двое ждали его, даже не подозревая о прозвучавшем вопросе, далеко-далеко от корабля, от его надежных стен и сильных машин, в каменных подземельях главного города планеты Тайк.

Почему именно я? Я обвел ребят взглядом. И увидел... нет, наоборот.

Не увидел в их взглядах и тени сомнения. Почему я?

— Разрешите мне, капитан.

Это мой голос. И мои слова.

— Конечно, Виктор.

Радужные разводы по прозрачной поверхности диска, комариное пение излучателей. Там, за стеклом, за прессованная в пластик, превращенная в субмолекулярные изменения вещества, — память всех войн Земли. Там дерутся у костра кроманьонцы и каменные топоры взлетают над косматыми головами.

Там штурмует Альпы Суворов и ведет корабли к Трафальгару Нельсон. Там сбрасывают в море самураев американские десантники и разрывает кольцо блокады Ленинград.

В прозрачных информдисках — память всего оружия Земли. Здесь ломают кости китайские нунчаки и режут танковую броню боевые лазеры. Здесь грохочет покрытый пылью «АК» и щелкает, выбрасывая синий луч, парализующий пистолет.

Каплей зелено-желтого яда, удариившей из раны кровью, жарким огненным плевком огнемета втекали в мой мозг тысячелетия истории Земли. Тысячелетия войны, тысячелетия людей, способных ответить ударом на удар.

А мы другие. Мы давно потеряли эту необходимость и возможность, это проклятие и благословение, эту странную и страшную способность. Но когда звездолет уходит к другим мирам, в сейфе капитана, как самая большая драгоценность, как самая страшная опасность, хранятся матрицы с памятью Особого Специалиста.

Танаки проверил приборы, а Борис долго изучал мое тело. На панели кибердиагноста один за другим вспыхивали зеленые огоньки: все мои органы, каждая мышца, каждый квадратный миллиметр кожи —

в порядке. Потом капитан принес запаянные в контрольную пленку информдиски. Их вложили в гнезда считывающего устройства, стали настраивать систему гипнотрансляции. И в мимолетном взгляде Бориса, брошенном на меня, я с удивлением почувствовал что-то непривычное.

Страх.

Радужные диски останавливались один за другим. Спокойным немигающим взглядом я следил за неподвижными кругляшками. Первым замер диск, несущий в себе общую стратегию и тактику нападения. Потом — информдиск с полным курсом рукопашного боя. Затем — основы массовой психологии...

Я знал, какую информацию несет любой из дисков, знал, как пользоваться приборами гипнотрансляции. Матрица Особого Специалиста обеспечивала владение любой техникой, находящейся на корабле. И когда дверь в комнате раскрылась перед входящим капитаном, я совершенно непроизвольно вспомнил, что движение двери обеспечивает сервомотор с независимым от корабельной сети питанием, который можно вывести из строя выстрелом или сильным ударом в правый верхний угол комингса.

— Как самочувствие, Виктор?

В глазах капитана не было страха, он недаром занимал свой пост. Но отныне я замечал и осторожность движений, и то, что капитан не торопится отстегнуть связывающие меня ремни.

— Все в порядке. — Я улыбнулся, выдергивая руки из-под тугих нейлоновых лент. — У меня не выросли клыки, и я не превратился в монстра.

Остатки ремней лопнули от концентрированного рывка. Я поднялся из кресла, сдирая с тела коросту датчиков. Капитан лишь покачал головой, глядя на клочки нейлона. Потом спросил:

— Матрица наложена на двенадцать часов. Тебе хватит этого времени?

Я усмехнулся, вспоминая уровень военного развития Тайка. Артиллерия, реактивные самолеты, ракеты, примитивное ядерное оружие...

— Вполне. Готовьте шлюпку и полный комплект снаряжения.

Я падал на столицу Тайка почти отвесно, вопреки всем законам космонавигации. Лишь непрерывно работающий двигатель и блок гравикомпенсации, превращающий смертельные тридцатикратные перегрузки в нормальную силу тяжести, позволяли мне этот маневр, прячущий шлюпку от планетарных радаров. Разумеется, на последних километрах пути я становился заметен невооруженным глазом — раскаленный наждак воздуха превращал шлюпку в огненный болид. Но с этим приходилось мириться...

Город был красив. Я скорее вспомнил, чем оценил это, когда с купола шлюпки соскользнули последние языки пламени и подо мной раскинулись зеленые парки, зеркальные цепочки каналов и белоснежные здания столицы.

Моя память — память инженера и строителя, выдевшего не один город и не на одной планете, замерла, впитывая удивительную картину. А сознание, схваченное матрицей Особого Специалиста, уже отыскивало среди зданий трехгранную пирамиду Министерства Спокойствия. Нашло — и руки пробежали по клавишам управления, бросая шлюпку в вираж. Машина пронеслась над площадью, пестрой от летней одежды тайкцев. Слишком много народа, это ни к чему. Я нажал на кнопку — и пол под ногами мелко завибрировал. Двадцать секунд генераторы инфразвука обрушивали на обезумевшую площадь волны панического,

животного ужаса. Когда площадь перед министерством опустела, я повел шлюпку на снижение, одновременно включая запись во внешних динамиках.

— Граждане Тайка! Мы не питали и не питаем к вам зла. Мы готовы забыть случившееся...

Опоры шлюпки коснулись истоптанного бетона площади.

— Вы должны проявить благородство и освободить наших товарищей. Иначе неизбежные жертвы падут на вашу совесть...

Люк откинулся, выпуская меня наружу. Блок силовой защиты на поясе щелкнул, окутывая тело голубой пленкой отражающего поля. Отойдя от шлюпки на несколько шагов, я обернулся. На фоне синеватого металлического корпуса защитное поле шлюпки было почти невидимым. Но оно прикрывало машину надежнее бетонной стены...

— Мы обращаемся непосредственно к руководству планеты...

В одном из окон министерства заплясал огненный фонтанчик. А у меня по груди небрежным пунктиром прошлась очередь. Тяжелый крупнокалиберный пулемет с разрывными пулями. Я пожал плечами, разворачивая к зданию ребристый ствол болтающегося на груди десинтора. Поймал пулеметный выхлоп в окошечко электронного прицела и надавил спуск.

Впереди ухнуло, по площади прокатилось эхо. Рваная пятиметровая дыра зачернела в стене. Надо уменьшить мощность, а то зацеплю ребят — они должны быть еще здесь... Быстрым шагом я направился к зданию. Что-то зацепилось за ноги, заставляя обернуться.

Кукла. Детская кукла, такая же, как земные. Господи, ну и давка тут была десять минут назад... Я поднял куклу, шагнул к журчащему невдалеке фонтану, положил игрушку на парапет. И невольно

шатнулся от заплескавшейся воды — новая очередь пришла по фонтану. Теперь в меня палили из двух или трех окон.

Подняв оружие, я окинул взглядом здание. А потом превратился в автомат, методично выжигающий все более или менее подозрительные окна. Когда я прекратил стрелять, пирамида министерства утратила последние остатки белизны. Последним выстрелом я вышиб огромные деревянные двери. Под деревом оказалась сталь — металл стек на гранитные ступени дымившимися черными лужицами.

Прежде я не сумел бы сориентироваться в бесчисленных коридорах и комнатах министерства и за неделю. Особому Специалисту потребовалось на это полчаса.

Электронный анализатор высчитал точку, куда сходились все нити пронизывающих здание сигналов. А логика, основанная на опыте тысяч земных диверсантов, заставила пойти к цели напрямик. Набившаяся в комнаты охрана при виде меня даже не пытлась стрелять. Солдаты в яркой оранжевой униформе молча падали на пол, складывая руки на затылке. Так же беззвучно я обходил их, стараясь ни на кого не наступить закованными в силовую броню ногами. Вот так, молча, я и вошел в зал оперативного штаба, выбив дверь ударом гравитационного разрядника. Несколько мужчин, склонившихся над картами в центре огромного круглого стола, разом повернулись в мою сторону.

— Я уже здесь, — усаживаясь в ближайшее кресло, сообщил я. — Где заложники?

Искаженный машинным переводом, мой голос зазвучал из лингверсора. Это должно было пугать больше, чем те же фразы, выученные мной самим.

— Я должен... — запинаясь, выговорил тайкец в штатском, единственный среди всех военных, — отдать приказ...

Я кивнул, и он осторожно, как стеклянный, поднес к уху громкоговоритель телефона. Вглядевшись в его шепчущее над телефоном лицо, я удовлетворенно кивнул. И вызвал корабль.

— Присылайте капсулу за ребятами.

— Хорошо. Виктор... мы смотрели за тобой. Ты... не слишком разошелся?

— Я сделал только самое необходимое, — твердо ответил я.

— Хорошо... Капсула пошла.

— Конец связи. — Я взглянул на штатского, и тот торопливо заулыбался.

— Они сейчас придут... Не стоит называть ваших товарищей заложниками, мы лишь хотели...

— Успокойтесь, мы не собираемся мстить. Никто не наказывает царапнувшего вас ребенка, избивая его до крови.

По вытянувшимся лицам я понял, что попал в цель. Такого они не ждали.

Пусть же этот день запомнится им не днем капитуляции, не днем проигранного сражения. Пусть они ощутят себя всего лишь напроказившими детьми и навсегда унесут в памяти мою презрительную улыбку под непонятной им голубой броней.

— Вы сообщали нам, что не воюете и даже не способны на убийство, — решился спросить один из военных. — Это была ложь?

— Это была правда.

Больше ничего говорить я не собирался. Увы, на этой ступени развития откровенность опасна, причем для них еще больше, чем для нас. Рановато мы прилетели на Тайк, хоть они и строят красивые города...

Перешагивая через вышибленную дверь, в зал вошли мои товарищи. С Элис, похоже, все было в порядке. А вот Макс шел, опираясь на ее руку.

Наши глаза встретились, и мы поняли не произнесенные друг другом вопросы: «Держишься?» «Держусь, Витя. А ты?» «Держусь...»

— Они тебя не обижали, Эл? — снимая с пояса резервные блоки защиты, спросил я.

Девушка торопливо замотала головой. Ее взгляд скользнул по дезинтегратору в моих руках, по переливающимся огонькам на приборах наблюдения и защиты, по пристегнутому к поясу гравиразряднику... И ушел в сторону.

— Кapsула будет ждать на площади, — помогая друзьям закрепить генераторы поля, сказал я. — А мне... еще надо потолковать с ними...

Люди в комнате сжались от моего кивка, и я неизвестно почему улыбнулся. И увидел, как моя улыбка тенью отразилась в их лицах.

— Кapsула на площади, — упрямо повторил я.

Особый Специалист, выходя из здания министерства, ждал чего угодно.

Серого болота танковой брони, колышущегося на площади, истребителей, пикирующих с безоблачного неба... Но площадь была пуста. Вечерняя площадь притихшего города, парализованного страхом, лишенного управления — похоже, я накрыл всю правящую верхушку. Что ж, четырехчасовая лекция, которую я им прочитал, должна пойти на пользу.

Часы на моей руке негромко зазвенели, когда я брел по площади к шлюпке. Время, отведенное в моем мозгу матрице Особого Специалиста, кончалось. На корабль я должен вернуться самим собой.

Я долго устраивался в кресле, долго и основательно. В момент снятия матрицы можно потерять со-

знание — и я не хотел бесчувственно болтаться в кабине ведомой автоматикой шлюпки. Еще раз посмотрел на мертвую пирамиду министерства и закрыл глаза. Странно, что я почувствую в этот момент?

Боль? Безвозвратную потерю на миг обретенных знаний? Глухую тоску по утраченным способностям?

Ничего. Абсолютно ничего.

Часы отмерили еще пять минут, когда я понял, что случилось непредвиденное.

Корабль отозвался мгновенно:

— Виктор, почему не стартуешь?

— Как там ребята? — выигрывая время, спросил я.

— Нормально: Макс уже в медотсеке... Что-то случилось?

— У меня маленько затруднение с матрицей. Она не сходит.

Капитан на секунду замолчал.

— Сейчас. Я посоветуюсь с Борисом.

— Не надо. — Я говорил медленно, тщательно подбирая слова: — Я ведь тоже... специалист. Теория гипногенных матриц допускает такие случаи.

Очень редко, но матрица может оказаться более подходящей к сознанию человека, чем его прежняя личность. Тогда отторжения ее не происходит.

— Совсем? — как-то абсолютно не по-командирски спросил капитан.

— Да. Мне придется жить с этой штукой.

Наступила тишина. Глухая, космическая тишина, словно между мной и кораблем выросла километровая стена из свинца.

— Это не так уж трудно, — попытался ободрить я капитана. Сознание Особого Специалиста спокойно проанализировало тишину, разложило ее на изумленные лица, на стиснутые до белизны пальцы, на закусенные губы. — Это не особо мешает, можете поверить.

Тишина напряглась, сделалась по-свинцовому тяжелой.

— Что мне делать? Я могу возвращаться?

Молчание раскололось.

— Да...

Вокруг шлюпки уже нависла темнота. Что вы сейчас думаете, жители Тайка, затаившись в квартирах, не зажигая света, почти такие же, как и мы?

Боитесь мести? Зря. Мы не мстим. Конечно, в самом дальнем углу своих чистых кораблей мы храним на всякий случай большую и тяжелую дубину. Но после того, как приходится ей пользоваться, мы всегда выкидываем неуклюжее оружие.

Вот только однажды дубина приросла к руке...

Десяток улиц уходили с площади во все стороны. Прямые, абсолютно безлюдные — идеальные взлетные полосы. Я тронул клавиши, направляя шлюпку в разгон по ближайшей. Мягко, беззвучно машина заскользила над бетоном, мимо белых дворцов и почти земных деревьев...

Вряд ли матрицу смогут снять даже на Земле. Но там можно затеряться среди людей, никогда не видевших меня с дезинтегратором наперевес, на фоне искаженных страхом лиц и выжженных окон. Вот только до Земли три года полета.

Я взглянул на экран. И увидел, как впереди, из не замеченной мной улицы, выкатывается на дорогу огромный, разукрашенный зелено-бурыми пятнами маскировки танк. Заставляет поперек улицы, а из открывшихся люков выпрыгивают, разбегаясь в разные стороны, тайцы в комбинезонах. Меня охватил страх. Вы что же, хотите меня остановить? Одетая в защитное поле шлюпка отбросит танк, как пустую картонную коробку. Шлюпка — это очень надежная машина. Ее и при желании не выведешь из строя. Разве

что пожелает Особый Специалист... Он действительно многое может. Он даже понимает, почему я вызвался добровольцем и почему отведенный в сторону взгляд Элис никогда не даст мне вернуться на корабль.

А еще он знает, как отключить силовое поле, обнажая хрупкий пластиковый корпус шлюпки.

Когда скошенный танковый борт расплылся во весь экран, я снял руки с клавиатуры и закрыл глаза.

НАРУШЕНИЕ

...Сигнал пришел из третьего сектора. Отчетливый сигнал — несанкционированное передвижение. В таких случаях следует ждать тридцать секунд — если это ошибка, то человек успевает вернуться. Но сигнал не исчез.

Я вышел из дежурки. Пошел по коридору — вначале медленно, а потом все быстрее. Нарушитель не уйдет, я знаю, но рисковать не стоит. Где-то в глубине сознания пульсирует канал связи с координатором. Я почти ощущаю ту скорость, с которой машина обрабатывает информацию. Что-то долго нет новых данных...

Восьмой ярус третьего сектора.

Второй этаж, коридор №12.

Скорость движения — около семи километров в час.

Двое. Личные номера стерты.

...Вот теперь я развел максимальную скорость. Потолочные лампы слились в мерцающие белые полосы, редкие рабочие ночной смены шаражаются к стенам коридора. Двое. Их двое. Что ж, случай, похоже,

заурядный. И еще — они сумели стереть свои номера. Значит, им лет двадцать, не меньше. А я думал, школьники — они тоже часто бегут вдвоем. Координатор снова и снова обрабатывает прежнюю информацию.

Что он там собирается найти? Впрочем, это не мое дело... Я должен найти нарушителей.

Прыжок в медленно сходящиеся двери лифта. Успел. Не мог не успеть — все было рассчитано точно. В лифте — трое. Смотрят со страхом, хоть и стараются улыбаться. Ничего, привык. Привык...

Восьмой ярус третьего сектора.

Первый этаж, коридор №367.

Скорость движения — около пяти километров в час.

Возраст — 18 лет.

Я уже на восьмом ярусе. Теперь к шахте внутренних перевозок, быстро... Значит, им восемнадцать? Правильно, завтра — день торжественного бракосочетания молодежи... Символ их вступления во взрослую жизнь. И хоть расчеты всегда безупречны, но находятся недовольные. Иногда бегут... Почему? Часто стараюсь это понять.

Седьмой ярус третьего сектора.

Девяносто шестой этаж, коридор №4.

Скорость движения — около четырех километров в час.

Устали... Устали, беглецы. А я не устану, вот сейчас спущусь на ярус ниже и... А как они умудрились перейти из яруса в ярус? Ведь это не простой фотоблок на этажах...

- Седьмой ярус третьего сектора.
 Девяносто пятый этаж, коридор №14.
 Скорость движения — около девяти километров в час.
 Энергия в лифтовых шахтах отключена.
 Пользуйся лестницами.

Испугались. Почувствовали что-то... Ничего, я уже рядом. Совсем рядом.

Местонахождение прежнее.

Объекты неподвижны.

Внимание: межъярусный турникет был выведен из строя энергоразрядом высокой мощности.

Координатор не добавляет: «Будь осторожен». Я говорю это себе сам. Потом пересекаю перекресток и вбегаю в четырнадцатый коридор.

Здесь пусто — наверное, этаж законсервирован. Я убыстряю бег до предела, главное — внезапность. Последний поворот — и они оказываются передо мной. Стройный высокий парень в сером комбинезоне и темноволосая девушка в голубом платье. Она сидит на полу, парень склоняется над ней. Кажется, у нее что-то с ногой. Ну и прекрасно...

Но парень все-таки успевает повернуться. Он тянет из кармана маленький блестящий предмет и делает шаг в сторону, заслоняя девушку. Пожалуй, сосредоточясь он на одном действии, у него был бы шанс успеть...

Я прыгаю. Парень успел, заслонил девушку. Каждая разница... Я даю разряд, и ослепительная белая искра бьет вперед, прямо в кармашек на сером комбинезоне. Энергии должно хватить на двоих, у меня уже были такие случаи. Так и есть, хватило.

Я иду обратно по коридору. Теперь можно и не спешить; дело сделано. Утром их подберут и покажут всему этажу, с которого они сбежали. Три дня их неподвижные тела, обтянутые специальной пленкой, будут висеть в зале собраний. Наверное, с месяц будет тихо. А потом новый побег. Почему?

Не могу понять. Они сыты. Одеты. Их вовремя ремонтируют... то есть лечат. Зачем им бежать, ведь они знают, что еще никто не покидал город. Зачем?

Я всего лишь машина. Шесть лап, грубое подобие головы... Мозг упрятан под толстой броней. Меня зовут Механическим Псом, и меня устраивает это имя. Меня все устраивает. Но одного я не могу понять — почему они бегут? Почему?

Третий ярус второго сектора.

Шестой этаж, коридор №3.

Объект одиночный.

Вначале следует выждать тридцать секунд...

ИМЕНЕМ ЗЕМЛИ

Центральный Штаб Сообщества — капитану крейсера «Рубеж».

Срочно. Секретно. Голубой шифр.

Файл распечатки 23-А:

Получением настоящего приказа немедленно вывести крейсер в двенадцатый планетарный сектор восьмой галактической зоны. 16 марта 38.09.17 единого времени ожидается

прохождение в секторе конвоя Лотанского десанта. Конвой и охрану уничтожить. Именем Земли.

Они разворачивались. В космосе нет веса, но остается масса, и двести тысяч тонн металла не затормозить мгновенно. Они разворачивались, и пальцы, вдавленные в клавиши форсажа двигателей, уже не могли ничем помочь. Неделю назад на далекой планете Лотан земной агент равнодушно взглянул на маршрутную карту конвоя. Три дня назад в Центральном штабе защиты Земли антенны грависвязи приняли его короткий доклад. Кто-то из офицеров сверился с компьютером и покал плечами — на перехват успевал лишь один крейсер — «Рубеж». Возможно, он даже посоветовался с начальником штаба и тот с сожалением вздохнул. Но слишком несоизмеримы цены — крейсер, один из сотен, несущих патрульную службу, и набитый десантниками конвой врага. И их бросили в бой — в бой без надежды победить и без надежды выжить...

Они разворачивались. Вряд ли хоть половина людей в рубке понимали, что это значит. И уж точно не подозревали о происходящем сотни астронавтов на боевых постах корабля. В наушниках бились, мешая друг другу, их крики, просьбы, доклады...

- Главный пост, главный...
- Он уходит из сектора поражения, подбавьте же...
- Рубка, у нас плывет защита, до двух рентген в максимуме, ждем разрешения на эвакуацию...
- Главный пост...
- Да влепите же ему кто-нибудь, он в мертвый зоне!
- Почему молчит правый сектор?!
- Капитан, двигатели на пределе, можно ли снять форсаж?

— Главный пост...

— Правый сектор! Он же прет на тебя!

Виктор повернулся в кресле. Руки соскользнули с пульта, расслабились впервые после двухчасового бега по клавиатуре. Он посмотрел на первого помощника и поразился его позе: спокойной, отдыхающей, такой нелепой среди скорчившихся над пультами командиров... И поймал его взгляд.

Первый помощник тоже все понимал. Они разворачивались прямо под удар лотанского линкора, разворачивались правым бортом, ослепшим, оглохшим, онемевшим в самом начале боя, после сильнейшего радиационного удара. Если там, среди оплавленной брони и застывшей серыми буграми противопожарной пены, и остались орудия, ими уже некому было управлять. И ничего не оставалось, кроме как ждать, ждать те последние секунды, пока враг не выйдет на дистанцию абсолютного поражения и тот, неведомый ему лотанский капитан, не скажет в микрофон: «Всем бортовым — залп!»

— Мы же лезем под удар! — вдруг вскрикнул за спиной кто-то из штурманской группы.

И сразу же в наушниках наступила тишина — неестественная, нереальная... Один за другим люди отрывались от пультов, с пробуждающимся ужасом вглядывались в экраны. Там, среди немигающих, застывших звезд, разгоралась ослепительная точка — приближающийся линкор.

«Он пройдет мимо нас на расстоянии пяти-шести километров. И ударит при максимальном сближении. Элементарный прием, я поступил бы так же, — подумал Виктор. — Они давно поняли, что наш правый борт небоеспособен, и ждали только удобного момента...» На мгновение ему стало жалко — нет, не себя, и не корабль, и не идущий на смерть экипаж, —

ему стало безумно жалко его крошечного шанса на победу, который они едва не использовали.

Они почти могли победить... Виктор закрыл глаза и поразился длящейся до сих пор тишине. Ему захотелось, чтобы эта тишина осталась до самого конца...

Корабль вздрогнул, и наушники взревели. Виктор дернулся в кресле, стягивая с головы гибкую дугу, наполненную чужими голосами. Но так и застыл, глядя на экран, где разваливалась, расплззлась багровым шаром черточка вражеского линкора...

...Он шел по главному коридору, где уже включили гравитацию, и ненужные теперь магнитные ботинки звонко цокали по полу. Навстречу то и дело пробегали люди, неразличимые в жидким свете уцелевших ламп, громоздкие и неуклюжие от боевых скафандров. Несколько раз Виктора толкали, однажды даже сбили с ног, ругнувшись, помогли встать. Сзади беззвучной тенью шел первый помощник. Виктор терпел до тех пор, пока тот не втиснулся вместе с ним в узкую кабинку аварийного лифта.

— Карлос, ваше место в рубке.

— Как и ваше, капитан.

Корианец первый раз посмел ответить ему так дерзко. Его смуглое лицо с короткой бородкой оставалось, впрочем, почтительным, как и раньше.

— Карлос, в отсутствие меня, вашего капитана, вы должны быть в рубке.

— В боевой обстановке. Но бой кончился.

Да, бой кончился. Они победили.

Уже не оглядываясь на помощника, Виктор вышел из лифта. Здесь, на распределительной площадке правого сектора, по крайней мере было светло.

Два или три ремонтных робота стояли в углах, задрав в потолок наплечные прожекторы. Потолок,

еще утром гладкий, сделался рифленым, а темные диски плафонов свисали с него на блестящих бронированных кабелях. Возле черных провалов транспортных коридоров медленно ворочались черепахообразные роботы-дезактиваторы. Кто-то из управляющих ими людей повернулся на звук открывавшихся дверей, закричал:

— Наденьте шлем, вы что, ошалели? Здесь все «светится»!

Виктор торопливо защелкнул шлем — наручный индикатор радиации действительно наливался красным. Подошел к одернувшему его человеку — это был начальник ремонтников Ольсон.

— Капитан? — Похоже, Ольсон чуть смущился. — Ремонтная группа крейсера выполняет задание по...

— Погоди. Где остальные? Почему вас только... — Виктор обвел взглядом помещение, — трое?

— Остальные у двигателей. Реакторы едва не пошли вразнос. А здесь... здесь нечего ремонтировать, капитан.

Виктор посмотрел в дрожащую мглу коридоров, поверх выпуклых корпусов роботов. В глубине угадывались неясные отблески.

— Оттуда хоть кто-нибудь вышел?

— Нет. Там нет живых, капитан.

— Есть.

Если Ольсон и хотел возразить, он не успел этого сделать. Ближайший робот вдруг предостерегающе загудел, рванулся в проем коридора. Из его корпуса выдвигались вверх, расходились павлиньим хвостом разноцветные полупрозрачные пластины.

— В лифт!

Ольсон толкнул Виктора назад.

— Радиационный пик, видимо, где-то не выдержали переборки...

Еще два робота подъехали к ним, прикрыли радиужными защитными экранами. Карлос поежился, ощущимо даже под скафандром, посмотрел на раскрытые двери лифта, но не сделал ни шагу. Виктор коротко бросил ему: «В рубку!» — и посмотрел на Ольсона:

— Вы остаетесь?

— У меня усиленный скафандр.

— Ольсон, где-то там, в первом секторе, человек, который спас крейсер. Даже если он уже мертв, его надо найти.

Ольсон ответил не сразу. Посмотрел в сторону мертвых коридоров, замотал головой. Потом перевел взгляд на Виктора и смешался:

— Ольсон, объясните своим людям, добровольцы должны найтись...

— Я пойду сам.

Виктор кивнул, словно и не ожидал другого ответа. Добавил:

— Его надо искать где-то возле главных излучателей правого борта.

•Только залпом главного калибра можно было разнести линкор.

Конвой они настигли после двухчасовой погони. За время короткого боя охраны с крейсером десантные корабли пытались скрыться. Они шли с максимальной скоростью, похожие на стаю жирных, покрытых блестящей чешуей спешащих на нерест рыб. Каждый из десантных кораблей едва ли не в два раза превосходил по размерам крейсер. Но, несмотря на свои размеры, на набитые танками и вымуштрованными солдатами трюмы, сейчас они были абсолютно беззащитны. Когда Виктор вернулся в рубку, там заканчивали последние расчеты оружейники. Десант-

ные корабли на экранах уже лежали в ажурной сетьочке прицелов. Энергетик негромко спорил с оружейниками о мощности, которую он может дать на уничтожение десанта. Все было как-то буднично и деловито и ничуть не походило на безумную горячку боя, во время которого они уничтожили эсминцы и линкор охраны. Устроившись в своем кресле, Виктор привычно посмотрел в сторону помощника. Карлос явно почувствовал его слабость, его секундное отключение в конце боя, когда Виктор поверил в неизбежность поражения. Он очень хотел занять его место, этот смуглый, подтянутый офицер, которого ждали на Кориане полторы сотни родственников из фамильного клана, пославшие его когда-то с отсталой, полу值得一кой планеты в Академию Центрального Штаба...

На пульте замигал сигнал вызова.

— Капитан...

Виктор даже не сразу узнал голос Ольсона.

— Мы нашли его.

— Кто?

— Наводчик третьей батареи Демченко. Он действительно был у главного излучателя.

Что-то знакомое послышалось Виктору в этом имени. Он пришел на крейсер недавно и не знал еще всех своих подчиненных, но это имя почему-то не было для него пустым звуком. Демченко... Наводчик...

— Землянин?!

— Да.

— Он... жив?

— Да.

Что-то похожее на суеверный ужас коснулось Виктора. Уничтожить вражеский корабль, да еще и выжить в радиоактивном хаосе — на такое способен только землянин.

— Капитан...

- Я слушаю вас, Ольсон.
 - Он хочет увидеть вас.
 - Меня?
 - Да. Он сейчас в реанимационном боксе номер 3.
 - Я приду. А где вы, Ольсон?
- Виктору послышался слабый смешок.
- В соседнем боксе. Мне удалось протащить с собой фон.

— Вы будете представлены к награде.

Голос Ольсона посерезнел. Он четко выговорил:

- Во имя Земли.
- Именем Земли.

Виктор отключил связь. Подумал секунду и набрал на пульте номер первого помощника. Сидящий в двух метрах от него Карлос дернулся, осознавая оскорбление, но ответил без промедления.

— Первому помощнику, — выговаривая каждую букву, произнес Виктор. — Принять командование боем на время моего отсутствия. Перед уничтожением десантных кораблей дать им время на спуск шлюпок.

Подумал и добавил:

— Согласно 16 параграфу Конвенции о гуманности в ведении межзвездной войны.

Врач шел рядом, похрустывая белым одноразовым комбинезоном, процеживая слова сквозь закрывающую почти все лицо маску. К Виктору он вышел прямо из операционной, не переодеваясь, лишь скинув залапанный кровью пластиковый фартук.

— Я бы мог отказать вам в посещении — медицинская служба не подчинена командованию в этих вопросах...

Они прошли узеньким коридорчиком с густо-оливковыми стенами, испещренными маленькими дырочками. Стены слабо гудели, обдавая их волнами

озона и фиолетового света. Возле наглухо закрытой двери медицинский робот — узенький, высокий, неизбежно белый, похожий на нескладного подростка-акселерата — провел по их одежде длинными гибкими манипуляторами, проверяя качество дезинфекции.

— Но вряд ли ваш визит ухудшит...

— Скажите, — Виктор протянул руку к двери, и та, не ожидая его прикосновения, уползла вбок, — у него есть шанс?

— Ни малейшего. Поэтому я вас пускаю.

Он шел не к Богу и не к сверхчеловеку. Землянин умирал, и, поняв это, Виктор ощутил противоестественное облегчение.

Землянин лежал перед ним — обнаженная кукла, окутанная проводами и трубочками, с серым диском кардиомонитора на груди. Он был в сознании, без малейших следов ожогов, которых подсознательно ожидал Виктор, и лишь странная неподвижность крепкого мускулистого тела выдавала подползающую к нему смерть.

— Вы пришли потому, что это ваш долг, капитан?

Это были первые слова землянина, и Виктор вздрогнул.

— Нет. Не только.

— Потому что я попросил вас прийти?

— Наверное, нет...

Демченко вздохнул, и Виктору послышалось удовлетворение.

— Тогда садитесь. Да, на койку, больше здесь ничего нет... Так зачем же вы пришли?

Странный разговор. Демченко словно допрашивал его.

— Потому, что это мой долг, и потому, что вы просили, и потому, что мне захотелось взглянуть на

человека, сумевшего сделать то, что сделали вы. Удовлетворены?

Землянин слабо кивнул.

— Тогда встречный вопрос: зачем вы меня звали?

С минуту Демченко молчал. Потом спросил:

— Бой еще идет?

— Да. Мы только что догнали десант.

— Мне страшно умирать одному, — просто сказал наводчик. — Наверное, это признание не украшает офицера, но теперь уже все равно. А самый бесполезный человек во время боя — капитан. Вы можете посидеть со мной без ущерба для крейсера.

Виктор вздрогнул.

— Я не хотел вас обидеть. Вы хороший капитан, Виктор. Вас не оскорбит, что я называю вас по имени?

— Нет. На моей планете нет фамилий.

— Алькор-туманный?

— Да. Как вы уцелели, Демченко?

— Излишняя дисциплинированность. Я был единственным, кто надел перед боем скафандр. Там же жуткая теснота, в боевых постах... — Теперь он говорил очень тихо, и Виктору приходилось напрягаться, чтобы разобрать слова. — А когда я очнулся и увидел, что поганец несется на нас... Честь планеты. Я же единственный землянин на корабле, я обязан был сделать больше, чем другие...

— Я представляю вас к ордену Солнца, Демченко. Уж на это капитан еще нужен. — Виктор попробовал улыбнуться.

— Мне уже не надеть никакого ордена. А Солнце... Оно всегда со мной. А вы видели Солнце, капитан?

Виктор покачал головой.

— Даже смешно... Мы воюем во имя Земли и имеем Земли. Усмиряем колонии, требующие независимости, мотаемся из одного конца Галактики в друг-

гой... Умираем и убиваем... То есть убиваем и умираем... — Демченко на секунду прикрыл глаза, облизнул губы. — А Землю, Солнце видел только я, один из всего экипажа...

— Земля — это символ, Демченко. Колыбель всех планет, всех цивилизаций. Наш флаг, если хотите.

— Для меня Земля — это не флаг. Это голубое небо... вы знаете, как красиво, когда небо... да, у вас оно тоже голубое. Это зеленые леса. Это снег и холод... И раскаленный жарой песок тоже... Это мой город... Города могут быть красивыми, когда им больше тысячи лет, когда один город не похож на другой...

Одна из трубочек, впившихся в тело Демченко, запульсировала, впрыскивая в кровь лекарство, и голос наводчика окреп.

— Знаете, я рос в маленьком городке. Вокруг тайга, лес на сотни километров. Город старый-престарый, каменные дома, бетонные дороги... кроме станции космической связи — никаких следов цивилизации. На любой планете таких городов тысячи. А для меня он единственный.

— Я понимаю, — осторожно сказал Виктор. — Для меня, например, есть лишь один островок из тысяч островов Алькора-туманного... А для Ольсона — один из этажей мегаполиса в Порт-Альве. А для Карлоса — одна из башен кланового замка на Кориане.

— Я вообще попал в космос случайно. Не проходил ни по здоровью, ни по интеллектуальным тестам — все показатели средние... Но очень уж рвался. И смог всех переубедить.

— Это счастье для крейсера, что смогли, — искренне сказал Виктор.

— Да... Знаете, как я решил, что непременно буду офицером космофлота, стану защищать Землю от врагов? Обыкновенная мальчишеская мечта, только у

других это проходит, а у меня осталось. Вы не играли в детстве в космическую войну?

— Играл.

— Вот и я играл... Я жил в старом доме, ему лет триста, не меньше. А напротив стояло совсем уж древнее здание, там, конечно, никто не жил. Из кирпича... Знаете, что это такое? Да, в отсталых колониях иногда строят из него... Однажды мы играли, что на наш город напали космические захватчики.

Меня поставили охранять наш дом. Ну я и додумался — залез в эту кирпичную развалину, поднялся на крышу. Там по краям крыши были маленькие башенки, не представляю, для чего их сделали... Я подергал на одной дверь — она отлетела, там все уже проржало насеквоздь. Вошел. Маленькая комната, по стенам узкие окошки, как амбразуры. Лучшего и не придумаешь. Весь наш двор был виден как на ладони. Я встал у окна с пистолетом и жду. И вот пока стоял там, словно случилось что-то. Смотрю с высоты на город, на полоску леса вдали, на серую трубу гравиантенны... И чувство, что я действительно все это защищаю. Это словами не выразишь.

Демченко замолчал, и Виктор тихо спросил:

— А потом?

— Потом мои друзья вбегали во двор, а я палил по ним с крыши. У нас были игрушечные пистолеты, стреляющие ампулами с краской. Так полдвора забрызгало красным, словно действительно шел бой. А они даже не могли сообразить, откуда по ним стреляют... Правила у нас были строгие: те, в кого попала хоть капля краски, садились и ждали конца боя. Зеленая трава, дорожки из белого кварцевого песка, десяток неподвижных пацанов, жущих конца игры... И все в красных пятнах. Это было так похоже на настоящую войну, которую мы только в кино и видели, что мне стало страшно. Я даже радовалась своей

победе не мог. — Демченко перевел дыхание и закончил: — С этого все и началось, с детской игры... И теперь должно кончиться...

Он вдруг дернулся и судорожным рывком повернул голову вбок. Его тошнило. Виктор потянулся было к нему, но из стены уже выскоцили гибкие щупальца манипуляторов, подхватили тело наводчика. Через минуту Демченко снова лежал неподвижно.

— Капитан, вас кто-нибудь ждет дома?

Виктор кивнул:

— Ждут. — Он вспомнил низкое серое небо, и шум набегающих на берег волн, и мелкую привычную морось, беззвучно ложащуюся на скалы. — У нас нет семей в земном понимании, но...

— А меня ждет только Земля.

Демченко улыбнулся и закрыл глаза. А в стене отчаянно заверещал зуммер, снова выметнулись манипуляторы. Коснулись тела наводчика — и медленно поползли обратно.

В рубке было тихо. Почти половина кресел пустовала — командиры расходились. На экранах внешнего обзора плыли розовые, нежно мерцающие облачка пыли. Секунду Виктор постоял, глядя на экраны, потом спросил:

— Вы дали им сигнал о спуске шлюпок?

— Да, — с готовностью произнес кто-то.

— Ну и?..

— Лотанцы гордый народ. Они умеют воевать до конца.

Розовые облачка на экране медленно угасали. Виктор сел в свое кресло, включил общую трансляцию. Произнес, наклоняясь над микрофоном:

— Экипаж крейсера «Рубеж», за мужество и геройство, проявленные в бою с превосходящими силами противника, я благодарю вас от имени Центрального

Штаба... и от себя лично. Весь личный состав будет представлен к наградам. Именем Земли!

— Во имя Земли... — разноголосо отзывались наушники, лежащие на краю пульта.

Центральный Штаб Сообщества — капитану крейсера «Рубеж».

Срочно. Секретно. Синий шифр.

Файл распечатки 8-Н:

Получением настоящего приказа немедленно вывести крейсер к 156-й населенной планете седьмой галактической зоны. На планете поднят мятеж против Центрального Штаба.

Ваша задача — захватить и удерживать до подхода главных сил станцию грависвязи, не допуская связи планеты с неблагонадежными цивилизациями в составе Сообщества.

Именем Земли.

Крейсера редко садятся на планеты. Им тесно даже на самых больших космодромах, их двигатели выжигают леса и отравляют атмосферу даже на самом тихом режиме. Но иного пути для высадки десанта крейсер не имеет...

Они опустились в лесу на маленькое озерцо. Вода закипела, колонной белого пара поднялась в небо, навстречу серой металлической громаде. Когда опоры коснулись дна озера, лишь черные, обугленные рыбы напоминали о том, что еще недавно в маленькой котловине были вода и жизнь.

С высоты главной рубки Виктор видел место приземления во всех деталях. Серовато-белесое, в черных кляксах, дно озера. Опоясывающее озеро, выж-

женное до белизны, кольцо пепла. Черные, как бы съежившиеся, скелеты деревьев. А за ними, до самого горизонта, до недалекого городка, вначале робко, а затем все более торжествующе зеленели уцелевшие деревья.

— Мы неудачно сели, — ни к кому не обращаясь, сказал Виктор. Он посмотрел туда, где на стыке зеленого леса и голубого неба вставали кажущиеся отсюда игрушечными дома. — Город лежит между нами и станцией связи, придется идти через него...

— С других сторон станцию окружают болота, — отпарировал навигатор. — Ничего. Я не думаю, что с городом будет много возни.

Он ошибся.

Машину начальника командира десанта сбили еще на окраине. Сейчас она горела — дымно, неохотно, она вообще не должна была гореть...

Самого командира Виктор увидел на пороге занятого под временный штаб особняка. Грузный, широкоплечий Вольф Шнайдер что-то говорил в зажатый в ладони передатчик. Передатчик был совсем крошечный, и казалось, что Вольф вполголоса ругается, яростно размахивая перед лицом кулаком. Увидев Виктора, он нахмурился:

— Вам следует руководить боем с крейсера, капитан. Здесь опасно.

Словно подтверждая его слова, невдалеке грохнулся короткий, но сильный взрыв.

— На корабле остался Карлос. Почему вы остановились?

— Это сумасшедшая планета, капитан. В нас палят из каждого окна... — Вольф поднес к губам микрофон, бросил туда: — Третий и пятый, сближайтесь... — И снова повернулся к капитану: — Не представляю, где

они раскопали столько старого оружия. Один из бронеходов подбили из пороховой пушки. Защита не отреагировала на снаряд — тот летел слишком медленно. Но броню разнес не хуже, чем боевой лазер... Да, лазеры у них есть тоже...

Виктор медленно посмотрел по сторонам и чувствовал, как наплывает смутная тревога. Притихшие дома с попрятавшимися жителями, стилизованные под старину, сложенные из камня особняки, даже яростное сопротивление десантникам — все это было знакомо и привычно. Но что-то настораживало...

— Если бы дать по городу из главного калибра, — негромко произнес Вольф.

— Нет.

— Или по станции... Разнести антенну...

Серая колонна гравиантенны была видна даже отсюда. Она вставала из-за домов, и на вершине ее, вознесенной на двухкилометровую высоту, подрагивали голубые молнии — станция работала.

— Нельзя, — с искренним сожалением ответил Виктор. — Станцию приказано захватить, а не уничтожить...

Вдоль улицы с визгом пронесся огненный клубок — выстрелили из плазмомета. Следом прогрохотал бронеход. За ним устало и безмолвно пробежали несколько десантников. Виктор взглянул на Вольфа, снова уткнувшегося в передатчик, на свой вездеход с замершей возле него охраной... И бросился вслед десантникам.

Он не заметил, как остался один. Еще недавно вместе со смутно знакомыми ребятами из пилотажной группы Виктор палил по высокому зданию из бетона и черного зеркального стекла. Из здания огрызались — разрывы самонаводящихся ракет ложи-

лись все ближе и ближе. Потом лучи их бластеров подрубили здание, разнесли в пыль первые этажи, и вся бетонная коробка обрушилась вниз, погребая стрелявших... Они бежали дальше, и никому из десантников не было дела до того, что рядом с ними — капитан крейсера, самый бесполезный человек в бою... А потом он остался один.

Уличка была узкой, извилистой, зажатая между глухими стенами домов.

Редкие окна, еще более редкие двери, выходящие в эту бетонную расселину в теле города... Виктор шел, держа бластер на изготовку, время от времени щелкая переключателем рации. Связи не было. Наверное, мешали дома...

Улица кончилась неожиданно. Дома словно расступились, и Виктор оказался на маленькой площади, а может быть, большом дворе. Скорее дворе: здесь было слишком много газонов, дорожек из белого песка, беседок, скамеек... С одной стороны на площадку выходил торец странного, явно заброшенного здания — шесть или семь этажей из красно-коричневого кирпича, маленькие декоративные башенки на крыше...

Виктор сделал несколько шагов, выходя на середину двора, и остановился. Где же он видел этот двор? Где? Видел... или слышал о нем?

На одной из башенок вдруг полыхнула яркая, ослепительная точка.

Виктор не почувствовал ни толчка, ни боли. Просто в ушах зазвенело, а ноги стали подкашиваться. Он поднял руку, ловя башенку в прицел бластера... и неожиданно словно бы увидел себя со стороны. Сверху. Из этой башенки.

Глазами мальчишки с игрушечным пистолетом в руках...

— Демченко...

Он опустился на колени, так и не выстрелив в ответ. Песок вокруг был алым — и почему он раньше этого не замечал? И земля раскачивается, как от близких взрывов, — почему он этого не чувствовал?.. Земля.

Виктор подтянул руку с передатчиком к лицу. И не удивился, что тот заработал: должно же было ему повезти хоть в чем-то.

— В связи с отсутствием капитана на связи в течение девяноста минут, в соответствии с уставом, беру командование крейсером, — шипел в рации голос Карлоса, — на себя...

Откуда-то со стороны Виктор услышал свой голос:

— Говорит капитан.

Голос Карлоса исчез, растворился. Сквозь подпльывающую сонливость Виктор подумал, что теперь он знает, что надо было ответить Демченко, когда тот назвал капитана самым бесполезным человеком в бою. Да, капитан не нужен, чтобы вести бой. Он нужен, чтобы вовремя его остановить. И пока первый помощник не поймет этого, он не станет настоящим капитаном...

— Прекратить огонь. Именем Земли.

Он произнес эти слова и замер, словно надеясь услышать подтверждение.

Но сквозь звон в ушах уже не пробивались ничьи голоса. И лишь Земля — его мать, его родина, его знамя — все сильней и сильней тянула его к себе...

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МНОГОГО НЕ УМЕЛ

Он очень многое не умел, но зато он умел зажигать звезды. Ведь самые красивые и яркие звезды иногда гаснут, а если однажды вечером мы неувидим на небе звезд, нам станет немного грустно... А он зажигал звезды очень умело, и это его утешало. Кто-то должен заниматься и этой работой, кто-то должен мерзнуть, разыскивая в облаках космической пыли погасшую звезду, а потом обжигаться, разжигая ее огоньками пламени, принесенными от других звезд, горячих и сильных. Что и говорить, это была трудная работа, и он долго мирился с тем, что многое не умеет. Но однажды, когда звезды вели себя спокойнее, он решил отдохнуть. Спустился на Землю, прошел по мягкой траве (это был городской парк), посмотрел на всякий случай на небо...

Звезды ободряюще подмигнули сверху, и он успокоился. Сделал еще несколько шагов — и увидел ее.

— Ты похожа на самую прекрасную звезду, — сказал он. — Ты прекраснее всех звезд.

Она очень удивилась. Никто и никогда не говорил ей таких слов. «Ты симпатяга», — говорил один. «Я от тебя тащусь», — сказал другой. А третий, самый романтичный из всех, пообещал увезти ее к синему морю, по которому плывет белый парусник...

— Ты прекраснее всех звезд, — повторил он. И она не смогла ответить, что это не так.

Маленький домик на окраине города показался ей самым чудесным дворцом во Вселенной. Ведь они были там вдвоем...

— Хочешь, я расскажу тебе про звезды? — шептал он. — Про Фомальгаут, лохматый, похожий на оран-

жевого котенка, про Вегу, синеватую и обжигающую, словно кусочек раскаленного льда, про Сириус, сплетенный, словно гирлянда, из трех звезд... Но ты прекрасней всех звезд...

— Говори, говори, — просила она, ловя кончики его пальцев, горячих, как пламя...

— Я расскажу тебе про все звезды, про большие и маленькие, про те, у которых есть громкие имена, и про те, которые имеют лишь скромные цифры в каталоге... Но ты прекраснее всех звезд...

— Говори...

— Полярная звезда рассказала мне о путешествиях и путешественниках, о грохоте морских волн и свисте холодных вышог Арктики, о парусах, звенящих от ударов ветров... Тебе никогда не будет грустно, когда я буду рядом. Только будь со мной, ведь ты прекрасней всех звезд...

— Говори...

— Альтаир и Хамаль рассказали мне об ученых и полководцах, о тайнах Востока, о забытых искусствах и древних науках... Тебе никогда не будет больно, когда я буду рядом. Только будь со мной, ведь ты прекраснее всех звезд...

— Говори...

— Звезда Барнада рассказала мне про первые звездные корабли, мчащиеся сквозь космический холод, про стон сминаемого метеором металла, про долгие годы в стальных стенах и первые мгновения в чужих, опасных и тревожных мирах... Тебе никогда не будет одиноко, когда я буду рядом. Только будь со мной, ведь ты прекраснее всех звезд...

Она вздохнула, пытаясь вырваться из плена его слов. И спросила:

— А что ты умеешь?

Он вздрогнул, но не пал духом.

— Посмотри в окно.

Миг, и в черной пустоте вспыхнула звезда. Она была так далеко, что казалась точкой, но он знал, что это самая красивая звезда в мире (не считая, конечно, той, что прижалась к его плечу). Тысяча планет кружилась вокруг звезды в невозможном, невероятном танце, и на каждой планете цвели сады и шумели моря, и красивые люди купались в теплых озерах, и волшебные птицы пели негромкие песни, и хрустальные водопады звенели на сверкающих самоцветами камнях...

— Звездочка в небе... — сказала она. — Кажется, ее раньше не было, но, впрочем, я не уверена... А что ты умеешь делать?

И он ничего не ответил.

— Как же мы будем жить, — вслух рассуждала она. — В этом старом домике, где даже газовой плиты нет... А ты совсем ничего не умеешь делать...

— Я научусь, — почти закричал он. — Обязательно! Только поверь мне!

И она поверила.

Он больше не зажигает звезды. Он многое научился делать, работает астрофизиком и хорошо зарабатывает. Иногда, когда он выходит на балкон, ему на мгновение становится грустно, и он боится посмотреть на небо. Но звезд не становится меньше. Теперь их зажигает кто-то другой, и неплохо зажигает...

Он говорит, что счастлив, и я в это верю. Утром, когда жена еще спит, он идет на кухню и молча становится у плиты. Плита не подключена ни к каким баллонам, просто в ней горят две маленькие звезды — его свадебный подарок.

Одна яркая, белая, шипящая, как электросварка, и плюющаяся протуберанцами, очень горячая. Чайник на ней закипает за полторы минуты.

Вторая тихая, спокойная, похожая на комок красной ваты, в который воткнули лампочку. На ней удобно подогревать вчерашний суп и котлеты из ходильника.

И самое страшное то, что он действительно счастлив.

КАПИТАН

Положив блокнот на пульт главного компьютера, Стив Бландерс производил последние вычисления. Капельки пота блестели у него на лбу, как сигнальные лампочки на панели управления кораблем.

Одно из табло на пульте нетерпеливо замигало, и Стив заторопился. Он подвел под конечной цифрой черту и попытался в уме возвести ее в куб. Но 3,5389 упорно противились его усилиям. Выругавшись, Стив снова взялся за карандаш.

— Долго еще ждать? — поинтересовался откуда-то из-за стены бесцветный металлический голос.

— Сейчас, сейчас, — забормотал Стив. — Готово! Сорок четыре, запятая, триста двадцать, пятьсот двадцать один.

В рубке воцарилось молчание. Стив заерзal в кресле пилота и неуверенно спросил:

— Неправильно?

— Правильно. Только медленно считаешь. Дождайся я тебя, давно бы проскочили мимо планеты...

На лице Стива появилось нечто вроде гордости. Рассчитать вручную вектор подпространственного курса — этим можно гордиться! Но корабельный кибермозг склонен был оценивать его успех с куда меньшим восторгом.

— Готовься к посадке. А то опять придется медотсек расконсервировать.

Стив торопливо застегнул ремни кресла. Как всегда в такие моменты, зачесалась бровь, рассеченная год назад о стеллаж с навигационными картами. Тогда кибермозг забыл предупредить его о посадке...

— Пойдем с маленькими перегрузками, да? — небрежно спросил он и затаил дыхание в ожидании ответа.

— Конечно, десять «жэ», не больше.

Стив застонал. А через секунду начались перегрузки. Действительно, всего десять «же», что, по мнению машины, совсем не много...

Когда он открыл глаза, перегрузки уже давно прекратились. Судя по данным на пульте, корабль стоял на поверхности планеты, а исследовательские зонды уже расползлись по окрестностям.

— Это какая планета? — слабым голосом спросил Стив. Он вовсе не рассчитывал на ответ, но на этот раз компьютер снизошел до беседы.

— Би-Эм, №315. Южный материк.

— Да нет здесь ничего, — почти закричал Стив. — Нет! Я же был здесь семь лет назад, перед тем как...

— Знаю, что был! — В металлическом голосе возникло какое-то странное дрожание. — Ты же мне все микрофоны прожужжал, что именно здесь ты расстался с этой рухлядью, этой кучей металломана, этим «Громовержцем»...

В недрах пульта что-то застучало. Стив быстро отодвинул кресло к стене.

— Что ты дергаешься, — уже спокойнее произнес кибермозг. — Нечего сказать, повезло мне с капитаном. От перегрузки сознание теряет...

— Я не терял!

— Помолчи. От перегрузки сознание теряет, от каждого звука дергается. И говорит только о ржавой консервной банке, на которой когда-то летал... не летал, а ползал по Космосу!

Стив подавленно молчал. На прогулку теперь нечего и рассчитывать... Но у кибермозга было, видно, хорошее настроение.

— Если хочешь, можешь выйти наружу. Полюбоваться планетой...

В голосе кибермозга дрогнуло презрение. Планеты он, как все корабельные компьютеры, не любил — то ли дело Космос!

В шлюзовом отсеке не было света. Стив, однако, это предвидел: достав из кармана фонарик, он уверенно пошел к выходу. Свет немедленно включился, и на кнопку открывания люка капитан давил, убежденный в хорошем настроении компьютера.

— Открывай вручную, моторы надо беречь, — немедленно отозвался кибермозг.

Стив взялся за рычаг. Не привыкать, за последние годы он нарастил такие мускулы, что за сутки разгружал грузовой трюм корабля. Без помощи роботов, разумеется.

Планета встретила его воздухом, наполненным запахами цветов, таким свежим и чистым, что Стив закашлялся. Даже пепел, в который обратились джунгли в километровом радиусе, не мог заглушить этой свежести. «Мечтатель» всегда садился на полном пламени, словно ему доставляло удовольствие любоваться силой своих двигателей...

— Ну, что стоишь? — загремело над головой. — Иди разведай, что вокруг творится. Ох, и это мой капитан... Вот подам рапорт в управление, пусть подыщут мне другого. Расскажу, как ты спиши целыми днями, не следишь за приборами, не ведешь бортжурнал...

— Ты сам его отобрал!

— Это ты будешь рассказывать в самом дрянном марсианском кабаке. Тебя вышибут без обратного билета на Землю, потому что поверят мне. Ведь киберсистемы не лгут.

Стив прислонился к надраенному до блеска корпусу «Мечтателя». Все верно, вышибут из космофлота как пить дать...

— Эй, я забыл флягу, — дернулся он. — И бластер...
— Как ты меня назвал? «Эй»?
— Нет, я хотел сказать...
— Обойдешься без фляги. А бластер тебе и по-давно не положен.

Развернувшись, Стив быстро зашагал к лесу. Во-первых, звери наверняка разбежались, во-вторых... Во-вторых, бластера он не получит. Оглянувшись, он с ненавистью оглядел двухсотметровую титановую башню с выгнувшимися над люком светящимися буквами «Мечтатель». Великое пространство, а ведь раньше он, пожалуй, соответствовал своему названию. Какой это был прекрасный корабль, когда Стив, избавившись наконец от старой развалихи «Громовержца», занял на нем пост капитана. И как быстро все изменилось...

Из корпуса корабля с гудением вынырнула штанга грунтозaborника. С воем впилась в покрытую черным дымящимся пеплом землю. Стив внезапно рассмеялся:

— Великое пространство...
А ведь «Мечтатель» ревнует! До сих пор он ненавидит его предыдущий корабль. И его идиотский поиск полезных ископаемых на бесперспективной планете — еще одна попытка доказать свое превосходство...

— Чтоб ты здесь не нашел ничего, кроме железного колчедана, — пробормотал он страшное проклятие межзвездных разведчиков.

Джунгли действительно были пусты. Стив прошагал километров десять, постепенно вспоминая планету. Семь лет назад он садился в этом же районе. Где-то у подножия вон той высокой скалы, на берегу крошечного озерка. Сейчас он поднимется на холм и увидит то место...

Он сделал последний шаг и замер. На берегу, вцепившись в землю широкими опорами, замерла огромная стальная полусфера.

— «Громовержец», — прошептал он, силясь сгнать наваждение.

Это не было наваждением. В борту корабля, дрогнув, открылся люк, из него бесшумно поползла короткая лестница. С километрового расстояния «Громовержец» услышал и узнал его голос.

Входя в люк, Стив уже продумал линию поведения, единственно возможную в его ситуации.

— Я вижу, у тебя полный порядок, старина! — жизнерадостно начал он. — О, ты даже перекрасил шлюз!

— Вас не было две тысячи пятьсот двадцать один день, капитан, многое успело измениться. Приветствую вас на борту, капитан.

Да, изменилось многое. Даже голос кибермозга «Громовержца» стал гораздо приятнее, сильнее. А что касается обстановки в отсеках, то тут нечего было и говорить. Все блестело и сверкало, повсюду появились новые приборы. В углу рубки два киберремонтирующие пульт гиперпространственной связи, рядом с креслом пилота чернел шар гравитационного компенсатора перегрузок.

— Откуда это все, «Громовержец»?! — восхликал пораженный Стив.

— Собрал, пользуясь имевшейся информацией.

— Но на это нужна уйма энергии!

— На глубине восьми километров обнаружил и начал разрабатывать урановые залежи.

— И нужны приборы!

— Наладил их выпуск из подручных материалов.

— Ну, старина... Конечно, почти семь лет... — Стив озирался по сторонам. — А я, понимаешь ли... При-

шлось срочно лететь на Землю, все дела, дела... Но все время пробовал вернуться.

— Я видел, как вы садились.

Стив взглянул на холодно поблескивающие у потолка объективы видеомониторов, и приготовленный комплимент застрял у него в горле, наступило молчание. Секунда, другая...

— У меня теперь другой корабль, старина, — наконец выдавил Стив. — Я его капитан.

Молчание. И ничего не изменилось.

— Где прикажете подать обед, капитан? — спросил компьютер.

Стив давно уже не ел с таким аппетитом, может быть, потому, что «Мечтатель» считал еду исключительно функциональным, не требующим разнообразия занятием. И все время, пока вокруг него сутились автоматические стюарды, в голове Стива зреала какая-то мысль. Наконец с обедом было покончено, и Стив принял за осмотр корабля. Результаты пре-взошли все его ожидания. Со странной улыбкой на лице он вернулся в рубку, устроился в пилотском кресле.

— «Громовержец»! — начал он. — Помнишь наш первый полет?

— Я помню все.

— Какой я тогда был... Стройный, как Аполлон, воинственный, как Марс... Самоуверенный, как Юпитер. Вселенная была еще такой маленькой, а ты был самым лучшим кораблем в мире... Как мы летали! Помнишь? Земля—Антарес—Эн-Ка17 — транзит через берег Грюнвальда... Нам все было尼почем. Помнишь?

— Помню, капитан.

— А если... попробовать еще раз? Куда-нибудь на Ледовый Купол или Оранжевую Дельту. Докажем, что нас еще рано списывать в запас?

— Двигатели готовы к старту, капитан.

На пульте один за другим вспыхивали огоньки предстартового контроля.

— Подожди!

Стив внимательно осмотрел пульт. В корабле появилось много новых систем, но боевой пульт остался нетронутым.

— У тебя слабые системы ближнего боя, «Громовержец».

— Корабли моего класса не предназначены для боевых действий.

— Вижу... Рискнуть? Но кто знает, как поступит «Мечтатель», обнаружив взлетающий рядом корабль? Конечно, если он будет точно знать, что на борту находится человек, то его предохранители не дадут применить оружия. Но ведь «Мечтатель» не знает об этом наверняка.

Стив рассмеялся.

— Знает, «Громовержец», я вспомнил, как мы спорили в космошколе: каким может быть компьютерный разум. Все разделились на три группы: одни говорили, что добрым, другие — что злым, а трети — равнодушным.

— В какой группе были вы, капитан?

— В первой. — Он рассмеялся снова. — И никто из нас не предусмотрел четвертой возможности: компьютер- зануда, компьютер — мелкий пакостник, компьютер- склончик.

Возможно, у «Громовержца» была своя точка зрения на четвертую возможность, но он не стал спорить, лишь сказал:

— Вам следует почаше вспоминать о законах робототехники, капитан. Ни один компьютер не может причинить вреда человеку.

— Конечно...

Стив задумался. Потом неохотно вылез из кресла.

— Мне надо сходить за вещами. Подожди пару часов.

В шлюзовой камере он выбрал и зарядил нейтринный бластер.

Тщательно проверил оружие и вышел из корабля.

Вокруг «Мечтателя» копошился десяток стальных черепахообразных аппаратов. Одни бурили грунт, другие крутились на месте, растопырив чаши локаторов. Стив неторопливо прошел мимо них, поднялся по лестнице к люку. Тот оставался закрытым. Стив несколько раз надавил на кнопку, но никакого эффекта не последовало. Тогда он извлек из кармана бластер и одним выстрелом превратил титановый люк в горстку серой колючей пыли.

В глубине корабля звучали сирены. Стив спокойно перешагнул порог, направляясь к рубке. Навстречу выкатился ремонтный кибер, а с потолка грянул голос кибормозга:

— Ты что, вообразил, что тебе все дозволено? Где ты взял бластер?

Ремонтный кибер несся навстречу Стиву, размахивая двухметровыми манипуляторами. Выстрел — и он превратился в кучку поблескивающих деталей, среди которых бешено крутилось резиновое колесо.

Наступила мертвая тишина. Стив, насвистывая какую-то мелодию, расстрелял выглядывающую из-за угла телекамеру и пошел к лифту.

— А ну брось оружие, — не совсем уверенно сказал кибормозг. — А то взлечу с ускорением в сорок...

Получив свою порцию нейтринного луча, динамик замолчал. Стив неторопливо поднялся в рубку (лифт дважды дергался, но остановиться не посмел). Там, усевшись перед главным пультом, он насмешливо произнес:

— Так с каким ускорением ты собирался взлететь? Шалишь, дружок. Все, на что ты способен, — это мелкие гадости. Причинить мне серьезную неприятность тебе не даст первый закон...

— Я рапорт подам... — неожиданно тихо произнес кибермозг. — Жестокое обращение с электронным разумом...

— Подавай, — великодушно согласился Стив. — Вот после этого ты у меня получишь по-настоящему. А пока...

Он нагнулся к пульту и вдвое понизил напряжение в боках электронной памяти. Динамики пискнули.

— Головка болит? — участливо спросил Стив. — Потерпишь. А может быть, уйти и бросить тебя так... Поржавей здесь лет десять...

— Не надо! Не надо!

Из стенной ниши выкатился киберстюард, которого Стив не видел уже лет пять. На подносе переливался разными цветами высокий хрустальный бокал.

— Ваш любимый коктейль, капитан...

— Кажется, ты уяснил ситуацию, — негромко произнес Стив, взял бокал и подумал: «Господи, неужели все, чего мне не хватало, — это уверенности, что мне есть куда отступать...» — Собери-ка мои вещи, — приказал он.

— Вы уходите, капитан? — в панике воскликнул «Мечтатель».

Стив заколебался. Обвел глазами пульт, привычные стены рубки. А ведь когда-то корабль вел себя по-другому...

— Ты мне надоел, — честно признался он.

— Капитан! Простите!

Стив думал. Где-то там, в глубине леса, ждал его «Громовержец», ждал почти семь лет. Неужели он не потерпит еще месяц? А он хоть узнает, каково летать на «Мечтателе», когда он послужен... Всего месяц... ну может быть, два месяца...

— Я буду звать тебя «ЭЙ», — сказал он наконец. — Согласен, ЭЙ?

— Как вам будет угодно, капитан.

Стив рассмеялся:

— Готовься к старту. Стартуй, только с небольшим ускорением.

Двигатели радостно взывали, и «Мечтатель» стал подниматься.

Белая молния прочертила темнеющее небо, сжалась, превращаясь в ослепительную точку на небосклоне. С берега маленького лесного озера следил за стартом «Мечтателя» «Громовержец». Тихо гудели моторы, разворачивая телекамеры вслед исчезающему кораблю. Потом наступила тишина...

Все выше и выше над планетой, все дальше и дальше от «Громовержца»... Под ложечкой у Стива засосало. А если «Мечтатель» снова примется за старое? Теперь не сбежишь... И бластер... Где бластер? Он только что был здесь.

Бластера на пульте уже не было.

— Эй, поменьше перегрузки... — воскликнул Стив, не замечая, как снова дрожит его голос.

— Как ты меня назвал? — мгновенно отреагировал корабль. Из крана подачи кофе ударила в лицо Стиву струя горячей сладкой воды.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Девушка шла мне навстречу. Я даже не успел всмотреться в ее глаза, голубые, как лишенное озона небо Антарктиды, не успел разглядеть улыбки, способной укротить голодного тигра. Я понял — это Она. Та, которую я искал всю жизнь, все двадцать два года.

А девушка проходила мимо. Она шла, погруженная в свои мысли, и даже не смотрела в мою сторону. Еще мгновение — и мы навсегда разойдемся в огромном городе. И я начал действовать.

Был очень жаркий день, улица кипела прохожими. Это осложняло ситуацию, но я все же решился. Закрыл глаза, произнес формулу перехода. И мгновенно оказался в пятом измерении. Здесь было тихо, сыро и уютно. Пятимерные существа скользили сразу в двух направлениях, не обращая на меня никакого внимания. Я для них был чем-то вроде мелового рисунка на асфальте. Огляdevшись, я приступил к выполнению своего плана. Порвал парочку силовых линий, искал несколько полей. И вернулся в наш мир.

Жара осталась, и улица, заполненная прохожими, никуда не делась. Но девушка, с которой мы уже разминулись, снова шла мне навстречу — мои манипуляции в пятом измерении искривили пространство. Увы. И на этот раз она не посмотрела на меня.

Я опять вернулся в пятое измерение. Снова искривил пространство. И еще раз. И еще. Девушка, не замечая этого, теперь ходила вокруг меня по кругу. Но по-прежнему не смотрела в мою сторону.

Тогда я искривил пространство так, что мы неминуемо должны были столкнуться. Вернулся на улицу — и почувствовал холода в груди.

Высотный дом невдалеке не выдерживал искривлений пространства и теперь разваливался. Два или

три верхних этажа уже летели вниз. Но прежде чем обломки стен коснулись асфальта, я произнес заклятие временного перехода. И оказался в прошлом, в самом разгаре застойного времени. Улица была почти та же, но высотный дом только строился. На ходу обретая невидимость, я направился к стройке.

Понадобилось несколько минут, чтобы во всем разобраться: прораб Михайлов машинами воровал бетон.

Неудивительно, что через десять лет дом не выдержал заурядного искривления пространства...

Я отправился в соседнее СМУ. Там мне пришлось перевоплотиться в бригадира монтажников Петра Зубило и выступить с почином: «Высотным домам — высокую гарантию». Почкин поддержали в высоких кружах. ОБХСС проверил работу прораба Михайлова.

Прораб получил десять лет с конфискацией, а дом был построен из качественного цемента. Убедившись в этом, я вернулся обратно.

Теперь дом не рассыпался, а девушка шла мне навстречу.

Столкновение было неизбежным, и мы действительно столкнулись.

— Извините, — не поднимая глаз, сказала девушка. И прошла дальше...

Не думайте, что я пал духом. Как бы не так. Волевым усилием я сгреб над Атлантическим океаном несколько дождевых туч и развесил их над городом. Поплил дождь, смывая жару, бензиновую вонь.

Материализовав из воздуха красивый японский зонтик, я подошел к девушке:

— Вы вымокнете, разрешите, я вас провожу.

— Я люблю ходить под дождем.

На этот раз она взглянула на меня, но без всякого интереса.

И меня осенило: а вдруг ей просто не нравятся такие, как я — маленькие, толстые, рыжеволосые мужчины?

В школе магов (я забыл объяснить, что когда-то учился там) имелся специальный курс — глубокое проникновение в прошлое. Сейчас я решил испробовать это рискованное, но сильнодействующее средство. И новое заклятие отправило меня в конец девятнадцатого века.

В то время прапрадед встреченной мною незнакомки служил корнетом в кавалерийском полку. Я поступил в тот же полк, сдружился с корнетом и однажды, глубокой ночью, передвинул в его седьмой хромосоме адениновое основание со сто тридцать шестого витка спирали ДНК на двести четырнадцатый. Результатом этого должна была стать любовь праправнучки корнета к невысоким, полным и рыжеволосым мужчинам.

Сознаю, что это был очень даже неэтичный поступок, но иначе я не мог...

Вернувшись, я попал под проливной дождь. Искривление пространства тоже продолжалось, и девушка ходила вокруг меня. Но не одна.

Привставая на цыпочки, над ней нес зонт юноша — еще более невысокий, полный и рыжий, чем я сам.

Рядом с ним у меня не было никаких шансов.

Задрожавшим голосом я произнес формулу Исходной Ситуации. И все вернулось на круги своя. Пространство выпрямилось, тучи с гулом унеслись к Атлантике, девушка в полном одиночестве шла мне навстречу, высотный дом держался не на бетоне, а на честном слове прораба Михайлова.

У меня оставался последний шанс. И я рискнул. Когда мы с незнакомкой поравнялись, я небрежно произнес:

— Здравствуй!
Она удивленно подняла брови. Спросила:
— Разве мы знакомы?
— Нет, — бледнея, ответил я. — Но может быть, мы познакомимся?
Девушка рассмеялась. И сказала:
— Давайте. А то вы уже полчаса ходите вокруг меня кругами!

ЛЮДИ И НЕ-ЛЮДИ

Пропущенные мины были на совести сапера. Он шел впереди и не обратил внимания на присыпанные землей жестянки из-под кока-колы. Впрочем, трудно его винить — кто же знал, что шлепы научились делать настоящие мины...

А Чарли не пропустил. Я шел рядом с сержантом, всматриваясь в заросли по правую сторону тропинки, когда между нами с гулом пронеслась серая тень. Чарли раскинул руки и в немыслимой позе застыл над минами. Чудовищная карикатура на человека, одетого смеха ради в комбинезон десантника... Сержант взглянул на жестянки — и сразу все понял. Ленивой походкой подошел к саперу и съездил ему по морде. Тот даже не возмутился, стоял, размазывая по лицу красные слюни.

— Погляди на этого кретина, парень, — обращаясь ко мне, произнес сержант. — Хорошенько посмотри, в следующий рейд пойдем с другим. Скотина...

Он поправил автомат, обошел мины и зашагал по тропинке дальше первым. Сапер посмотрел на меня, словно ища сочувствия. Не нашел. Взлететь на воз-

дух в первом же рейде из-за того, что сапер никуда не годится...

Чарли нам всучили на базе, перед самым выходом в джунгли. Парни из центральной лаборатории уже с ума сходили — никто не хотел брать с собой стокилограммовую железяку, вдобавок стоящую семь миллионов. Чарли безмолвно стоял у стены, похожий на манекен из магазина одежды. Кто-то сунул ему в «рот» сигарету, другой остряк прицепил табличку: «Ищу работу». Смешно, правда? У нас на базе все ребята не промах... Так вот, стоял этот Чарли, и стоять бы ему еще до скончания века, если бы не наш сержант. Походил вокруг, спросил:

— Ну и что он умеет?

Сопровождающие оживились:

— Это универсальный защитный робот. Последняя модель...

— С автоматом обращаться умеет?

Те переглянулись:

— Конечно, нет. Вы же знаете первый закон робототехники: «Робот не может причинить вреда человеку...»

— Слыхал что-то.

Сержант толкнул Чарли в то место, которое у людей называется плечом. Робот даже не дрогнул. И сержант кивнул:

— Хорошо. Возьму я вашу машину. Проверим в деле.

...И Чарли не подвел. Трижды находил отравленные источники, помог навести переправу через горную речку. Ташил половину всего снаряжения. Только говорить не умел — а так десантник хоть куда. Теперь еще и мины...

Шлепы не строят больших селений. И в этом было всего три хижины. Мы пролежали в засаде до утра, не двигаясь, не отгоняя комаров, распухшие, злые и

голодные. Я с завистью поглядывал на Чарли. В этих местах быть железным совсем не плохо... Правда, есть риск заржаветь... В джунглях царила мертвая тишина, над хижинами дрожал влажный горячий воздух. Может, там и нет никого? Но сержант ждал. И вот в одной из хижин послышался шум. Циновка с двери откинулась, и показался шлеповский мальчишка. Огляделся и пошел к ручью, размахивая тыквенным кувшином. Я посмотрел на сержанта, но его на месте уже не было. Мы с сапером ждали. Наконец еле слышно хрустнула ветка, появился сержант с шлепом через плечо. Бросил его на землю, присел, спросил что-то по-шлеповски. Пацан тихонько забормотал в ответ. Шлеп-шлеп... Дики, одним словом. Что с них возьмешь, даже говорить толком не научились. Сержант, больше не таясь, встал, потянулся:

- Пошли, ребята. Партизан там нет.
- А если соврал? — не выдержал я.
- Они врать не умеют. Или молчат, или шлепают всю правду.

Но оружие с предохранителя он все-таки снял. Следом за ним мы пошли к хижинам.

Из первой развалихи сержант вытащил двух шлеповских девчонок. Довольно смазливых... Ладно, не до них сейчас. Во второй хижине никого не было. А в третьей целая орава — женщины, дети, дряхлый старик. Мы построили их в шеренгу, сапер сел перед шлепами с автоматом, а сержант все шарил по хижинам. Я достал разговорник, прочитал по-шлеповски: «Есть ли партизаны?» Они затараторили, я едва понял: «Нет». Перевернув страницу, я хотел было объяснить, что мы хотим есть и пить. Но тут сержант вынырнул из хижины. В руке он держал грязные листки бумаги с блеклым шрифтом.

— Обезьяны... Листовки Фронта прячете? Значит, и партизанам помогаете. Где бандиты? Где?

Он секунду всматривался в лица шлепов, затем схватил одну из женщин за руку, вытащил из ряда. Шлепы загадали. У женщины под платьем выступал огромный живот, и я вспомнил, как они относятся к детям. Целая религия. Наш сержант знает, чем шлепов прищучить...

— Где партизаны? — очень спокойным голосом спросил сержант.

Женщина молчала.

— Так... — Он отступил на шаг и вдруг изо всех сил ударили женщину по лицу. Та беззвучно осела на землю. Шлепы завизжали.

Сапер побледнел, запинаясь, попросил:

— Пойдем отсюда, сержант. Ничего они не знают.

— Знают... — Сержант отвел ногу, словно собираясь пнуть женщину. Она скорчилась, закрыла рука-ми живот. Сержант рассмеялся. — А не знают, так им хуже...

— Оставь, а то еще родит.

— Пускай. Знаешь, как смешно шлепы рожают? Молча, ни звука. Дикари... Где партизаны?

Женщина на земле даже не двигалась. Сержант выругался и снял автомат с плеча:

— Хорошо...

Мне стало не по себе, и я отвернулся. И тут же загрохотал автомат. Но странно загрохотал, словно пули бились о железную стену. Я обернулся.

Чарли стоял между сержантом и шлепкой, пули дырявили его комбинезон и рикошетировали в сто-рону. Сержант опустил автомат, обалдело повертел головой:

— Ах ты, болван железный... Они же не люди! Отойди!

Чарли не двигался. Стальная маска, заменяющая ему лицо, была, как всегда, бесстрастна. Сержант беспомощно огляделся:

— Вот дубина... Ладно.

Он неторопливо прицелился в остальных шлепов. Дети подняли крик.

— Всех не закроешь. Болван железный...

«Робот не может причинить вреда человеку или допустить такой вред своим бездействием». Если бы мы знали, что Чарли намерен применить к шлепам обе половины Первого закона. Если бы знали, что он снабжен лазерной пушкой...

Что-то щелкнуло, что-то вспыхнуло. Сержант повалился на траву, а автомат впервые выпал из его рук. Он хрюпал, на губах у него пузырилась пена, а мы с сапером стояли как вкопанные. Чужое голубоватое солнце жарило в небе, и шлепы разбегались в разные стороны.

Обратно мы бы без Чарли не дошли. Он запомнил маршрут и теперь вел нас на базу. Находил источники, наводил переправы...

На базе техники разобрали его до последнего винтика. А потом клялись, что лазерный излучатель предназначен для уничтожения хищных зверей, что робот в полном порядке и не может, ну просто никак не может убить человека...

КАТЕГОРИЯ «ЗЕТ»

Они шли к нам по мокрым от дождя плитам космодрома. Двое впереди, в медленно плывущем луче прожектора, трое чуть в стороне. Я стоял в проеме люка, и резкий порыв ветра хлестнул дождовыми струями. Ощущение было таким, словно меня ока-

тили ведром холодной воды. Мерзкая планета... Передние двое стали подниматься по решетчатым ступеням трапа. Не заходя в корабль, высокий офицер в глянцево-черном комбинезоне с алоей нашивкой на рукаве долго изучал мое лицо. Потом вытянулся и отчеканил:

— Из рук в руки, исполняя долг.

Я кивнул и тоже встал смироно:

— Из рук в руки. Долг исполню.

Офицер протянул мне маленький чемоданчик:

— Его вещи.

— А документы?

— Зачем? Категория «зет».

Он склонился над своим спутником. Ловким движением снял наручники, сковывающие их вместе. С некоторым удивлением я увидел, что это мальчишка. Лет двенадцати-тринадцати, не старше. Офицер поправил мальчишке капюшон, закрывающий лицо, сказал, чуть помедлив:

— Счастливого пути, малыш! Не скучай!

Крутнулся на каблуках и быстро сбежал вниз, даже не взглянув на меня. Я пожал плечами и повернулся к мальчишке. На меня смотрели веселые темные глаза.

— Теперь вы будете со мной?

Черт возьми, конвоир я или охранник? Я посмотрел на молчаливые фигуры, мокнущие под дождем. Конвоир.

— Нет. Это ты будешь со мной.

Люк заварил боевой робот. Теперь служебные помещения корабля, где остались капитан и навигатор, отделены от жилого яруса. Робот замер возле заваренного люка — две тонны металла и тупой спрессованной энергии. Что бы ни случилось со мной, Дениэль Линк не покинет корабль.

Я в последний раз включил видеотелефон, посмотрел в жесткое морщинистое лицо капитана. Он кивнул мне:

— Будь осторожен. Категория «зет» — это не шутка. Мы постараемся ускорить перелет. Недели две, не больше.

Я видел — ему мучительно хочется подбодрить меня. Но он давно разучился это делать. И я улыбнулся, разрывая паузу:

— До встречи на Земле.

— До встречи.

Экран погас. Я отошел на несколько шагов, достал предписанный инструкцией лайтинг. Белая вспышка — и компьютерный терминал с видеофоном превращаются в груду оплавленного металла. Из угла с растянутым гудением вылезла полусфера киберуборщика. Все. До самой Земли я перестаю быть членом экипажа «Антареса». Дэниэль Линк, категория «зет» станут моей судьбой.

...Жилой ярус невелик. Три каюты, столовая, комната отдыха, маленькая оранжерея, пузырем выступающая над броней корабля. Я прошел по коридорам, собирая те немногие инструменты, что здесь нашлись. Отвертки, тестеры, щупы, ультразвуковой резак — все острое и тяжелое... Я сбросил эту груду металла в жадно раскрытый люк утилизатора. Подумал и отправил туда же лазерный дальномер. Его луч не смертелен, но может ослепить.

По короткому и узкому коридору я пошел к своей каюте. Постоял секунду, потом открыл дверь.

Дэниэль сидел на кровати. Он уже успел переодеться — на нем был синий спортивный костюм, а мокрая куртка висела в шкафу. На столе лежали тонкие книжки в разноцветных обложках. Я взял одну — это оказались комиксы. Почувствовав тепло руки, жидкокристаллический рисунок ожила. Обвешанный оружием космодесантник мужественно усмехнулся, вскинул деструктор — армейскую модель, совершен-

но неподъемную. Ствол деструктора слегка выступил над обложкой. Эффектно... Мальчишка молча смотрел на меня. Я откинул вторую койку:

— Будешь спать здесь.

— Хорошо.

— Без моего разрешения ты не должен выходить из каюты. Желтая дверь — туалет, голубая — душ.

— Я знаю. А мы долго будем лететь?

— Пока не прилетим.

Я взглянул на часы:

— Старт через полчаса, необходимо лечь и пристегнуться...

— Я знаю.

— Еще через полчаса — обед. Столовая направо, в конце коридора.

Дэниэль только кивнул в ответ. Похоже, он немного испугался моего тона — его лицо побледнело. На секунду мне стало жаль этого мальчишку, не понимающего, в чем его вина. Дэниэль смотрел на меня со слабой надеждой — похоже, он ждал, что я улыбнусь или скажу ему что-нибудь ласковое. Я заставил себя отвернуться и вышел из каюты. Категория «зет». Дэниэль Линк представляет потенциальную угрозу для человечества.

Мы летели вдали от пассажирских трасс. Война с Лотаном в полном разгаре, и вражеские патрули охотились за такими беззащитными скорлупками, как наш «Антарес». Лишь безвыходная ситуация могла заставить офицеров Службы безопасности Десантного Корпуса использовать нашу посудину для пересылки арестованного. Дни тянулись за днями, неотличимые друг от друга. Утром, когда Дэниэль еще спал, я выходил в оранжерею и пытался определить наши координаты по рисунку созвездий. Отсюда, из двадцатиметрового стеклянного купола, заросшего цветами

и самой прозаической картошкой, был прекрасный обзор. Потом мы завтракали, убирали посуду (само собой вышло так, что мы начали делать это по очереди). До обеда я сидел в комнате отдыха и листал старые номера «Космического вестника». Впрочем, после обеда я делал то же самое... А Дэниэль сидел в каюте. Он вообще старался не попадаться мне на глаза. Наводил порядок (а на «Антарес», где два-три раза в сутки отключалась гравитация, это непросто). Умело пользовался душем, как опытный астронавт, дежурил на кухне. Скоро я понял, что он привык к жизни на кораблях. Привык настолько, что я даже боялся предположить, сколько уже длится его путь к Земле. Да и не нужно мне этого знать. Случай занес Дэниэля Линка в категорию «зет», случай привел на наш корабль, случай сделал меня конвоиром. На Земле я передам его красношевронникам и постараюсь забыть.

В тот день я опоздал на обед. Я плохо спал ночью, часто просыпался, вслушивался в дыхание Дэниэля. Мне казалось, что он лишь притворяется спящим... Ну не может же человек из категории «зет» вести себя как все! Нормальность Дэниэля была подозрительной... Но ничего в ту ночь не произошло. Зато я не выспался и ухитрился по-стариковски задремать в кресле.

Дэниэль уже два раза опаздывал к обеду. И оба раза оставался голодным — выждав положенные двадцать минут, я вываливал его порцию в утилизатор. Теперь у него была возможность расквитаться...

Я вошел в столовую и сразу увидел Дэниэля. Он читал, сидя у стола. Молча поднялся и стал доставать из термошкафа тарелки. Стараясь не смотреть ему в глаза, я сел на свое место.

— Вы будете сок?

— Да, спасибо.

Я крутил в руках ложку, которой предстояло есть бифштекс. Вилки я выбросил в первый день полета, о чем сейчас ужасно жалел. Дэниэль поставил передо мной высокий стакан с густо-оранжевым апельсиновым соком...

В следующую секунду корабль тряхнуло, мальчишку бросило в угол. Совершенно автоматически я ухватился за настенные фиксаторы. Пол медленно вздыхался, превращаясь в стену, и снова встал на место. Грибной суп, бифштекс и апельсиновый сок смешались на моей рубашке в невиданную кулинарами кашу. Я попытался отряхнуться, потом посмотрел на Дэниэля. Он сидел в углу, держа на весу правую ладонь. Рука у него была в крови.

— Дэнни! — В полной растерянности я наклонился над ним. — Что случилось?

— Бокал разбился... — Он беззвучно плакал. — Этот чертов бокал разбился. Я так и думал, когда падал, что порежусь...

— Но это невозможно... На корабле нет бьющейся посуды!

Он лишь всхлипнул, и я пришел в себя. Промыл ему руку, осмотрел порезы — они оказались неглубокими, перебинтовал. Дэниэль как-то весь обмяк, у него разболелась голова. Я помог ему дойти до каюты, затем вернулся в столовую. На полу действительно лежали остатки бокала. Что за чушь? Я взял один из осколков, подсунул под ножку стола, надавил... С таким же успехом можно ломать кусок резины. Этот сорт стекла просто гнется от удара.

Я постоял, глядя на суетящегося киберуборщика. Потом открыл холодильник. Надо накормить Дэнни, да и мне хотелось есть...

К вечеру Дэниэль стал таким, как обычно. Хотя нет. Он стал таким, как в первый день на «Антаресе». Робко улыбнулся мне и попросил сыграть с ним в шахматы. Почему-то я не захотел отказываться. Наверное, мне стало его жалко.

Играл он плохо. Похоже, основными его партнёрами были киберпрограммы, а это всегда накладывает отпечаток на манеру игры. Я легко выиграл первую партию, а вторую, презирая себя за слонтийство, откровенно отдал. Но Дэниэль этого не понял. Собирая фигуры, он прямо-таки светился от радости. Глядя на него, и я начал улыбаться. И что в нем нашли люди Службы? Обычный пацан, ничего примечательного... Зря я так жестко за него взялся...

Дэниэль убрал шахматы и нерешительно посмотрел на меня. Ему явно хотелось что-то спросить.

— О чём задумался, Дэнни? — не выдержал я.

— Этот толчок... Отчего он случился?

Я пожал плечами:

— Здесь полно метеоритов. Корабль совершил маневр, вот и все.

— А это опасно?

— Ну, если даст по реактору... В лучшем случае потеряем ход, в худшем...

— И это может случиться?

— В любой момент, — со вздохом сказал я. Разумеется, здорово преувеличивая. Защитные поля в состоянии отклонить большую часть метеоритов. Но Дэниэль принял мои слова всерьез. Он о чём-то задумался. А я не удержался и спросил:

— Дэниэль, почему тебя отправили на Землю?

Он скрочил смешную гримасу:

— Я не знаю.

Наверное, это было правдой. Я не успел подумать. Мигнув, погасло освещение, и одновременно

на корабль обрушился удар, в сравнении с которым дневной толчок был абсолютно безобидным. Меня подбросило, и что-то огромное и плоское ударило по спине. Я еще успел сообразить, что это потолок, и потерял сознание...

Лампы светили вполнакала — явно от аварийного генератора. Но даже в таком свете лицо Дэниэля было белым как снег. Не представляю, как он сумел подтащить меня к кондиционеру — хотя гравитация и упала наполовину, его шатало при каждом шаге. Как бы там ни было, струя холодного воздуха привела меня в чувство. Я попытался подмигнуть Дэнни и довольно легко поднялся.

— Воздух есть, гравитация, свет тоже... Значит, ничего страшного. Не реви!

Он действительно расплакался.

— Я боялся, что вы умерли...

— Не совсем.

Я толкнул дверь. В коридоре тоже горел аварийный свет. Что ж, видеофон и терминал я уничтожил, как и полагается по инструкции «зет». Но остался еще робот...

Он по-прежнему заслонял собой закрытый люк. Абсолютно невредимый, как и положено такой машине.

— Стоять!

Без интонаций, без эмоций. Я понимал, что повиноваться мне он не будет. Боевой робот выполняет свою программу, его не переспоришь. Но все-таки...

— Связь с рубкой! Обеспечь связь!

Казалось, выставивший манипуляторы черный шар задумался.

— Невозможно. Связи нет.

— Почему?

— В связи с отсутствием рубки.

— Она разрушена?

— Нет, рубка катапультирована.

Таким же тоном робот мог сообщить температуру воздуха. Нет у роботов эмоций. Но я-то не робот... Моя рука медленно легла на рукоять лайтинга. Довольно оригинальный вид самоубийства — поднять оружие на боевого робота. Но тут я увидел Дэнни. Через секунду я вспомнил и про свой долг. Но остановили меня его глаза...

Пока мы шли к оранжерее, я еще на что-то надеялся. Чисто по привычке. Мне слишком хорошо известно, в каких случаях катапультируют рубку.

Стеклянный купол был залит тусклым багровым светом, пробивающимся откуда-то снаружи. Внутреннее освещение оранжереи не работало, и казалось, мы стоим в самом обыкновенном лесу и смотрим на заходящее солнце. Только это было не солнце...

Двигательный блок «Антареса», ребристый двадцатиметровый цилиндр с растопыренными стабилизаторами, раскалился уже докрасна.

Я вернулся к Дэниэлю и сел рядом. В куполе было прохладно, журчал дистиллированной водичкой родничок. Дрожащие на листве деревьев красные отсветы казались совсем не страшными. Я не испытывал даже обиды на капитана и навигатора. Если они покинули корабль, значит, шансов заглушить реактор уже не было. Судьба...

— Что это за свет? — вдруг спросил Дэниэль.

— Реактор, — не подумав, ответил я.

Дэнни вскинул голову, лицо его напряглось.

— Мы взорвемся?

Я взял его за руку, уверенно заявил:

— Нет, что ты. Мы не взорвемся. Просто полет затягивается.

Не люблю врать. Но сейчас мне придется пройти лжецом всего две-три минуты. Дэнни, кажется,

поверил, расслабился. Его тонкие пальцы доверчиво замерли в моих ладонях. Я закрыл глаза... Лопнет, будто бумажный, титановый кожух, и сжатая полем плазма вырвется наружу. Сейчас... Мною вдруг овладела безумная жажда жизни. Где угодно, как угодно, но жить! Я почувствовал, как люблю этот мир, Землю, звезду Антарес, где родился, корабль «Антарес», на котором летал, девчонку с двенадцатой базы, обещавшую подумать до моего возвращения, офицеров Службы, лотанских солдат, Дэниэля Линка, категорию «зет»...

— Не хочу! Не надо!

Дэнни шарахнулся от моего крика и растянулся на клумбе с цветами. Я открыл глаза, закрыл, открыл снова. В куполе было темно. Реактор заглох.

Корабль, вернее, его остатки продолжали лететь. Куда? Звезды медленно проплывали в овале иллюминатора, сменяли друг друга созвездия — «Антарес» беспорядочно вращался.

Потерял ориентацию не только корабль. Потерял ее и я. Я делал то, что запрещено инструкцией «зет». Я думал.

Чем мог угрожать Земле Дэниэль Линк? Запретной информацией, которую он случайно узнал? Нет. В таких случаях все кончается на месте. Он мог шпионить в пользу Лотана... Чушь. В таких случаях тоже не церемонятся.

Я думал о Дэниэле, словно это было самым важным в нашей ситуации. Вот уже девять дней, как «Антарес», лишенный хода и управления, дрейфовал в космосе. И каждый день уменьшал наши шансы.

Свет в каюте был выключен. Лишь над кроватью Дэниэля горела лампа — он, как обычно, читал какую-то книгу. Пользуясь тем, что вокруг меня лежа-

ла полутьма, я внимательно разглядывал Дэниэля. Чем он мог угрожать Земле?

Двенадцать лет. Жил на одной из дальних аграрных планет. Слабенького здоровья — после катастрофы несколько дней провалялся в постели. Что в нем могло привлечь внимание Службы? Что-нибудь абсолютно фантастическое. Например, способность предсказывать будущее...

С минуту я обдумывал эту идею. Почему-то вспомнилась фраза Дэниэля: «Я так и думал, что порежусь». Но, с другой стороны, он давно должен был обнаружить свои способности. А Дэниэль ничем себя не выдает, словно бы и не знает о них... Я вдруг ощутил какую-то, еще неясную, зацепку. В каких случаях человек может не замечать своих собственных возможностей?

В случае, если проявления этих возможностей для человека вполне обыденны, реальны. Так, например, как для Дэниэля, подогретого моей болтовней, было реально попадание метеорита в реактор.

Я почувствовал, как на лице у меня выступает холодный пот. Дэниэль Линк, категория «зет»... Вот в чем твоя вина и твоя опасность. Весь наш мир, надежный и неизменный мир, бессилен перед тобой. Тебе достаточно лишь поверить, и небьющееся стекло разобьется, защитное поле не сможет отклонить метеорит, а пошедший вразнос реактор остановится... А где предел твоей веры? Гаснущие звезды? Рассыпающиеся в пыль планеты?

Я потянулся к поясу. Но так и не взял лайтинг. Глупо, ведь сейчас мне ничего не угрожает. Да и оружие врага сильнее. Дэниэль владел тем, против чего пистолет бессилен. Он владел чудом. Но лишь чудо могло нас спасти...

— Дэнни!

Он вздрогнул — так ласково позвал я его.

— Завтра утром к нам прилетит спасательный корабль.

— Правда?

— Конечно. Робот наладил с ним связь.

— Здорово! — Дэниэль и вправду обрадовался.

— Завтра в двенадцать часов.

Я сказал это самым небрежным тоном. Дэниэль кивнул. Потер лоб и вдруг отложил книгу. С минуту сидел, глядя перед собой, потом растянулся на кровати.

— Дэнни... ты что?

— Я так... сейчас пройдет. У меня бывало и раньше.

Его лицо побледнело. Знакомая картина. Похоже, что чудеса даются ему не даром и погасить звезду он может разве что ценой своей жизни...

Спасатели пришли ровно в двенадцать. Стоя в переходном тамбуре, я видел, как проступает на стене огненно-алый круг — автоматы вырезали отверстие для выхода. Я посмотрел на Дэниэля. Он улыбался. Я отвел глаза. Мне не хотелось думать о том, что ждет его на Земле. Об исследовательских лабораториях Службы ходили страшные легенды. Но, в конце концов, я просто выполняю долг.

С чавкающим звуком из стены вывалился круглый кусок. И почти мгновенно в отверстие вошли двое в черных скафандрах.

— Лейтенант Харвей? Дэниэль Линк? Следуйте за нами.

В длинной трубе переходника была небольшая гравитация. Мягкие гофрированные стены раскачивались от шагов, но идти было удобно. Один из офицеров остановился, кивнул мне:

— Сюда.

Сбоку открылся люк. Второй офицер Службы, держа Дэниэля за руку, продолжал идти. Дэниэль обернулся:

— До свидания!

В груди защемило. Я кивнул.

— Ты мне очень понравился, лейтенант! Ты добрый!

Я шагнул в люк, сомкнувшийся за спиной. И замер. Цветные пятна поплыли в глазах, закружилась голова. Словно я падал с высоты, не ощущая своего тела... Через секунду это прошло.

— Скажите, лейтенант, вы поняли, каковы... э-э... особенности Дэниэля?

Офицер смотрел на меня не отрываясь. В его глазах плавало отражение черного мундира Службы. Откуда оно? Впрочем, это мой мундир. Ведь я надел форму Службы, согласившись стать тюремщиком.

— Если бы я не понял, вы никогда не стали бы искать нас в этом районе.

— Да, решение было неожиданным. Мы считали, что корабль погиб.

Он рассматривал меня с интересом. Почти профессиональным...

— Мне бы очень хотелось знать, — растягивая губы в улыбке, сказал я, — что будет с Дэниэлем?

— Его постараются убедить, что Лотанская федерация погибла, — неожиданно охотно ответил он.

— Но Дэнни не сможет этого сделать! Он слабеет после каждого чуда!

Офицер посмотрел на меня с любопытством:

— Даже так? Дэнни? — Он сокрушенно покачал головой и отчеканил: — Дэнни сможет. Его как раз хватит на звездную систему.

Так говорят о чем-то неодушевленном. О запасе топлива и патронов в обойме. А офицер снова заговорил:

— Недаром мальчик так трогательно с вами прощался...

— Недаром, — оборвал я его. — А вы никогда не задумывались, что все мы понимаем доброту по-разному?

Рука офицера метнулась к бедру. Слишком поздно. Заряд лайтинга отбросил его в угол.

Я прыгнул назад. Люк не поддавался. Приставив ствол к пластине электронного замка, я выстрелил еще раз, навалился плечом. Спасательный корабль невелик, людей Службы здесь немного. Дэнни не могли увести далеко, я догоню их и...

Его никуда не увели. Он лежал сразу за люком, на мягком коридорном полу, и, увидев его лицо, я все понял. Растряянный офицер суетился вокруг, даже не обратив на меня внимания. А я стоял, опустив оружие, и в мозгу билось: «Как раз хватит на звездную систему» и «Ты добрый!» Никогда не думал, что это действительно соизмеримо.

Временная суэта

Если честно — то все мы начинали именно с этого. Продолжали, дописывали (в уме или на бумаге) свои любимые книги, воскрешали погибших героев и окончательно разбирались со злом. Порой спорили с авторами — очень-очень тихо.

А как же иначе — литература не фриланс, на чужом поле не поиграешь.

Где-то в глубинах письменных столов, в компьютерных архивах, просто в уголке сознания у каждого писателя, наверное, сняты вещи, которые не будут изданы. Поэтому что писались они для себя как дань уважения авторам, любимым с детства. Тем в этом большой бедя для читателей — подражание не может стать лучше оригинала. И всем нам хочется быть не «последователями Стругацких» или «русскими Гаррисонами и Хайнлайнами», а самими собой.

Но как здорово, что дана была эта возможность — пройтись по НИИЧАВО, увидеть Золотой Шар, побывать в Арканаре! Андрей Чертиков, придумавший и осуществивший эту идею, Борис Стругацкий, разрешивший воплотить ее в жизнь, подарили нам удивительное право — говорить за чужих героев. Хотя какие они чужие — Быков, Румата, Привалов... Они давним-давно

с нами, без них мы были бы совсем дружили. И всегда хотелось встретиться с ними еще раз.

Я выбрал продолжение «Понедельника» даже не потому, что он наиболее любим, есть и другие книги братьев Стругацких, которые дороги мне ничуть не менее. Просто для меня это была наиболее сложная тема. Писать «продолжение» книги, наполненной духом шестидесятих годов, светом и смехом давно ушедших надежд. Рискнуть. Но это — уже совсем другая история.

ВРЕМЕННАЯ СУЕТА

И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями...

Н. В. Гоголь

История первая
«Колесо Фортуны»

Глава 1

...судя по всему, мое житье-бытье час от часа становилось все нестерпимее...

*Г. Я. К. Гриммельсгаузен,
«Симплициссимус»*

Было раннее утро конца ноября. Телефон зазвонил в тот самый момент, когда «Алдан» в очередной раз завис. В последнее время, после одушевления, работать с машиной стало совсем трудно. Я со вздохом щелкнул «волшебным рубильником» — выключателем питания — и подошел к телефону.

«Алдан» за моей спиной недовольно загудел и выплюнул из считывающего устройства стопку перфокарт.

— Не хулигань, на всю ночь обесточу, — пригрозил я. И, прежде чем взять трубку, опасливо покосился на эбонитовую трубку телефона, где тянулся длинный ряд белых пластиковых кнопок. Слава Богу, вторая справа была нажата, и это означало, что мой новенький телефон принимает звонки только от начальства — от А-Януса и У-Януса до Саваофа Баловича.

Впрочем, зачем гадать?

— Привалов слушает, — поднимая трубку, сказал я. Очень хорошим голосом, серьезным, уверенным и в то же время усталым. Сотрудника, отвечающего таким голосом, никак нельзя послать на подшефную овощную базу или потребовать сдачи квартального отчета об экономии электроэнергии, перфокарт и писчей бумаги...

— Что ты бормочешь, Сашка! — заорали мне в ухо так сильно, что на мгновение я оглох. — ...рнеев говорит. Слышишь?

— А... ага... — выдавил я, отставляя трубку на расстояние вытянутой руки. — Ты где? У Ж-жиана?

— В машинном зале! — еще сильнее гаркнул из трубки грубиян Корнеев. — Уши мой!

На мгновение мне показалось, что из трубы показались Витькины губы.

— Дуй ко мне! — продолжил разговор Корнеев.

В трубке часто забикало. Я с грустью посмотрел на «Алдан» — машина перезагрузилась и сейчас тестируала системы. Работать хотелось неимоверно. Что это Корнеев делает в машинном? И как сумел дозвониться? Я скосил глаза на телефон, потом, по наитию, на провод.

Телефон был выключен из розетки. Сам ведь его выключил утром, чтобы не мешали писать программу.

— Ну Корнеев, ну зараза... — с возмущением сказал я. — Дуй в машинный...

Я с мстительным удовольствием подул в микрофон.

— Привалов! Как человека прошу! — ответила мне трубка.

— Иду-иду, — печально сказал я и отошел к «Алдану». К Витькиным выходкам я привык давно, но почему он так упрямо считает свою работу важной, а мою — ерундой?

На мониторе «Алдана» тем временем мелькали зеленые строчки:

«Триггеры... норма.

Реле... норма.

Лампы электронные... норма.

Микросхема... норма.

Бессмертная душа... порядок!

Проверка печатающего устройства...»

Печатающим устройством «Алдану» служила электрическая пишущая машинка, с виду обычная, но снабженная виртуальным набором литер. Благодаря этой маленькой модернизации она могла печатать на семидесяти девяти языках шестнадцатью цветами, а также рисовать графики и бланки требований на красящую ленту. Сейчас машинка таращила, отбивая на бумаге буквы — от «А» до непроизносимых согласных языка мыонг. В конце она выдала «Сашка, будь челове...», после чего замерла с приподнятой литерой «К».

«Алдан» снова завис.

Обесточив машину, я вышел из лаборатории. Ну Корнеев! Даже в «Алдан» залез! «Будь чело...» Я остановился как громом пораженный. Если уж грубиян Корнеев *просит* помочь — значит дело серьезное! Мысленно приказав кнопке вызова лифта нажаться, я бросился по коридору...

Молоденького домового, уныло оттирающего паркет зубной щеткой, я не заметил до самого момента спотыкания. Отдраенный паркет метнулся мне на-

встречу, я отчаянно попытался левитировать, но в спешке перепутал направление полета. Когда я наконец-то пришел в себя, на лбу имелся прообраз будущей шишки, а заклинание левитации упрямо прижимало меня к полу, пытаясь доставить к центру Земли. Ошибись я с заклинанием на улице, так бы скорее всего и получилось. Но в институте, на мое счастье, и полы, и стены, и потолки были заговорены опытными магами и моим дилетантским попыткам не поддавались. Я перекрестился, что отменяло действие заклинания, сел на корточки и потер лоб.

Домовой, забившийся поначалу в угол, осмелел и подошел поближе. Длинные, не по росту, хлопчатобумажные штаны унылого буро-зеленого цвета волочились за ним по полу. Широкий ремень из кожзаменителя съехал вниз. Латунные пуговицы были нечищены, одна болталаась на ниточке.

— Жив? — шмыгая носом и утираясь рукавом, спросил домового.

— Жив, — машинально ответил я, не обращая внимания на панибратский тон домового. А тот добродушно улыбнулся и добавил:

— Дубль...

— Какой дубль? — уже опомнившись, спросил я. Происходящее становилось интересным. Домовые слышали существами робкими, забитыми, в разговоры вступали неохотно. Только самые старые и смелые из них, вроде тех, что прислуживали Кристобалю Хозевичу, были способны иногда на осмысленную, но крайне уклончивую беседу.

Домовой внимательно осмотрел меня и сказал:

— Удачный. Очень удачный дубль. Привалов-то наш научился все-таки...

Я ошалел. Домовой принял меня за моего собственного дубля! Позор! Неужели я становлюсь похожим на дублеподобных сотрудников?

— Ты так по коридорам не носись, — поучал меня тем временем домовой. — Привалов... он того, неопытный. Сквозь стены видит плохо, можно при нем побежать, чтобы он убедился — стараешься, и обратно когда идешь — ходу ускорить... Тихо!

Мимо нас прошел бакалавр черной магии Магнус Федорович Редькин. Был он в потертых на коленках джинсах-невидимках, в настоящий момент включенных на половинную мощность. Магнус Федорович от этого выглядел туманным и полупрозрачным, как человек-невидимка, попавший под дождь. На нас с домовым он даже не посмотрел. Тоже принял меня за дубля? Почему? И лишь когда Редькин скрылся в дверях лифта — мной, между прочим, вызванного, я понял. Ни один сотрудник института не споткнется о зазевавшегося домового. На это способен лишь дубль... В душе у меня слегка просветлело. Для полной гарантии я поковырял пальцем в ухе, но следов шерсти не обнаружил. Надо было вставать и бежать к Корнееву.

— Все путем, — неожиданно сказал домовой. — Он не заметил, что мы разговаривали. Ладно, ты беги, а то и Привалов забеспокоится. Если что, заходи в пятую казарму, спроси Кешу. Знаешь, где казармы? За кабинетом Камноедова. Бывай...

Домовой сунул мне теплую волосатую ладонь и исчез в щели между паркетинами. А я, глядя под ноги, побрел к лифту.

На этот раз на кнопку пришлось давить минут пять, прежде чем лифт соизволил остановиться. Я юркнул в двери и с облегчением отправил лифт вниз.

Третий этаж лифт проскочил без заминки. А между вторым и первым застрял. И зачем я поехал на нем, есть же нормальная черная лестница... Со вздохом огляделвшись — если кто-то рядом и был, то очень

хорошо замаскированный, я нарушил второе правило пользования лифтом и вышел сквозь стену.

На первом этаже было хорошо. Пронзительно пахло зелеными яблоками и хвойными лесами, что почему-то вызывало в памяти популярные болгарские шампуни. Мимо пробежала хорошенъкая девушка, мимоходом улыбнувшаяся мне. Она улыбалась всем, даже кадаврам. Это было ее специальностью — она, как и все хорошенъкие девушки института, работала в отделе Линейного Счастья.

Здороваясь по пути со славными ребятами из подотдела конденсации веселого беззлобного смеха, я пробирался к машинному залу. Путь был нелегким. Начать с того, что отдел Линейного Счастья занимал абсолютно весь первый этаж. Места для машинного зала на нем попросту не оставалось. Но если вначале спуститься в подвал, а потом уже подняться на первый этаж, то можно было попасть в машинный зал, обеспечивающий весь институт энергией. Как это получалось — было тайной, такой же непостижимой для меня, как огромные размеры НИИЧАВО, маленького и неприметного снаружи.

Сегодня мне почему-то не везло. Я трижды споткнулся, но, наученный горьким опытом, не упал. Выдержал долгую беседу с Эдиком Амперяном, которому позарез хотелось поделиться с кем-нибудь своей удачей — он добился, с помощью Говоруна, потрясающих результатов в деле сублимации универсального гореутолителя. Какую роль сыграл Клоп Говорун в этом процессе, я так и не понял — уж очень специфические термины использовал Эдик. Но от его удачи мне стало полегче, словно я и сам надышался парами гореутолителя. Пообещав Амперяну провести для него расчет эффективности вне очереди, я сбросил его на проходящего мимо дубля Ойры-Ойры со

строгим приказом: отвести Эдика домой и уложить в постель, после чего, уже без приключений, добрался до машинного зала.

У дверей стоял Корнеев. Вид у него был невозмутимый.

— Витька, что случилось? — с облегчением поинтересовался я. — Зачем такая спешка?

— Привалов, пройди, пожалуйста, внутрь, — бесцветно сказал Витька. И я понял, что никакой это не Корнеев, это его дубль, запрограммированный лишь на одно — пропустить внутрь меня и препятствовать дорогу всем остальным. Мне стало страшно. Я отпихнулся дубля, неуклюже взмахнувшего руками, распахнул тяжелую дверь и влетел в машинный зал.

Витька сидел на Колесе Фортуны, том самом, чье вращение давало институту электроэнергию. При моем появлении он взглянул на часы и сообщил:

— Когда решу помирать, тебя за смертью пошлю. Девять минут шел, м-магистр.

К Витькиным издевательствам я привык. Проигнорировав «м-магистра» — Корнеев прекрасно знал, что я до сих пор хожу в «учениках чародея», я осмотрелся.

Машинный зал производил странное впечатление. Вначале, из-за темноты, я заметил лишь Витьку, который светился бледным зеленым светом — с опытными чародеями такое случалось при сильном магическом переутомлении, теперь же передо мной открылась вся картина.

Между огромными трансформаторами застыли странные темно-серые статуи, изображающие бесов. Через мгновение я сообразил, что это и есть бесы — из обслуживающего персонала. Кто-то, и я был на сто один процент уверен, что это Витька, наложил на них заклятие окаменелости. А вдоль Колеса Форту-

ны, походившего на блестящую ленту, выходящую из одной стены и входящую в другую, застыли Витькины дубли — неподвижные и почти неразличимые. Была в дублях одна странность — каждый последующий был немного ниже предыдущего. Те, которых я еще мог разглядеть, выглядели просто пятнышками на цементном полу, но у меня появилось страшное подозрение, что они вовсе не являются крайними в этой дикой последовательности.

— Когда я позвонил, тебе везло? — внезапно поинтересовался Корнеев.

— Что? Ну... У меня «Алдан» завис.

— А после?

— Что после?

— После звонка тебе везло или нет, дубина? — печально и тихо спросил Корнеев.

— Нет. Я упал, потом лифт...

Я замолчал. Я все понял. Лишь теперь, наблюдая за Витькой, я осознал, что он сидит на Колесе, но остается неподвижным.

Колесо Фортуны остановилось!

— Это я, — с напускной гордостью сказал Витька.

— Да? — с внезапной дрожью в голосе поинтересовался я.

— Я его остановил, — зачем-то уточнил Корнеев.

— Как?

— Дублей видишь? Я сделал дубля и дал ему приказ — крепко держать Колесо Фортуны и производить следующего дубля, уменьшенного в размерах и с той же базовой функцией.

Схватившись за голову, я простонал:

— Научил я тебя, Корнеев. Базовая функция... Ты, может, еще на бумаге эту программу составил?

— Ага, — подтвердил Витька. И с людоедской радостью добавил: — А вчера у тебя на «Алдане» прове-рял. Могучая машина.

— И что вышло?

— Что число дублей будет бесконечным, а сила торможения ими Колеса — бесконечно большой. Вот... Так и вышло. Остановили они Колесо Фортуны.

...Вскоре мне стала ясна вся картина происходящего. Витьке, для его грандиозной идеи превращения всей воды на Земле в живую, не хватало самой малости — устойчивости процесса. Придуманная им цепная реакция перехода обычной воды в живую останавливалась от шума проезжающей машины, чиха Кащея или выпадания града в соседней области. И тут-то Витьку осенило. Если остановить Колесо Фортуны в тот момент, когда процесс перехода воды идет хорошо, то удача останется на его стороне! Вся вода в мире станет живой, для исцеления ран надо будет лишь облизаться из ведра или залезть под душ, чтобы вылечить ангину — прополоскать рот. Врачи станут ненужными, войны потеряют смысл... И Витька придумал гениальную идею с бесконечным количеством дублей, что будут с бесконечной силой тормозить Колесо.

План его удался лишь частично. За те секунды, пока Колесо Фортуны останавливалось, лаборантка в отделе Универсальных Превращений уронила ум-клайдет на диван, инвентарный номер 1123. Результаты были катастрофические. Вода стала превращаться не в живую и даже не в мертвую, а в дистиллированную. Ничего страшного в этом не было, во всяком случае, пока процесс не дошел до морей и океанов. Но шел он теперь безостановочно, ибо Колесо Фортуны стояло.

В этот самый миг жизнь людей радикально изменилась. У меня, так же как у Корнеева и еще примерно половины человечества, началась нескончаемая полоса невезения. У Эдика Амперяна и прочих счастливчиков началась бесконечная полоса удач.

Бесконечная!

Я даже зажмурился от осознания этого факта. Я представил, как Амперян поит меня своим гореутолителем... и он действует, я становлюсь счастливым, хоть мне и не везет. У меня ломается «Алдан» — а я доволен. У Витьки не получается простейшее превращение — он тоже счастлив. Потому что Эдик изобрел... Да что я привязался к Эдику! Человечество отныне разделилось на две категории — везунчиков и неудачников.

Представив, как меня сочувственно хлопают по плечу «везунчики», я не выдержал и заорал:

— Корнеев, запускай Колесо обратно! Немедленно!

— Не могу, — хмуро сказал Корнеев. — Что я, дурак, что ли? Сам знаю, надо запускать, пока магистры не узнали. Позора не оберешься...

Последнюю фразу он произнес с мечтательным выражением, словно смакуя предстоящий позор.

— Почему не можешь? — Я поправил очки и растерянно оглядел бесконечный ряд дублей. — Прикажи им, пусть толкают Колесо, со своей бесконечной силой... черт бы ее побрал!

Одно из стоящих вблизи изваяний слегка шевельнулось. Витька вперил в него грозный взгляд, и черт окаменел вторично.

— Глаз нет, да? Совсем слепой? — с акцентом Амперяна, но с собственной грубостью поинтересовался Корнеев. — Лопнул обод у Колеса, видишь?

Я подошел к Колесу и убедился, что двухметровой ширины лента действительно разделена тонкой щелью. Концы разрыва подрагивали, словно кончики стальной пружины.

— А застить нельзя? — шепотом поинтересовался я. — Ты же... это... умеешь. Помнишь, червонец мне склеил?

Витька грустно кивнул. И докончил свой печальный рассказ.

Оказывается, когда Колесо Фортуны остановилось, оно тут же лопнуло. Концы обода стали дергаться, носиться по залу, разбрасывая дубли и перекручиваясь во все стороны. Когда наконец ошалевшие от неожиданности дубли и перепуганный, а от этого грубый более, чем обычно, Корнеев поймали их, установить, где левая, а где правая сторона, где верх, а где низ ленты уже не представлялось возможным. Корнеев кое-как совместил концы порванного обода, но уверенности в своей правоте не имел.

— Что, если я его лентой Мебиуса соединил? — хмуро сказал он. — Что будет?

Я пожал плечами. Корнеев, слегка подпрыгивая на ободе и светясь все более энергично, стал рассуждать:

— Может так получиться, что любая наша удача превратится в неудачу. И наоборот. Или же удачи и неудачи сольются воедино...

Увлеквшись, он перегнулся назад и, кувыркнувшись через обод Колеса, полетел вниз.

— Знаешь, Витька, — сядься для безопасности на пол, сказал я, — лучше уж соединение удач и неудач, чем сплошная невезуха.

— Невезуха, — потирая затылок, горько сказал Корнеев. — Надо это прекращать...

— Я-то зачем тебе понадобился? Рассчитать, правильно ли соединен обод? Это я и без «Алдана» скажу. Пятьдесят на пятьдесят.

— Понимаю, — неожиданно мягко признался Корнеев. — Но не могу же я сейчас сам решать, правильно ли Колесо соединено! Я же теперь невезучий, обязательно ошибусь!

— А я везучий? Мой совет тебе не поможет!

— Понял уже...

Мы немного помолчали, разглядывая неподвижное Колесо Фортуны. Господи, ну и дела! Что сейчас с людьми происходит! Есть, конечно, и счастливчики...

— Витька! — прозревая, завопил я. — Нужно спросить у человека, которому везет! Он не ошибется!

— А кому везет? — тупо спросил Корнеев. Временами он был самим собой.

— Амперяну. Точно знаю, он универсальный гореугодитель сублимировал.

— Сейчас спросим, — оживившись, сказал Корнеев, доставая из воздуха телефонную трубку. Постышались долгие гудки.

— Амперян сейчас дома, я его спать отправил, — торопливо подсказал я. Витька отмахнулся — не важно.

Трубку наконец-то взяли.

— Эдик! — громовым голосом заорал Корнеев. — Извини, что разбудил, это Сашка, дубина, настоял. Скажи только одно — и можешь вешать трубку: правильно соединили?

— Нет, — буркнул Амперян чужим со сна голосом и повесил трубку.

Витька небрежным жестом растворил в воздухе свою и радостно улыбнулся:

— Видишь, Привалов, получилось! Бывают и у тебя озарения!

Он небрежно схватился за один край порванного обода и без всяких видимых усилий перевернул его на сто восемьдесят градусов, Интересно, а в ту ли сторону повернул?

— Корнеев... — неуверенно начал я. Но Витька не реагировал. Он был сторонником разделения умственного и физического труда, так что в процессе работы думал мало, а на внешние раздражители не реагировал.

Двумя уверенными пассами, без всяких дилетантских заклинаний, даже не заглядывая в «Карманный

астрологический ежегодник АН», Корнеев восстановил целостность Колеса Фортуны. Потом окинул взглядом бесконечную, а точнее — двусторонне бесконечную череду дублей и громко скомандовал:

— Нава-лись!

Как ни странно, дубли такую странную команду поняли. И даже толкнули в одну и ту же сторону. Колесо заскрипело и начало вращаться. Правда, пожалуй, быстрее, чем раньше. Я достал из кармана сигареты, закурил... Выронил сигарету, но возле самого пола поймал ее. Снова сунул в рот, но горящим концом. Вовремя это понял и перевернул фильтром к губам. Сигарета уже успела потухнуть.

— Корнеев, — умоляюще прошептал я, — притормози его! Слишком быстро вращается, удача за неудачей...

Сигарета зажглась сама по себе. Я бросил ее на пол и затоптал — а то еще взорвется...

Витька с дублями навалились на колесо, и то начало притормаживать.

— Глянь по пульту, Привалов! — велел Корнеев. — Там есть тахометр, стрелка должна быть на зеленом секторе.

Я подошел к пульту. С некоторым трудом нашел тахометр, явно переделанный из зиловского спидометра. Поглядел на стрелку, подползающую к зеленой черте, и скомандовал Корнееву остановку.

Колесо вращалось, тихо гудя. Корнеев утер со лба пот, потом кивнул дублям, и те дематериализовались.

— Нормально, Сашка? — поинтересовался Корнеев.

Я подозрительно огляделся. Закрыл глаза и подпрыгнул на одной ножке. Не упал.

— Нормально, — с облегчением сказал я. — Что, пойду я работать?

— Валяй-валяй! — жизнерадостно заорал Витька. — Мне еще чертей расколдовывать да память им заговаривать, меньше будешь под ногами мешаться...

Вздохнув, я вышел из машинного, на прощание мстительно бросив Корнееву:

— Вот будет удивительно, если никто из магистров не узнает о твоих художествах...

Оставив Витьку размышлять над этим оптимистическим заявлением, я пошел к себе, в электронный зал. Фортуна явно повернулась ко мне, я не спотыкался, не налетал на встречных, вежливо поздоровался с Кивриным, одолжил считавшему посреди коридора Амперяну свою логарифмическую линейку, вызвал лифт...

И побежал обратно. Амперян, виртуозно пользуясь линейкой, что-то подсчитывал, записывая в блокнот.

— Давно из дому, Эдик? — вкрадчиво поинтересовался я.

— С утра, — не поднимая глаз от формул, в которых я опознал уравнение Сташефа-Кампа, ответил Эдик.

— Ты же с Ойра-Ойрой... тьфу, с дублем его, до мой пошел!

— Ну... — Эдик поднял на меня задумчивый взгляд и объяснил: — Пошел. А потом думаю: чего я на кровати буду валиться, радостный и довольный, когда тут самая работа начинается? Выпил антигореутолитель и стал экономическую целесообразность процесса подсчитывать.

— Целесообразно? — не зная, как подступиться к главному, спросил я.

— Не знаю, — хмуро признался Эдик. Удача, похоже, его покинула.

— Корнеев тебе звонил? — напрямик спросил я.

Эдик обвел взглядом выкрашенный зеленой масляной краской коридор, мутные плафоны на потолке и резонно спросил:

— Куда звонил?

— Десять минут назад! Сам слышал! — отчаянно сообщил я. — Он спросил, правильно ли соединили, а ты сказал, что нет.

— Как он спросил?

Я напряг память.

— Ну... Примерно так: «Эдик, скажи, правильно соединили?»

— И тот, кто взял трубку, ответил, что «нет», — закончил Эдик. — Что соединились вы неправильно...

Он снова нырнул в свои вычисления, а я, совершенно запутавшись, пошел дальше.

Итак, отвечал не Амперян.

Но совет оказался правильным, значит, отвечавший тоже был «удачливым»? Или же неправильным, просто мы еще не заметили последствий своей ошибки? А как заметишь, неизвестно, какими они могут быть!

У дверей электронного зала смирно сидел дубль Володи Почкина. Больше пока никого не было.

— Скажешь Володе, пусть сам придет, — грубо сказал я дублю. Корнеев всегда на меня так влияет. — Он мне пятерку уже неделю должен.

Дубль поднял на меня потрясенный взгляд и прошептал:

— Я не дубль. Я Володя. Могу пропуск показать, с фотографией и печатью. А пятерку я после обеда занесу...

Было видно, что здоровяк Почкин пребывает в состоянии близкому к шоковому. Я схватился за голову. Потом схватил Володю за плечи, затащил в зал и стал отпаивать чаем с бутербродами — настоящими, из буфета, а не сотворенными магическим образом. Попутно я пообещал ему рассчитаться за сегодня все задачи, которые он принес еще неделю назад, а вечером взяться за написание программы для новых.

Володя медленно приходил в себя. Видимо, еще никто и никогда не принимал его за дубля, так что с непривычки он был расстроен.

— Заметку в стенгазету напишешь? — неожиданно спросил он. Видимо, отошел.

— Напишу-напишу! — радостно сказал я. — Про Брута?

— А что он натворил?

— Не знаю. Но как-то принято...

— Нет. Надо про новые плакаты в столовой.

— Какие плакаты?

Глаза у Почкина загорелись.

— Ты еще не видел? Посмотри, — вкрадчиво посоветовал он. — Пойдешь обедать — и посмотри.

Я пообещал сходить в столовую и посмотреть. Потом пожаловался Володе, какой был ужасный день: вначале меня приняли за дубля, потом я Витькиного дубля принял за Витьку, а под конец Володю за дубля... Язык чесался рассказать про Корнеева и Колесо Фортуны, но я подавил искушение.

Почкин в ответ ободрил меня рассказом о том, как наши институтские ребята поодиночке сматывались с затеянного месткомом празднования трехсотлетия изобретения волшебной палочки, оставляя вместо себя дублей. Под конец в огромном зале, где проходило торжество, не осталось ни одного человека: только сотня небрежно запрограммированных дублей. Когда наконец ушедшие работать магистры и ученики сообразили, что произошло, то дубли оставались без присмотра уже больше трех часов. К ним отправился Федор Симеонович.

Вышел он через полчаса, предварительно дематериализовав всех дублей. На лице его блуждала странная улыбка, но о своих наблюдениях он никому никогда не рассказывал, а делу Линейного Счастья начал посвящать еще больше времени, чем раньше.

История мне правдивой не показалась: во-первых, что такого могли натворить дубли, даже плохо сделанные, а во-вторых, работать больше, чем обычно, Федор Симеонович уже никак не мог.

Выпроводив Почкина, я наконец-то вернулся к «Алдану». Опасливо включил питание и стал смотреть, как машина тестирует себя.

Бойко протораторила по бумаге виртуальными литерами пишущая машинка, и «Алдан» ласково заморгал зелеными огоньками.

Усевшись перед перфоратором, я взял стопку чистых перфокарт, составленную девочками программу и облегченно вздохнул.

Кончились неприятности с Колесом Фортуны и дублями. Жизнь возвращалась в свою колею.

Ошибался я в этот момент здорово, как никогда. Но о том, что я ошибаюсь, не знал никто. Даже У-Янус.

Так уж получилось.

Глава 2

Товарищ! Мы вместе решили с
тобой,
Покушав, посуду убрать за собой.
Автор неизвестен.

Где-то около двух я с сожалением оторвался от присмиревшего «Алдана», встал, потянулся и направился в столовую. По пути заглянул к Витьке, потом к Роману, но ни того, ни другого не нашел. Взяв стакан кефира и тарелку жареной печенки с вермишелью, я направился к своему любимому столику.

Знаменит он был тем, что над ним висел огромный плакат с бодрой надписью: «Смелее, друзья! Громче щелкайте зубами! Г. Флобер». Время от времени плакат подновляли, и при этом текст чуть-чуть менялся — поклонник Флобера каждый раз пользовался новыми переводами.

Усевшись под словом «щелкайте», я, прежде чем воспользоваться советом и начать щелкать, глотнул кефира — тот оказался вчерашним, если не хуже. Потом, вспомнив слова Почкина, зашарил глазами по стенам.

Первый из плакатов я увидел на стене напротив. Он гласил:

Пальцем в солонку? Стой!
Что ты себе позволяешь?!
Мало ли где еще
Ты им ковыряешь!

Поперхнувшись кефиром, я протер очки. Плакат не изменился. Нормальный, аккуратно нарисованный плакат. Под ним сидели нормальные, аккуратные девочки из отдела Универсальных Превращений. Девочки ели борщ, обильно посыпая его солью и ничуть не смущаясь необходимостью окунать пальцы в солонку.

Мною овладел исследовательский зуд. Низко пригнувшись над тарелкой, рассеянно нанизывая на алюминиевую вилку куски лука, печенки и вермишельны, я смотрел по сторонам.

Над кассовым аппаратом я обнаружил чудесный, прекрасно зарифмованный плакат на вечную тему: люди и хлеб.

Мой знакомый по имени Глеб
Повсюду разбрасывал хлеб.

Не знает, наверное, Глеб,
Как трудно дается хлеб.

Перебрав в памяти всех знакомых ребят, я успокоился. Похоже, имелся в виду не какой-нибудь там конкретный Глеб из НИИЧАВО, а обобщенный негодяй. Кончиком вилки я извлек из солонки сероватую соль, посыпал вермишель и быстренько доел. Закончил обед кефиром и пошел к выходу. На дверях меня ждал третий плакат:

Уходящий товарищ, ты сыт?
Зря спросил. Это видно на вид.
Администрация.

Слово «администрация» меня добило. Я остановился, поджидая кого-нибудь знакомого. Эмоции требовали выхода. Теперь я понимал Володю, чей графоманский опыт исчерпывался знаменитым двустишием о едущем по дороге «ЗиМе». Разумеется, в нашей столовой работают не магистры и даже не бакалавры, а беззаботная любовь заведующего к Флоберу не панацея от отсутствия вкуса. Самым удивительным было то, что никто не возмущался этими жуткими виршами! Я вдруг перепугался, вспомнив утреннее приключение с Колесом Фортуны. Вдруг мы каким-то образом исказили человеческие вкусы и теперь ЭТО считается нормальным? И Кристобаль Хозевич одобрительно кивает, глядя на стихи о Глебе и хлебе...

В дверь проскользнул Юрик Булкин, наш новый сотрудник из отдела Универсальных Превращений. По профессии он был энтомолог, но ухитрился увлечься василисками — животными редкими и опасными. Теперь он вел тему «О свойстве василисков превращать живое в камень и о возможности пре-

вращения ими в камень воды». Как я слышал, теме придавалось большое значение, так как с помощью дрессированных василисков намного упростилось бы строительство плотин и был бы досрочно выполнен поворот сибирских рек в Среднюю Азию.

Поймав Юрика за руку, я спросил:

— Слушай, Булкин, ты плакаты на стенах видишь?

— Вижу, — целеустремленно вырываясь, сказал Юрик. — Я их сам писал...

Я осталенел. Юрик слыл бардом, пел под гитару веселые песни, и от его заявления упрочились мои худшие опасения. Видимо, оценив мою реакцию, Булкин прервал движение к очереди алчущих пищи сотрудников и разъяснил:

— Меня знакомые ребята-социологи попросили. Они исследование проводят, «ЧВ» — «Чувство вкуса». Какой процент сотрудников возмутится этими плакатами за три дня. Нормальный показатель — двадцать пять процентов.

— А у нас? — успокаиваясь, поинтересовался я. — Вытянем норму?

— Тридцать процентов за полдня, — утешил меня Булкин. — И один, похваливший плакаты.

— Выбегалло, — сказал я.

— Выбегалло, — подтвердил Булкин. — Подошел ко мне и говорит: «А ты, эта, значит, написал правильно. Эта, инициативу проявил. На ученом совете вопрос буду ставить, как почин поддержать».

В глазах Булкина мелькнуло легкое злорадство.

— А ведь поставит, — задумчиво сказал я. — Еще и Модест поддержит, а остальные решат не связываться... Так что ты готовься, Юрик, пиши плакаты впрок...

Оставив Юрика в растерянности, я скрылся из столовой. Настроение улучшилось, кефир весело буль-

кал в желудке, создавая приятную иллюзию сытости. Навстречу мне по коридору шел У-Янус.

— Янус Полуэктович, — поздоровавшись, сказал я ему, — вы вчера просили сделать расчет... Так он готов, я сейчас пошлю девочек вам занести...

Янус открыл было рот, чтобы спросить, какой именно расчет я для него делал, но передумал, видимо, решив посмотреть по результату, что я вычислял. Вместо этого ласково взглянул на меня и сказал:

— Александр Иванович, вы сегодня не засиживайтесь на работе. Понедельник понедельником, суббота субботой, но сегодня-то вторник... да? Неделя вам предстоит сложная, отдохните.

— Очень сложная? — беспомощно спросил я.

Янус Полуэктович грустно улыбнулся и прошел в столовую. А я отправился в электронный зал в дурном расположении духа. Директор не злоупотреблял возможностью предсказывать будущее и очень редко ее демонстрировал.

Ушел я с работы, когда еще и семи не было. То ли таинственное предупреждение У-Януса сказалось, то ли захотелось посмотреть свежую серию «Знатоков» по телевизору, сам не пойму.

Для очистки совести я сотворил двух дублей. Одного — доканчивать на «Алдане» расчет задачи для Почкина, а другого — присматривать, чтобы первый не отлынивал. Есть у меня такая нехорошая черта — мое настроение в момент создания дубля очень легко этому дублю передается. Из института я выбрался тихонько, стараясь не попадаться ребятам на глаза. Но на улице настроение быстро улучшилось.

Был легкий морозец. Девушки, попадавшиеся мне навстречу, весело смеялись, обсуждая переменчивую соловецкую погоду и свежие сплетни. Компания ребят с рыбзавода имени Садко, что-то весело напевая

под гитару, явно направлялась к ближайшему кафе. На мгновение мне тоже захотелось устроить маленький загул, выпить легкого болгарского винца «Монастырская изба», что недавно завезли в Соловец, или даже дернуть сто граммов грузинского коньячку под бутерброд с балыком. Но я вовремя сообразил, что в кармане лишь рубль, зарплата будет в четверг, а Володя мне пятерку завтра никак не отдаст. Пообещав той части своего сознания, что требовала разгульного образа жизни, реванш в субботу, я направился в столовую номер 11, где можно было перехватить чего-нибудь на ужин.

Хмурая старушка уборщица уже бродила между столами со шваброй, намекая на скорое закрытие столовой. Но я все же успел встать в хвост маленькой очереди и нахватать с подноса теплых пирожков. Возле кассы меня поджидала еще одна удача — из недр столовой вынесли остаток молочного, и я разжился сырком с изюмом и бутылкой кефира.

Обедневший ровно наполовину, но отягощенный грузом продуктов в авоське, я быстрым шагом направился к общежитию. Морозец крепчал, и пирожки, утратив остатки тепла, стали гулко постукивать друг о друга, когда я, потрясая перед лицом вахтерши пропуском, вбежал в вестибюль.

По пути в комнату я забежал на кухню. Там, конечно, никого еще не было. Может быть, на всем этаже я был один, остальные еще сидели в институте. Ставя на плиту чайник, я тщетно боролся с чувством стыда.

Нет, и что на меня сегодня накатило?

Я открыл свою комнату, включил свет и собрался уже выгрузить продукты на стол, когда за спиной что-то гулко хлопнуло. Обернувшись, я увидел Корнеева.

Корнеев был подозрительно тих и печален. Он парил в воздухе возле стены, яростными рывками выдирая застрявший в штукатурке каблук.

Злорадно подумав, что и у магистров не всегда удачно получается трансгрессировать, я все же подошел к Витьке, схватил его за плечи и потащил. Витька сопел, колотя свободной ногой по стене. Наконец штукатурка не выдержала, и мы полетели на пол.

— Какой ты неуклюжий, Сашка, — вздохнул Корнеев, вставая и поглядывая на стену. В штукатурке зияла круглая дыра.

От возмущения я поперхнулся, но все же сказал:

— Завтра заделаешь!

— А что? Могу и сейчас... — Витька взмахнул было руками, но под моим укоризненным взглядом слегка смущился и заклинания не произнес.

— По- нормальному заделаешь, — объяснил я. — Возьмешь в институте цемента, песочка и...

— Ладно, — сдался Витька. — Ретроград ты, Привалов... О! Пирожки! Это ты угадал.

Он уселся за стол, вытряс авоську. Подумал, притянув руку, вытащил из воздуха кипящий чайник, но заколебался:

— Эй, а может, ты его хотел так принести... по- нормальному?

Махнув рукой, я уселся рядом. Спросил:

— Что ты так рано-то?

— А ты?

— Меня Янус напугал. Сказал, что...

— Неделя тяжелая будет, — кивнул Корнеев. — Во-во.

— И тебе тоже?

Витька мрачно откусил половину пирожка. Спросил:

— Чего он темнит, а, Привалов? Может, уже про Колесо узнал?

— Не исключено.

— Скандал... — радостно сказал Корнеев. — Нет, не похоже. Сашка, может, нас на овощную базу отправляют?

С минуту мы обдумывали и эту версию. Но все же решили, что по такому мелкому поводу директор нас запугивать не стал бы.

— Ладно, нечего гадать, — первым сдался Корнеев. — Слушай, я вот что подумал — с Колесом...

— Ну? — содрогнувшись, спросил я.

— А если его остановить, когда все люди на Земле счастливы? Когда всем везет?

— Здорово, — признал я. — Вот только когда? Разве так бывает?

— Ну, если объявить всему миру, что... э... в двенадцать ноль-ноль по Гринвичу, например, всем надо быть счастливыми и удачливыми.

Пришлось покрутить пальцем у виска. Корнеев фыркнул.

— Что смеешься? Ну немножко-то можно потерпеть? Сесть с хорошей книжкой у окна, смотреть на красивых девушек. Или собраться большими компаниями, комплименты друг другу говорить, подарки делать!

— А тебя в этот момент комар укусит. Или у соседа труба лопнет и потолок зальёт.

— Полагаешь — никак? — серьезно спросил Витька.

— Угу. Нереально. Обязательно кому-нибудь да не повезет.

— Потерпели бы ради большинства! — уже отступая, высказался Корнеев. — Такая идея славная!

— Глупая твоя идея, Витька.

— Ладно. Допускаю — преждевременная! — Корнеев выхватил из-под моих пальцев последний пи-

рожок и в запале помахал им перед моим лицом. Я с трудом удержался от того, чтобы облизнуться. — А если не сейчас? Через десять лет, через двадцать? Когда уж точно можно будет добиться всеобщего счастья?

— А зачем тогда еще и Колесо останавливать? Масло масляным делать? Знаешь... если уж люди станут счастливы, то мелкое невезение их не расстроит.

Это был еще тот удар! Корнеев запнулся на полуслове, глотнул воздуха и скис. Положил пирожок на стол, поднялся и, смерив меня обиженным взглядом, провалился на первый этаж.

— Витька, брось дурить, — позвал я. Но Корнеев не появился. Обиделся...

Вздохнув, я налил себе хорошего грузинского чая. Съел оставшийся пирожок и пошел в холл. Телевизор был выключен... Значит, точно, один я на этаже. Включив новенький «Огонек» и устроившись на пропавленном кресле, я приготовился наслаждаться зреющимися.

Но знатоки меня разочаровали. Минут двадцать я смотрел, как Знаменский с Томиным расследовали кражу двух рулонов ситца на фабрике. Вроде бы всем уже было ясно, что главная воровка — зам. директора по хозяйственной части, женщина умная, но с большими пережитками в сознании, однако знатоки упорно это не замечали. Сообразив, что поймут они это лишь к концу второй серии, я тихонько выбрался из кресла, выключил телевизор, сполоснул кефирную бутылку и отправился спать.

Минут двадцать я честно пытался заснуть. Считал в двоичном коде от нуля до тысячи, вспоминал всякие забавные, хорошие истории, случавшиеся в институте на моей памяти, — как Ойра-Ойра помогал Магнусу Федоровичу испытывать джинсы-неви-

димки и какой конфуз из этого вышел, или как Кристобаль Хозевич решил-таки на «Алдане» принципиально нерешаемую задачу, но результат оказался принципиально непостижимым...

Подумав об «Алдане» и двух своих неумело сделанных дублях, шатающихся сейчас возле пульта, я загрустил. Они Володьке насчитывают... так насчитывают, что извиняться устану. А ведь можно часам к десяти все закончить, а потом повозиться в свое удовольствие...

Додумывая эту мысль, я поймал себя на том, что уже не лежу в кровати, а приплясываю посреди темной комнаты, одеваясь. Ну и ладно. Нечего бездельничать. Не запугает меня Янус...

...Вахтерша приоткрыла окошечко, когда я сбежал в вестибюль, и с легкой надеждой спросила:

— В кино пошел, Саша?

— Нет, на работу... забежать надо на минутку... — виновато ответил я. Вахтерша наша, Лидия Петровна, словно поставила своей основной целью следить за соблюдением трудового законодательства сотрудниками института.

На улице было холодно и пустынно. Чтобы не замерзнуть, я пробежался до института и влетел в двери так энергично, что какой-то домовой, вытирающий пыль с прикованного у двери скелета, испуганно шарахнулся в сторону, а скелет попытался зажмуриться. Мне стало немножко стыдно, и я перешел на шаг.

Работа кипела вовсю. По второму этажу десяток лаборантов тащили самое настоящее бревно, облепив его словно муравьи спичку. Я секунду постоял, соображая, не нужна ли ребятам помочь, как они собираются протащить бревно в узкую дверь и зачем им это самое бревно сдалось. Но лаборанты были

такими шумными и энергичными, что я не рискнул вмешиваться и пошел к себе на четвертый.

У дверей электронного зала я секунду постоял, вслушиваясь, потом резко вошел.

Как ни странно, все было в полном порядке. Первый дубль сидел за столом и что-то писал на бумажке. Второй, пристроившись у него за спиной, бормотал:

— Запятую, запятую не туда поставил...

Я подошел и глянул. Дубль самонадеянно проверял мою программу. Запятая и впрямь была не на месте, я вздохнул. Первый дубль покосился на меня и быстро исправился.

— Работать-работать, — сурово велел я, отходя к «Алдану».

Машина работала вовсю. Гудели ферритовые накопители, щелкали реле, перемигивались лампочки. Я погрозил дублям пальцем и величественно вышел. Меня посетила хорошая мысль.

Безалаберный Витька, конечно же, и не подумает взять цемент для ремонта. Следовало запастись им самому, а завтра поутру принудить Корнеева к трудотерапии. Ухмыльнувшись, я поднялся на пятый этаж и подошел к кабинету Камноедова.

Кабинет, конечно же, был закрыт и охранялся суровыми ифритами. Модест Матвеевич трудовую дисциплину никогда не нарушал...

Я быстренько прошел мимо стражей и свернул в маленький темный коридорчик. Вел он в казармы домовых, у которых всегда можно было раздобыть известки, гвоздей или шпингалеты. Домовые — существа крайне запасливые, и все сотрудники по мелочам пользовались их услугами.

Дверца, ведущая в казармы, была замаскирована под картину, изображавшую бревенчатый домик на краю пшеничного поля. Домовых, похоже, частень-

ко одолевала ностальгия, ибо картину эту, по слухам, нарисовал кто-то из них. Я постучал пальцем по нарисованному домику, пытаясь попасть по крошечной двери, и картина плавно повернулась, пропуская меня в казарму.

Здесь было темно и тихо. Впрочем, тишина казалась ненатуральной, словно только что шел галдеж и веселье, а теперь остались лишь шорохи по углам. Открыв рот, я уже собрался было гаркнуть, подзываая дневального, когда кто-то подскочил ко мне из темноты.

— О, кто пришел...

Онемев от такого панибратского тона, я оглянулся и увидел домового. Знакомого по утреннему падению...

— Давай не смущайся, проходи. — Домовой цепко схватил меня за рукав и крикнул: — Мужики, это свой!

Сразу же где-то в глубине казармы вспыхнул свет, и домовой потащил меня туда, тихонько напутствуя:

— Ниче, не робей. Держись спокойно, сам не груби, но ежели кто начнет подсмеиваться — ответь достойно.

— Э... Кеша... — с трудом вспомнив имя домового, ответил я. — Мне бы цемента немножко...

— Ладно, остынь! — Домовой замахал волосатой лапкой. — Подождет твой Привалов, не сахарный. Посидишь у огонька...

Огибая двухъярусные железные койки, мы вышли в центр казармы, где высилась самая настоящая русская печь. Вокруг нее на полу сидели десятка два домовых, подозрительно оглядывая меня. Я лишь покачал головой при виде такого нарушения правил пожарной безопасности, но решил, что домовые в русских печах толк знают.

— Свой он, свой, Гена! — сообщил Кеша. — Приваловский дубль, мы утреckом познакомились!

— Компанейский ты мужик, Иннокентий, — сурово ответил один из домовых, разлегшийся у самого огня и помешивающий угли босой ногой. — Всех к нам тянем. Отвел бы дубля куда следует...

Кеша немного скис. Видимо, Гена был поглавнее его.

— Ладно, — сменил гнев на милость домовой у печки. — Пущай посидит...

Заинтригованный до последней степени, я присел рядом с Кешей. Мало кто мог похвастаться тем, что знает детали жизни домовых. Пожалуй, любой из магистров не отказался бы побывать на моем месте.

Внимания особого на меня не обращали. Домовые, рассевшись и разлегвшись поудобнее, уставились на Гену.

— Ну, значит, — продолжил тот рассказ, очевидно прерванный моим появлением, — стоит Васек у почетного вымпела победителей соцсоревнования, а смены все нет и нет. Захотелось ему... на минутку... а как вымпел-то оставить? Взял он его под мышку — и в туалет...

Домовые тихонько засмеялись.

— А тут, как на грех, Модесту Матвеевичу, — без особой почтительности сказал Гена, — вздумалось проверку учинить. Заглянул он в кабинет, глянь, а вымпела, инвентарный номер триста шестьдесят пять дробь двенадцать, и нету! Ну, паника, сами понимаете, завопил он, побежал, позвал меня, Тихона. Ифритов своих прихватил... тьфу, нечисть заморская! А Васек-то все слышал, соображает — что делать? Бросился опять на пост, вымпел расправил и стоит, в носу ковыряет...

Домовые начали хохотать.

— Мы с Модестом, — Гена вытащил ногу из огня, засунул другую, — прибегаем — а Васек на посту! И

вымпел цел. Камноедов как закричит — мол, «службу не знаешь, куда уходил, негодник!». А Вася, не будь дураком, и отвечает: «Стоял на посту, охранял вымпел. Подошли вы, посмотрели сквозь меня, за голову схватились, заорали и бежать...» Хохот перешел в настоящее ржание. Двое домовых от смеха свернулись в мохнатые комки и стали кататься по полу. Даже я не удержался и хихикнул, представив растерянное лицо Камноедова, одураченного хитрым домовым.

Единственное, что меня смущало, — история эта казалась смутно знакомой...

— Ну, значит, три дня Камноедов на больничном провел, — продолжал довольный Гена. — Окулиста посетил, валерьянку попил, потом отошел. Но в одиночку больше проверок не учиняет!

— Извините, — не выдержал я, — по-моему, вы придумываете все-таки. Я уже слышал такую историю, только не про Камноедова...

Гена окинул меня гневным взглядом, и я осекся.

— Кеша, кого ты привел, а? Ишь ты, говорливый какой дубль... День как от роду, а уже спорит!

Кеша пихнул меня в бок.

— Отведи его к дружкам, пусть культуре поучится, — распорядился Гена и утратил ко мне всякий интерес. — А вот еще раз такое было, мужики... Устроил Янус наш, который А-Янус, большущую...

Вслед за Кешей я отошел от печи, виновато посмотрел на домового.

— Ладно, ничего, — буркнул Кеша. — Молод ты еще... Что там Привалову надо, цемента?

— Угу.

— Пойдем...

Из какого-то шкафа Кеша кряхтя достал мешок с цементом, кадку с песком, отсыпал мне в крепкие бумажные пакеты и того, и другого.

— Во, нормалек... К своим-то заглянешь?

— К кому?

— Ой, совсем ты теленок... — Кеша привстал на цыпочки и снисходительно похлопал меня по плечу. — К дублям, вольноотпущенными...

Я хлопал глазами, ничего не понимая.

— Пошли, — решил Кеша. — Провожу по первости.

Раздвинув стену, он двинулся по какому-то узкому и сырому коридору. Опасливо озираясь, я пошел следом.

— Ты того... как почуешь, что Привалов тебя распялить собрался, сразу линяй, — поучал меня Кеша. — Нечего дожидаться... придишь ко мне или к своим, сразу...

Конечно, знатоком института я себя не считаю. Куда мне до Корнеева или Ойры-Ойры! И все же шли мы путями такими удивительными, что порой у меня глаза на лоб лезли. То узкий коридор, по бокам которого текли булькающие огненные ручейки, то зал, заполненный зелеными пупыристыми пузырями, упругими, как резиновые мячи. Среди них приходилось проталкиваться, причем, по словам Кеши, делать это следовало осторожно, «чтоб не взорвались». Какое-то время я тешил себя гордой мыслью, что первым посещаю эти катакомбы, но потом обнаружил на попавшемся под ноги зеленом кристалле бирку с инвентарным номером и надписью «Ключ, зеленый» и загрустил.

Коридор наконец кончился, и мы вышли в большую, гулкую пещеру, видимо, где-то глубоко под фундаментом НИЧАВО. Здесь, как ни странно, пахло обжитостью и каким-то уютом. Вдоль стен тянулись делянки какого-то мха, перемежаемые маленькими хижинами, грубо сколоченными из досок и кусков

картона. Стены их были испещрены непонятными картинками. Над дверью одной я с удивлением обнаружил надпись: «Машина вычислительная электронная, Алдан» и на мгновение замер. Присмотревшись, однако, я понял, что хижины сооружены из пустых упаковочных ящиков.

С каждой минутой происходящее становилось все интереснее.

— Вот тут лифт, обратно на нем поднимешься, — ткнув пальцем в ржавую железную дверь в стене, сказал Кеша. — Через казармы не ходи, заплутаешь... Во! Твои сидят, пошли!

В дальнем углу пещеры и впрямь горел небольшой костер, возле которого сидела куча людей. Вслед за Кешей я двинулся к ним... и остановился как громом пораженный. Здесь были все наши! Витька Корнеев, Роман, Володька... ой... А-Янус и У-Янус! И Кристобаль Хозевич, и Федор Симеонович!

Самым удивительным мне показалось даже не их странное собрание, а то, как бесцеремонно себя вели Витька и Роман. Они спорили с Кристобалем Хунтой, причем без малейшей тени пieteta.

— Да ты сам посуди! Не будет твое заклинание работать! — кипятился Роман.

Кристобаль Хозевич пожимал плечами, но возражать не пытался.

— Эй, дубляки! Я вам приваловского привел! — крикнул Кеша.

И я наконец-то понял — передо мной сидели вовсе не сотрудники института, а их дубли.

Ой.

Кристобаль Хозевич... да нет, не он, конечно же, а его дубль, поднялся.

— Садитесь, наш юный товарищ, — вежливо сказал он. — Не смущайтесь, все мы поначалу смущались, но это быстро пройдет.

— М-милости п-просим. — Федор Симеонович подвинулся, тяжело ерзая на длинной доске, водруженной на пару чурбанов. — Мы тут п-проблему обсуждаем... обычную, знаете ли, о п-падении м-магических способностей у д-дублей.

Я стоял как вкопанный.

— Да садись, дубляк заторможенный! — завопил дубль Корнеева, и привычная грубость привела меня в чувство. Я бухнулся на скамью рядышком с дублем Киврина и услышал деликатное покашливание домового Кеши.

— Ну, пошел я...

Вяло помахав ему рукой, я стал оглядывать собравшихся. Были они вполне похожи на себя настоящих, Кристобаль Хозевич ничуть не терял элегантности, Корнеев — грубости, Киврин заикался не меньше, чем раньше. На меня деликатно не обращали внимания, и я стал приходить в себя. Как ни странно, но сознание мое упорно отказывалось считать сидящих вокруг дублями...

— П-полагаю, следует п-попробовать еще раз, — сказал Федор Симеонович и стал делать пассы. На него внимательно смотрели.

— Не так, Федор Симеонович, не так, — быстро проговорил Ойра-Ойра, увидев, что Киврин старательно рисует в воздухе задом наперед букву «Е». — Это получается цифра «З».

— Ах ты Г-господи! Да неужто? — сказал Киврин, разглядывая слабо светящийся в воздухе след. — С моей с-стороны — так все н-нормально!

— Любезный Теодор, заклинание ваше должно быть ориентировано вовне, а не на вас самих, — сообщил Хунта.

Киврин закивал и стал терпеливо рисовать букву дальше.

— А настоящие за что ни возьмутся — у них все спорится! — сказал Володя Почкин, поднимая взгляд на меня. — Вот, даже Привалов дубля соторил — не придерешься! До чего же любопытно, прямо засмотришься!

— Да ну, «не придерешься», — оборвал его Корнеев. — Сразу видно — дубляк! Ухо левое вниз съехало, глаза дурные, рот полуоткрыт все время...

Я торопливо захлопнул отвисшую челюсть. Федор Симеонович продолжал старательно чертить в воздухе знаки... как я понял, он собирался провести простейшую материализацию.

А-Янус и У-Янус строго и молча следили за его усилиями.

Кристобаль Хозевич положил руку мне на плечо, негромко сказал:

— Я пребываю здесь уже три года, молодой человек. Честно говоря, не самое плохое место для сбежавшего дубля. Но если бы ты знал, как стосковалось мое сердце по простым, привычным вещам... Нет ли у тебя с собой кусочка сыра?

— Но... вы же... не едите... — пробормотал я.

Хунта смерил меня ироническим взглядом:

— Разумеется, так же как и ты, юноша. Но просто вдохнуть аромат сыра... посидеть с бокалом амонтильядо...

Киврин прервал свои попытки и почесал затылок. Неуверенно сказал:

— Уже лучше, д-да? К-кристо, не мучь н-новичка своим с-сыром.

Хунта гордо отвернулся. Несколько минут дубли сидели молча. Потом Ойра-Ойра негромко запел:

Нам колдовать нелегко, нелегко!
Хай-хай-эй-хо!

Сатурн в Весах, а Луна высоко!
Хай-хай-эй-хо!
Хай-эй-хай-хо!

Роман отчеканивал ритм песни, не особенно заботясь о словах, а остальные подтягивали ему хором:

Хай-хай-эй-хо!
Хай-эй-хай-хо!

Мне стало не по себе. Я встал, едва не уронив пакеты, и робко спросил:

— Пойду?
— Куда пойдешь-то? — удивился Корнеев.
— Наверх... к П-привалову, — начиная заикаться, соврал я.
— Смотри, развеет он тебя, — мрачно пригрозил Корнеев. — Ну, сам решай.

Я бросился к двери лифта. Открыл ее — там и впрямь оказалась маленькая кабинка с одной-единственной кнопкой. Надавив ее, я прислонился к стене и шумно выдохнул.

Лифт шел вверх.
Стоит ли рассказывать о случившемся ребятам? Поверят ли мне? А если поверят, то чем все кончится?

Меня забила дрожь. Это ж надо. Сходил за цементом. Угораздило Витьку каблуком в стене завязнуть! Посмотрел на часы — я не удивился бы, если уже наступило утро, но еще не было и одиннадцати.

Так ничего и не придумав, я открыл дверцу оставившегося лифта и оказался в вестибюле. Выход оказался очень удачно замаскированным между колоннами, за грудой древних идолов. Споткнувшись о гипсовую курительную трубку неимоверных размеров, я выбрался к лестнице и побежал наверх.

В электронном зале уже было тихо. «Алдан», закончив расчет, сонно помаргивал лампочками, мои дубли сидели за столом и неумело играли в карты. При моем появлении оба вскочили. Я зажмурился, кинул пакеты на пол и пулей вылетел в корridor.

Так. К Витьке, немедленно. Из-за него эта каша заварилась, пускай он голову и ломает.

Через минуту я уже был на шестом этаже и словно вихрь ворвался в двери Витькиной лаборатории.

Глава 3

— Это д-дубли у нас простые!..

А. и Б. Стругацкие.

Корнеев сидел на диване, заложив ногу за ногу. Одна нога была босой, и мне сразу вспомнился домовой Геннадий. Покосившись на меня, Витька продолжил странное занятие — капать из пробирки бесцветной жидкостью на пятку.

— Ты чего? — спросил я.

— Болит. — Корнеев выплеснул на ногу всю пробирку. — Нет, ты сам посуди! Хорошая живая вода. Очень свежая. Если бы, к примеру, у меня пятка была напрочь оторвана, то приросла бы в момент. А вот ушиб не проходит!

— Так отрежь пятку, потом займись лечением, — ехидно посоветовал я.

Корнеев покачал головой:

— Нет, Сашка. Это выход простейший, примитивный...

— Корнеев, покажи пропуск, — попросил я.

Витька вытаращил глаза:

- Ты... чего?
- Пропуск покажи!

Видимо, тон мой был настолько серьезен, что Корнеев от растерянности подчинился. Убедившись, что он не собирается рвать в клочки бумажку с ненавистной печатью на фотографии, я присел рядом.

- Витька, разговор есть серьезный. Очень важный.
- Ну? — насторожился Корнеев.
- Дубли... они живые?

— Жизнь, — отчеканил Корнеев, — есть форма существования белковых тел! Бел-ко-вых! А дубли у нас — кремнийорганические, ну или германиевые...

Я разозлился:

— Витька, ты мозги не пудри! Тоже мне... Амперян...

— Сашка, да никто этого толком не знает! Лет двести уже споры идут! Какая тебе, фиг, разница?

— Как это — какая? Если они живые, так какое право мы имеем их эксплуатировать?

Витька едва не упал на пол.

— Привалов, очнись! Тебе чайник эксплуатировать не стыдно? Или «Алдан» свой любимый?

— Разные вещи! — Я вздохнул. И рассказал Витьке всю историю.

Корнеев явно растерялся. Минуту смотрел на меня, словно надеялся, что я рассмеюсь и признаюсь в розыгрыше. Потом напрягся, щелкнул пальцами, и перед нами возник дубль.

Сходство с самим Витькой и грубияном из подвала было такое разительное, что я поежился.

- Как дела? — спросил Витька дубля.
- Пятка болит. — Дубль бесцеремонно вырвал у него пробирку, уселся рядом и занялся самолечением.

— Во. Иллюзия разумного поведения, — сообщил Витька. — Поскольку таким запрограммирован. Но все равно — дурак дураком.

Я неуверенно кивнул.

— Побейся головой о стену! — приказал дубль Корнеев.

Дубль строптиво осведомился:

— А на фига?

— Качество штукатурки проверяем.

Дубль встал и принялся колотить лбом о стену. Монотонно, но далеко не в полную силу, отлынивая.

— Вот. — Витька махнул рукой. — Живой пример! То есть не живой — материальный! Живой себя так вести не будет!

Дубль, заметив, что Витька уже на него не смотрит, снизил амплитуду ударов до минимума.

— Понимаешь, Саша, ты человек в институте все же новенький, да и маг неопытный, — принялся рассуждать Корнеев. — К тому, что «Алдан» может за день такое рассчитать, на что сотне математиков месяц нужен, ты привык. А к тому, что машина может с виду на человека походить, пререкаться, беседу поддерживать, — еще нет.

— Витька, уж больно самостоятельно они себя вели...

— Ну и что? Дубль — это продукт жизнедеятельности магов. А маги, знаешь ли, всегда склонны к самостоятельности. Вот гляди... надо мне, к примеру, вместо себя дубля на свидание послать.

— Ну?

— Делаю я его самопрограммируемым и самообучающимся. Дабы ни одна девушка не заподозрила, кто ее домой из кино провожает. Если вдруг она его пригласит домой, чаек попить и с родителями познакомить, дубль должен проявить инициативу, вести

себя так, чтобы в следующий раз меня дорогим гостем считали.

— Что потом?

— Если я дублю велел самоликвидироваться по выполнению задания, то все в порядке. Если нет... ну, не подумал... то выйдет он за порог и начнет дальше мной притворяться. Программа такая. И будет бродить, пока энергия не кончится. День, месяц... ну, смотря на какой срок я его зарядил.

— А три года?

— У Кристобаля Хозевича — возможно, — подумав, сказал Витька. — Помнится, был у него дубль, который ездил в годичную командировку. Что скажешь, мастер...

Витькин дубль зевнул, привалился лбом к стене, поморгал и исчез.

— Во. Так оно и должно быть, — бодро сказал Витька. — Но бывают промашки. Что, пойдем в подвал, с дубляками разбираться?

Я помотал головой:

— Нет, Корнеев. Не надо. Знаешь, пусть лучше сидят... колдовать пытаются. Жалко.

— Жалко... — пробурчал Корнеев. — Я же тебе все объяснил!

И все-таки он казался изрядно смущенным и настаивать не пытался.

— Может, еще с магистрами посоветоваться? — спросил я.

— Это ты сам решай. — Витька стал обувать ушибленную ногу. — Во, проходит помаленьку... Чего ты дома-то не усидел?

— Непривычно, — сознался я. — Решил еще поработать. Что, пойдем?

— Давай через полчасика. — Витька покосился на заставленный колбами стол. — Я нас обоих стронгессирую, прямо в комнату. Лады?

— Лады. — Я поднялся и вышел в коридор. Витька меня все же немного успокоил. Но стоило припомнить унылое пение дублей, как по спине забегали мурашки. Нет, не все так просто.

Было уже за полночь, и народ, похоже, начинал расползаться по домам. Я прошел в электронный зал — моих дублей уже не было, а в воздухе пахло озоном. Растворились... моей магической энергии никогда не хватало больше чем на пару часов. Я подошел к «Алдану», постучал пальцем по дисплею, потом потянулся к выключателю питания. Затарахтела пишущая машинка, скосив глаза, я прочитал: «Только попробуй!»

Вздохнув, я убрал руку. Пускай работает. Чем бы занять полчасика... точнее — часок, знаю я Корнеева...

В дверь деликатно постучали, и я обрадованно крикнул:

— Войдите!

Появившийся в дверях лысый старичок с выбритыми до синевы ушами был мне знаком. Не то чтобы часто пересекались, но все-таки однажды мне довелось поучаствовать в его эксперименте.

— Проходите, Луи Иванович! — поднимаясь, сказал я. — Садитесь.

Луи Седловой, кашлянув, прошел в зал. Изобретатель машины для путешествий по описываемому времени был мне очень симпатичен. Многие, Витька например, относились к нему с иронией, считая Луи Ивановича кем-то вроде Выбегалло. Действительно, работы Седлового грешили такой же красавостью и показушностью, но все-таки были куда интереснее и полезнее. Машиной времени, например, очень заинтересовались историки и литературоведы, а Союз писателей уже выступил с предложением запустить ее в широкое производство — дабы каждый автор мог побывать в собственноручно сотворенном

мире и поглядеть на все безобразия, которые там творятся.

Нравилось мне в Седловом и то, что, мужественно борясь с шерстью на ушах, он никак не пытался скрыть ее существование. Каждый день он появлялся с залепленными пластырем царапинами и виновато объяснял в ответ на иронические взгляды: «Вот... лезет, проклятая... особенно по осени, к холодам...»

— Александр, здравствуйте, милейший... — Седловой казался изрядно смущенным. У меня закрались легкое подозрение, что заглянул он ко мне не случайно.

— Садитесь, Луи Иванович, — повторил я. — Может, кофе сварить?

— Нет-нет, ненадолго я... — Седловой отвел глаза. — Александр, вы уж простите за такой вопрос... вы не в курсе, куда моя машина времени подевалась?

— Ну... осталась где-то там, у Пантеона-Рефрижератора, рядом с Железнной Стеной, — растерянно ответил я. — Помните же, я вернулся без нее...

— Да нет, нет, не та, новая, вторая модель, которую я для писателей собирал...

Секунду я ничего не мог понять. Потом понял и пожалел об этом.

— Луи Иванович... — пробормотал я. — Простите, не в курсе. Не брал.

Мне стало гадко и стыдно.

Седловой протестующе замахал руками:

— Александр, да что вы, что вы! Как я мог такое предположить! Я, знаете, крайне вам признателен, еще с тех самых пор, как вы мне с демонстрацией помогли! Очень высокого мнения о вас! Совсем о другом речь...

Смущаясь и временами трогая мочки ушей, Седловой принялся торопливо объяснять.

Оказывается, вот уже с неделюю, как он замечал странные вещи. Началось с того, что, зайдя утром в лабораторию, он обнаружил машину времени перевинутой в другой угол. Значения этому Луи Иванович не придал, списав все на бестолковых домовых. Но странности продолжались. С дивной регулярностью машина времени меняла расположение, укрепляя Седлового в мысли, что кто-то по ночам ею тайком пользуется. Как правило, Луи Иванович, человек немолодой, а недавно еще и женившийся, уходил домой рано. Сегодня, однако, он попытался подкараулить таинственного визитера. Но стоило ему на полчаса выйти из лаборатории — как я понял, к старому приятелю Перуну Марковичу, — как машиной времени воспользовались снова. Мало того, что воспользовались, — машина оказалась забрызганной грязью, а возле нее валялся очень странный предмет...

И Луи Иванович смущенно достал что-то из кармана и подал мне.

С минуту я разглядывал удивительный предмет. Была это маленькая пластмассовая пластинка на пластиковом же ремешке. Пластинка была прикрыта тонким стеклом, под которым на сером фоне четко вырисовывались черные цифры. Сейчас они показывали «00.21». Сбоку пластинки были две крошечные кнопки, нажав на одну из них, я заметил, что стекло слабо подсветилось изнутри, нажав на другую — добился смены цифр на «30.11».

— Какой-то прибор, — сказал я, с восхищением разглядывая устройство. — Удивительное устройство дисплея... интересно, что он может измерять...

Седловой кашлянул и виновато сказал:

— Полагаю — время...

Я схватился за голову. Посмотрел на свой «Полет» — полпервого ночи. Только и нашелся, что сказать:

- Отстают.
- Нет, Саша, я проверял, очень точно идут. Прямо-таки хронометр. Это ваши спешат.
- Вторая цифра, видимо, дата, — предположил я.
- Великолепно. Луи Иванович, это надо как следует исследовать!
- Да, конечно. Александр, вы не подскажете, где применяются такие устройства?
- Я, конечно, не специалист... — признал я. — Но с подобными часами не встречался.
- А сложно такое сделать? Вещица-то электронная, вам виднее.

Я попытался представить себе электронное устройство для измерения времени. Самое простое, которое только можно сделать. На германиевых транзисторах или на микросхеме вроде той, что недавно вмонтировали в «Алдан»...

Наручных часов никак не получалось. Будильник получался, очень симпатичный, со светящимися цифирьками на электронных лампах-индикаторах и с питанием от розетки. А наручные часы — никак.

— Луи Иванович, — признался я. — Ума не приложу, как такое сделать. Возможно, какая-то магическая разработка?

Седловой покачал головой:

— Да я вначале так и подумал, Саша. Проверил, как мог, магии нет.

— Луи Иванович, — предложил я. — А давайте еще у кого-нибудь спросим? У Витьки Корнеева... он по таинственным исчезновениям специалист. Сколько раз диван из запасника вытаскивал.

— Полагаете, он? — заинтересовался Седловой.

— Нет-нет, — запротестовал я. — Ну... просто опыт какой-то...

— Пойдемте. Если вам не очень сложно...

Я замахал руками. Мне было интересно. Мне было прямо-таки крайне интересно. Если где-то делают подобные механизмы — то... Все мои представления об электронике летели к чертям.

Мы отправились к Витьке. Седловой суетливо бежал рядом, бдительно поглядывая на часы в моей руке.

— Только не уроните... — попросил он.

Но я держал часы крепко, борясь с искушением нацепить их на руку. Мы вошли к Витьке в тот момент, когда он наполнял водой из крана большое ведро. Корнеев покосился на нас и поздоровался с Седловым.

— В живую воду будешь превращать? — спросил я.

— Нет, конечно. Пол хочу протереть, насорил за день, неудобно так оставлять. Сейчас я...

— Витька, погляди...

Я протянул ему часы, и Луи Иванович принялся рассказывать историю их таинственного появления. Корнеев заинтересовался.

— Хорошо сделаны, — одобрительно заявил он, покачивая часы на ладони. — Изящно.

— Магия? — полюбопытствовал я.

— Да нет, и не пахнет... Сашка, ты их открывал?

— Нет.

Витька порылся в столе, достал тонкую отвертку. Задумчиво посмотрел на часы и поддел заднюю крышечку. Та, щелкнув, отвалилась.

— Осторожно-осторожно! — заволновался Луи Иванович.

Мы склонились над часами.

Внутри они были заполнены крошечными детальками, соединенными совсем уж тонкими проводочками. Я углядел что-то, напоминающее резистор, но больше знакомых элементов не было. Крошечная металлическая таблеточка, занимавшая чуть ли не треть

объема часов, почему-то вызвала живейшее любопытство Корнеева. Он потрогал ее пальцем и заявил:

— Батарейка. Слабенькая. Одна десятая ампера.

Мы стали изучать часы дальше и обнаружили на крышке надпись, из которой следовало, что сработаны они в Гонконге.

— Ничего не понимаю, — признался я. — С каких пор в Гонконге такое делают?

— Да, это тебе не дублей пугаться, — признал Витька. — Слушай, а ведь если из таких деталей ЭВМ собрать, так она в чемодан влезет.

— Брось. Еще шкаф для устройства памяти потребуется!

— Может быть... — Корнеев уселся на стол. — Луи Иванович... вы никому про эту штуку не говорили?

Седловой покачал головой:

— Только Саше. Он все-таки специалист. Я-то больше по старинке... полихордальные передачи, темпоральные фрикционные... электроникой не балуюсь.

— А не могло ли такое случиться, — предположил Витька, — что некто, пользуясь вашей машиной времени, добыл это устройство из мира вымышенного будущего?

Луи Иванович потер затылок:

— Сомнительно, коллега. Крайне сомнительно. Товарищ Привалов это будущее наблюдал собственными глазами... оно крайне разрежено и малореально. Предметы оттуда не возьмешь, сразу дематерилизуются.

— Точно?

Я покачал головой:

— Витька, ты помнишь, как меня высмеивал с попугаем? Мол, ни один писатель не придумает такого попугая, чтобы он выжил в реальном мире!

— Это попугай, он живой! А материальные предметы — они проще...

— Ну, какую-нибудь лопату или кирпич привести можно, — признал Седловой. — Если автор их хорошо представляет и описывает очень реально. Но чтобы добиться реальности столь сложного устройства, ему пришлось бы в деталях представить его работу. Так реально, как если бы он мог его собственоручно собрать!

— Давайте осмотрим место происшествия, — предложил Витька.

— Пойдемте, — обрадовался Седловой. — Честно говоря, я уже подумывал, не привлечь ли соответствующие органы... но ведь состава преступления нет, правда?

Мы отправились в его лабораторию.

В отделе Абсолютного Знания уже никого не было. Абсолютники редко задерживались сверх установленного рабочего времени, и свет дежурных ламп делал коридоры нескончаемо длинными и неуютными. Вдалеке свет горел ярче, и я немножко удивился, что в отделе профессора Выбегалло кто-то, по-видимому, еще работал.

— Сейчас, сейчас, — хлопая по карманам в поисках ключей, сказал Луи Иванович. — Куда же я их положил... ох, на столе ведь оставил!

Он толкнул незапертую дверь, и мы вошли.

Лаборатория Седлового напоминала слесарную мастерскую. Может быть, уши у него обрастили шерстью, но все свои странные изобретения он собирал собственными руками. Здесь было светло, пахло смазкой и свежими стружками. На верстаке высилась немыслимая конструкция из алюминиевых трубок и стеклянных шаров, слегка задрапированная брезен-

том. Не знаю, что уж это такое было, но Седловой смущился.

Однако удивительным было не это. В дальнем углу, на деревянном помосте, рядом с машиной времени, копошилась какая-то четвероногая мохнатая фигура. Вначале мне показалось, что это старый облезлый медведь, и я попятился.

Но уже в следующую секунду мне стало ясно, что зверь попался куда более крупный. Это был не кто иной, как Амвросий Амбруазович Выбегалло.

— А... добрый вечер, Амвросий Амбруазович... — растерянно сказал Луи Иванович. — Чему обязан?

Выбегалло степенно поднялся с колен и окинул нас ничуть не смущенным взглядом.

— Я тут, значицца, вещичку одну потерял, — сообщил он. — Посторонние тут часто бывают, *нес се па**?

Седловой растерянно посмотрел на Корнеева. Витька торжественно поднял за ремешок часы:

— Не эту ли вещичку?

— *Ма монтр!*** — воскликнул Выбегалло, быстро направляясь к нам. — Мои часы, так! Нехорошо, понимаете, молодой человек! Мораль надо соблюдать!

Он ловко выхватил из рук Витьки часы и принял ся, сопя, надевать их на правое запястье — на левом часы уже имелись. Получалось у него плохо, так как ремешок явно был мал, может быть, даже рассчитан на женскую или детскую руку.

— Как прискорбно, — не прекращая своих попыток, сказал Выбегалло, — что и в стенах института... Да. Корнеев ваша фамилия?

Витька позеленел, и я понял, что сейчас начнется нечто страшное.

— Амвросий Амбруазович, — быстро спросил я, — откуда такая дивная вещь? Ваше изобретение?

* не так ли (*фр.*)

** Мои часы! (*фр.*).

Выбегалло спрятал часы в карман и подпер бока руками.

— Вопрос ваш, мон шер, преждевременный и провокационный. Мы его гневно отметаем. Завтра в одиннадцать ученый совет, приходите, любопытствуйте.

Он повернулся к Седловому и более добродушным тоном продолжил:

— Возвращаюсь к себе, значит, смотрю — ан нет часов! Жэ пэрдю*, не поймите превратно, ма монтр! Где, думаю? Здесь, у вас, ответ несомненен! Я-то думаю: приду обратно, они лежат, ждут, понимаете ли, хозяина! Ах нет!

— Товарищ Выбегалло, — ледяным голосом спросил Корнеев, — а что вы делали в лаборатории Луи Ивановича?

Амвросий Амбуразович покосился на Витьку:

— Вопрос ваш, юноша, слабоадекватен! Позволительно его задавать товарищу Седловому, а не вам... да еще после сомнительной истории с часами!

Корнеев приобрел бледно-зеленый колёр, пошел пятнами и исчез. Через мгновение из коридора доносились такие звуки, словно кто-то яростно рвал волосы из чьей-то клочковатой бороды. Еще через мгновение Витька странгрессировался обратно, немного успокоившийся, но в нормальную окраску так и не вернувшийся. Самым забавным было то, что звуки из коридора не стихли — очевидно, не удовлетворенный краткостью расправы с дублем Выбегалло Корнеев сотворил еще и собственного двойника, который эту экзекцию заканчивал.

— Амвросий Амбуразович... мне тоже очень интересно... чем обязан вашему визиту... — слабо сказал Седловой.

* Я потерял (*фр.*).

— Хорошо! Мы от прямых вопросов не уходим, а достойные ответы имеем на все происки! — Выбегалло положил руку на плечо Седлового, и тот слегка присел. — Шер мой ами, Иваныч! Как вы помните, мы с вами еще в прошлом году договаривались о совместных экспериментах и использовании оборудования друг друга! С целью экономии средств и повышения производительности!

— Это когда мне автоклав потребовался? — моргая, спросил Седловой. — Но... я полагал, что вы будете ставить меня в известность... все-таки ценная техника...

— *Вы завэ тор!** — изрек Выбегалло. — Всяческим... *данфан***, — он сверкнул в мою сторону глазами, — вы оборудование доверяете! А во мне сомневаетесь?

— Нет, но...

— Ваше участие в моем гениальном эксперименте будет упомянуто. В том или ином разрезе, — сообщил Амвросий Амбруазович. — Можете не сомневаться. А вот всяческую бумажную волокиту, когда она мешает нам лично, мы отвергнем как бюрократизм и перестраховщину!

Луи Иванович часто заморгал. Похоже, человеком он был мягким и сильно комплексующим из-за собственной ушной растительности.

— Да, но... — забормотал он.

Тем временем звуки в коридоре смолкли, и в дверь заглянул корнеевский дубль.

— В ушах — рвать? — спросил он.

— Конечно, — мстительно сказал Витька. Дубль исчез, и звуки возобновились, причем даже стали громче.

* Вы не правы (*фр.*).

** ребенок (*фр.*).

— Это недостойные происки, — косясь на дверь, сказал Выбегалло. Похоже, несмотря на то что был он дурак и подлец, сметки житейской все же таки не утратил.

— О чём вы? — предельно вежливо спросил Витька.

Выбегалло поежился и пробормотал, обращаясь только к Седловому и начисто нас игнорируя:

— *Де ръен**, Луи Иванович. Приходите завтра на ученый совет. *А демэн***.

Звуки в коридоре снова стихли, и вновь появился Витькин дубль. Взгляд у него был растерянный, как у любого хорошо сделанного дубля, выполнившего задание, но не оставшегося вполне удовлетворенным. Он раскрыл рот, собираясь было что-то еще спросить, но тут увидел Выбегалло, расцвел в улыбке и направился к нему. Выбегалло попятился. Корнеев тоскливо посмотрел на целеустремленную поступь дубля, его засученные рукава, потом вздохнул и щелкнул пальцами. Дубль растворился.

— За гнусные диффамации... — пробурчал с облегчением Выбегалло. И, шаркая валенками, вышел.

— Все-таки уважаемый Амвросий Амбуразович не совсем прав, полагаю, — робко сказал Седловой. — Не так ли, молодые люди?

Корнеев посмотрел на него и вздохнул:

— Таких, как Выбегалло, надо брать за воротник и рвать шерсть из ушей. Это однозначно, Луи Иванович: На вашем месте...

Седловой густо покраснел.

— Шерсть, молодой человек, это беда общая, и не стоит так на ней акцентировать...

Витька смущился.

— Был бы он просто дурак, хам или подлец, — сказал я. — А так ведь — все сразу и в одном флаконе.

* Не стоит благодарности (*фр.*).

** До завтра (*фр.*).

— Луи Иванович, нет никаких сомнений, что Выбегалло при помощи вашей машины принес часы из воображаемого будущего, — сказал Корнеев. — И, полагаю, не только часы.

— Ну, ничего криминального в этом нет. Удивительно лишь, что он нашел мир, где подобные изобретения реальны.

ВитЬка двинулся к машине времени. Осмотрел ее, едва ли не обнюхал, потрогал какие-то шестерни и покачал головой.

— Внешний вид надо улучшать, — быстро сказал Седловой. — Дизайн — так, если не ошибаюсь, ныне принято говорить. А то даже корреспондентам показать неудобно. Но сама машина вполне работоспособна!

Пережитки в сознании у него все-таки наличествовали в полной мере.

— Луи Иванович, — спросил ВитЬка, — возможно выяснить, где побывал Выбегалло?

— Нет, друг мой, — вздохнул Седловой. — Я работаю над механизмом автопилота, но пока... Надо у Амвросия Амбруазовича спросить.

— Так он и ответит. — ВитЬка выпрямился. — Да. Интересный расклад получается. Сашка, тебе хоть один реальный мир попадался?

— Откуда? Да я и был-то недолго.

— Пошли домой, — решил ВитЬка. — Завтра на ученом совете следует быть свежими и отдохнувшими. Похоже, У-Янус об этом нам и говорил.

Я кивнул. У меня складывалось нехорошее ощущение, что ВитЬка прав. И что каша завтра заварится еще та... Но я все же заметил:

— Меня-то вряд ли на ученый совет пригласят.

— Пригласят. Кто у нас по электронным делам специалист? А Выбегаллè теперь дороги назад нет,

часики придется показывать. Луи Иванович, вас домой подбросить?

Седловой замахал руками:

— Нет, нет. Я так... пешочком. Воздухом подышу, подумаю. Спасибо, юноша.

Мы вышли в коридор, чтобы, трансгрессируясь, случайно не попортить какого-нибудь оборудования. Корнеев мстительно пнул ногой гору клошковатой грязной шерсти на полу, и мы перенеслись в общежитие.

Глава 4

— О достойный герой и славный господин, тот, кто овладеет этой книгой, станет властелином всех земель эфиопов и суданцев, а они станут его слугами и рабами, цари этих стран будут приносить ему дань, и он будет править всеми царями своего времени.

*Жизнеописание Сайфа,
сына царя Зу Язана.*

В это утро мы с Витькой проснулись одновременно и молча, не сговариваясь, двинулись умываться. Настроение у нас было как у солдат перед боем. Корнеев фыркал, плескаясь холодной водой, и временами приговаривал:

— За гнусные диффамации, значит... Будет вам диффамация, гражданин Выбегалло...

— Витька, ну а что мы реально сделать можем? — спросил я. — Даже если Выбегалло натащил из придуманного будущего всяких фантастических изобрете-

ний — в чем его обвинять? Он же скрывать не будет, что не сам все придумал.

— Теперь не будет!

— Угу. Теперь. Он в свою заслугу поставит тот факт, что к нам доставил.

— Использование магии в корыстных целях. — Корнеев был жизнерадостен и уверен в победе. — Знаешь про такую статью?

— Это еще доказать надо, что в корыстных.

— Докажем!

Мы отправились в столовую, где вступили в побоищную схватку с тушеноей капустой. На середине завтрака к нам подсел бледный Юрик Булкин.

— Ребята, тут такие дела... с меня Выбегалло пла-каты новые требует. Об экономии продуктов, пра-вильном пережевывании пищи и прочем...

— Доштился? — Корнеев захохотал, хлопая его по плечу. — Плюнь. Забудь.

— Как это — забудь? Мне Жиан велел адекватно отреагировать!

— А. — Витька прищурился. — Адекватно? У тебя василиски еще остались?

— Остались.

— Так вот возьми одного и доставь на randevu с Выбегаллой. А потом укрась вестибюль статуей.

Юрик испытующе смотрел то на меня, то на Витьку. Человек он был в институте новый и не всегда понимал, где шутка, а где правда.

— Виктор, а ты уверен, что Жиакомо именно это имел в виду? — спросил Юрик с проснувшейся надеждой.

— Не уверен, — неохотно признал Корнеев. — Просто-плюнь и забудь. Это и имелось в виду. А у Амвросия сегодня будет достаточно проблем... не до тебя ему будет.

Булкин благодарно закивал. Шепотом спросил:

— Говорят, Выбегалло сегодня доклад на ученом совете делает?

— Делает, — признал я.

— Можно там поприсутствовать? Говорят, тот еще цирк ожидается.

— Вряд ли. Да ты спроси Жиана, он же твой начальник. Может, и проведет.

Юрик помотал головой. Перед Жианом он робел больше, чем перед живым василиском.

— А, ладно... потом расскажешь, Витька?

Корнеев кивнул, и Юрик побрел к кассе, подхватив со стола свободный поднос. Я его вполне понимал, Жиан Жиакомо был личностью крайне уважаемой, магом потрясающей силы, но при этом каким-то неуловимым, держащимся от всех в отдалении. Даже Кристобаль Хозевич, с которыми они были так похожи, что я поначалу их путал, казался по сравнению с Жианом рубаха-парнем.

— Значит, так, Сашка, — рассуждал Корнеев. — Ты первым в бой не лезь. Действуй по моему сигналу, если что. Я сейчас поговорю с Ойра-Ойрой, с Почкиным, с Амперяном. Старики пускай с Выбегалло по интеллигентному воюют, а мы его будем бить его же методами.

— Это как?

— Увидишь. — Корнеев потер ладони. — Преклонение перед Западом... часики-то гонконговские...

— Это Восток.

— А, какая разница! Некорректное использование чужих приборов, отсутствие прикладного эффекта...

— Витька. Нельзя бороться с дураками и резонерами их оружием, — отхлебывая какао, сказал я.

— Почему?

— Они этим оружием лучше владеют, поверь. Либо проиграешь... либо шерсть из ушей полезет.

Корнеев загрустил:

— Ну что ты такой пессимист, Сашка! Надо же что-то делать!

— Надо, — признал я. — Но —, не это.

Мы еще поспорили немного и по лабораториям разошлись, едва не поссорившись. Работалось плохо. Я отдал забежавшему Володьке его расчет, мы немного посудачили о Выбегалло и решили, что надо ориентироваться по ситуации. Потом девочки подошли ко мне с вопросом о никак не поддающейся оптимизации программе, и почти на час я полностью забыл об Амвросии Амбуразовиче. Это был хороший час. Но он кончился телефонным звонком.

— Александр Иванович? — вежливо поинтересовался У-Янус.

— Да, Янус Полуэктович, — непроизвольно вставая, сказал я.

— Вы сидите, сидите... Не могли бы вы минут через двадцать подойти к нам на ученый совет? Может потребоваться ваша консультация.

— Конечно, Янус Полуэктович.

— Спасибо большое, Саша... Тяжелый денек сегодня будет.

Я опустил трубку и посмотрел на весело щелкающий «Алдан».

Началось...

Малый ученый совет проводили в кабинете у Януса Полуэктовича. Кто-то из магов его временно расширил, и, помимо огромногоovalного стола, там появилась площадка с до боли знакомой машиной времени Луи Седлового. Сам Луи Иванович сидел в сторонке, крайне смущенный и начисто выбритый.

Были все великие маги. Киврин ласково кивнул мне, и я, отводя глаза, пожал ему руку. Никак не выходило из головы, как дубль Федора Симеоновича пытался колдовать. В углу жизнерадостно топтались Г. Проницательный и Б. Питомник. Пристроившись между Витькой и Эдиком, я стал ждать.

Выбегалло расхаживал вдоль трибуны, раскланиваясь с подходящими. При появлении Кристобаля Хозевича он гордо вскинул бороду и отвернулся. Хунта не обратил на это ни малейшего внимания.

— Все собрались? — Янус Полуэктович поднялся. — А, Привалов, вы уже подошли...

Все посмотрели на меня. Смущенный таким вниманием, я потупился. Выбегалло, мгновенно сориентировавшись, воскликнул:

— Дорогой мой, рад вас видеть!
— Мне стало противно. Тем временем Янус Полуэктович продолжал:

— Мы собирались по просьбе Амвросия Амбруазовича, чтобы выслушать доклад о проведенной им совместно с товарищем Седловым работе. Прошу.

Я заметил, что при слове «совместно» Выбегалло дернулся, как кот, которому мимоходом наступили на хвост, но промолчал. Потрепал бороду и бодро начал:

— Товарищи! Чего мы все хотим?
Витька засучил руками, как девица, щиплющая пряжу, но промолчал.

— Хотим мы все внести свой вклад в закрома Родины! — продолжил Выбегалло. — Так, Янус Полуэктович?

Невструев поморщился и вежливо ответил:
— Без сомнения. Реальный вклад, а не демагогическую болтовню.

Кое-кто хихикнул, но Выбегалло сделал вид, что ничего не понял.

— Что мы на данный момент наблюдаем? — продолжал Амвросий Амбруазович. — Страна шагает вперед семимильными шагами — но ведь без помощи сапог-скороходов. Космические корабли бороздят просторы галактики, но что вынуждены есть наши героические звездопроходцы, покорители Марса и Венеры, наши славные Быковы и Юрковские? Всяческую водоросль и иную консерву! Некоторые личности занимаются производством живой воды, но так и не наладили ее полноводный поток на целинные поля, которые нас всех кормят!

На мое удивление, Витька прореагировал очень спокойно. Негромко сказал:

— Докладчик сегодня плохо позавтракал, — и продолжал слушать Выбегалло.

— Итак, вклад наш в общеноародное хозяйство никак не отвечает возросшим потребностям населения...

— Можно конкретнее? — осведомился Янус Полуэктович. — Самовыкапывающаяся морковь плохо себя оправдала.

— Есть у нас отдельные недостатки, — признал Выбегалло, косясь на корреспондентов. — Кто много работает, тот и ошибается... порой. А в чем мастерство подлинного ученого? В том, чтобы, эта, обращать внимание на дела своих коллег и, творчески их доработав, обратить на пользу материальным потребностям народа! Вот сидит мой скромный товарищ, Луи Иванович Седловой, создавший малополезную штуку — машину для путешествия по придуманному, значится, будущему...

— Вот гад, — сказал Эдик. — Сашка, надо было вам вчера...

— Не помогло бы, — отметил я недоконченную идею. Смушенный Седловой съежился в кресле.

— Зачем советскому человеку путешествовать в выдуманные миры? — спрашивал Выбегалло. — Не будет ли это уклонизмом и, не побоюсь этого страшного термина, — диссидентством? Ежели кто хочет книжку почитать, так это дело хорошее. Много чего напечатано, одобрено и стоит на нашей книжной полке. Читай хоть журналы, хоть газеты, хоть иную литературу. А заглядывать туда из порожнего любопытства — вещь смешная, ненужная. Этим пусть оторвавшаяся от труда молодежь занимается, чтобы нам было что пресекать.

Янус Полуэктович глянул на часы и повторил:

— И все же я просил бы вас быть конкретнее. На данный момент лучшие умы института собрались выслушать вас... понимаете?

Выбегалло закивал:

— Вот я и обдумал, нет ли в придумке с машиной времени хоть какого-то полезного зернышка? И вспомнил совет всеми нами любимого товарища Райкина — можно все поставить на пользу обществу, даже хождения писателя по комнате, когда ему, значит, слов не хватает и он их где-то там ищет.

Питомник и Проницательный громко засмеялись. Им явно не доводилось заниматься поисками недостающего слова, данный в начальных классах запас их вполне устраивал.

— Ежели можно посмотреть на то, что писателя наши навыдумывали, то следует все это и взять для изучения, — продолжал Выбегалло. — Известно, что литература наша много чего полезного напридумывала. Это и сеялки с атомной тягой, и подводные лодки для сбора морской капусты, и прочие полезные вещи.

Кристобаль Хозевич поднялся и спокойно сказал:

— Полагаю, все мы убедились, что имеем дело с очередной прожектерской идеей. Из миров выдуманного будущего, равно как настоящего или прошлого, невозможно что-либо принести в наш мир. По причинам, понятным всем... здравомыслящим людям.

— Мне кажется, что, несмотря на определенную резкость тона, Кристобаль Хозевич прав, — осторожно заметил Киврин. — Амвросий Амбруазович, видите ли...

Странно, но Выбегалло словно обрадовали слова Хунты.

— Не прав! Не прав наш любимый Кристобаль, понимаете, Хозевич! — Он даже слегка поклонился Хунте, и я впервые увидел бывшего Великого Инквизитора растерянным. Довольный эффектом, Амвросий Амбруазович продолжил: — Мои сверхурочные работы с машиной времени дали результат прямо-таки феноменальный, говоря человеческим языком — недюжинный! И это сейчас будет объяснено и продемонстрировано, к восторгу населения и посрамлению скептиков от магии! Труд, эта... духовный, привел к появлению плодов материальных! В полном, понимаете, соответствии с законами единства и борьбы одного с другим!

Выбегалло взмахнул рукой, и два его лаборанта, скромно стоящие в углу, подтащили к столу большие закрытые мешковиной носилки. Корнеев крякнул и шепнул:

— Вот ведь натасал... Выносилло наш недюжинный!

И все же даже Витька казался смущенным и заинтригованным.

Амвросий тем временем сдернул с носилок мешковину и, отпихивая лаборантов, принялся выкла-

дывать на стол перед магами самые разнообразные предметы, приговаривая:

— Все заучено и заоприходовано, ничего не пропадет...

Предметы пустили по рукам.

Много чего здесь было. И те самые часы, правда, с порванным ремешком — видимо, уж очень старался Выбегалло их нацепить на себя. Небольшой, очень симпатичный импортный телевизор, зачем-то соединенный шнуром с совершенно непонятным плоским ящичком, аккуратный пластиковый чемоданчик, женские колготки, что-то вроде кинокамеры, но очень изобильно украшенной кнопками... Как ни странно, но лежала даже пара книжек, точнее — огромных цветных альбомов, с надписью на английском — «OTTO».

— Смотрите, смотрите, удивляйтесь, — покровительно сообщил Выбегалло. Все смотрели. Только Янус Полуэктович с усмешкой пролистал альбом, передал его дальше по столу и, подперев голову руками, стал наблюдать за Амвросием.

— Как я п-понимаю, — сказал Киврин, — все это — просто з-западный ширпотреб. Г-где-то там с-сделанный.

— Нет, — замотал головой Выбегалло. — Подвело вас чутье, товарищ Киврин! Не «г-где-то там», а у нас! В мире, созданном талантливым писателем!

— А почему тогда все импортное? — ехидно спросил Корнеев.

— В будущем это уже значения иметь не станет! — изрек Выбегалло.

Я толкнул Витьку и шепнул:

— Бесполезно. Ты его не подловишь. Молод еще.

То ли Выбегалло услышал мои слова, то ли уловил движение — но, схватив чемоданчик, передал его мне:

— А это для изучения нашему уважаемому специалисту! Откройте!

Я открыл.

Внутри чемоданчик оказался прибором. С оборотной стороны крышки — тускло-серый экран. Была и клавиатура, напоминающая пишущую машинку, но с буквами и русскими, и английскими.

— Что это? — спросил я, совершенно очарованный.

Выбегалло, извлекая из недр зипуна грязный клочок бумаги, навис над моей спиной. Неуклюже нажал какую-то кнопку.

Экран слабо засветился синим, на нем появилась какая-то желтая таблица с английскими надписями.

— Это, дорогой мой, гений мысли человеческой, электронная вычислительная машина!

Корнеев страшным шепотом произнес:

— «Шкаф для устройства памяти», да?

— А... как она работает?

— Сейчас-сейчас... — Выбегалло поводил грязным пальцем по клавишам, бормоча: — Стрелочка вниз, стрелочка вниз, эн-те, еще раз стрелочка вниз, эн-те, пять раз стрелочка вниз... эн-те!» Из глубины чемоданчика донеслась тихая, тревожная музыка. Появилась цветная — цветная! — картинка — человек, обвешанный жутким оружием, и наседающий на него страшный монстр.

— Сейчас... — бормотал Выбегалло, сверяясь с бумажкой. — Сейчас...

Картина растаяла. Вместо нее появилось что-то вроде мультфильма — мрачные коридоры, бродящие по ним чудовища и торчащая вперед рука с пистолетом.

— А! — радостно заорал Выбегалло. Все уже стояли вокруг, затаив дыхание, лишь Янус Полуэктович негромко беседовал с Хунтой.

— Вот так, значиця, она ДУ-МА-ЕТ! — закричал Выбегалло, безжалостно давя на хрупкие кнопки. Изображение сместилось. Я понял, что он управляет происходящим на экране! Пистолет дергался, стрелял, чудовища выли, падали и кидались в экран желтыми огненными клубками. Все было настолько реально, что я подавил желание отпрянуть. А Выбегалло, оттесняя меня, бил по кнопкам и вопил: — Так мы ДУ-МА-ЕМ! Так мы всех врагов побеждаем! Так!

Экран покраснел, изображение сместилось к полу, словно неведомый стрелок упал. Только дергались чьи-то уродливые ноги. Выбегалло кашлянул и захлопнул крышку чемоданчика. Я обернулся.

Все стоящие рядом завороженно следили за экраном. На лице Федора Симеоновича блуждала счастливая улыбка, он тихо повторял:

— В каком же г-году... память не та... ш-шестьсот... не та память... Молодой был, д-дурной...

— Сашка, на «Алдане» такое возможно? — спросил Ойра-Ойра. Вроде бы деловым тоном, но слишком уж заинтересованно.

— Нет, — сказал я.

Первым опомнился Витька.

— Ха! Игрушка! — завопил он. — Такую детям не дашь, перепугаются насмерть! А взрослым она зачем?

Магистры неуверенно закивали. Я вздохнул, закрыл глаза и сказал:

— Корнеев, ты не прав. Это ведь просто программа... для игры. Представь, какая мощность должна быть у машины, чтобы так быстро обрабатывать графическую информацию!

— И ты, Брут... — прошептал Витька.

— Тут одной памяти... не меньше мегабайта! — слегка преувеличил я. — Корнеев, я на такой маши-

не, если с управлением разберусь и перфоратор подключу, за час все дневные расчеты сделаю.

— Что нам говорит молодежь? — спросил Выбегалло, облокотившись на мое плечо. — А молодежь, отбросив заблуждения, восхищена прогрессом человеческой мысли! Но ведь еще не все, не все!

Подхватив чемоданчик с ЭВМ, Амвросий кинулся к телевизору. Требовательно посмотрел на У-Януса:

— Эта... розетка нужна.

Янус Полуэктович провел ладонью по столу, в котором немедленно образовалась розетка. Выбегалло, заглядывая в другую бумажку, стал возиться с телевизором и ящичком.

— В чем нас обвиняют? — вопрошал он. — В недооценке культуры, духовности! А вот нет! Нет и нет! Рост культуры материальной, торжествующее потребление — оно всегда порождает такую культуру, что раньше и присниться не могла!

Экран телевизора засветился. Я уже не удивился, что и тут изображение было цветным. На экране, в очень хорошо обставленной комнате, сидела большая семья, симпатичные, но какие-то уж больно прилизанные люди. Заиграла знакомая музыка... и внизу экрана поползли строчки текста. Явно не отрывая глаз от этих титров, Выбегалло запел:

Ши-ро-ка страна мо-я род-на-я!
Мно-го в ней ле-сов, по-лей и рек!

Все онемели. Пел Выбегалло ужасно, но, видимо, следя за титрами, в размер попадал. Так продолжалось минуты три. Люди на экране беззвучно открывали рты, временами Выбегалло нажимал какую-то кнопку и они начинали ему подпевать.

Картина была такой... такой... даже и не знаю, как ее назвать.

Когда Амвросий Амбруазович допел, выключил телевизор и торжествующе оглядел зал, все молчали. Только в уголке девушки, не замечая происходящего, листали альбом, срисовывая из него какие-то фасоны платьев и временами ойкая — видимо, находя что-то уж совсем удивительное.

— Хорошо, — сказал наконец Янус Полуэктович. — В работоспособности доставленных приборов мы убедились, вопрос их полезности можно продискутировать отдельно. Теперь поговорим конкретно. Амвросий Амбруазович, откуда вами, с помощью машины Луи Ивановича, были доставлены данные вещи?

Выбегалло всплеснул руками:

— Из будущего, значит! Из придуманного, нашего, хорошего!

— А в какой именно книге оно было описано?

— *Же сюи трэ шагринэ!** — Выбегалло изобразил оскорблённую невинность. — Не имел понятия! Мы работаем, нам книжки читать некогда.

Кристобаль Хозевич, переглянувшись с Невструевым, сказал:

— Предметы данные, полагаю, имеют немалую ценность в любом мире.

Выбегалло гордо закивал.

— И каким же образом вы взяли их в мире вымышленного будущего?

Нет, сегодня Амвросия смутить было невозможно.

— В целях эксперимента и технического прогресса я купил их на личные сбережения! — заявил он. — Смета мною будет приложена и, надеюсь, оплачена!

— Он неуязвим, — тоскливо прошептал Витька.

* Я крайне огорчен! (*фр.*).

Самым неприятным было то, что я уже запутался, стоит ли с Выбегалло бороться. Да, конечно, его «эксперименты» с чужим оборудованием пахли весьма дурно. Но оттереть Луи Ивановича в сторону ему маги не дадут. А вещи-то действительно интересные... Я вздохнул. И в наступившей тишине вздох мой произвучал очень громко.

— Вы что-то хотите предложить, Привалов? — спросил Невструев.

— Я? Нет... в общем-то...

Янус Полуэктович кивнул:

— Хорошо. Мы выслушали мнение профессора Выбегалло... теперь, полагаю, для чистоты эксперимента надо повторить его независимому эксперту. Предлагаю кандидатуру Привалова. Вы против, Амвросий Амбуразович?

Выбегалло заколебался:

— Эта... молодежь... она...

— Могу я! — привстал Корнеев.

Выбегалло замахал руками:

— Привалов вполне, вполне... Юноша талантливый, пуркуя бы не па?

— Александр Иванович, вы согласны посетить мир, где имеются подобные... технологии? — Невструев пристально посмотрел на меня. И едва заметно подмигнул.

Я поднялся. Витъка пихнул меня в спину и прошептал:

— Что хочешь делай, но если Выбегалло поддержишь — ты мне больше не друг!

— Саша, на тебя надежда, — сказал вслед Эдик Амперян.

Неуверенно подойдя к машине времени, я покосился на магов. Кристобаль Хозевич полировал пилочкой ногти, с сомнением поглядывая на меня. Киврин доброжелательно улыбался. Седловой дос-

тал носовой платок и принял смахивать с машины пылинки.

— Янус Полуэктович, что именно мне прове-рять? — спросил я.

— Все. Постарайтесь выяснить, например, что это за книга. — Янус Полуэктович был воплощенным вниманием. — Подумайте, имеет ли смысл что-то оттуда привозить в наш мир. Посмотрите сами, по обстановке.

Я кивнул, усаживаясь на машину. Спросил Вы-бегалло:

— Так куда мне отправляться... Амвросий Амбрау-зович?

— Ты... эта... по газам, по газам! Гони вперед, не останавливайся. Все уже кончится, а ты гони!

Инструкция была столь же простой, сколь и странной. Пожав плечами, я поставил ногу на сцепление.

— Давайте, давайте, — прошептал Седловой. — Вам не в первый раз, вы путешественник опытный...

Я нажал на клавишу стартера, и мир вокруг рас-плылся.

Глава 5

Но это уже другая история, и мы расскажем ее как-нибудь в другой раз.

Михаэль Энде

Видимо, сказывался прежний опыт. С путешествиями во времени — это как с ездой на велосипеде, и сам процесс очень похож, и навык приобретенный не теряется. Машина шла на полном газу, и античные утопии так и мелькали вокруг.

Я даже немного отвлекся от сути своего задания — так интересно было посмотреть на знакомые места. Возникли знакомые граждане в хитонах с шанцевым инструментом и чернильницами, я помахал им рукой и подбавил газку. Пронеслись гигантские орнитоптеры, я замедлил ход, чтобы получше их разглядеть, и обнаружил, что на крыльях восседают солдаты с ружьями, энергично и бестолково паля друг в друга. Менялась архитектура призрачных городов, из стен и крыш начали вырастать антенны, забегали могучие механизмы, колесные, гусеничные и многоногие. Как и раньше, люди в большинстве своем носили либо комбинезоны, либо отдельные, очень пестрые предметы туалета. Я попытался представить, можно ли отсюда что-нибудь вынести в реальный мир, и покачал головой.

Сомнительно.

Хотя Выбегалло наверняка пробовал. «Нестирающиеся шины с неполными кислородными группами» должны были поразить его воображение.

Я снова полюбовался массовым отлетом звездолетов и космопланов, вереницей женщин, текущей в Рефрижератор, и прибавил ходу. Было в этих картинах что-то древнее, титаническое... и вместе с тем невыразимо грустное.

Когда пошли лакуны во времени, лишь Железная Стена продолжала служить мне ориентиром. Дождавшись появления колыхающихся хлебов, я сбавил ход и остановился.

Было очень тихо. Я слез с машины времени, сорвал пару колосьев, внимательно рассмотрел их. Ну-да. Пожалуй, даже колосок отсюда не привезешь. Автотры романов про будущее в большинстве своем пшеницу видели лишь в виде батонов... Тоскливо огляделевшись, я поиском взглядом маленького мальчика,

который в прошлый визит пояснял мне назначение Железной Стены. Но его не было. Наверное, выступал где-нибудь на Совете Ста Сорока Миров.

Спросить некого. Значит, надо отправляться дальше.

Я снова запустил машину времени и двинулся вперед. У меня стала зарождаться идея, что Выбегалло что-то напутал или мир, куда он путешествовал, саморассосался.

Но тут вдруг началось что-то необычное. Из-за Железной Стены, озаряемой далекими ядерными взрывами, полыхнуло особенно сильно — и Стена дернулась, накренилась. Я притормозил, выпучив глаза.

Мир Гуманного Воображения, по которому я несся, менялся на глазах! Его стали озарять такие же адские взрывы, а сверкающие купола и виадуки вдали стремительно превращались в руины вполне заурядных домов. Небо потемнело, повалил серый снег. Выжженные нивы покрылись сугробами. Дождавшись, пока взрывы по эту сторону стены стихли, я затормозил.

Было очень холодно. Лениво падал снег. На много километров вокруг простирались лишь запорошенные снегом развалины. Я поежился, попытался поднять комок грязного снега. Снег был вполне реален, его явно можно было привезти домой. Потом я подумал, что снежок этот радиоактивен, выбросил его и торопливо вытер руки.

'В это мгновение кто-то тронул меня за колено. Подскочив в седле, я обернулся и увидел маленького мальчика в резиновом балахоне и противогазе. Из-под стекла противогаза нездорохо светились запавшие, глубоко посаженные глаза. Секунду я размышлял, тот это мальчик или не тот; так ничего и не решив, спросил:

- Тебе чего, малыш?
- Твой аппарат поврежден? — глухо осведомился он из-под противогаза.
- Нет... — прошептал я.

Мальчик без особой радости кивнул и присел на снег. Похоже, он очень устал и замерз. Я растерянно подумал, что надо схватить его и привезти в реальный мир... Конечно, был риск, что привезу я лишь противогаз, но мальчик был таким измученным и несчастным, что выглядел реальным.

Однако мальчик, отдохнув, поднялся и побрел дальше.

— Эй! — завопил я. — Подожди! Пойдем со мной!

Мальчик на ходу покачал противогазным хоботом и ответил:

- Не принято... уже...
- Что случилось-то? — в отчаянии осведомился я.
- Стенка железная рухнула, — равнодушно ответил мальчик, исчезая среди сугробов.

Мне стало так страшно, что я едва удержался от нажатия на газ. Соскочил с машины времени, бросился за ребенком — но его среди сугробов уже не было.

Видимо, в данной книге догнать его было «не принято»...

С ловкостью велогонщика я заскочил в седло и дал по газам. Опять начались взрывы. Стена кренилась и рушилась все больше. Из-за нее в мою сторону пробежал детина с автоматом и в кожаной куртке на голое тело. Рядом с ним неслась чудовищных размеров псина, и оба они смерили меня плотоядными взглядами. Я ускорился, но это было как наваждение — лет через тридцать по спидометру очень похожий мужик с очень похожей собакой пробежал в

обратную сторону. Это было похоже на некий обмен дружескими делегациями.

Кошмар!

Несколько минут я мчался мимо остатков Железной Стены, наблюдая взрывы и оборванцев с оружием. Потом вроде бы все поутихло. Оборванцы стали чище, автоматы и базуки сменились мечами. Вместо собак временами пробегали демоны. Вместо руин появились мрачные храмы. Я по-прежнему не решался сбросить скорость и продолжал движение.

К моей дикой радости, взрывы больше не повторялись, мужики с автоматами исчезли вовсе, а граждане с мечами хоть и продолжали бегать, но стали совсем уж прозрачными и невнятными. Руины быстро отстроились, превратившись в довольно реальные здания, по улицам двинулись почти настоящие люди. Я остановился.

Мир вокруг казался настоящим. Люди были одеты нормально, по улицам ездили очень красивые, но правдоподобные машины. Воздух, насыщенный выхлопными газами, однако, казался нерадиоактивным. В витринах магазинов стояли муляжи продуктов. Я взвалил машину времени на плечи и зашел в один из магазинов. Там стояла длинная очередь за разливным молоком и еще более длинная — за водкой. Поежившись, я выскочил обратно.

На меня стали обращать внимание. Кое-кто просто озирался, а какой-то тощий, подозрительно знакомый мальчик, улучив момент, когда я поставил машину времени на тротуар, попытался ее утащить. Впрочем, аппарат оказался для него достаточно тяжелым, и я отобрал его без особых хлопот.

Было так неуютно, что я торопливо двинулся к поросшим травой останкам Железной Стены. За ней, как ни удивительно, было куда чище и пристойнее.

Там высились полупрозрачные купола и сверкающие акведуки. В небе пролетали космолеты. Какие-то люди, разукрашенные татуировками и частично состоящие из кибернетических протезов, вели странные, заговорщицкие беседы, но по крайней мере на меня смотрели снисходительно и почти дружелюбно.

— Хэлло! — выдохнул я.

— Русский? — полюбопытствовала красивая девушка в переливающихся одеждах.

— Да...

— Ну заходи... посидишь в сторонке.

Некоторое время я посидел, слушая их разговоры. Но они в основном велись о проблемах лингвистики, борьбе с цивилизацией кристаллических насекомых и последних дворцовых сплетнях. Мимоходом я услышал, что девушку собираются разобрать на внутренние органы для трансплантации их собеседникам. Мне стало совсем плохо, и я заскочил в седло.

— Не советую, — сказала девушка вслед.

Я не внял предупреждению и отправился в путь.

По эту сторону Железной Стены было одно и то же. Варвары с мечами, красивые девушки, киборги. Остановившись через пару лет, я торопливо перетащил машину времени на свою сторону и снова двинулся вперед.

Местность особенно не менялась. Видимо, сверкающие купола, тучные хлеба и астропланы совсем уж вышли из моды. Высились нормальные здания, бродили нормальные пешеходы. Я снова остановился и подобрался к какому-то магазину. Витрины были заполнены продуктами, почему-то сплошь — импортными. Внутри люди оживленно и со вкусом занимались покупками. Я почувствовал, что близок к цели.

Мир этот, в общем, казался достаточно приличным и реальным. Побродив среди прохожих, я убе-

дился, что разговоры они ведут вполне человеческие, вот только очень уж мрачные. Все они делились на две группы — одна, большая, состояла из каких-то кадаврообразных граждан, озабоченных вопросом, что сейчас модно, где и что можно купить дешевле и как «отхватить» побольше денег. Были они настолько мерзкими и прямолинейно подлыми, что слушать их было просто противно.

Вторая, более симпатичная, хоть и малочисленная группа, состояла сплошь из рефлексирующих интеллигентов. Они смотрели друг на друга и на меня с печальной, обреченной добротой. Они говорили о прекрасном, цитируя известных и элитарных авторов. Смысл их разговоров сводился к тому, что человек по сути своей мерзок и гнусен. Сами они, очевидно, были редкими исключениями, но никаких надежд для рода людского не питали. Наиболее потрясающим было то, что многие из них являлись телепатами, воплощениями Всемирного Разума, второй инкарнацией Христа, их охраняли законы природы и космические силы. Любой из них был способен накормить пятью хлебами тысячу голодных, не считая женщин и детей. Но они к тому вовсе не стремились, ибо были уверены, что, начав действовать, немедленно поддаутся самым гнусным устремлениям и побуждениям. Немногие активные индивидуумы, пытающиеся что-либо совершить, служили иллюстрацией этого тезиса, кратковременно становясь диктаторами, извергами и кровавыми тиранами. Кажется, основной идеей, витавшей в воздухе, была пассивность, позволяющая второй группе остаться хорошими, пусть и беспомощными людьми.

Особенно меня потряс какой-то несчастный школьный учитель, потрясающе реальный и невыносимо несчастный. Он считал, что все окружающее — лишь

чей-то гнусный эксперимент и весь мир вокруг — некая модель реального, счастливого мира, крошечный кристаллик, помещенный под микроскоп. Он кричал о летающих тарелках, которые являются объективами микроскопов, о том, что жить надо достойно и радостно. Конечно же, его никто не слушал. Когда я сообразил, что бедного учителя вот-вот убьют собственные ученики, я зажмурился и перескочил на десяток лет вперед.

Ничего не изменилось!

Жадно дыша вонючим воздухом, я озирался по сторонам.

Город вокруг стал настоящим донельзя, я его даже узнал — и содрогнулся. Рефлексирующие интелигенты мужественно брали в руки автоматы Калашникова и палили по цепочкам солдат, по несущимся в небе призракам, по вылезающим из земли исполинским зверям. Все было тускло, серо, гнило, омерзительно — и при этом словно бы правдиво. Мне захотелось лечь на грязную мостовую и помереть. Из ступора меня вывел очередной малыш с горящими глазами, который попросил у меня машину времени — покататься. Стало страшно, и я дал по газам, провожаемый возгласами ребенка о том, как он во мне ошибся и насколько плохи большинство взрослых.

Не знаю, сколько я несся вдоль этих миров, — я закрыл глаза. Порой звучали атомные взрывы, изредка грохotalи звездолеты, иногда знакомо трещали автоматы. Я ни на что не смотрел. В душе было пусто и тихо, ничего в ней не осталось, это будущее высосало меня до последней капли, заставило поверить в себя — и отшвырнуло, словно использованную зубочистку.

Потом стало тихо. Земля исчезла вообще. Я несся среди космоса, вокруг тихо угасали звезды и свора-

чивались в клубки туманности. Редкие звездолеты были чудовищно огромны, но необратимо разрушены. Потом Вселенная начала сворачиваться в точку, и я положил руку на клавишу стартера.

Надо было возвращаться.

Но единственное, что меня еще держало, — это взгляд Януса Полуэктовича и слова Корнеева. Где-то там, далеко позади, в настоящем и солнечном мире, остались друзья и коллеги, остался НИИЧАВО и Соловецк, Наина Киевна и Хома Брут, даже Амвросий Амбруазович Выбегалло...

А вокруг было Ничто. Вселенная сжалась в точку — над которой парила моя машина времени. Секунду — или миллион лет, ибо времени уже не стало, а спидометр зашкварлил, она дрожала в сингулярности. Это было так тоскливо, что я закричал. Не помню уже, что я сказал, кажется, что-то очень известное и избитое. Но Вселенная стала вновь расширяться.

Звезды фейерверком пронеслись сквозь меня и превратили Ничто в небо. Гирлянды созвездий и паутина туманностей на мгновение воссияли вокруг, но тут вспыхнуло солнце, и под ногами вспухла Земля. Вокруг замелькали какие-то волосатые кроманьонцы, люди в тогах, рыцари в броне, алхимики над ретортами. Я дождался, пока мир приобрел привычные очертания, и остановился.

Все было реально.

Люди — может быть, чуть поскучнее, чем в реальности, но абсолютно убедительные. Ни одного прозрачного изобретателя или идиота с мечом и автоматом. Минуту я переводил дыхание, озираясь. Вот пробежал мальчик с удочкой, но он вовсе не стремился завести со мной умную беседу или спереть машину времени. Вот подошел милиционер, очень похожий на сержанта Ковалева. Он-то явно собирал-

ся со мной побеседовать, но я дал по газам и перенесся на пару лет вперед.

Кажется, это и был тот мир, который я искал.

Я закурил, оглядываясь по сторонам. Здесь, конечно, еще не делали ЭВМ, помещавшихся в маленький чемоданчик. Но все было столь вещественно, что я не сомневался — именно здесь пиратствовал Выбегалло.

Решив останавливаться каждые два года, я выжал сцепление и отправился в путь.

Мне потребовалось совсем немного времени. Всего пятнадцать остановок. Потом я ударил по клавише стартера, и машина времени провалилась обратно.

В реальность...

— Это м-мерзко и от-твратительно! — кричал где-то рядом Федор Симеонович. — В-вам придется отвечать, г-гражданин Выбегалло!

— Позвольте-позвольте! — грохотал бас Амвросия Амбруазовича. — *Же-не сюи па фотиф!** Молодежь нынче пошла... слабонервная! Нас царские жандармы не запугали! Не смейте мне хамить, Киврин!

— Тихо, — сказал Янус Полуэктович. Очень спокойно, но веско. И сразу наступила тишина. Я открыл глаза и увидел, что все смотрят на меня. С таким сочувствием, что мне стало неудобно.

— Ребята... бросьте вы... — прошептал я, поднимаясь.

Корнеев помог мне, радостно гаркнув:

— О, очухался, Привалов!

Поддерживаемый Витькой и Романом, я встал.

Растерянно сказал:

— Извините, пожалуйста...

— Что вы, что вы, г-голубчик, вы прекрасно д-держались... — отворачиваясь, сказал Киврин.

* Я не виноват! (фр.)

Кристобаль Хозевич молча подошел ко мне, хлопнул по плечу и, словно смутившись своего порыва, отошел в сторону.

— Полагаю, все мы убедились... мир тот — достаточно материален, — сказал Невструев.

Выбегалло радостно закивал.

— Единственный вопрос, стоящий перед нами, каким законным образом можно осуществлять... ну, скажем мягко — обмен технологиями с этим миром.

— Как это каким? — завопил Выбегалло. — На лицо, понимаете ли, мой героический эксперимент... и экскурсия товарища Привалова — налицо! Садимся, едем и добываем культуру материальную и духовную! Милости просим!

— Привалов, вы согласились бы еще раз там побывать? — спросил Невструев.

Я покачал головой:

— Нет, Янус Полуэктович. Извините, нет. Давайте лучше я на картошку съезжу.

— Полагаю, это общее мнение? — спросил Невструев.

Никто ему не возразил. Тогда Выбегалло всплеснул руками:

— Как же это, товарищи? Где ваше гражданское мужество?

— Вы проделали это путешествие без колебаний, не так ли, Амвросий Амбруазович? — спросил Хунта.

Выбегалло гордо кивнул:

— Да! И никакое слабоволие и малодушие надо мной не довлеет!

— Это не малодушие. Это чистоплотность, — холодно сказал Невструев. — Что ж, тогда эта тема будет поручена вам лично, Амвросий Амбруазович. Опыт у вас есть, силы духа — не занимать. Поработайте во благо народных закромов.

Выбегалло замолчал, хватая ртом воздух. А Янус Полуэктович продолжил:

— Остается, конечно, открытым ряд вопросов. Например — с обменом валюты, ибо даже новые, шестьдесят первого года, рубли вам не помогут. Но мы, со своей стороны, добьемся валютных ассигнований. Иной вопрос — как к вам отнесутся... там?

— Инсинуации, — косясь на корреспондентов, сказал Амвросий Амбруазович. — Выбегалло чист перед законом!

— Работа вам предстоит трудная, но интересная, — никак не реагируя на Выбегалло, говорил Невструев. — Вы согласны, не так ли?

Амвросий Амбруазович помолчал секунду. Похоже, он взвешивал все плюсы и минусы. По лицам ребят я видел, что они волнуются. Но я был спокоен.

Они просто наблюдали за моим путешествием.

А я — был там.

Выбегалло, конечно, не пропь урвать «чего-нибудь этакого» из мира за пределом времен. Но быть там регулярно...

Он был, конечно, дурак, но дурак осторожный и трусливый.

— Своевременно заостренный вопрос! — сказал Выбегалло. — Очень правильная постановка проблемы! Что нам эти вещи... сомнительного производства? Что, я спрашиваю, товарищи? Что лучше — несуществующая культура придуманного мира или наши дорогие сотрудники?

— Как ни странно, даже вы — лучше, — сказал Жиан Жиакомо. — Никогда не подозревал себя в возможности такого признания... но, сеньоры... честность побуждает признаться.

А Выбегалло неслово...

— Надо еще разобраться со многими вопросами! — размахивая руками перед шарахающимся Питомником, говорил он. — Кто создал этот... с позволения сказать — времяход? Кто напридумывал эти неаппетитные миры, а? Имя, товарищи, имя!

Все уже постепенно расходились. Киврин и Хунта дискутировали вопрос, что лучше — отправить все привезенные предметы назад, в будущее, или сдать на хранение в Изнакурнож. Янус Полуэктович что-то дружелюбно говорил Седловому, и тот растерянно кивал... Корнеев грубо пихал меня под ребра и усмехался. Ойра-Ойра, поглядывая на чемоданчик с ЭВМ, спросил:

— Скоро у нас такие появятся, Сашка? Что-то я невнимательно за спидометром следил...

— Лет тридцать, — сказал я. — Впрочем, не знаю. Это там — тридцать лет. А как у нас... не знаю.

— Пойдем перекурим, — предложил мне Ампераин. И таинственно похлопал себя по оттопыренному карману пиджака. Я вспомнил, что к Эдику на днях приезжал в гости отец из Дилижана, и кивнул:

— Сейчас, Эдик. Минутку.

Из кабинета уже почти все вышли, когда я подумал — а зачем, собственно? Неужели мне хочется знать ответ?

И я тоже двинулся к выходу, когда Янус Полуэктович негромко сказал:

— А вас, Привалов, попрошу остаться.

И почему-то усмехнулся...

Мы с директором остались вдвоем, и Невструев, прохаживаясь у стендса машиной времени, сказал:

— Все-таки, Саша, вы по-прежнему думаете, что одним правильно поставленным вопросом можно разрешить все проблемы... Ну, спрашивайте.

Я колебался. Мне и впрямь хотелось знать, почему тот мир, в конце времен, был так реален. И воз-

могло ли было его придумать... в человеческих ли это силах?

— Но я справился с искушением и покачал головой:

— Янус Полуэктович, можно я лучше другое спрошу? Мы с Корнеевым... правильно соединили?

— Колесо Фортуны? — Невструев покачал головой. — Нет, конечно. Ни одна попытка остановить Колесо Фортуны не заканчивалась удачей. Равно как попытки разогнать его... или остановить. И попытка вернуть его в прежнее состояние — тоже лишь благая мечта, которую уже не осуществить.

Мы оба молчали. Я ждал, пока Невструев закончит, а он смотрел куда-то далеко-далеко... в будущее. Янус вздохнул и продолжил:

— Но самое удивительное, что ничего страшного в этом нет, Привалов. Поверьте.

— Я хочу вам верить, — признался я. — Можно идти? У меня работы еще... невпроворот.

— Идите, Саша. Работа... да и Амперян с Корнеевым вас ждут.

У самых дверей, когда я посторонился, пропуская грузчиков-домовых, среди которых мелькнула добродушная физиономия Кеши, я не утерпел и снова повернулся к Невструеву:

— Янус Полуэктович, а почему вы вчера мне говорили, что неделя будет тяжелая?

— Говорил? Вчера? — Невструев приподнял брови и улыбнулся. — Запамятовал, признаться... Ну, так неделя ведь только начинается, Саша.

— Да? — растерянно спросил я.

— Конечно, — с иронией ответил Невструев. — Вы это скоро поймете.

Позже я действительно это понял.

Но это, конечно, уже совсем-совсем другая история.

Когда я писал «Временную суету», я ставил своей главной целью не спорить с авторами «Понедельника». В «Ласковых мечтах полуночи», маленьком рассказе, где действуют персонажи «Хищных вещей века», ситуация казалась, прямо противоположной. Я решил попробовать написать «альтернативную концовку» повести, куда менее оптимистическую, но в чем-то возможную. Выбор книги сложностей не вызвал. «Хищные вещи века» — одна из самых любимых моих книг. Самих любимых не только у братьев Стругацких, и не только в фантастике...

А потом вышло в свет новое издание «Хищных вещей века», избавленное от цензурных правок и насыщенных редакторами дополнений. И оказалось, что спора в общем-то и не было. Разве что с приказным оптимизмом, царствовавшим в нашей литературе в недалеком прошлом.

Но это, опять же, уже другая история...

ЛАСКОВЫЕ МЕЧТЫ ПОЛУНОЧИ

Я от того проснулся, что Рюг во сне тихонько завизжал. Вначале я вспотел, страх высыпал по коже озноистыми пупырышками, потом раскрыл глаза и присел на кровати — спиной прижимаясь к стене, а руки выставив перед собой. Сна как в помине не было.

Но это был всего лишь Рюг. И визжал он так, понарошку, то ли приснилось ему что-то противное, то ли вспомнилось. В свете от окна его бритая макушка слегка поблескивала, и до меня сразу дошло, что мы не в моей комнате, и даже не у Рюга, а у русского Ивана.

Верите не верите, а мне как-то сразу легче стало. Я сидел, смотрел на блестящую голову Рюга и раздумывал, не намазать ли ее зубной пастой или фломастером написать какое-нибудь слово. Но тут Рюг дрыгнул ногой, сбрасывая одеяло, и тихонечко сказал: «Ой!» Не просыпаясь, конечно.

И мне сразу расхотелось над ним издеваться. Я встал, подошел к двум составленным вместе креслам, на которых Иван постелил Рюгу, наклонился над ним и тихонечко подул в ухо. Это всегда помогает, я знаю, мне так Вузи делала, а я однажды проснулся и увидел.

Рюг замер и задышал чаще.

— Дрыхни, — сказал я ему погрубее, но тихо. Чтобы Иван не услышал, что кто-то не спит, и чтобы Рюг во сне мою грубость почувствовал. Когда говорят ласково — это плохо. Это почти всегда опасность.

Рюг теперь нормально спал, наверное, я ему все плохие сны выдул. Я подошел к окну и посмотрел в сад. Было тихо, мамаша с Пети небось уже спали. Где-то далеко кричали про дрожку, привычно и скучно.

Вот только что-то было неправильно. Совсем-совсем неправильно, я это чувствовал и мучился, но никак не мог понять, в чем дело. На всякий случай решил подойти к двери в спальню Ивана и послушать.

Тут-то до меня и дошло.

За дверью таращело, шипело, булькало. Негромко и совсем не страшно. Я облизнул губы и покосился назад. Но Рюг сладко спал. Стало так завидно, что я пожалел, что не разбудил его.

— Иван... — зачем-то сказал я.

Обидно было до слез! Ну как же так! Почему?

Дверь к нам он запер, только все это ерунда была. Объяснял же я ему, что двери нигде не запираются, а он... «на полчаса работы»... И забыл. Вот так всегда, стараешься, а тебе не верят!

Я немножко подергал дверь, чтобы на той стороне с задвижки соскочил стопор. А потом повернул ручку, и дверь легко открылась. Мне все-таки хотелось верить, что это полная ерунда, что мне примрешилось и сейчас Иван от шума проснется, вскинется на постели и громко спросит: «Лэн, что, не спится? Слушай, по ночам детям надо спать, а не пугать мирных постояльцев!» Но Ивана в спальни не было, конечно же. Потому что звук мне не померещился, шел он из ванной, а еще там шумела вода.

У меня еще немножко оставалась надежда, что Иван не успел. Что он только раздевается, или сыплет в воду «Девон», или размышляет, стоит ли... Он же умный мужик, не какой-нибудь дрянь человечек!

И я сиганул через всю комнату, чуть не налетев на кресло, которое Иван зачем-то оттащил к окну. Само окно было зашторено, и света в комнате было чуть-чуть — из холла да из щелки плохо прикрытой двери в ванную.

Глупо это было, конечно. Как Вузи говорит иногда, приходя с вечеринки: «Ах, как хотелось обманываться!» Лежал Иван в ванне, в горячей зеленой воде, от которой воняло «Девоном», голый, красный, с глупой блаженной улыбочкой на лице. Из полуоткрытого рта стекала слюна, тоже густо-зеленая, значит, все по правилам сделал, закусил «Девончиком». А приемник стоял на полочке и радостно шипел.

Дело, конечно, не в том, что он шипит и булькает, про это каждый пацан знает. Это просто побочный эффект, а все дело в волнах, которые слег излучает. Мне-то ничего, на детей, говорят, он почти не действует, даже если в ванну забраться.

А вот Ивану нравилось. Он то улыбался, то хмурился, то что-то бормотал неразборчиво.

— Иван, — сказал я зачем-то. Словно он мог меня сейчас услышать...

— Где Буба? Он мне срочно нужен... — тихо, но разборчиво прошептал Иван. Ему было сейчас хорошо и интересно.

А я смотрел на него, и мне было так паршиво! Словно со мной эта беда случилась!

Ну почему, почему именно Иван?

Надо было мне к нему пораньше подойти, до того, как Рюг пришел, ну, вместо того, например, чтобы в саду играть в спасателей из сериала «Марсианские

пустыни», рассказать все еще раз про то, что слег — эта такая гадость, которую даже один раз нельзя пробовать, а то хуже мертвого станешь, может, он и понял бы, но не мог же я все растолковывать; когда взрослому пытаешься что-то рассказать, они никогда не верят, они же все — взрослые, они себя самыми умными считают, и попробуй переспорь, когда тебе только одиннадцать лет, и ты ходишь в коротких штанишках, и ешь кашу на завтрак; ничего бы я не смог, не поверил бы мне Иван и все равно забрался бы в эту вонючую зеленую воду, а теперь стой, хлюпай носом, только Ивану уже все равно, слишком много в нем любопытства и слишком мало терпения, любопытным быть просто и лезть куда не надо — тоже, а быть терпеливым — трудно, почему-то все думают, что если человек все на свете хочет узнать, и немедленно, то это здорово, а если он просто живет себе спокойно, занимается своими делами, а в чужие не суется, то он дурак, все равно десять ему лет или целых сорок, и не с Иваном первым так случилось, только он ведь и впрямь хороший, его жалко, он же не виноват, что хотел все узнать, и сразу, лучше бы он просто отдохнуть приехал, а не разнюхивать, тоже мне Джеймс Бонд фигов, он бы, может, был не таким хорошим, но был бы, а теперь его просто нет, мутная зеленая вода и мускулистое тело, вот и все...

Я вздрогнул, потому что увидел: Иван чуть приоткрыл глаза. Только он смотрел не на меня, а сквозь, куда-то далеко-далеко, куда его уташил слег.

— Пеблбридж... — прошептал Иван. Помолчал немного и добавил: — Оскар...

Я даже всхлипнул, таким он был сейчас глупым и несчастным, со своим придуманным Оскаром Пеблбриджем, а еще у него на груди были шрамы, значит, он воевал, а у меня отец тоже был военным, мама

думает, что я его совсем не помню, только это неправда. Конечно, мало ли как было, может, даже Иван и папа друг в друга стреляли, только на самом деле это не важно, война это война, а дружба это дружба, Иван ведь и впрямь старался быть моим другом, значит, не мог я его оставить гнить в зеленой воде...

Привстав на цыпочки, я потянулся к полочке, хотел выключить приемник, потом вспомнил, что это вредно, и просто закрыл подтекающий кран горячей воды. Когда ванна остынет, Иван сам очнется. Только я не хотел после этого с ним разговаривать, ничего уже нельзя было бы сделать, кончилось бы тем, что я разревелся...

На самом деле я и заплакал, выскочив в спальню, и долго стоял у окна, чуть раздвинув штору и глядя на луну, потом мне почудилось, что Иван уже очнулся и стоит за спиной, голый, страшный, с безумными глазами... Я повернулся и взвизгнул на всякий случай, но его там не было, конечно, слег так быстро не отпускает.

Тогда я подошел к телефону и быстро, чтобы не передумать, нажал кнопочку повтора. Номер набрался, и мне ответил скучный заспанный голос:

— Алло, отель «Олимпик»...

Такого я совсем не ожидал. И от растерянности бухнул первое, что в голову пришло:

— Соедините с Оскаром Пеблбриджем... пожалуйста...

В трубке помолчали немного, потом раздраженно сказали:

— Какой номер, мальчик?

Номера я не знал и поэтому только всхлипнул и повторил:

— Пожалуйста... я один дома... пожалуйста.

Конечно, женщина разжалобилась и через полминуты переспросила:

— Оскар Пеблбридж? А ты не шалишь, мальчик?

— Нет, — сказал я.

— Соединяю, — сказали мне, и в трубке раздались долгие гудки. Я обрадовался тому, что угадал и что друг Ивана Оскар и впрямь жил в отеле, только еще неизвестно было, в номере ли он...

— Да! — сказали громко и раздраженно.

Голос был неприятный, совсем не сонный, но раздраженный, и я заколебался.

— Опять... — произнес человек куда-то в сторону, и я понял, что сейчас трубку бросят.

— Извините, пожалуйста, — громко крикнул я в телефон, — извините, вы знаете Ивана?

Наступила тишина, потом незнакомец вкрадчиво спросил:

— Знаю, а ты кто, мальчик?

Тут я сообразил, что, может быть, это вовсе не Оскар, и ответил вопросом на вопрос, хоть это и очень некультурно, меня мама всегда ругает за такое:

— А вас как зовут?

На той стороне провода приглушенно советовались, потом мужчина сказал:

— Я Оскар Пеблбридж. Кто ты? Откуда знаешь Ивана?

— Вы его друг? — поинтересовался я и решил, что если он скажет «да», то я нажму на рычаг.

— Как оказалось — да, — задумчиво ответил Оскар. — Честное слово.

У него вдруг в голосе прорезалось что-то от Ивана, и тогда я решился. Назвал адрес, объяснил, как войти, чтобы никого не разбудить, попросил приехать быстрее. Даже пятки у меня вспотели от страха, когда я это делал. Только что еще оставалось, не врачей же вызывать?

Оскар помолчал, потом спросил:

— Можно я приеду с другом? Он хороший человек.

Я представил Ивана, какой он здоровый и сильный, и сказал:

— Ладно.

В ванную заглядывать я больше не стал, вместо того пошел и разбудил Рюга. Он никак не хотел просыпаться, видно, ему снилось что-то хорошее, а когда проснулся и выслушал, то чуть меня не убил.

— Ты же говорил, он не такой! — возмущенно шипел Рюг, одеваясь. — Ты же... ты...

Понятно все, конечно, у него отец слегач, но разве я виноват? Может, Рюг это и поймет к утру, но сейчас он завелся.

— Я сматываюсь, — открывая окно, сказал он. Подумал и предложил: — Пошли, я знаю, где доспим...

Значит, не до конца на меня обиделся, раз с собой зовет!

Но я помотал головой. Больше всего мне хотелось, чтобы Рюг остался, но просить его толку не было.

Пока Рюг спускался по водосточной трубе, я смотрел в окно, а потом пошел и снова заглянул в ванную. Я боялся, что Иван захлебнется, но ванна для него оказалась слишком мала, и голова торчала наружу. От воды уже пар не шел, и видно было, что слег его отпускает.

— «Девон» на туалетной полочке — таблетку в рот, четыре в воду, — прошептал Иван.

Я пулей вылетел в спальню, словно Иван и впрямь предложил слега мне, а не своим глюкам. Уселся на подоконник — если что, то можно попробовать высочить, — и стал ждать.

Видел бы меня сейчас Иван! Насмехался, крысой мускусной обзывал... Ну и что теперь? Он, взрослый и смелый, лежит с открытым ртом, а я пытаюсь ему помочь, хоть и маленький... и трусливый, наверное...

Оскар со своим другом пришли минут через десять. Хоть я и знал, откуда они в дом войдут, но не смог их заметить. Только когда в дверь заскреблись, понял, что они уже в доме.

Ох и попало бы мне от мамы! А Вузи вообще бы шкуру спустила!

— Это кто? — спросил я через дверь.

— Оскар, — послушно ответили мне. Как в шпионском фильме, и я немножко успокоился.

С виду Оскар был мужик неприятный, лупоглазый, костлявый, светловолосый. Но вроде не слегач. С ним пришел какой-то толстый старик с тростью и в темных очках, хотя была ночь. Они остановились на пороге и уставились на меня, Оскар держал одну руку в кармане, я понял, что там пистолет, и попятился.

— Ну-ну, — дружелюбно сказал старик. — Не бойся, Лэн. Ты храбрый мальчик. И очень помог Ивану.

— Ему уже не поможешь, — ляпнул я.

Старик и Оскар переглянулись.

— Мария... — негромко сказал Оскар старику, — я полагаю...

— А тебе не надо полагать, — отрезал Мария. — Лэн, дружок, если хочешь, то можешь позвать маму или сестру.

Я понял, что они уже все про меня знают.

— Не надо, — сказал я. — Мне попадет.

Мария понимающе кивнул:

— Где Иван?

— В ванной. — Я даже удивился такому вопросу.

Мария кивнул Оскару, и тот, не вынимая руки из кармана, пошел к Ивану. А старик вздохнул, сел в кресло, задумчиво посмотрел на меня.

— Мальчик, скажи, Иван — хороший человек?

Я кивнул не раздумывая.

— Вот и я так думаю... — вздохнул старик и усталился в окно.

В ванной пару раз звонко хлопнуло, словно кого-то били по щекам, потом послышалась невнятная ругань на незнакомом языке.

— Это же ничего не значит, — попытался объяснить я, косясь на дверь в ванную. — Хороший, плохой, а когда слег попробуют, то все...

— Думаешь? — заинтересовался Мария.

Я промолчал.

— Неверное было решение, — грустно сказал Мария. — Неверное... а как найдешь правильное, не ошибаясь...

Из ванной показались Оскар и Иван.

Оскар был весь в брызгах зеленой воды, злой и сосредоточенный. Иван, в одних брюках, мокрый и взъерошенный, казался пьяным. Он посмотрел на меня, потом на Марию, без всякого интереса. Оскар уронил Ивана на кровать, тот присел, тяжело, словно куль с мусором, уперся руками и тихонько хихикнул. Потом еще раз. Старик молча смотрел на него сквозь черные очки, Оскар презрительно отряхивал руки, но далеко не отходил.

— Это слег, товарищи! — торжественно сказал Иван, словно кому-то еще не было ясно. — Это машинка, которая будит фантазию и направляет ее куда придется, а в особенности туда, куда вы сами бессознательно — я подчеркиваю: бессознательно — не прочь ее направить.

— Понятно, — сказал Мария.

— Чем дальше вы от животного, тем слег безобиднее, но чем ближе вы к животному... — Иван уронил голову на грудь и замолчал. Потом уставился на старика с легким удивлением. Видно, отходить начал. — Я для вас не авторитет, — вяло продолжил Иван, — но найдутся те, кто поверит...

— Кто-то будет пытать людей в темных подвалах, — мрачно сказал Мария. — Кто-то обнимать гурий в садах... — Он покосился на меня и не закончил. — Да. А кто-то — спасать мир, побеждать слег и объяснять глупому начальству страшные тайны... которые начальство давно знает.

Иван ничего не понимал. В его фантазиях, наверное, тоже были Оскар, Мария, я, и сейчас его мечты так спутались с реальностью, что разделить их он не мог. Смотрел на нас, тер переносицу, хватался за лоб и молчал.

— Я виноват, — тоскливо сказал Мария. — Нельзя было тебя посыпать, Иван. У тебя с Амальтеи остался этот комплекс... работать под самим Быковым — не шутка. И ведь знал же, что тебе захочется самому все раскопать, но...

— Вы не виноваты, Мария, — сказал Оскар.

— Виноват! — рявкнул Мария. — Виноват! Иван всегда, всегда старался быть первым! А рядом оказывались такие титаны, что свободно было лишь последнее место! И в космосе, потому-то он и ушел, и на войне, и в интернате, и в управлении. Вот и зреала мечта... оказаться лучшим.

— Я ничего не понимаю... — прошептал вдруг Иван. — Мария... вы же... Оскар... я вас чуть не убил, Оскар!

Старик покосился на меня.

— Ты иди спать, мальчик, — ласково сказал он. — Иди.

Я замотал головой.

Мария вздохнул. Достал из кармана слег, покрутил в руках.

— Вакуумный тубусоид, — быстро сказал Иван. — Он очень похож на супергетеродин. Понимаете? Случайно поменяли их местами, и все! Надо же было так

получиться, что они одинаковые! Роковая случайность!

Мария молчал. Оскар вдруг решительно двинулся в ванную, где продолжал трещать и булькать приемник. Раздался грохот, и наступила тишина.

— Роковая случайность... — снова сказал Иван севшим голосом, глядя на слег в руках Марии. — Перевоспитывать. Внедрять человеческое мировоззрение...

Старик поднялся. Подошел ко мне, положил на плечо руку, и я напрягся.

— Лэн, дружок, скажи, ты стал бы пробовать слег? — спросил он. Очень серьезно.

— Нет. — Я замотал головой.

— Ты же слышал, что это очень здорово, — сказал Мария.

— Вот еще. — Я фыркнул, покосившись на Ивана. И тут мне в голову пришла мысль, что меня сейчас накормят «Девоном», сунут в ванну и включат слег, чтобы я тоже стал проклятым, как Иван... Вывернувшись из-под руки Марии, я отбежал, но только он ни о чем таком не думал, он опять смотрел в окно и задумчиво говорил вслух:

— Строятся заводы по производству антивещества, космические корабли бороздят просторы галактики, раскалывают древние города, а в то же время... Да какое мировоззрение им можно внедрить, Иван! Разве ж это поможет? Старое не уходит само, Иван. Оно цепляется за жизнь, фашистскими путчами, гангстерскими бандами, наркоманами... тянется в будущее, в двадцать первый век. Поздно их перевоспитывать. Вот, — Мария указал на меня, — вот это наша надежда! Они слега не попробуют. И на дрожку не пойдут. Верно, малыш?

На всякий случай я кивнул.

— А Страна Дураков... может захлебываться в горячей воде, истреблять друг друга, прыгать через высоковольтные провода, раз нравится. Эволюция, Иван. Жестоко, но справедливо. Прошлое уходит само, без насилия... — Он покрутил в руках слег и с отвращением швырнул о стену. Слэг хрустнул и разлетелся. — Надо только...

Он замолчал.

Оскар, который вышел из ванной, взял Ивана за плечо и сказал:

— Но страдают и наши люди. Пек, Римайер, Жилин...

— Мы тебя увезем, Иван, — строго произнес Мария. — Все будет в порядке. Поверь.

Иван дернулся, как от удара.

— Никуда я не поеду! — зло сказал он. — Пока закон об иммиграции позволит — никуда не уеду! А потом нарушу закон! Не может быть, чтобы здесь не оказалось тех, кто ненавидит этот сырый мир! Я помогу им не растрачивать ненависть по мелочам!

Мария вздохнул:

— Пойдем, Иван. Еще поговорим. Пойдем.

Иван встал, зябко поежился, обхватывая плечи. Глянул на меня, и его взгляд прояснился.

— Знаешь, Лэн, я видел чудесный мираж! Ты и Рюг стояли передо мной почти взрослые, вы решили поехать в Гоби, на Магистраль...

Я ничего не сказал, не очень-то мне хотелось ехать в пустыню, где уже лет двадцать строили какую-то магистраль и, видно, собираются строить еще столько же. Мария взял Ивана за руку и как ребенка повел из спальни. Иван замолчал и обмяк.

Так он больше ничего и не сказал. Я подождал, пока они вышли, и в окно проследил, что точно ушли. Потом пошел в ванную, открыл сток и стал убирать

разбитый приемник. На полу валялись вывалившийся слег и супергетеродин, который Иван вынул. Эти супергетеродины почему-то всегда ломаются. И они во всех приемниках стоят. А слег, который Иван называл вакуумным тубусоидом, по виду точно такой же и везде продается за пятьдесят центов. Дальше же все просто, правда? Обязательно кто-то слег вместо гетеродина вставит и в ванну заберется.

Может, я и маленький — пока, и трусливый — пусть даже навсегда, только не дурак. Все я понимаю, но кричать об этом не буду. И слег не стану пробовать, лучше уж в пустыне в песке возиться, Магистраль эту дурацкую строить...

— Лэн, — сказали из-за спины. Я повернулся — это был Рюг. — Я в саду ждал, — пояснил он. — Думал, вдруг чего...

Он засопел.

— Помоги убраться, — попросил я. — Не хочу, чтобы Вузи это увидела, она расстроится очень.

— А так, думаешь; не узнает? — удивился Рюг. — Иван теперь никуда не уедет... — Взял тряпку,сыпал на нее порошка и принял с сопением оттирать ванну от «Девона». Делал он это умело.

— Ну, узнает, только позже...

Мы убрали в ванной, умылись и, не сковариваясь, вернулись в холл. Конечно, спать уже не хотелось, да и рассвет наступал.

— Рюг, хочешь, когда вырастем, поедем в Гоби строить железную дорогу? — спросил я.

Рюг очень удивился:

— А что, надо?

Я подумал и кивнул:

— Да, наверное. Придется.

За окном светлело, и мы стояли рядом, держась за руки. Какая предстоит работа, подумал я. Какая работа...

Только что уж делать, раз мы все прокляты.

Фугу в мундире

✓

Этот рассказ впервые вышел в свет случайно. Он в общем-то и не предназначался для публикации, был просто маленькой шутливой историей, брошенной в компьютерную сеть ФИДО. Но раз уж рассказ пробился на печатные страницы — наверное, он имеет право на существование. Пробивная сила текста может заслуживает уважения.

ВОСТОЧНАЯ БАЛЛАДА О ДОБЛЕСТНОМ МЕНТЕ

Дошло до меня, терпеливый читатель, хоть и не сразу, что не слыхал ты еще об отважном менте Акбардине и о том, как добыл он несметные сокровища.

А история эта, достойная записи шилом на спине неверного, давно тревожила мою душу.

Однажды темной ночью, когда благонадежные граждане халифата принесли хвалу эмиру и опустились почивать со своими женами, доблестный мент Акбардин обходил светлые улицы, не пренебрегая, однако, и темными. Был он хорош собой — крепок, кривоног, и глаз его правый был зорок.

Заглянув за лавку Буут-аль Назара, достославного торговца заморскими притираниями, отважный Акбардин почувствовал чье-то мерзкое дыхание. Свершив свое дело — ибо долго бродил он по светлым улицам, не пренебрегая и темными, Акбардин пошел на запах.

И открылось мне, что увидел он грязного панка, спавшего в картонной коробке из-под заморских притираний. Был это панк из панков, с мерзким лицом, ужасной фигурой и велосипедным звонком в правом ухе. А запах его устрашил бы и более отважного, чем Акбардин, не страдай он в тот день от насморка.

— Вставай, грязный панк, неугодный эмиру! — воскликнул Акбардин. — Ибо я, мент от рождения, Акбардин, сын Алладина, отведу тебя в позорное узилище.

Грязный панк проснулся и закричал:

— Кто ты, смеющий посягать на мой сон? Ибо я ужасен, проснувшись с похмелья!

Но Акбардин достал свою дубинку, и панк, упав на колени, взмолился:

— О, не бей меня холодной резиной, Акбардин, сын Алладина! Я не просто панк, я панк из панков! Я открою тебе великие тайны и приведу к несметным сокровищам! Только не бей меня по почкам, а также по тем местам, которые подсказывает тебе богатая фантазия!

— Что ты можешь мне дать, грязнейший из грязнейших? — поразился Акбардин. — Крепка моя хижина, и каждый день я имею хлеб с молоком, а по пятницам — да святится имя эмира! — большую рыбу в маленькой железной баночке.

— О, я дам тебя могущество самого эмира! — воскликнул панк. — И знай же, что я бы и сам получил его — но мне в лом. У тебя будет столько жен, сколько дозволено, и столько наложниц, сколько захочешь, и столько вкусной рыбы, залитой соусом из помидоров, что она не полезет в твои уста!

— Говори же, если есть тебе что сказать, — повелел Акбардин.

И грязный панк — да забудется всеми его имя: Киндерсюрпризбек, рассказал:

— Знай же, мудрейший из ментов и ментовейший из мудрейших, что происхожу я из славного рода Киндерсюрпризбеков, да не оскудеет он. И был я славным ребенком и добрым юношем, пока судьба не покарала меня за многочисленные грехи. И, решив,

что все мне дозволено, отправился я в путешествие. И шел долго, ибо был пьян. И дошел. И...

— И?.. — воскликнул Акбардин.

— И! — развел руками грязнейший из панков.

— Так что же мы ждем? — удивился Акбардин. — Мой мотоцикл быстр, а дубинка резинова! Устрашим же сами себя!

И они вскочили на мотоцикл мента, причем Акбардин сел впереди, а презреннейший из панков, да забудется всеми его имя — Киндерсюрпризбек, сяди. И набегающий воздух обдувал Акбардина, и дыхание его было легко. А протертые шины скрипели на поворотах, и скрип тот был ужасен.

И надо сказать, о читатель, что в дни те съехались в достославный халифат многочисленные эмиры и короли. Обсуждали они великие дела — как менять медь на серебро и как пятым хлебами накормить всех желающих. А также съехалась многочисленная челядь, и челядь челяди, и прихлебатели, и подпеватели — среди коих и был ваш покорный слуга.

И многие менты великого халифата охраняли по-кой их. Увидев же друга своего, Акбардина, которого ценили за веселый нрав и честность при игре в кумалак, решили они: неладно.

И, решив так, вскочили они на свои мотоциклы, а у кого не было своих, на чужие, и понеслись за Акбардином.

Столько песчинок не лежит на дороге, сколько ментов мчалось за отважным Акбардином. Ибо напряженной была обстановка в халифате. И, увидев их, разбегались презренные панки, и забирались в ксивники хиппи, и рокеры притворялись собственными мотоциклами.

И к исходу третьего дня, когда почувствовал усталость даже отважнейший из ментов, приехали Ак-

бардин и Киндерсюрпризбек к темной пещере. А товарищи Акбардина отстали, ибо были не столь проворны, как отважны.

— О мент из ментов! — вскричал позорный панк. — Вот она, пещера мудрости! И зачерпнешь ты ее там столько, что сам халиф со слезами обнимет тебя — и назначит визирем. А я теперь уйду — ибо мне в лом.

— Подожди, воюющейший из моих седоков! — воскликнул Акбардин. — Открой — кто хранит мудрость, ибо не бывает сокровищ без охраны!

И затрясся панк, обливаясь потом, и ответил:

— Никто ее не хранит, то-то меня и пугает.

— Пойдем же, — велел мент Акбардин. — На-правлю я тебя вперед, дабы пожертвовать малоценным организмом в случае опасности.

И Киндерсюрпризбек поплелся вперед, ибо никто еще не смел перечить Акбардину — да запомнится его имя!

А пещера была темна, как совесть грешника, и длинна, как прегрешения усовестившегося. Трижды споткнулся Киндерсюрпризбек, прежде чем дошли они до цели.

— Вот! — воскликнул презренный панк. — Вот он, источник мудрости, бьет ключом из алмазной чаши! Пей же, отважный мент, и отпусти меня спать, ибо я устал.

— О нет, хитрейший из хитрых, — засмеялся Акбардин. — Выпей вначале сам, ибо мог ты замыслить худое против меня.

И панк выпил из источника, ибо Акбардин был силен, а его дубинка резинова.

Даже мне, о терпеливейшие читатели, не доводилось видеть подобного. Опали с грязного панка коросты и лохмотья, стал он чист челом и сладок дыханием.

Посмотрел ласково на Акбардина и сказал:

— Пей же, мой добный друг... Станешь ты так же прекрасен, как я, и мудр, как халиф.

Покачал головой Акбардин и сказал:

— О нет, прекраснейший из панков. Запрещено мне пить на службе, и чту я этот закон. Лучше зачерпну я побольше мудрости, а дома, после дежурства, вкушу ее с подобающей закуской.

— Интересное решение, — заметил Киндерсюрпризбек, просветлел обликом и ушел в астрал.

А товарищи Акбардина, ждавшие приятеля у входа, не успели даже слезть с мотоциклов, когда увидели его светлый лик. Шел Акбардин твердым шагом, и в руках его был бурдюк с драгоценной влагой.

— Вещественные доказательства, — сказал он друзьям и, сев на мотоцикл, умчался, и никто не решился его переспрашивать, ибо дубинка его была резинова.

Дома же, съев положенное и покурив запретное, сказал пресветлый Акбардин жене:

— Завтра же будем любимцами халифа!

И налил себе Акбардин из бурдюка, и выпил...

Прошло три дня и три ночи с тех пор. И вот, обходя светлые улицы (но не пренебрегая и темными!), увидел ментовейший из ментов, да помнится его имя — Акбардин! — грязного панка.

— Что делаешь ты в этой грязи, светлейший из панков? — поразился Акбардин.

— А что делаешь ты с этой дубинкой, мудрейший из ментов? — съехидничал Киндерсюрпризбек.

Смутился Акбардин, что бывало с ним редко, и ответил:

— Открылось мне, что хоть и стал я умнее визиря, но остался ментом. И не услышит моих слов халиф. Вот и обхожу я по-прежнему улицы...

— А... — протянул Киндерсюрпризбек. — Доумничался?

И тогда огорченный Акбардин схватил его за шиворот и отвел в позорное узилище. Так и должно быть в нашем славном халифате, который так любят заморские короли, ибо западло каждому панку смеяться над ментами.

Но все же в пути Акбардин и Киндерсюрпризбек беседовали о вечном. И беседа их была возвышенна, как лавка Буут-аль Назара, и длинна, как ментовская дубинка... И такова мораль этой истории — даже вкушив от мудрости, не равняйся с халифом. Не положено.

Пародиям рано или поздно отдает должное почти любой писатель. Иногда они приобретают литературную ценность, иногда остаются развлечением узкого круга. Главная проблема при написании пародии — не обидеть пародируемого автора.

В «Дюралевом Небе» я мог позволить себе любые насмешки, потому что пародировал сам себя. И наверное, удачно, потому что электронная публикация текста ввела ряд читателей в заблуждение и я стал получать вопросы: когда же выйдет в свет обещанный роман?

Наверное, это значит, что пародия удалась..

По задумке автора «Дюралевое Небо» (название условное) должно представлять собой некую, не побоюсь этого слова, квинтэссенцию творчества Лукьяненко. Впрочем — представляю план романа. Начинающим авторам он позволит ознакомиться с моей творческой мастерской, а читателям — подготовиться к эпохальному событию — выходу «Дюралевого Неба».

ДЮРАЛЕВОЕ НЕБО

1

...Недалекое будущее. Москва. Шесть главных ге-
роев связаны единой нитью, о которой они, впро-
чем, и не подозревают.

Первый персонаж — писатель-фантаст Сергей Леонидов. Вот он идет из магазина, помахивая пакетом с сосисками и водкой, весь погруженный в обдумывание нового гениального романа. Леонидов — в глубине души — добрый и романтичный человек, что и отражается в его книгах. В то же время в жизни он прячет эти черты под маской едкого, агрессивного, злобного мизантропа.

Так легче выжить в трудном мире. Мы еще не раз встретимся с Леонидом, а целых два раза.

Второй персонаж — киллер-любитель Иван Рахметов. Вот он проходит мимо Леонида, погруженный в свои мысли. Больше всего на свете Рахметов любит детей. А поскольку наш мир относится к детям жестоко, Рахметов считает своим долгом избавлять их от страданий. В карманах Рахметова — конфеты с мышьяком, коловорот, пистолет «ТТ» собственной модификации, несколько гранат. Отвра-

тительный тип! На протяжении всей книги он будет творить свои злодеяния. Сейчас Рахметов выслеживает юного лидера беспризорников Москвы, не раз встававшего на пути его черных планов.

А вот и сам юный лидер беспризорников, Володя Пушкирев. Ему двенадцать лет, у него большие задумчивые глаза и талант художника. За неимением средств Володя по ночам рисует мелками на асфальте на площадях. Но уже к утру разгневанные дворники смывают его великие картины, которые могли бы наполнить души людей добротой. Но Володя не относится к своему дарованию серьезно. Он мечтает стать космонавтом. С этой целью он, поступиввшись принципами, даже идет на воровство, а все деньги тратит на аттракционы. Так Володя воспитывает в себе выносливость. Внимательность мальчик воспитывает уходом за любимым тамагучи, а тягу к прекрасному удовлетворяет просмотром японской мультипликации — анимэ.

А вот первая любовь Володи, девочка по имени Ольга. Она — дочь боевого летчика, генерала Монова, попавшего в плен к кавказским сепаратистам во время выполнения гуманитарной миссии. Истребитель генерала разбился в горах, сам он, тяжело раненный, вот уже второй год добирается на родину автостопом. Но девочка не знает об этом. Ольга тоже любит анимэ и тамагучи, а еще она умеет управлять боевым самолетом и первый свой вылет произвела в пять лет, причем ночью, в туман и в боевой обстановке.

Наш пятый персонаж — ролевик-толкиноид, эльф от рождения — Гвоздедир.

Своего человеческого имени он и сам не помнит. Вот он идет со своим верным деревянным мечом, возвращаясь с очередной ролевки. На душе его лег-

ко, в глазах горит огонь, порванный в бою хайратник аккуратно заштопан. Сейчас он размышляет, куда бы пойти на влписку.

И наконец, наш шестой персонаж. Это программист-компьютерщик, фидоинтернетчик, человек, умеющий говорить и петь на ассемблере, Алексей Кривохостов. В компьютерном мире Москвы о нем ходят легенды. Это он, когда во время интересного чата сгорел модем, в течение полутора часов насвистывал в трубку информацию в двоичном коде. Это он изобрел комплейн.

Это он является бессменным модератором эхоконференции BAD.MSG.

Алексей редко покидает свое кресло у компьютера. Порой к нему заходит за консультацией писатель Леонидов, тогда они пьют пиво и говорят о литературе. Порой к Алексею приходят интересные женщины: мама варит ему еду на неделю, а сестра подметает и моет посуду.

Все! Главные герои намечены!

Теперь переходим непосредственно к действию

2

...Морозный московский вечер. Лидер беспризорников Володя Пушкирев пробирается к штаб-квартире — статуе Мухиной «Рабочий и колхозница». Там уже давно организована детская коммуна. Мальчики живут в пустотелой статуе рабочего, девочки — в пустотелой колхознице. Это справедливо, ибо мальчиков в коммуне больше. Изнутри статуи утеплены поролоном и стекловатой, там царит обстановка братства

и взаимопонимания. Лишь в двух местах статуи сообщаются друг с другом — в районе пояса и в районе поднятых рук. Там, у «иллюминатора», по вечерам встречаются влюбленные и шепчутся, глядя друг на друга сквозь маленькое отверстие.

Сегодня у детей праздник — добыта новая кассета с анимэ! Мультфильм «Крылья Хоннеамизэ» повествует о полете в космос первого человека — простого японского паренька. Только Володя и Оля знают правду, знают, что в космос первым полетел Юрий Гагарин. Но им не верят.

А вокруг статуи, не подозревая, что цель так близка, блуждает маньяк Рахметов. Наконец он видит цель — беспризорного ребенка. Рахметов бросается к нему, намереваясь совершить свое черное дело. Но тут из темноты появляется отважный эльф Гвоздедир, размахивая деревянным мечом.

Испуганный маньяк убегает.

— Пойдем, — говорит Гвоздедир ребенку. — Будешь хоббитом. Я расскажу тебе о Сильмарилах и научу носить хайратник!

А в это время...

Вынырнув из гиперпространства, слегка смяв при развороте кольца Сатурна, к Земле приближается исполинский космический корабль, окутанный цветными покрывалами защитных полей. Чужие пришли! Это древняя раса Аде-Ноидов, которая решила совершить ритуальное самоубийство. Но перед этим чужие желают передать кому-нибудь всю накопленную ими за миллионы лет мудрость. И вот по всей Земле сами собой включаются телевизоры и радиоприемники, компьютеры и магнитофоны. И отовсюду доносится голос Чужих.

Земле дан великий шанс! Она выбрана наследницей Аде-Ноидов. Но, пораженные наличием на планете отдельных государств, чужие решают, что вла-

деть великой силой будет то государство, чей представитель первым прикоснется к их кораблю.

Корабль выходит на околоцентрическую орбиту и начинает ждать...

Писатель Леонидов остановившимся взглядом смотрит в экран компьютера.

Белая горячка, шизофрения или Чужие Пришли? — размышляет он.

Хакер Кривохостов, успевший во время трансляции влезть в компьютерную сеть корабля, с любопытством изучает новые языки программирования.

Ролевик-затейник Гвоздедир пока ни о чем не подозревает. На вписке, куда он пришел, нет ни телевизора, ни радио, ни газовой плиты, ничего — кроме матрасов и гитары.

Дети ликуют. Только самые маленькие недовольны тем, что прервался мультик.

Володя и Оля встречаются у «иллюминатора».

— Россия заслужила галактическую мудрость! — возбужденно говорит Володя.

— Давно уже, — соглашается Оля.

— Как ты думаешь, наши успеют запустить ракету? — спрашивает Пушкарев.

Оля вспоминает секретные документы, которые ей перед сном читал папа-генерал, и качает головой:

— Нет. Не успеть. Американцы стартуют первыми.

— Это несправедливо... — решает Володя.

В расстроенных чувствах он выбирается из статуи, начинает бродить по ночных улицам. На улицах много народа — все смотрят на плывущий в небе исполинский корабль. Всех встречных Володя спрашивает:

— Как вы думаете, успеем?

— Нет, точно не успеем, — отвечают ему.

И только писатель Леонидов снисходит до более пространного ответа:

— Нет, мальчик. Космическая техника запущена до-нельзя. Сейчас, наверное, самая целая наша ракета — та, что на ВВЦ стоит, перед павильоном «Космос».

Писатель не замечает, как вспыхивают глаза мальчика...

Космодром Байконур. Одна ракета все же нашлась. Ее готовят к старту.

Внезапно власти Казахстана, получив приказ из США, перекрывают подачу электроэнергии. Космодром парализован...

Космодром Плесецк. Ракеты есть, но нет горючего.

Космодром Капустин Яр. Есть одна ракета и много горючего. Но американский агент Вилли Хейтс успевает включить дьявольскую программу, установленную на бесхитростные русские компьютеры. Не выдержав нагрузки, машины сгорают. Взрыв, огонь, смерть... Эпические сцены тушения пожара, охоты на шпиона, военно-полевого суда...

А на мысе Канаверал готовят к старту шаттл «Индепендент». Американцы ликуют. Скоро они станут еще умнее! Вкус жвачки приобретет еще большую свежесть, памперсы начнут служить пожизненно, а Бэтмену поставят памятники в каждом городе Земли. Да мало ли что сможет придумать американский гений, получив доступ к галактическим знаниям!

Правительство России скорбно признает, что в этой космической гонке уже победили американцы...

3

...Бледный рассвет. На ВДНХ — огромная толпа бездомных детей, пришедших послушать своего вождя. Володя Пушкирев призывает их совершить под-

виг и добиться для России так необходимой Галактической Мудрости.

— Нам нечего терять! — кричит Пушкирев. — Так не потеряем же ничего!

Воодушевленные его словами, дети идут к ракете, установленной перед павильоном «Космос». Впереди — Володя и Оля. По пути Оля объясняет всем, что наши ракеты — самые мощные в мире, потому что у них гораздо больше двигателей, чем в американских. От ее простых и бесхитростных слов в глазах детей зажигается огонь гордости за родину.

— А где мы возьмем горючее? — спрашивает кто-то.

— Я уже связалась с друзьями-летчиками, — отвечает Оля. — Они привезут нам авиационный керосин.

— А где мы возьмем окислитель? — спрашивает кто-то более умный.

Ольга хмурится. Жидкий кислород с неба не падает! Но она склонна решать проблемы по мере их накопления.

— А где мы возьмем «Ключ-на-Старт»? — задает кто-то еще более важный вопрос. Ольга разводит руками. Да, всем известно, что без Ключа ракеты не летают.

— Найдем! — говорит Ольга.

4

В штаб-квартире ЦРУ — паника. Со спутников видно, что огромная толпа детей собралась на ВДНХ и что-то делает с ракетой. Постепенно к ним присоединяются взрослые — среди них бывшие космонавты, инженеры, техники.

Потянулись цистерны с керосином, ракету начали заправлять... Руководит всем девочка Оля. А Во-

лоде Пушкареву тем временем принесли настоящий космический скафандр, выкраденный из Дворца молодежи.

— Такими темпами они запустят ракету к вечеру! — сообщают аналитики.

И вот уже принято решение — ударить по Москве секретным погодным оружием. Слишком уж высоки ставки в этой космической гонке! И вот замаскированный американский спутник наводит на Москву решетки фазоизлучателей...

Хакер Кривохостов, любопытства ради забравшийся в компьютеры Пентагона, неодобрительно качает головой и нажимает пару клавиш. Страшный спутник самоликвидируется. Но — удар уже нанесен...

...В небе над Москвой гремит гром. И сразу же начинается резкое похолодание. Вначале просто идет снег. Самые нестойкие уходят. Но большинство детей, озябшие, посиневшие от холода, продолжают упорно работать. Подвиг Яра Талалаева, снимающего на видеокамеру все процессы подготовки ракеты — даже по колено в снегу... Подвиг Миши Сизлиса, вовремя закрутившего несколько важных гаек... А становится все холоднее!

Температура падает и падает...

— Ведра! — вовремя командует Оля.

С неба начинает идти дождь из жидкого кислорода. Дети мужественно вычертывают его ведрами из фонтана «Дружба народов» и заливают в баки ракеты. Работа спорится.

— Близится великая битва добра и зла... — задумчиво говорит Оля. — Как в «звездных войнах»...

Американцы, только теперь сообразив, что сыграли на руку русским, в ужасе смотрят на ударный детский труд. Вот уже президенту доложили о происходящем. Не снимая с колен секретаршу, президент командует:

— Задействуйте наших тайных агентов! Поднимите «стелсы» и сожгите эту чертову железяку! Ракета не должна взлететь!

А тем временем коварный маньяк-любитель Иван Рахметов подползает сзади к Володе Пушкареву, наевающему скафандр. В руках Рахметова его любимый коловорот. Миг — и в костюме сделана дырочка. Злодейски улыбаясь, Рахметов уползает и прячется в сугроб. Какой оригинальный метод убийства! — думает маньяк. Если бы он знал, что играет на руку мировому империализму... Но он не знает. А Волodia, ничего не подозревая, идет к ракете.

В этот момент боевой генерал Монов наконец-то добирается до Москвы.

Он уже в курсе происходящего и сразу понимает, что единственная надежда — запустить «Восток» с ВДНХ. Крепко сжимая в кармане свой талисман, оставшийся еще со времен учебы в школе космонавтов, он, прихрамывая,двигается к ракете...

А наймиты ЦРУ уже принялись за работу! Они распространяли среди всех торговцев на ВДНХ слух, что, стартуя, ракета спалит выхлопом автостоянку, расположенную прямо под ней. И вот уже толпа озверевших коммерсантов идет громить ракету...

А к Москве приближаются два «стелса»...

Хакер Кривохостов качает головой. Сбить «стелсы» ему не удается, потому что он никогда не любил авиасимуляторов. Единственный выход — предупредить героев о готовящейся атаке. И он совершает свой личный подвиг.

Встает.

Надевает штаны и майку.

Смотрит за окно, не может оценить температуру визуально, потому заходит на пару серверов и узнает погоду в Москве.

Надевает шубу.

Выходит. Спускается в метро.

Жизнь для хакера полна неожиданностей. Оказывается, на свете очень много людей! И разговаривают они войсом, а не стучат по клавиатурам. Среди людей попадаются девушки! Пораженный увиденным, хакер кое-как добирается до ВДНХ. С первого взгляда понимает, что главный организатор — Оля. Подходит к ней и молча выкладывает карту с нанесенным на нее маршрутом «стелсов»...

Оля бледнеет. Но она никогда не сдается!

— Заправляйте самолет, ребята! — кричит она, указывая на стоящий на постаменте «МиГ-15». — И тащите его на крышу вон того павильона... оттуда будем взлетать.

Затесавшийся в толпу писатель Леонидов молча дает ей оружие — свой любимый газовый пистолет. Шепчет: «Чем могу...» Хакер Кривохостов тем временем кричит Володе:

— Помни! Я взломал компьютеры Чужих! Чужие на самом деле похожи на...

Рев толпы заглушает его слова. К ракете подходят коммерсанты.

Начинается жестокая схватка. Дети, вооруженные ведрами с жидким кислородом, пытаются удержать взрослых от ошибки. А Володя уже забрался в ракету, смотрит на пульт и кричит:

— Но тут же нет Ключа-на-Старт! Я не смогу взлететь!

Темп событий нарастает...

Старый истребитель затащивают на крышу павильона, вооруженная пистолетом Оля садится в кабину. Она не знает, что совсем рядом ее пapa: он добрался-таки до ракеты, оценил обстановку и достал из кармана свой талисман. Это и есть ОН! Ключ-на-

Старт! Оказавшийся в толпе бард Вася Володин начинает петь песню «Ключ на старт», мимоходом лупя нападающих гитарой. Тем временем Оля, понимая, как многое от нее зависит, стартует с крыши павильона. Ее старенький, но крепкий истребитель резво набирает высоту. Оля мчится на перехват «стелсов».

Американцы, не ожидавшие встретить сопротивления, открывают огонь.

Но благодаря низкой скорости «МиГа» и устаревности его конструкции все ракеты проходят мимо. А вот Оля, ловко высунувшись из кабины, ухитряется кулаком разбить стекла самолетов и выстрелить внутрь из газового пистолета. Один истребитель падает, второй на автопилоте возвращается на базу...

А ряды защитников ракеты редеют... Кончился жидкий кислород, и отбиваться уже нечем. Последнюю линию обороны держат бард Володин, писатель Леонидов и хакер Кривохостов, вспомнивший навыки игры в «Мортал комбат». Маньяк-любитель Рахметов, обалдев от происходящего, носится среди нападающих, убивая всех кого ни попадя. Потом бросается к бакам и начинает сверлить их коловоротом. Вот-вот ракета будет уничтожена...

И тут раздается задорная боевая песня: «О Элберет! Гилтониэль!»

Толпа ролевиков во главе с Гвоздедиром приходит на помощь!

Деревянными мечами они беспощадно лупят коммерсантов, и те разбегаются.

Леонидов начинает оказывать первую помощь пострадавшим детям, и в его глазах появляется скрываемое раньше чувство добра и милосердия.

— Ключ на старт! — говорит в ракете Володя Пушкарев. Ставит перед собой на пульт любимого тамагучи — через минуту его пора высаживать на горшок, и нажимает главную кнопку.

В этот миг Рахметов таки продырявливает бак! Струя жидкого кислорода хлещет на землю. И тогда Гвоздедир, одетый в кольчугу поверх ватника, героически закрывает пробоину одной из частей своего тела. Он мгновенно примерзают к баку и ликвидирует тем самым течь.

— Космос для эльфов! — кричит он. — Русские не сдаются!

Рахметов в этот миг пытается продырявить дюзы. И вдруг... над его головой раздается рев насоса. Он поднимает голову — и видит огнедышащее пламя.

Поделом гаду и мука!

Ракета начинает медленно и красиво взлетать. Гвоздедир, которому в последний миг генерал Монов успел дать свой именной парашют, взлетает вместе с ракетой, размахивая деревянным мечом и распева боевой гимн.

Наступает тишина...

Конец первой книги.

Хотите ли Вы узнать, сможет ли Володя Пушкирев выйти на орбиту?

Сможет ли он заделать дырочку в скафандре, а если да, то как?

Действительно ли погиб маньяк Рахметов?

Что станет с отважным Гвоздедиром?

Промерзнет ли Москва насквозь?

Что такое на самом деле Останкинская телебашня и где спрятан ее фотонный отражатель?

На кого похожи Чужие?

Получит ли Россия Галактическую Мудрость?

ЧИТАЙТЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ

ВЕЛИКОГО РОМАНА!

КНИГУ «АЛЮМИНИЕВЫЕ ОБЛАКА»!

Рассказы, написанные на спор, — очень странное и весьма распространенное явление. «Фузы в мундире» — рассказ, к которому я относился абсолютно несерьезно. Однажды, прочитав какой-то фантастический рассказ (какой именно — к делу сейчас не относится), я поспорил со своим коллегой, писателем-фантастом Алланом Кубатиевым. Речь шла о том, легко ли писать рассказы «промоделированные классической литературой», полные аллюзий, явных и скрытых читат. Я упрямо стоял на том, что это не слишком уж сложное занятие. В результате я получил сумки времени и задание написать рассказ, «промоделированный японской и китайской литературой» (в которой, если честно, я разбирался не слишком глубоко).

Результат — перед Вами. Рассказ, написанный в шутку, в стиле капустника (ведь все его персонажи имеют прототипов среди участников спора), свои шутливые рамки явно пересос. Как это происходит — я не знаю. Писатель не всегда властен над своим текстом.

И как хорошо, что не властен...

ФУГУ В МУНДИРЕ

«Куда девалась моя молодая жена?» — спросил хозяин. «Пучок зеленой травы у рта осла и есть твоя молодая жена», — ответил обезьяна-странник.

Шихуа о том, как Трипитаки великой Тан добыл священные книги

1. МЕСТНОСТЬ РАССЕЯНИЯ

— Арана-сан, — сказал я, склоняясь в поклоне. — Примите мое о-сэйбо по случаю кэдзимэ...

— По случаю Нового года, — неуверенно поправил меня Валера. — Или не уточняй ни фига. О-сэйбо — оно и есть о-сэйбо.

Сегодня — двадцать седьмое декабря. Срок, когда я мог исполнить нормы гири, истекал... Да, вы же не знаете, что такое нормы гири... Если на вашем календаре и стоит двадцать седьмое декабря, то год наверняка не тот. Восьмидесятый или девяносто пятый... И ни черта вам не известно — ни о гири, ни о ниндзе... Вы их спутаете с гирями и ниндзяями. Вам хорошо. Вы живете в России — или в РСФСР. Вы...

Да ну вас на фиг. Мне дали конверт, который можно отправить в прошлое. Чистый конверт из плотной белой бумаги. Я запишу все, что успею. А объяснять вам про перестройку, про президента Ельцина, про всероссийский референдум о Курилах... Забавный все же вышел у него итог. Два года минуло, а до сих пор смеюсь, как вспомню. И надо же было острякам русофилам из парламента вставить в текст третий пункт...

«Референдум граждан России по вопросу территориальной принадлежности Курильских островов Кунашир, Шикотан, Итуруп и Хабомаи.

1. Я за то, чтобы передать вышеуказанные острова под суверенитет Японии.

2. Я за то, чтобы сохранить над вышеуказанными островами суверенитет России.

3. Я за то, чтобы передать Россию под суверенитет Японии».

Как они веселились, парламентарии последнегозыва, голосуя за третий пункт! Показать абсурдность всего референдума! Острова наши! Наши! Навсегда! А-а-а-а! Девяносто семь процентов? А-а-а-а-а!

Вот так и живем. В Стране восходящего солнца. Очень демократично, и двуязычие по всей Японии введено. Даже в Токио, в столице, большинство весок на японском и на русском.

Двуязычие — дружбы два крыла, писал мне друг из сопредельной страны, бывшей СССР-ской республики. Она тоже к нам попросилась. Но Хасэгава Мититаро, наш премьер, сказал, что не раньше середины двадцать первого века. Иначе не осилят. Японцев, коренных, понять можно — они немного растерялись. Три дня в парламенте драки шли: решали, присоединять нас или нет. Решились...

А двуязычие — это хорошо. И никакой национальной дискриминации. Любой может занимать ру-

ководящие должности, все равно — коренной ты японец, русско-японец или беглый грузин. Надо только знать оба государственных языка.

Мы с Валерой работаем в компании по постройке Садов Камней. Валера каменщик, я садовник. Вокруг камней должна быть лужайка надлежащей формы и с надлежащей, точнее, произрастающей травкой. Валера ездит на джипе по окрестностям, ищет подходящие камни, привозит, устанавливает... У него чутье на хорошие камни, он незаменим. А я потом вокруг камней травку высаживаю. Начальник наш, Арана-сан, как правило, доволен... Впрочем, что я все о себе да о Валере? Главное — рассказать вам о фугу.

2. МЕСТНОСТЬ НЕУСТОЙЧИВОСТИ

Арана-сан кивнул, и я начал декламировать:

Обвита плющом скала...
В море, в Ивами,
Там, где выступает мыс
Караносаки,
На камнях растут в воде
Фукамиру-водоросли,
На скалистом берегу —
Жемчуг-водоросли.
Как жемчужная трава
Гнется и к земле прильнет,
Так спала, прильнув ко мне,
Милая моя жена.
Глубоко растут в воде
Фукамиру-водоросли,
Глубоко любил ее,

Ненаглядную мою.
Но немного нам дано
Было радостных дней...

Валерка, сидящий на корточках в стороне, дернулся и прошипел:

— Ночей, идиот...

Я уставился на сидящего с полузакрытыми глазами Арана-сана. Он слегка покачивался в такт словам — может быть, проговаривал их на японском? А, хрен с ним. Главное — не замолкать! Мысль мелькнула как молния, и я продолжил:

Что в ее объятьях спал.
Листья алые плюща
Разошлись по сторонам —
Разлучились с нею мы.
И когда расстался я,
Словно печень у меня
Раскололась на куски.

Господи! У Арана-сана хронический холецистит!
Поймет ли он меня правильно? Не примет за скрытую насмешку слова... Дьявол! У него еще и грудная жаба! А мне читать дальше...

Стало горестно болеть
Сердце бедное мое.
И, в печали уходя,
Все оглядывался я...
Но большой корабль
Плывет...
И на склонах Батари...

Валерка дернулся — видимо, я опять в чем-то ошибся. Мне и Пушкин в школе давался с трудом. А эти проклятые стихи, без всякой рифмы...

— Хорошо, Сергей. — Арана-сан улыбнулся. Бог ведает, что за этой улыбкой. — Спасибо, что напомнили о моей неизбытной тоске по родным островам, по любимой жене. Спасибо...

Он слегка поклонился. Говорит Арана-сан по-русски здорово, вот только с буквой «л» проблемы.

— Рад, очень рад вам...

Согнувшись в церемонном поклоне (корпус наклоняется на 20—30 градусов и в таком положении сохраняется около двух-трех секунд), я протянул Арана-сану белый сверток — о-сэйбо, новогодний подарок. Слава Богу, справился... Я отошел в сторону, а мое место занял Валера. Поклонился и сказал:

— Позвольте, Арана-сан, прочесть мои несовершенные строки. Им не сравниться со словами мастера, что нашел Сергей, но их родило мое сердце.

Арана-сан улыбнулся. И, кажется, куда лучше, чем мне...

Оттого, что горы высоки,
Стелется в полях жемчужный плющ,
Нет ему ни срока, ни конца,
О, когда бы так же, без конца,
Видеть вас, сэнсэй, я мог!

Валера протянул Арана-сану свой подарок. А начальник...

— О-рэй о-мосимас! — воскликнул Арана-сан. — Рошадь узнают в езде, черовека — в общении.

Он снова улыбнулся и повторил пословицу на японском. Я стоял посрамленный и униженный. Господи! Ну что мне стоило тоже сочинить пятистишие, а не заучивать длинный и скучный текст! Кретин! Поделом! Кто слишком умен, у того друзей не бывает! Захотелось же мне показаться самым умным... Задумал муравей Фудзияму сдвинуть...

3. МЕСТНОСТЬ ОСПАРИВАЕМАЯ

— Да плюнь ты! — утешал меня Валерка. — Понесли они все на фиг! Что я им, осел, хокки сочинять? Они сами их не знают. Переделал одну, и дело с концом... А тебе я что советовал?

Я вздохнул. Спросил:

— Слушай, а ты не жалеешь?

— О чём?

— Ну... как раньше было.

Валерка покрутил пальцем у виска:

— Ты чё, псих? Ты бы раньше на «тойоте» ездил?

А я на «мицубиси» катался? Да мы с тобой на пару за три года на старый «запорожец» не зарабатывали! А как вкалывали! На птицефабрике проводку чинили, по колено в курином дерьме... Еще и вода протекала, помнишь? А у тебя сапог не было, ты по загородкам как обезьяна прыгал... Ну а с книгами, помнишь? Из Москвы к нам в глубинку возили спекулировать. Детективы, фантастику... Помнишь Дика, «Человек в высоком замке», как японцы с немцами Америку оккупировали? Вещь! И японцы правильно описали, хорошо... Такой сюр!

Все. О сюре Валерка может говорить часами. Он его любит — во всех формах, особенно в напечатанных... Я вздохнул и поднялся:

— Слушай, я пойду развеюсь. Может, в бар загляну.

— Пьянствовать? Да не переживай ты! И Конфуцию не всегда везло!

Я торопливо вышел. От японских пословиц меня иногда начинало бросать в дрожь. А поскольку Валерка их любит, то приходится смиряться. Мы с ним арендует трехкомнатную квартиру на двоих, так дешевле выходит. И на работу можно ездить на одной машине — сегодня везу я, завтра Валера. Там он бе-

рет служебный джип и мчится искать булыжники. А я сею травку.

«Что это такое?» «Не знаю», — последовал ответ. «Здесь у меня на шее мешок с твоими сухими костями, я два раза съедал тебя», — произнес Шэньша. «А ты, оказывается, совсем ничего не знаешь, — сказал монах. — Ведь если ты и на этот раз не изменишь своего поведения, придется тебя уничтожить вместе со всем родом». Шэньша почтительно сложил ладони — он поблагодарил за оказанную милость и проявленное сострадание...

По голове меня стукнули, едва я вышел из подъезда. Дальше было темно, затем мокро и холодно. Я открыл глаза — светло.

В каком-то бункерообразном полуподвале с крошечными зарешеченными окошками и грязными бетонными стенами сидели двое мужчин. Один русский, другой... то ли японец, то ли нет. Более полный какой-то.

— Извините за обращение, — с улыбкой сказал то ли японец. — Грубо, увы... Грубо...

Он повернулся к своему явно русскому соседу:

— Нельзя прощать слугам, если они обидели чужого человека, Андрей. Прощайте слугам, если они обидели вас.

Андрей кивнул, но не выказал ни малейшего желания броситься наказывать нерадивых слуг.

То ли японец продолжал:

— Вас расстроило обращение с вами Арана-сана, не так ли? Увы, когда жадному человеку преподносят золото, он недоволен тем, что ему не поднесли яшму. Люди Поднебесной понимают это.

Китаец!

— Скажу откровенно, — начал китаец, — до нас дошло известие о попавшем к вам конверте.

Он сделал паузу. Хорошо сделал, красиво. Явно русский не сумел бы... Так я и думал! Русский нарушил молчание:

— Мы просим передать конверт нам — за любое вознаграждение.

— Зачем? — спросил я. Отрицать факты было глупо.

— Мы постараемся предупредить нужных людей... в прошлом. Они предотвратят присоединение России к японцам!

— Как? — Мне стало интересно.

Явно русский с сомнением посмотрел на китайца. Тот кивнул:

— Люди... скажем так, резиденты, получат задание любой ценой устраниТЬ ряд лиц. Тех, кто настоял на третьем пункте референдума. Тогда история потечет по-другому.

— А что будет с нами?

Русский радостно улыбнулся:

— А мы исчезнем! Станем невозможными!

Китаец кивнул. И начал:

— Когда ищешь огонь, находишь его вместе с дымом. Увы нам...

— Да пошли вы на хер! — завопил я. — Мне с японцами нравится. Я уже семьдесят иероглифов выучил!

Про семьдесят я, конечно, приврал. От силы сорок. Но тут меня снова ударили по голове. Сильно. И под ребра. Не слабее.

4. МЕСТНОСТЬ СМЕШЕНИЯ

«Острый холецистит — острое неспецифическое воспаление желчного пузыря. Эtiология: инфицирование восходящим и нисходящим путем. Симптомы, течение: после погрешностей в диете возникают интенсивные боли в эпигастральной области...»

— Слушай, а может, и от удара он возникает? — морщась от боли, спросил я.

— Сергей, кто из нас медицинский кончал? Чего ты пристал? Хочешь, в другом месте почитаю... У тебя живот болит, так... Острый живот... Разрыв желчного пузыря...

— Эй, кончай! — Я отобрал у него справочник практического врача и учебник травматологии. — Я б уже загнулся. Уж симптомы воспаления брюшины я помню!

Валерка с уважением посмотрел на меня. Однажды, чиркая спичкой о стекло за неимением коробка, он отрезал себе с четверть пальца. Я хладнокровно посоветовал залепить ранку бумагой, и с тех пор он утвердился во мнении, что я — повидавший всякого врача. Тем более что палец, к моему удивлению, зажил отлично. На Валерке все хорошо заживает, на мне куда хуже. Однажды нам дал по морде один и тот же парень. У меня вылетел зуб, а у Валерки только раскрошился немножко. Жизнь — странная штука... Я немножко подумал, нельзя ли сказать «жизнь — странная штука» Арана-сану как афоризм, потом решил, что это слишком просто. Нужно чего-нибудь добавить... Вот! «Жизнь — странная штука. Восход в ней предшествует закату, но в полдень мы постигаем, как коротка наша тень». Неплохо. Японцам понравится. Китайцам тоже... Я вспомнил китайцев и выматерился.

— Это зря. — Валерка с состраданием посмотрел на меня. — Русский мат — самый некрасивый пережиток суверенитета.

— Да брось ты... Словно Арана-сан не матерится.

— Все равно не надо. Я сейчас позвоню, вызову гейш. Ты при них не ругайся.

— А мы осилим?

— Двоих-то? Ну давай одну пригласим...

— Я не о том! У нас ѹен хватит?

Валера усмехнулся:

— С премиальными можно и погулять. Арана-сан получил большое ниндзе от моего гири... Ну, расщедрился, конечно...

Я со вздохом отвернулся к стене.

При виде гейш у меня прошли и бок, и голова. Вообще полегчало. Гейши были маленькие, узкоглазые и в роскошных кимоно. По-русски они говорили совсем неплохо — наверное, специализировались на новых японцах.

Вначале мы пили сладкое сакэ, закусывая охаги. После третьей чашечки гейши опьянили, да и у меня после всех волнений закружилась голова. Гейша в розовом кимоно встала и вдохновенно прочитала:

Абунаку мо ари
мэдэтаку мо ари
моко ири-но
юубэ-ни ватару
хитоцубаси.

Мы с Валерой переглянулись и вежливо засмеялись:

— Ва-ха-ха!

— О-хо-хо, — благопристойным женским смехом такаварай ответили гейши. Затем та, что в розовом, перевела стихи на русский:

Тут тебе и боязно,
тут тебе и радостно,
идя к жениху,
перейти в вечерней мгле
по бревну ручей.

Гейша поклонилась и села на корточки. Мы дружно засмеялись смехом синобиварай:

— У-ху-ху! У-ху-ху!

* * *

Далеко за полночь, раскачиваясь над сладко всхлипывающей гейшей в розовом (розовое сейчас валялось на полу возле кровати), я шептал:

— Ты моя венчнозеленая сакура... Ты мой лотос под лунным светом... Всегда любил японских женщин, всегда. Я счастлив с тобой... Трахая тебя, я ощущаю, как вхожу в тело Японии, срастаюсь со Страной восходящего солнца...

Гейша вдруг всхлипнула. И, уже выгибаясь в ликующей дуге оргазма, простонала:

— Какая же я тебе японка, мудак... Я кыргызка, я в СССР родилась... Бери меня, бери меня еще, любимый! О-о-о!

— А-а-а! — завопил я, ослабевая.

5. МЕСТНОСТЬ-ПЕРЕКРЕСТОК

— Карээда ни карасу но томаритару я аки но курэ, — сказал я. — Прощай, любимая.

— Фуруикэ я кавадзу тобикому мидзу-но-ото, — прошептала она. — Мы еще встретимся, милый.

Нет, лучше все-таки сказать это по-русски. Вы же японского совсем не знаете, а великого Басе не чтите. Повторим заново...

— На голой ветке

Ворон сидит одиноко.

Осенний ветер, — сказал я. — Прощай, любимая.

— Старый пруд...

Прыгнула в воду лягушка.

Всплеск в тишине, — прошептала она. — Мы еще встретимся, милый.

Вот так гораздо лучше.

Сегодня Арана-сан говорил по-русски совершенно чисто. Видимо, от волнения. Мы делали Сад Камней для самого Саканиси Тадаси и должны были кончить его до завтрашнего вечера. А у нас ещё и не все камни подобрались...

Я копошился вокруг Сада, засевая периметр быстро-растущей зеленой травкой. Легкий предновогодний снежок, словно чувствуя свою неуместность, таял, не долетая до земли. Само пространство Сада уже было засыпано отличной неровной галькой, импортированной с Капчагайского карьера в Казахстане.

Урча мотором, подъехал Валерка. Урчал джип, Валерка сиял радостной улыбкой.

— Арана-сан, — крикнул он. — Нашел! Вот он, главный камень Сада!

Арана-сан заглянул в джип. Придирчиво осмотрел огромный валун. Послюнявил палец, потер им камень, лизнул... Лицо его расплылось в довольной улыбке.

— Хорошо, — сказал он. — Устанавливать будем.

Они поднатужились и стали выволакивать валун из джипа.

— Осторожнее! — крикнул я.

Арана-сан гордо промолчал. Валун вывалился из джипа и радостно покатился на них. Валерку отнесло в сторону, а Арана-сан храбро запрыгал перед валуном, пытаясь притормозить его руками. Валун неумолимо наступал, прижимая Арана-сана к стене дома Саканиси-сана.

Я испугался, потом вспомнил, что дом Саканиси-сана сделан из рисовой бумаги, и успокоился.

У самой стены валун остановился. Арана-сан облегченно вздохнул и прошептал что-то по-японски. С огорчением посмотрел на раскрошившийся край валуна. Вновь обошел вокруг него, всматриваясь. Кивнул:

— Еще ручше стало. Берись, Варера.

Рыча от натуги, они поволокли камень.

— Помочь? — робко предложил я.

Валера и Арана-сан дружно покачали головами. Я достал новый пакетик с семенами и стал укладывать их в проковырянные специальной иголочкой лунки.

— Знаешь, чего мне сказала моя? — спросил Валерка на перекуре.

Я покачал головой.

— Только мы кончили, как она заявляет: «Хорошо, когда у юноши или малого ребенка пухлые щеки». Я окрысился, ору: «Какие это у меня пухлые щеки? Это у моего напарника пухлые!» А она отвечает: «Глупый, это же слова Сэй-Сенагон! Неужели не читал? Любимая книга премьера Мититаро! Там еще сказано: "Люблю, когда пажи маленькие и волосы у них красивые, ложатся гладкими прядями, чуть отливающими глянцем. Когда такой паж милым голоском почтительно говорит с тобою — право, это прелестно"». Ну, мне уже и на Мититаро плевать захотелось... — Валерка опасливо огляделся. — Я и говорю: «Гомик твой Сэй-Сенагон!» А она к стене отвернулась, заплакала и говорит: «Это женщина, она тысячу лет назад жила...» Опростоволосился я...

Валерка со вздохом загасил окурок о главный камень Сада и сказал:

— Ну что, вперед, на бабу Клаву? Работать надо.

6. МЕСТНОСТЬ СЕРЬЕЗНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

— Сергей-сан, — сказал Арана-сан. Я подпрыгнул. — Сергей-сан, мне стало известно, что у вас есть особый конверт. Отдайте его мне. Я стану вашим вечным должником.

— Зачем вам-то конверт? — спросил я.

Помолчав минуту, Арана-сан с улыбкой сказал:

— Один из моих предков не успел доставить важное известие своему князю. Он задержался в пути, и князь умер, не успев прочитать его. Этот позор лег на весь наш род... Он заставил меня уехать с острова. Если я пошлю письмо вместо него... в этом конверте оно дойдет вовремя.

— Простите, Арана-сан, — огорченно ответил я. — Но конверт нужен мне самому.

Арана-сан вздохнул и улыбнулся.

— И что вы все выпрашиваете конверт? — спросил я. — Найдите якудзу, через час доставят... вместе с моим мизинцем, если надо.

— Такие конверты нельзя отнять, — тихо сказал Арана-сан. — Их можно только подарить. Извините за беспокойство, Сергей-сан...

7. МЕСТНОСТЬ БЕЗДОРОЖЬЯ

В курятнике было тепло и пахуче. Полуметровый слой куриного помета застилал пол. Это не беда, конечно... Но подтекшая вода заставила птичье деръмо преть, выделяя в воздух калории и ароматы.

— Как знал, — пробормотал Валера, поправляя высокие, до колен, сапоги. — Ну а ты чего будешь делать в своих ботиночках?

Возбужденно кудахтали куры. Матово поблескивали свежие яйца. Я взял ближайшее яйцо и швырнул его в потолок. Валера заорал.

— Ты чего? — спросил я.

— Скорлупа в волосы попала... Ну, я пошел. — Валера отважно двинулся напролом.

Я стал взбираться на хрупкие рейки курячих загородок.

— Офигел! — заорал Валера.

Но было уже поздно. Доски под ногами хрустнули, и я полетел вниз.

Падать было мягко.

8. МЕСТНОСТЬ ОКРУЖЕНИЯ

— Мне надо уезжать. — Арана-сан потер переносицу. — Справитесь сами?

— Да конечно! — заявил Валера. — Тут осталось всего-то... два камня поставить.

— Хорошо. Точки, куда ставить, вы знаете... — Арана-сан придирчиво взглянул на почти законченный Сад. — Помните — ни с одной точки нельзя увидеть сразу все девять камней. Это главное.

Он пошел к машине.

— Перекур! — радостно объявил Валера, едва шеф уехал. — Работы здесь на час от силы. А Саканиси-сан только вечером придет проверять.

— Может, сделаем вначале? — спросил я.

— Фигня... Отыхай.

Валера задымил, а я задумчиво побрел по Саду. Красиво получается... Я чихнул и полез в карман. Увы, запас одноразовых бумажных платков кончился. И где я ухитрился простыть? Надо было взять обычный матерчатый платок, хоть японцы их и не любят. Им помотал как следует в воздухе — и сморкайся дальше...

На щебенке валялись какие-то белые лоскутки. Непорядок, зато мне на руку. Я подобрал их и с удовольствием освободил нос. Вернулся к Валерке. Тот

посмотрел на лоскутки в моей руке с каким-то невыразительным ужасом:

- Ты где их взял?
- В Саду валялись.
- Ты место, где их брал, помнишь?
- Нет... А что?
- Ими же Арана-сан отметил, куда камни ставить! Дундук! Козел! Что делать будем?

— Отсюда видно? — заорал Валера. Он сидел, скрючившись в три погибели, изображая восьмой камень Сада. — Все девять?

— Если тебя считать за камень, то все девять, — отозвался я.

Валерка выпрямился, плонул и старательно зарыл плевок ногой. Подошел с явным желанием съездить мне по роже, но сдержался. Спросил:

- Что делать-то будем? Времени уже нет.
- Я пожал плечами.
- Может, отдашь свой конверт Саканиси-сану?

Он простит нам задержку...

- Нет, — твердо сказал я.
- Почему?
- Я его отправлю сам.
- Кому?
- Себе самому.
- Думаешь, поможет?
- А вдруг?

Валера замолчал. Потом, воровато оглядевшись, сказал:

- Слушай, есть одна идеяка... Если выгорит, то эти тупые японцы ничего и не поймут. Слушай...

9. МЕСТНОСТЬ СМЕРТИ

— Чудесно, — сказала молодая японка. По-русски, из вежливости к нам. Окружающие наперебой зацокали языками. Саканиси-сан медленно обошел Сад Камней и улыбнулся:

— Да. Откуда ни смотришь восемь камней. У Арана-сана достойный ученики. Рюсский народ сможет жить как островные японцы...

Саканиси-сан вдруг побледнел. Медленно вышел на середину Сада. Обернулся вокруг оси. И прижал ладони к лицу.

— Хана, — коротко резюмировал Валера. — Просек.

— Здесь риши восемь камней, — сказал японец, глядя даже не на нас, а на собравшихся гостей. — Примите мои извинения за позор.

Японцы молчали — они еще не сообразили, в чем дело. Или не желали принимать извинений? Кто их поймет, японцев...

— Сэппуку, — сказал Саканиси-сан. Снег падал ему на голову, и волосы седели на глазах. — Я невиновен, но я хочу показать вам мою душу.

Стоящий рядом со мной пожилой японец достал из бокового кармана пиджака маленький перочинный ножик. Раскрыл его и, согнувшись в поклоне, подал хозяину дома.

Саканиси-сан вздохнул. Глянул на серое небо. И горько сказал:

— Никогда им не стать нами. Зря мы пришли сюда.

Коротким ударом он вонзил лезвие в свой живот.

Сам акт хакири (сэппуку) выполняется разными способами. Вот один из них: кинжал берется в правую руку, вонзается в левый бок и горизонтально проводится ниже пупка до правого бока; затем вер-

тикально от диафрагмы до пересечения с горизонтальным порозом; если не наступает конец, то кинжал далее вонзается в горло. Известны и другие способы.

Машина мчалась по обледенелой дороге, визжа тормозами на поворотах. Валерка цеплялся за руль, как утопающий за спасательный круг. Девятый камень Сада Камней Саканиси-сана тяжело перекатывался в багажнике.

— Напьемся, — который раз повторил Валера. — У меня бутылка заначена... Еще старая, завода «Кристалл»... Вдруг не выдохлась.

— Притормози, — тихо попросил я.

— Опять тошнит?

— Нет. Почтовый ящик...

Валерка затормозил. Неуверенно спросил:

— Думаешь, надо?

Я кивнул:

— Да.

— Все написал?

— Почти все.

— Иди.

Я вылез из джипа и пошел к почтовому ящику — нарядному, с надписями на русском и на японском. Письмо слабо подрагивало в руке.

Дойди. Не зазеряйся, как письмо предка Аранасана. Дойди, прошу тебя. Вдруг ты поможешь нам остаться собой. Дойди...

Пришли в страну Ананасов — то был еще один небесный дворец: прекрасные женщины держались с достоинством, мужчины не отличались от них поведением, подростки шумели и кричали, малыши весело гоняли мяч; львы рядом с драконами мирно урчали, фоянь и тигры посыпывали. Увидев, что вся страна

преисполнена духа благости и окружающая их картина столь необычна, сложили стихи:

Страна Ананасов —
небожителей дивный дворец,
Мужчины и женщины
в гармонии с миром живут,
И даже детишки —
каждый подросток-юнец —
Дух истинной мудрости
с усердием здесь познают...

Валерка сосредоточенно откупоривал бутылку.
Бросил мне мимоходом:

- Надо что-нибудь на закусь.
- Я сделаю фугу, — ответил я.

Валерка вздрогнул. Потом вновь принялся терзать жестяной колпачок.

- Делай. Фугу так фугу.

ФУГУ. Блюдо готовится из небольшой рыбы (иглобрюх или фахак), которая, когда ее поймают, надувается и делается круглой. Ее едят в сыром виде и жареной. Фугу должны готовить только искусные повара, имеющие специальные лицензии, поскольку внутренности рыбы содержат сильный яд; от него ежегодно умирают до двухсот человек.

Оставив позади вершины гор,
В стране Коси,
Где снег идет чудесный,
В какой же наконец из этих дней
Селение родное я увижу?

Некоторые писатели любят рассказывать о своих книгах, и я отношусь к их числу. Ведь даже за самим маленьким рассказом стоит целая история, десятки неведомых читателям ассоциаций, привязок к реальности. И на самом деле для каждого рассказа можно было написать сопоставимую по размерам «объяснительную». Рассказать, например, что уворачивающийся от бульдозера Арана-сан из «Фуку в мундире» — это на самом деле инициатор написания рассказа Аллан Кубатиев, которого в те дни едва не задавило падающим по лестнице здоровенным, килограммов в двести, сейфом. Ну, или можно рассказать, что у рассказа «Капитан» изначально было четвере варианта концовки: «лирическая», «юмористическая», «психологическая» и «драматическая». Именно в таком виде рассказ прошел через переводчик и редактор Владимир Баканов, после чего недрогнувшей рукой отрезал три лишних хвоста.

Но все-таки главное всегда сказано в самом рассказе. Текст — это холст, а все происходит вокруг него — лишь рама.

Но мне было очень приятно встретиться с Вами, дорогой читатель, без посредников, пусть даже они — мои собственные герои.

И может быть, когда мы встретимся в следующий раз, Вам будет легче услышать мой голос.

Содержание

Прекрасное далеко	7
1. Дорога на Веллесберг	12
2. Мой папа — антибиотик	40
3. Почти весна	65
4. Вкус свободы	101
«Л» — значит люди	127
5. Слуга	129
6. «Л» — значит люди	149
7. Визит	174
8. Поезд в Теплый Край	192
9. Проводник Отсюда	209
10. Хозяин дорог	227
Человек, который многое не умел	247
11. За лесом, где подлый враг	250
12. Способность спустить курок	253
13. Нарушение	264
14. Именем Земли	267
15. Человек, который многое не умел	285
16. Капитан	288
17. Последний шанс	298
18. Люди и не-люди	301
19. Категория «зет»	305

Временная суэта	319
20. Временная суэта	321
21. Ласковые мечты полуночи	402
Фугу в мундире	417
22. Восточная баллада о доблестном менте	419
23. Дюралевое небо	426
24. Фугу в мундире	439

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

**СЕРИЯ
"КООРДИНАТЫ ЧУДЕС"**

Лучшие из лучших произведений мировой фантастики, признанные мастера, живые классики жанра и талантливые новые авторы последнего поколения фантастов, буквально ворвавшиеся в литературу...

Величайший фантастический шедевр нашего времени — трилогия Дэна Симонса "Гиперион", "Падение Гипериона" и "Энди-мюн", неподражаемо оригинальные романы Дугласа Адамса из цикла "Автостопом по Галактике" и остросюжетный, полный приключений сериал Лоис М. Бужолд о космическом герое Майзле Форкосигане, великолепные Грег Бир, Конни Уиллис, Джонатан Летем, Джордж Мартин и многие другие...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:

107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высыпает бесплатный каталог.

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

- ◆ **Любителям крутого детектива** – романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.
 - ◆ **Сенсационные документально-художественные произведения**
Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальные серии "Всемирная история в лицах" и "Военно-историческая библиотека".
 - ◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".
 - ◆ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, К.Коултер, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Дж.Стил – в сериях "Шарм", "Очарование", "Откровение", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву", "Классика любовного романа".
 - ◆ **Поющие собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.
 - ◆ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, Л.Буджолд, С.Лукьяненко, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.
 - ◆ **Любителям приключенческого жанра** – "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К.Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны, Р.Шелли, М.Дрюона.
 - ◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".
 - ◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".
 - ◆ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".
 - ◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.
 - ◆ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".
 - ◆ **Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам.** А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.
- Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав
- БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ**
- по адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте", а также посетив фирменные магазины в Москве: Звездный бульвар, д.21. Тел. 974-1805.
2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898. Арбат, д.12. Тел. 291-6101.
Татарская, д.14. Тел. 959-2095. Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.
Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584. Лутанская, д.7. Тел. 322-2822
- Эти книги вы можете приобрести за рубежом, заказав бесплатный каталог по адресам:
- в США – 58 AVE O BROOKLYN NY, 11204, USA, ph.: 718-2346998
в Германии – EXPRESS KURIER СибН, ZUNFTSTRASSE 26, 77694 Kehl-Marlen,
ph.: 0180/5236210, 07854/966411
в Израиле – 2, MENAHEM STREET, HAIFA, ISRAEL, 33505, ph.: 04-8664969, ADAR

Литературно-художественное издание

Лукьяненко Сергей

“Л” — значит люди

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 31.05.99.

Формат 84 x 108 1/32. Усл. печ. л. 24.36.

Тираж 20 000 экз. Заказ № 3442.

**Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры**

**Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.**

ООО “Фирма “Издательство АСТ”

ЛР № 066236 от 22.12.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,

г. Назрань, ул. Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевояна, 25.**

ISBN 5-237-02803-9

9 785237 028034

Сергей Лукьяненко — имя, которое для всех истинных ценителей российской фантастики не нуждается ни в комментариях, ни в представлениях. Имя, которое говорит само за себя.

Эта книга — сборник рассказов и повестей, которые сам автор считает лучшими в своем творчестве. Каждое из произведений сборника оригинально и своеобразно. Меняются сюжеты и персонажи, меняется манера повествования, однако неизменным остается одно — фирменный, неподражаемый стиль Сергея Лукьяненко.

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ